СОЧИНЕНІЯ

А. И. ГЕРЦЕНА

ТОМЪ VII

ŒUVRES D'ALEXANDRE HERZEN

СОЧИНЕНІЯ

А. И. ГЕРЦЕНА

ТОМЪ VII

БЫЛОЕ И ДУМЫ
1838—1847
Томъ первый
Владиміръ на Клязьмѣ
Москва, Петербургъ и Новгородъ

LIBRAIRIE RUSSE
GENÈVE — BALE — LYON
H. GEORG, LIBRAIRE-ÉDITEUR
M. ELPIDINE
CAROUGE-GENÈVE
1879
Tous droits réservés.

БЫЛОЕ И ДУМЫ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ВЛАДИМІРЪ НА КЛЯЗЬМѢ

(1838 — 1839)

Не ждите отъ меня длинныхъ повѣствованій о внутренней жизни того времени... Страшныя событія, всякое горе. все же легче кладутся на бумагу, чѣмъ воспоминанія совершенно свѣтлыя и безоблачныя... будто можно разсказывать счастье?

Дополните сами, чего не достаетъ, догадайтесь сердцемъ — а я буду говорить о наружной сторонѣ, объ обстановкѣ, рѣдко, рѣдко касаясь намекомъ или словомъ заповѣдныхъ тайнъ своихъ. (Былое и Думы)

ГЛАВА XIX.*)

Княгиня и Княжна.

Когда мнѣ было лѣтъ пять, шесть и я очень шалилъ, Вѣра Артамоновна говаривала: „Хорошо, хорошо, дайте срокъ, погодите, я все разскажу Княгинѣ, какъ только она пріѣдетъ.“ Я тотчасъ усмирялся послѣ этой угрозы и умолялъ ее не жаловаться.

*) Эта глава была напечатана въ *Полярной Звѣздѣ*. Томъ III. стр. 83 при слѣдующемъ примѣчаніи:

Княгиня Марья Алексѣевна Хованская, родная сестра моего отца, была строгая, угрюмая старуха, толстая, важная, съ пятномъ на щекѣ, съ поддѣльными пуклями подъ чепцомъ; она говорила прищуривая глаза и до конца жизни, т. е. до восьмидесяти лѣтъ, употреб-

Отрывокъ печатаемый теперь слѣдуетъ прямо за той частію, которая была особо издана подъ заглавіемъ „Тюрьма и Ссылка,“ она была написана тогда же (1853), но я многое прибавилъ и дополнилъ.

Странная судьба моихъ „Записокъ,“ я хотѣлъ напечатать одну часть ихъ, вмѣсто того напечаталъ три и теперь еще печатаю *четвертую*.

Одинъ парижскій рецензентъ, разбирая впрочемъ очень благосклонно (La Presse, 13 Oct. 1856) третій томикъ нѣмецкаго перевода моихъ Записокъ, — изданныхъ Гофманомъ и Кампе въ Гамбургѣ, въ которомъ я разсказываю о моемъ дѣтствѣ, прибавляетъ шутя, что я повѣствую свою жизнь какъ эпическую поэму; началъ in medias res и потомъ возвратился къ дѣтству.

Это эпическое кокетство совершенная случайность и если кто нибудь виноватъ въ немъ, то совсѣмъ не я, а скорѣе мои рецензенты, и въ томъ числѣ самъ критикъ „Прессы.“ Еслибъ они отрывки изъ моихъ записокъ приняли строже, холоднѣе, и что еще хуже — пропустили бы ихъ безъ всякаго вниманія, я долго не рѣшился бы печатать еще и долго обдумывалъ бы въ какомъ порядкѣ печатать.

Пріемъ сдѣланный имъ увлекъ меня и мнѣ стало труднѣе не печатать, нежели печатать.

Я знаю, что большая часть успѣха ихъ принадлежитъ не мнѣ, а предмету. Западные люди были рады еще разъ заглянуть за кулисы русской жизни. Но можетъ въ сочувствіи къ моему разсказу, доля принадлежитъ *простой правдѣ* его. Эта награда была бы мнѣ очень дорога, ее только я и желалъ.

Часть печатаемая теперь интимнѣе прежнихъ; именно потому она имѣетъ меньше интереса, меньше фактовъ; но мнѣ было гораздо труднѣе писать ее... Къ ней я приступилъ съ особеннымъ страхомъ былаго и печатаю ее съ внутреннимъ трепетомъ, не давая себѣ отчета зачѣмъ...

... Можетъ быть кому нибудь изъ тѣхъ, которымъ была занимательна внѣшняя сторона моей жизни, будетъ занимательна и внутренняя. Вѣдь мы уже теперь старые знакомые!

Лондонъ 21 Ноября 1856 г.

ляла немного румянъ и немного бѣлилъ. Всякой разъ когда я ей попадался на глаза, она притѣсняла меня; ея проповѣдямъ, ворчанью не было конца, она меня журила за все, за измятый воротничекъ, за пятно на курточкѣ, за то, что я не такъ подошелъ къ рукѣ, заставляла подойти другой разъ. Окончивши проповѣдь, она иногда говаривала моему отцу, бравши кончиками пальцевъ табакъ изъ крошечной золотой табакерки: „Ты бы мнѣ, голубчикъ, отдалъ баловня то твоего на выправку, онъ у меня въ мѣсяцъ сдѣлался бы шелковый.“ Я зналъ, что меня не отдадутъ, а все таки у меня дѣлался знобъ отъ этихъ словъ.

Съ лѣтами страхъ прошелъ, но дома Княгини я не любилъ—я въ немъ не могъ дышать вольно, мнѣ было у нея не по себѣ и я, какъ пойманный заяцъ, безпокойно смотрѣлъ то въ ту, то въ другую сторону, чтобъ дать стрѣчка.

Княгининъ домъ вовсе не походилъ на домъ моего отца или Сенатора. Это былъ старинный, православный русскій домъ. Домъ, въ которомъ соблюдались посты, ходили къ заутрени, ставили наканунѣ крещенья крестъ на дверяхъ, дѣлали удивительные блины на масляницѣ, ѣли бужанину съ хрѣномъ, обѣдали ровно въ два и ужинали въ девятомъ часу. Западная зараза, коснувшаяся братьевъ и сбившая ихъ нѣсколько съ родной колеи, не коснулась житья Княгини, она, напротивъ, съ неудовольствіемъ посматривала, какъ „Ванюша и Левушка“ испортились въ *этой* Франціи.

Княгиня жила во флигелѣ дома, занимаемаго ея теткой, княжной Мещерской, дѣвицей лѣтъ восьмидесяти.

Княжна была живою и чуть ли не единственною связью множества родственниковъ во всѣхъ семи восходящихъ и нисходящихъ колѣнахъ. Около нея соби-

рались въ большіе праздники всѣ ближніе; она мирила ссорившихся, сближала отдалявшихся, ее всѣ уважали и она заслуживала это. Съ ея смертью родственныя связи распались, потеряли свое средоточіе, забыли другъ друга.

Она окончила воспитаніе моего отца и его братьевъ; послѣ смерти ихъ родителей, она завѣдывала ихъ имѣньемъ до совершеннолѣтія, она отправила ихъ въ гвардію на службу, она выдала за мужъ ихъ сестеръ. Не знаю насколько она была довольна плодомъ своего воспитанія, образовавши, съ помощью французскаго инженера, Вольтерова родственника, помѣщиковъ ésprits forts, но уваженіе къ себѣ вселить она умѣла, и племянники, не очень расположенные къ чувствамъ покорности и уваженія, почитали старушку и часто слушались ее до конца ея жизни.

Домъ княжны Анны Борисовны, уцѣлѣвшій какимъ то чудомъ во время пожара 1812, не былъ поправленъ лѣтъ пятьдесятъ; штофные обои, вылинялые и почернѣвшіе, покрывали стѣны; хрустальныя люстры, какъ то загорѣлыя и сдѣлавшіяся дымчатыми топазами отъ времени, дрожали и позванивали, мерцая и тускло блестя, когда кто нибудь шелъ по комнатѣ; тяжелая, изъ цѣльнаго краснаго дерева, мебель, съ вычурными украшеніями, потерявшими позолоту, печально стояла около стѣнъ; комоды съ китайскими инкрустаціями, столы съ мѣдными рѣшеточками, фарфоровыя куклы рококо—все напоминало о другомъ вѣкѣ, объ иныхъ нравахъ.

Въ передней сидѣли сѣдые лакеи, важно и тихо занимаясь разными мелкими работами, а иногда читая въ полслуха молитвенникъ или псалтырь, котораго листы были темнѣе переплета. У дверей стояли мальчики, но и они были скорѣе похожи на старыхъ карликовъ, не-

жели на дѣтей, никогда не смѣялись и не подымали голоса.

Во внутреннихъ комнатахъ царила мертвая тишина; только по временамъ раздавался печальный крикъ какаду, несчастный опытъ его, картавя, повторить человѣческое слово, костяной звукъ его клюва объ жердочку, покрытую жестью, да противное хныканье небольшой обезьяны, старой, осунувшейся, чахоточной, жившей въ залѣ на небольшомъ выступѣ изразцовой печи. Обезьяна эта, одѣтая дебардеромъ, въ широкихъ красныхъ шараварахъ, сообщала всей комнатѣ особый запахъ, чрезвычайно непріятный. Въ другой залѣ висѣло множество фамильныхъ портретовъ всѣхъ величинъ, формъ, временъ, возрастовъ и костюмовъ. Портреты эти имѣли для меня особый интересъ, именно по противуположности оригиналовъ съ изображеніями. Молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати, въ свѣтлозеленомъ шитомъ кафтанѣ, съ пудреной головой, вѣжливо улыбавшійся съ холста — это былъ мой отецъ. Дѣвочка съ растрепанными кудрями, съ букетомъ розъ, украшенная мушкой, неумолимо затянутая въ какой то граненый бокалъ, воткнутый въ непомѣрныя фижмы, была грозная Княгиня.

Чинность и тишина росли по мѣрѣ приближенія къ кабинету. Старыя горничныя въ бѣлыхъ чепцахъ съ широкой оборкой, ходили взадъ и впередъ съ какими то чайничками, такъ тихо, что ихъ шаговъ не было слышно, иногда появлялся въ дверяхъ какой нибудь сѣдой слуга въ длинномъ сертукѣ изъ толстаго синяго сукна, но и его шаговъ также не было слышно, даже свой докладъ старшей горничной онъ дѣлалъ шевеля губами безъ всякаго звука.

Небольшая ростомъ, высохнувшая, сморщившаяся, но вовсе не безобразная старушка, обыкновенно сидѣла,

или лучше, лежала на большомъ неуклюжемъ диванѣ, обкладенная подушками. Ее едва можно было разглядѣть; все было бѣлое, капотъ, чепецъ, подушки, чахлы на диванѣ. Блѣдно-восковое и кружевно-нѣжное лицо ея, вмѣстѣ съ слабымъ голосомъ и бѣлой одеждой, придавали ей что то отошедшее, еле-еле дышащее.

Большіе англійскіе столовые часы, своимъ мѣрнымъ, громкимъ спондеемъ — тикъ-такъ — тикъ-такъ — тикъ-такъ..... казалось отмѣривали ей послѣдніе четверть часа жизни.

Часу въ первомъ являлась Княгиня и важно усаживалась въ глубокія кресла, ей было скучно въ пустомъ флигелѣ своемъ. Она была вдова, и я еще помню ея мужа; онъ былъ небольшаго роста, сѣдинькой старичекъ, пившій тайкомъ отъ Княгини настойки и наливки, ничѣмъ не занимавшійся путнымъ въ домѣ и привыкнувшій къ безусловной покорности женѣ, противъ которой иногда возмущался на словахъ, особенно послѣ наливокъ, но никогда на дѣлѣ. Княгиня удивлялась потомъ, какъ сильно дѣйствуетъ на князя Ѳедора Сергѣевича крошечная рюмка водки, которую онъ пилъ оффиціально передъ обѣдомъ, и оставляла его покойно играть цѣлое утро съ дроздами, соловьями и канарейками, кричавшими на перерывъ во все птичье горло; онъ обучалъ однихъ органчикомъ, другихъ собственнымъ свистомъ; онъ самъ ѣздилъ ранехонько въ охотный рядъ мѣнять птицъ, продавать, прикупать; онъ былъ артистически доволенъ, когда случалось (да и то по его мнѣнію), что онъ надулъ купца... и такъ продолжалъ свою полезную жизнь до тѣхъ поръ, пока разъ по утру, посвиставши своимъ канарейкамъ, онъ упалъ навзничь и черезъ два часа умеръ.

Княгиня осталась одна. У нея были двѣ дочери; она

обѣихъ выдала за мужъ, обѣ вышли не по любви, а только чтобъ освободиться отъ родительскаго гнета матери. Обѣ умерли послѣ первыхъ родовъ. Княгиня была дѣйствительно несчастная женщина, но несчастія скорѣе исказили ея нравъ, нежели смягчили его. Она отъ ударовъ судьбы стала не кротче, не добрѣе, а жестче и угрюмѣе.

Теперь у нея оставались только братья и, главное, княжна. Княжна, съ которой она почти не разставалась во всю жизнь, еще больше приблизила ее къ себѣ послѣ смерти мужа. Она не распоряжалась ничѣмъ въ домѣ. Княгиня самодержавно управляла всѣмъ и притѣсняла старушку, подъ предлогомъ заботъ и вниманія.

Около стѣнъ, по разнымъ угламъ постоянно снживали всякія старухи, приживавшія у Княжны, или временно кочевавшія въ ея домѣ. Полусвятыя и полубродяги, нѣсколько поврежденныя и очень набожныя, больныя и чрезвычайно нечистыя, эти старухи таскались изъ одного стариннаго дома въ другой; въ одномъ домѣ покормятъ, въ другомъ подарятъ старую шаль, отсюда пришлютъ крупокъ и дровецъ, отсюда холста и капусты, концы то кой какъ и сойдутся. Ими вездѣ тяготились, вездѣ ихъ обходили, вездѣ сажали на послѣднее мѣсто, и вездѣ принимали отъ скуки, пустоты, а пуще всего отъ любви къ сплетнямъ. При посторонникъ печальныя фигуры эти обыкновенно молчали, съ завистливой ненавистью поглядывали другъ на друга... вздыхая, качали головой, крестились и бормотали себѣ подъ носъ счетъ петель, молитвы, а можетъ и брань. За то оставшись на единѣ съ *благодѣтельницей* и *покровительницей*, онѣ вознаграждали себя за молчаніе самой предательской болтовней обо всѣхъ другихъ бла-

годѣтельницахъ, къ которымъ ихъ пускали, гдѣ ихъ кормили и дарили.

Онѣ безпрестанно просили что нибудь у Княжны и за ея подарки, дѣлаемыя часто тайкомъ отъ Княгини, которая не любила ихъ баловать, приносили ей окаменѣлыя просвиры и собственнаго издѣлія шерстяныя и вязаныя ненужности, которыя Княжна потомъ продавала въ ихъ же пользу, при чемъ воля покупщика вовсе не бралась въ соображеніе.

Сверхъ дня рожденія, имянинъ и другихъ праздниковъ, самый торжественный сборъ родственниковъ и близкихъ въ домѣ Княжны былъ наканунѣ новаго года. Княжна въ этотъ день *поднимала* Иверскую Божію матерь. Съ пѣніемъ носили монахи и священники образъ по всѣмъ комнатамъ. Княжна, первая крестясь, проходила подъ него, за ней всѣ гости, слуги, служанки, старики, дѣти. Послѣ этого всѣ поздравляли ее съ наступающимъ новымъ годомъ и дарили ей всякія бездѣлицы какъ дарятъ дѣтямъ. Она ими играла нѣсколько дней, потомъ сама раздаривала.

Отецъ мой возилъ меня всякій годъ на эту языческую церемонію; все повторялось въ томъ же порядкѣ, только иныхъ старичковъ и иныхъ старушекъ не доставало, объ нихъ намѣренно умалчивали, одна Княжна говарнвала — „А нашего то Ильи Васильевича и нѣтъ, дай ему Богъ царство небесное!... Кого то въ будущій годъ Господь еще позоветъ?“ — И сомнительно качала головой.

А спондей англійскихъ часовъ продолжалъ отмѣривать дни, часы, минуты... и наконецъ домѣрилъ до роковой секунды; старушка разъ вставши, какъ то дурно себя чувствовала; прошлась по комнатамъ—все не хорошо; кровь пошла у нея носомъ и очень обильно, она

была слаба, устала, прилегла совсѣмъ одѣтая на своемъ диванѣ, спокойно заснула... и не просыпалась. Ей было тогда за девяносто лѣтъ.

Домъ и большую часть имѣнья оставила она Княгинѣ, но внутренній смыслъ своей жизни не передала ей. Княгиня не умѣла продолжать изящную въ своемъ родѣ роль прародительницы, патріархальной связи многихъ нитей. Съ кончиной Княжны все приняло разомъ, какъ въ гористыхъ мѣстахъ при захожденіи солнца, мрачный видъ, длинныя, черныя тѣни легли на все. Она заперла на глухо домъ тетки и осталась жить во флигелѣ, домъ поросъ травой, стѣны и рамы все больше и больше чернѣли; сѣни на которыхъ вѣчно спали какія то желтоватыя, неухлюжія собаки, покривились.

Знакомые и родные рѣдѣли, домъ ея пустѣлъ, она огорчалась этимъ, но поправить не умѣла.

Уцѣлѣвъ одна изъ всей семьи, она стала бояться за свою ненужную жизнь и безжалостно отталкивала все, что могло физически или морально разстроить равновѣсіе, обезпокопть, огорчить. Боясь прошедшаго и воспоминаній, она *удаляла* всѣ вещи, принадлежавшія дочерямъ, даже ихъ портреты. Тоже было послѣ Княжны —какаду и обезьяна были сосланы въ людскую, потомъ высланы изъ дома. Обезьяна дожпвала свой вѣкъ въ кучерской у Сенатора, задыхаясь отъ нѣжинскихъ корешковъ и потѣшая форрейтеровъ.

Эгоизмъ самохраненія страшно черствитъ старое сердце. Когда болѣзнь послѣдней дочери ея приняла совершенно отчаянный характеръ, мать уговорили ѣхать домой, *и она поѣхала.* Дома она тотчасъ велѣла приготовить разные спирты и капустные листы (она ихъ привязывала къ головѣ) для того, чтобъ имѣть подъ рукой все что надобно, когда придетъ *страшная вѣсть.*

Она не простилась ни съ тѣломъ мужа, ни съ тѣломъ дочери, она ихъ не видала послѣ смерти и не была на похоронахъ. Когда впослѣдствіи умеръ Сенаторъ, ея любимый братъ, она догадалась по нѣсколькимъ словамъ племянника о томъ, что случилось, *и просила его* не объявлять ей печальной новости, ни подробности кончины. Какъ же не жить съ этими мѣрами противъ собственнаго сердца и такого сговорчиваго сердца—до восьмаго, девятаго десятка въ полномъ здоровьи и съ несокрушимымъ пищевареніемъ.

Впрочемъ напомню въ защиту Княгини, что это уродливое отдаленіе всего печальнаго было гораздо больше въ ходу у аристократическихъ баловней прошлаго вѣка чѣмъ теперь. Знаменитый Кауницъ строго запретилъ подъ старость, чтобъ при немъ говорили о чьей нибудь смерти и объ оспѣ, которой онъ очень боялся. Когда умеръ Іосифъ II, секретарь, не зная какъ доложить Кауницу, рѣшился сказать — „Нынѣ царствующій императоръ Леопольдъ.“ Кауницъ понялъ, и блѣдный опустился на кресла, не спросивъ ничего. Садовникъ его въ разговорахъ миновалъ слово „прививка,“ чтобъ не напомнить оспы. Наконецъ о смерти собственнаго сына, онъ узналъ случайно отъ испанскаго посланника. А надъ страусами, которые прячутъ голову подъ крыло отъ опасности, люди смѣются!

Для храненія полнаго покоя своего, Княгиня учредила особую полицію, и начальство надъ нею ввѣрила искуснымъ рукамъ.

Сверхъ кочующихъ старухъ, унаслѣдованныхъ отъ Княжны, у Княгини жила постоянная „компаньонка.“ Эту почетную должность занимала здоровая, краснощекая вдова какого то звенигородскаго чиновника, надменная своимъ „благородствомъ“ и ассесорскимъ чи-

номъ покойника, сварливая и неугомонная женщина, которая никогда не могла простить Наполеону преждевременную смерть ея звенигородской коровы, погибшей въ отечественную войну 1812 года. Я помню, какъ она серьезно заботилась послѣ смерти Александра I, какой ширины плерезы ей слѣдуетъ носить по *рангу*.

Женщина эта играла очень неважную роль, пока Княжна была жива, но потомъ такъ ловко умѣла приладиться къ капризамъ Княгини и къ ея тревожному безпокойству о себѣ, что вскорѣ заняла при ней точно то мѣсто, которое сама Княгиня имѣла при теткѣ.

Обшитая своими чиновными плерезами, Марья Степановна каталась какъ шаръ по дому съ утра до ночи, кричала, шумѣла, не давала покоя людямъ, жаловалась на нихъ, дѣлала слѣдствія надъ горничными, давала тузы и драла за уши мальчишекъ, сводила счеты, бѣгала на кухню, бѣгала на конюшню, обмахивала мухъ, терла ноги, заставляла принимать лекарство. Домашніе не имѣли больше доступу къ барынѣ—это былъ Аракчеевъ, Бирономъ, словомъ, первый министръ. Княгиня — чопорная и хотя по старинному, но все же воспитанная, часто, особенно сначала, тяготилась звенигородской вдовой, ея крикливымъ голосомъ, ея рыночными манерами, но ввѣрялась ей больше и больше и съ восхищеніемъ видѣла, что Марья Степановна значительно уменьшила и безъ того не очень важные расходы по дому. Кому Княгиня берегла деньги—трудно сказать у нея не было никого близкаго кромѣ братьевъ, которые были вдвое богаче ея.

Со всѣмъ тѣмъ Княгиня въ сущности послѣ смерти мужа и дочерей скучала, и бывала рада, когда старая француженка, бывшая гувернантой при ея дочеряхъ, пріѣзжала къ ней погостить недѣли на двѣ, или когда

ея племянница изъ Корчевы, навѣщала ее. Но все это было мимоходомъ, изрѣдка, а скучное съ глазу на глазъ съ компаньонкой не наполняло промежутковъ.

Занятіе, игрушка и разсѣяніе нашлись очень естественно незадолго передъ смертью Княжны.

ГЛАВА XX.

Сирота.

Въ половинѣ 1825 года, „Химикъ," принявшій дѣла отца въ большомъ безпорядкѣ, отправилъ изъ Петербурга въ Шацкое имѣнье своихъ братьевъ и сестеръ; онъ давалъ имъ господскій домъ и содержаніе, предоставляя впослѣдствіи заняться ихъ воспитаніемъ и устроить ихъ судьбу. Княгиня поѣхала на нихъ взглянуть. Ребенокъ восьми лѣтъ поразилъ ее своимъ грустно-задумчивымъ видомъ; Княгиня посадила его въ карету, привезла домой и оставила у себя.

Мать была рада и отправилась съ другими дѣтьми въ Тамбовъ.

Химикъ согласился—ему было все равно.

„Помни всю жизнь — говорила маленькой дѣвочкѣ, когда онѣ пріѣхали домой, компаньонка — помни, что Княгиня *твоя благодѣтельница* и молись о продолженіи ея дней. Что была бы ты безъ нея?"

И вотъ, въ этомъ отжившемъ домѣ, надъ которымъ угрюмо тяготѣли двѣ неугомонныя старухи—одна, полная причудъ и капризовъ, другая, ея безпокойная лазутчица, лишенная всякой деликатности, всякаго такта

—явилось дитя, оторванное отъ всего близкаго ему, чужое всему окружающему и взятое отъ скуки, какъ берутъ собаченокъ, или какъ князь Ѳедоръ Сергѣевичъ держалъ канареекъ.

Въ длинномъ, траурномъ, шерстяномъ платьѣ, блѣдная до синеватаго отлива, дѣвочка сидѣла у окна, когда меня привезъ черезъ нѣсколько дней отецъ мой къ Княгинѣ. Она сидѣла молча, удивленная, испуганная, и глядѣла въ окно, боясь смотрѣть на что нибудь другое.

Княгиня подозвала ее и представила моему отцу. Всегда холодный и непривѣтливый, онъ равнодушно потрепалъ ее по плечу, замѣтилъ, что покойный братъ самъ не зналъ, что дѣлалъ, побранилъ Химика и сталъ говорить о другомъ.

У дѣвочки были слезы на глазахъ; она опять сѣла къ окну и опять стала смотрѣть въ него.

Тяжелая жизнь начиналась для нея. Ни одного теплаго слова, ни одного нѣжнаго взгляда, ни одной ласки; возлѣ, около—посторонніе, морщины, пожелтѣлыя щеки, существа потухающія, хилыя. Княгиня была постоянно строга, взыскательна, нетерпѣлива и держала себя слишкомъ далеко отъ сироты, чтобъ ей въ голову пришло пріютиться къ ней, отогрѣться, утѣшиться въ ея близости или поплакать. Гости не обращали на нее никакого вниманія. Компаньонка сносила ее какъ капризъ Княгини, какъ вещь лишнюю, но которая ей вредить не можетъ; она, особенно при постороннихъ, даже показывала, что покровительствуетъ ребенку и ходатайствуетъ передъ Княгиней о ней.

Ребенокъ не привыкалъ и черезъ годъ былъ столько же чуждъ, какъ въ первый день и еще печальнѣе. Сама Княгиня удивлялась его „серіозности“ и иной разъ

видя какъ она часы цѣлые уныло сидитъ за маленькими пяльцами, говорила ей: „Что ты не порѣзвишься, не пробѣжишь“ — дѣвочка улыбалась, краснѣла, благодарила, но оставалась на своемъ мѣстѣ.

И Княгиня оставляла ее въ покоѣ, нисколько не заботясь въ сущности о грусти ребенка и не дѣлая ничего для его развлеченія. Приходили праздники, другимъ дѣтямъ дарили игрушки, другія дѣти разсказывали о гуляньяхъ, объ обновахъ. Сиротѣ ничего не дарили. Княгиня думала, что довольно дѣлаетъ для нея, давая ей кровъ; благо есть башмаки, на что еще куклы! Ихъ въ самомъ дѣлѣ было не нужно — она не умѣла играть, да и не съ кѣмъ было.

Одно существо поняло положеніе сироты; за ней была приставлена старушка няня, она одна просто и наивно любила ребенка. Часто вечеромъ, раздѣвая ее, она спрашивала: „Да что же это вы, моя барышня, такія печальныя?“ Дѣвочка бросалась къ ней на шею и горько плакала, и старушка, заливаясь слезами и качая головой, уходила съ подсвѣчникомъ въ рукѣ.

Такъ шли годы. Она не жаловалась, она не роптала, она только лѣтъ двѣнадцати хотѣла умереть. „Мнѣ все казалось, писала она, что я попала ошибкой въ эту жизнь и что скоро ворочусь домой — но гдѣ же былъ мой домъ?...уѣзжая изъ Петербурга, я видѣла большой сугробъ снѣга на могилѣ моего отца; моя мать, оставляя меня въ Москвѣ, скрылась на широкой, безконечной дорогѣ... я горячо плакала и молила Бога взять меня скорѣй домой.“

„... Мое ребячество было самое печальное, горькое, сколько слезъ пролито, невидимыхъ никѣмъ, сколько разъ бывало, ночью, не понимая еще что такое молитва, я вставала украдкой (не смѣя и молиться не въ

назначенное время) и просила Бога, чтобъ меня кто нибудь любилъ, ласкалъ. У меня не было той забавы или игрушки, которая бы заняла меня и утѣшила, потому что, ежели и давали что нибудь, то съ упрекомъ и съ непремѣннымъ прибавленіемъ: „ты этого не стоишь.“ Каждый лоскутъ, получаемый отъ нихъ, былъ мною оплаканъ; потомъ я становилась выше этого; стремленіе къ наукѣ душило меня, я ничему больше не завидовала въ другихъ дѣтяхъ, какъ ученью. Многіе меня хвалили, находили во мнѣ способности и съ состраданіемъ говорили: „если-бъ приложить руки къ этому ребенку!“—Онъ дивилъ бы свѣтъ, договаривала я мысленно и щеки мои горѣли, я спѣшила идти куда-то, мнѣ видѣлись мои картины, мои ученики, а мнѣ не давали клочка бумаги, карандаша... Стремленье выйдти въ другой міръ становилось все сильнѣе и сильнѣе, и съ тѣмъ вмѣстѣ росло презрѣніе къ моей темницѣ и къ ея жестокимъ часовымъ, я повторяла безпрерывно стихи Чернеца:

Вотъ тайна: дней моихъ весною
Ужъ я все горе жизни зналъ.

„Помнишь ли ты, мы какъ то были у васъ, давно, еще въ томъ домѣ, ты меня спросилъ, читала ли я Козлова и сказалъ изъ него именно то же самое мѣсто. Трепетъ пробѣжалъ по мнѣ, я улыбнулась, насилу удерживая слезы.“

Глубоко грустная нота постоянно звучала въ ея груди; вполнѣ она никогда не исключалась, а только иногда умолкала—поглощенная свѣтлой минутой жизни.

Мѣсяца за два до своей кончины, возвращаясь еще разъ къ своему дѣтству, она писала:*)

*) *къ своей Консуело* (Пол. Зв. т. III, ст. 95).

„Кругомъ было старое, дурное, холодное, мертвое, ложное, мое воспитаніе началось съ упрековъ и оскорбленій, вслѣдствіе этого—отчужденіе отъ всѣхъ людей, недовѣрчивость къ ихъ ласкамъ, отвращеніе отъ ихъ участія, углубленіе въ самое себя...“

Но для такого углубленія въ самаго себя, надобно было имѣть не только страшную глубь души, въ которой привольно нырять, но страшную силу независимости и самобытности. Жить своею жизнію въ средѣ непріязненной и пошлой, гнетущей и безвыходной, могутъ очень немногіе. Иной разъ духъ не вынесетъ, иной разъ тѣло сломится.

Сиротсво и грубыя прикосновенія въ самый нѣжный возрастъ оставили черную полосу на душѣ, рану, которая никогда не сросталась вполнѣ.

„Я не помню, пишетъ она въ 1837, когда бы я свободно и отъ души произнесла слово „маменька,“ къ кому бы, безпечно забывая все, склонилась на грудь. Съ восьми лѣтъ *чужая* всѣмъ, я люблю мою мать... но мы не знаемъ другъ друга.

Глядя на блѣдный цвѣтъ лица, на большіе глаза, окаймленные темной полоской, двѣнадцатилѣтней дѣвочки, на ея томную усталь и вѣчную грусть, многимъ казалось, что это одна изъ предназначенныхъ, раннихъ жертвъ чахотки, жертвъ, съ дѣтства отмѣченныхъ перстомъ смерти, особымъ знаменіемъ красоты и преждевременной думы. „Можетъ, говоритъ она, я и не вынесла бы этой борьбы, еслибъ я не была спасена нашей встрѣчей.“

И я такъ поздно ея понялъ и разгадалъ!

До 1834 я все еще не умѣлъ оцѣнить это богатое существованіе, развертывавшееся возлѣ меня, не смотря на то, что девять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ,

какъ Княгиня представляла ее моему отцу, въ длинномъ, шерстяномъ платьѣ. Объяснить это не трудно. Она была дика, я разсѣянъ; мнѣ было жаль дитя, которое все такъ печально и одиноко сидѣло у окна, но мы видались очень не часто. Рѣдко, и всякій разъ по неволѣ, ѣздилъ я къ Княгинѣ; еще рѣже привозила ее Княгиня къ намъ. Визиты Княгини производили къ тому же почти всегда непріятныя впечатлѣнія, она обыкновенно ссорилась изъ за пустяковъ съ моимъ отцомъ, и не видавшись мѣсяца два, они говорили другъ другу колкости, прикрывая ихъ нѣжными оборотами, въ томъ родѣ, какъ леденцомъ покрываютъ противныя лекарства. „Голубчикъ мой,“ говорила княгиня.—„Голубушка моя,“ отвѣчалъ мой отецъ, и ссора шла своимъ порядкомъ. Мы всегда радовались, когда княгиня уѣзжала. Сверхъ того, не надобно забывать, что я тогда былъ совершенно увлеченъ политическими мечтами, науками, жилъ университетомъ и товариществомъ.

Но *чѣмъ жила она,* сверхъ своей грусти, въ продолженіи этихъ темныхъ, длинныхъ *девяти годовъ,* окруженная глупыми ханжами, надменными родственниками, скучными іеромонахами, толстыми попадьями, лицемѣрно покровительствуемая компаньонкой и не выпускаемая изъ дома далѣе печальнаго двора, поросшаго травою, и маленькаго палисадника за домомъ?

Изъ приведенныхъ строкъ уже видно, что Княгиня не особенно изубытчивалась на воспитаніе ребенка, взятаго ею. Нравственностью занималась она сама; это преподаваніе состояло изъ наружной выправки и изъ привитія цѣлой системы лицемѣрія. Ребенокъ долженъ былъ быть съ утра зашнурованъ, причесанъ, на вытяжкѣ; это можно бы было допустить въ ту мѣру, въ которую оно не вредно здоровью; но Княгиня шнуро-

вала вмѣстѣ съ таліей и душу, подавляя всякое откровенное, чистосердечное чувство, она требовала улыбку и веселый видъ, когда ребенку было грустно, ласковое слово, когда ему хотѣлось плакать, видъ участія къ предметамъ безразличнымъ, словомъ—постоянной лжи.

Сначала бѣдную дѣвочку ничему не учили, подъ предлогомъ, что раннее ученіе безполезно; потомъ, т. е. года черезъ *три*, или *четыре*, наскучивъ замѣчаніями Сенатора и даже постороннихъ, Княгиня рѣшилась устроить ученіе, имѣя въ виду наименьшую трату денегъ.

Для этого она воспользовалась старушкой гувернанткой, которая считала себя обязанной Княгинѣ и иногда нуждалась въ ней; такимъ образомъ французскій языкъ доведенъ былъ до послѣдней дешевизны, за то и преподовался à bâtons rompus.

Но и русскій языкъ былъ доведенъ до того же; для него, и для *всего прочаго*, былъ приглашенъ сынъ какой-то вдовы попадьи, облагодѣтельствованной Княгиней, разумѣется, безъ особыхъ тратъ: черезъ ея ходатайство у митрополита, двое сыновей попадьи были сдѣланы соборными священниками. Учитель былъ ихъ старшій братъ, діаконъ бѣднаго прихода, обремѣненный большой семьей; онъ гибнулъ отъ нищеты, былъ доволенъ всякой платой и не смѣлъ дѣлать условій съ благодѣтельницей братьевъ.

Что можетъ быть жалче, недостаточнѣе такого воспитанія, а между тѣмъ, все пошло на дѣло, все принесло удивительные плоды, такъ мало нужно для развитія, если только есть чему развиваться.

Бѣдный, худой, высокій и плѣшивый діаконъ былъ одинъ изъ тѣхъ восторженныхъ мечтателей, которыхъ

не лечатъ ни лѣта, ни бѣдствія, напротивъ, бѣдствія ихъ поддерживаютъ въ мистическомъ созерцаніи. Его вѣра, доходившая до фанатизма, была искренна и не лишена поэтическаго оттѣнка. Между имъ, отцомъ голодной семьи, и сиротой, кормимой чужимъ хлѣбомъ, тотчасъ образовалось взаимное пониманье.

Въ домѣ Княгини дьякона принимали такъ, какъ слѣдуетъ принимать беззащитнаго и къ тому же кроткаго бѣдняка, едва кивая ему головой, едва удостоивая его словомъ. Даже компаньонка считала необходимымъ обращаться съ нимъ свысока; а онъ едва замѣчалъ и ихъ самихъ и ихъ пріемъ, съ любовью давалъ свои уроки, былъ тронутъ понятливостью ученицы и умѣлъ трогать ее самое до слезъ. Этого Княгиня не могла понять, журила ребенка за плаксивость и была очень недовольна, что діаконъ разстроиваетъ нервы: „Ужъ это слишкомъ какъ то эдакъ, совсѣмъ не по дѣтски!“

А между тѣмъ, слова старика открывали передъ молодымъ существомъ иной міръ, иначе симпатичный, нежели тотъ, въ которомъ сама религія дѣлалась чѣмъ-то кухоннымъ, сводилась на соблюденіе постовъ да на хожденіе ночью въ церковь, гдѣ все было ограничено, поддѣльно, условно и жало душу своей узкостью. Діаконъ далъ ученицѣ въ руки Евангеліе—и она долго не выпускала его изъ рукъ. Евангеліе была *первая книга*, которую она читала и перечитывала съ своей единственной подругой Сашей, племянницей няни, молодой горничной Княгини.

Я Сашу потомъ зналъ очень хорошо. Гдѣ и какъ умѣла она развиться, родившись между кучерской и кухней, не выходя изъ дѣвичьей, я никогда не могъ понять, но развита была она необыкновенно. Это бы-

ла одна изъ тѣхъ неповинныхъ жертвъ, которыя гибнутъ незамѣтно и чаще, чѣмъ мы думаемъ, въ людскихъ, раздавленныя крѣпостнымъ состояніемъ. Онѣ гибнутъ не только безъ всякаго вознагражденія, сострадания, безъ свѣтлаго дня, безъ радостнаго воспоминанія, но не зная, не подозрѣвая сами, что̀ въ нихъ гибнетъ и сколько въ нихъ умираетъ.

Барыня съ досадой скажетъ: „только начала было дѣвчонка пріучаться къ службѣ, какъ вдругъ слегла и умерла...“ Ключница семидесяти лѣтъ проворчитъ: „какія нынче слуги, хуже всякой барышни,“ и отправится на кутью и поминки. Мать поплачетъ, поплачетъ, и начнетъ попивать, тѣмъ дѣло и кончено.

И мы идемъ возлѣ, торопясь и не видя этихъ страшныхъ повѣстей, совершающихся подъ нашими ногами, отдѣлываясь важнымъ недосугомъ, нѣсколькими рублями и ласковымъ словомъ. А тутъ вдругъ изумленные слышимъ страшный стонъ, которымъ даетъ о себѣ вѣсть, на вѣки вѣковъ сломившаяся душа, и какъ съ просонья спрашиваемъ, откуда взялась эта душа, эта сила?

Княгиня убила свою горничную—разумѣется нехотя и безсознательно—она ее замучила по мелочи, сломила ее, гнувши цѣлую жизнь, она истомила ее униженіями, шероховатымъ, грубымъ прикосновеніемъ. Она нѣсколько лѣтъ не позволяла ей идти замужъ и разрѣшила только тогда, когда разглядѣла чахотку на ея страдальческомъ лицѣ.

Бѣдная Саша, бѣдная жертва гнусной, проклятой русской жизни, запятнанной крѣпостнымъ состояніемъ, смертью ты вышла на волю! И ты еще была несравненно счастливѣе другихъ, въ суровомъ плѣну княгининаго дома, ты встрѣтила друга и дружба той, которую ты такъ безмѣрно любила, проводила тебя заочно

до могилы. Много слезъ стоила ты ей; не задолго до своей кончины, она еще поминала тебя и благословляла память твою, какъ единственный свѣтлый образъ, явившійся въ ея дѣтствѣ!

... Двѣ молодыя дѣвушки (Саша была постарше) вставали рано по утрамъ, когда все въ домѣ еще спало, читали Евангеліе и молились, выходя на дворъ, подъ чистымъ небомъ. Онѣ молились о Княгинѣ, о компаньонкѣ, просили бога раскрыть ихъ души; выдумывали себѣ испытанія, не ѣли цѣлыя недѣли мяса, мечтали о монастырѣ и о жизни за гробомъ.

Такой мистицизмъ идетъ къ отроческимъ чертамъ, къ тому возрасту, гдѣ все еще тайна, все религіозная мистерія, пробуждающаяся мысль еще не ясно свѣтитъ изъ за утренняго тумана, а туманъ еще не разсѣянъ ни опытомъ, ни страстью,

Въ тихія и кроткія минуты, я любилъ слушать потомъ разсказы объ этой дѣтской молитвѣ, которою начиналась одна широкая жизнь и оканчивалось одно несчастное существованіе. Образъ *сироты,* оскорбленной грубымъ благодѣяніемъ, и *рабы,* оскорбленной безвыходностью своего положенія — молящихся, на одичаломъ дворѣ, о своихъ притѣснителяхъ — наполнялъ сердце какимъ то умиленіемъ и рѣдкій покой сходилъ на душу.

Это чистое и граціозное явленіе, никѣмъ не оцѣненное изъ близкихъ въ безсмысленномъ домѣ Княгини, нашло, сверхъ діакона и Саши, отзывъ и горячее поклоненіе всей дворни. Простые люди эти видѣли въ ней больше, чѣмъ добрую, ласковую барышню, они въ ней угадали что то высшее, передъ чѣмъ они склонялись, они вѣровали въ нее. Невѣсты изъ княгининаго дома просили ее приколоть своими руками какую нибудь ленту, когда шли къ вѣнцу. Одна молодая горнич-

ная—помнится ее звали Еленой—вдругъ занемогла колотьемъ; открылась сильная плёрези, надежды спасти ее не было, послали за попомъ. Дѣвушка, испуганная, спрашивала мать все ли кончено; мать, рыдая, сказала ей, что богъ ее скоро позоветъ. Тогда больная, припавъ къ матери, съ горькими слезами просила сходить за барышней, чтобъ она пришла сама благословить ее образомъ на тотъ свѣтъ. Когда она пришла къ ней, больная взяла ея руку, приложила къ своему лбу и повторяла: „Молитесь обо мнѣ, молитесь!“ Молодая дѣвушка, сама вся въ слезахъ, начала въ полслуха молитву—больная отошла въ продолженіи этого времени. Всѣ въ комнатѣ стояли кругомъ на колѣняхъ и крестились; она закрыла ей глаза, поцѣловала холодѣющій лобъ и вышла.*)

Однѣ сухія и недаровитыя натуры не знаютъ этого романтическаго періода; ихъ столько же жаль, какъ тѣ слабыя и хилыя существа, у которыхъ мистицизмъ переживаетъ молодость и остается навсегда. Въ *нашъ* вѣкъ съ реальными натурами этого и не бываетъ; но

*) Въ бумагахъ моихъ сохранились нѣсколько писемъ Саши, писанныхъ между 35 и 36 годами. Саша оставалась въ Москвѣ, а подруга ея была въ деревнѣ съ Княгиней; я не могу читать этого простаго и восторженнаго лепета сердца безъ глубокаго чувства. „Неужели это правда, пишетъ она, что вы пріѣдете? Ахъ, если-бъ вы въ самомъ дѣлѣ пріѣхали, я не знаю, что со мною бы было. Вѣдь вы не повѣрите, чтобъ я такъ часто объ васъ думала, почти всѣ мои желанія, всѣ мои мысли, *все, все, все* въ *васъ*... Ахъ, Наталья Александровна, вѣдь какъ вы прекрасны, какъ милы, какъ высоки, какъ—но не могу ужъ выразить. Право это не выученныя слова, прямо изъ сердца...“

Въ другомъ письмѣ она благодаритъ за то, что „барышня“ часто пишетъ ей. „Это ужъ слишкомъ, говоритъ она, впрочемъ, вѣдь это *вы, вы*,“ и заключаетъ письмо словами: „все мѣшаютъ, обнимаю васъ, мой ангелъ, со всею истинной, безмѣрной любовью. Благословите меня!“

откуда могло проникнуть въ домъ Княгини *свѣтское* вліяніе девятнадцатаго столѣтія—онъ былъ такъ хорошо законопаченъ?

Щель нашлась такп.

Корчевская кузина иногда гостила у Княгини, она любила „маленькую кузину," какъ любятъ дѣтей, особенно несчастныхъ, но не знала ее. Съ изумленіемъ, почти съ испугомъ, разглядѣла она впослѣдствіи эту необыкновенную натуру, и порывистая во всемъ, тотчасъ рѣшилась поправить свое невниманіе. Она проспла у меня Гюго, Бальзака, или вообще что нибудь новое. „Маленькая кузина," говорила она мнѣ, геніальное существо, намъ слѣдуетъ ее вести впередъ!

„Большая кузина," и при этомъ названіи я не могу безъ улыбки вспомнить, что она была прекрошечная ростомъ, сообщила разомъ своей ставленицѣ все бродившее въ ея собственной душѣ, шиллеровскія идеи и идеи Руссо, революціонныя мысли, взятыя у меня и мечты влюбленной дѣвушки, взятыя у самой себя. Потомъ она ей тайкомъ надавала французскихъ романовъ, стиховъ, поэмъ. Это были большей частію книги вышедшія послѣ 1830 г. Онѣ, при всѣхъ недостаткахъ, сильно будили мысль и крестили огнемъ и духомъ юныя сердца. Въ романахъ и повѣстяхъ, въ поэмахъ и пѣсняхъ того времени, свѣдома писателя или нѣтъ, вездѣ сильно билась соціальная артерія, вездѣ обличались общественныя раны, вездѣ слышался стонъ сгнетенныхъ голодомъ, невинныхъ каторжниковъ работы; тогда еще этого ропота и этого стона не боялись какъ преступленія.

Само собою разумѣется, что „кузина" надавала книгъ безъ всякаго разбора, безъ всякихъ объясненій, и я думаю, что въ этомъ не было вреда; есть организаціи,

которымъ никогда не нужна чужая помощь, опора, указка, которыя всего лучше идутъ тамъ, гдѣ нѣтъ рѣшетки.

Вскорѣ прибавилось другое лицо, продолжавшее свѣтское вліяніе корчевской кузины. Княгиня наконецъ рѣшилась взять гувернанту и, чтобъ не дорого платить пригласила молодую *русскую* дѣвушку, только что выпущенную изъ института.

Русскія гувернанты у насъ ни почемъ, по крайней мѣрѣ такъ еще было въ тридцатыхъ годахъ, а между тѣмъ при всѣхъ недостаткахъ, онѣ все же лучше большинства француженокъ изъ Швейцаріи, безсрочно отпускныхъ лоретокъ и отставныхъ актрисъ, которыя съ отчаянья бросаются на воспитаніе, какъ на послѣднее средство доставать насущный хлѣбъ, средство, для котораго не нужно ни таланта, ни молодости, ничего — кромѣ произношенія „гррра“ и манеръ, d'une dame de comptoir, которыя часто у насъ по провинціямъ принимаются за „хорошіе“ манеры. Русскія гувернанты выпускаются изъ институтовъ или изъ воспитательныхъ домовъ, стало быть, все же имѣютъ какое нибудь правильное воспитаніе и не имѣютъ того мѣщанскаго pli, которое вывозятъ иностранки.

Нынѣшнихъ французскихъ воспитательницъ не надобно смѣшивать съ тѣми, которыя пріѣзжали въ Россію до 1812 г. Тогда и Франція была меньше мѣщанской и пріѣзжавшія женщины принадлежали совсѣмъ другому слою. Долею это были дочери эмигрантовъ, раззорившихся дворянъ, вдовы офицеровъ, часто ихъ покинутыя жены. Наполеонъ женилъ своихъ воиновъ въ томъ родѣ, какъ наши помѣщики женятъ дворовыхъ людей, не очень заботясь о любви и наклонностяхъ. Онъ хотѣлъ браками сблизить дворянство пороха съ

старымъ дворянствомъ; онъ хотѣлъ оболванить своихъ Скалозубовъ женами. Привычные къ слѣпому повиновенію, они вѣнчались безпрекословно, но вскорѣ бросали своихъ женъ, находя ихъ слишкомъ чопорными для казарменныхъ и бивачныхъ вечеринокъ. Бѣдныя женщины плелись въ Англію, въ Австрію, въ Россію. Къ числу прежнихъ гувернантъ принадлежала француженка, гащивавшая у Княгини. Она говорила съ улыбкой, отборнымъ слогомъ и никогда не употребляла ни одного сильнаго выраженія. Она вся состояла изъ хорошихъ манеръ и никогда ни на минуту не забывалась. Я увѣренъ, что она ночью въ постелѣ больше преподавала какъ слѣдуетъ спать, нежели спала.

Молодая институтка была дѣвушка умная, бойкая, энергическая, съ прибавкой пансіонской восторженности и врожденнаго чувства благородства. Дѣятельная и пылкая, она внесла въ существованіе ученицы-подруги больше жизни и движенія.

Унылая, грустная дружба къ увядающей Сашѣ имѣла печальный, траурный отблескъ. Она вмѣстѣ съ словами Діакона и съ отсутствіемъ всякаго развлеченія удаляла молодую дѣвушку отъ міра, отъ людей. Третье лицо, живое, веселое, молодое и съ тѣмъ вмѣстѣ сочувствовавшее всему мечтательному и романтическому, было очень на мѣстѣ: оно стягивало на землю, на дѣйствительную, истинную почву.

Сначала ученица приняла нѣсколько наружныхъ формъ Эмиліи; улыбка чаще стала показываться, разговоръ становился живѣе, но черезъ годъ времени натуры двухъ дѣвушекъ заняли мѣста по удѣльному вѣсу. Разсѣянная, милая Эмилія, склонилась передъ сильнымъ существомъ и совершенно подчинилась ученицѣ, видѣла ея глазами, думала ея мыслями, жила ея улыбкой, ея дружбой.

Передъ окончаніемъ курса я сталъ чаще ходить въ домъ Княгини. Молодая дѣвушка, казалось, радовалась, когда я приходилъ, иногда вспыхивалъ огонь на щекахъ, рѣчь оживлялась, но тотчасъ потомъ она входила въ свой обыкновенный, задумчивый покой, напоминая холодную красоту изваянья, или „дѣву чужбины“ Шиллера, останавливавшую всякую близость.

Это не было ни отчужденіе, ни холодность, а внутренная работа—чужая другимъ. она еще себѣ была *чужою* и больше предчувствовала, нежели знала, что въ ней. Въ ея прекрасныхъ чертахъ было что то недоконченное, невысказавшееся, имъ недоставало одной искры, одного удара рѣзцомъ, который долженъ былъ рѣшить, назначено ли ей истомиться, завянуть на песчаной почвѣ, не зная ни себя, ни жизни, или отразить зарево страсти, обняться ею и жить — можетъ страдать, даже навѣрное страдать, *но много жить*.

Печать жизни, выступившей на полудѣтскомъ лицѣ ея, я первый увидѣлъ, наканунѣ долгой разлуки.

Памятенъ мнѣ этотъ взглядъ, иначе освѣщенный и всѣ черты вдругъ измѣнившія значенье, будто проникнутыя иною мыслію, инымъ огнемъ... будто тайна разгадана и внутренній туманъ разсѣянъ. Это было въ тюрьмѣ. Десять разъ прощались мы и все еще не хотѣлось разстаться; наконецъ моя мать, пріѣзжавшая съ Natalie*) въ Крутицы, рѣшительно встала, чтобъ

*) Я оченъ хорошо знаю, сколько аффектаціи въ французскомъ переводѣ именъ, но какъ быть, имя дѣло традиціонное, какъ же его мѣнять? Къ тому же всѣ не славянскія имена у насъ какъ то усѣчены и менѣе звучны—мы воспитанные отчасти „не въ отеческомъ законѣ,“ въ нашу молодость „романизировали“ имена, предержащія власти „славянизируютъ“ ихъ. Съ производствомъ въ чины и съ пріобрѣтеніемъ силы при дворѣ, мѣняются буквы въ имени, такъ напримѣръ графъ Строгоновъ остался до конца дней *Сергѣй Григо-*

ѣхать. Молодая дѣвушка вздрогнула, поблѣднѣла, крѣпко не по своимъ силамъ сжала мнѣ руку и повторила, отворачиваясь, чтобы скрыть слезы—„Александръ, не забывай же сестры.“

Жандармъ проводилъ ихъ и принялся ходить взадъ и впередъ. Я бросился на постель и долго смотрѣлъ на дверь, за которой исчезло это свѣтлое явленіе. „Нѣтъ братъ твой не забудетъ тебя“—думалъ я.

На другой день меня везли въ Пермь, но прежде нежели я буду говорить о разлукѣ, разскажу что еще мнѣ мѣшало передъ тюрьмой лучше понять Natalie, больше сблизиться съ нею. Я былъ влюбленъ!

Да, я былъ влюбленъ и память объ этой юношеской чистой любви мнѣ мила, какъ память весенней прогулки на берегу моря середь цвѣтовъ и пѣсенъ. Это было сновидѣніе, навѣявшее много прекраснаго и исчезнувшее, какъ обыкновенно сновидѣнья исчезаютъ!

Я говорилъ уже прежде, что мало женщинъ было во всемъ нашемъ кругу, особенно такихъ, съ которыми бы я былъ близокъ; моя дружба, сначала пламенная къ корчевской кузинѣ, приняла мало по малу ровный характеръ, послѣ ея замужества мы видались рѣже, потомъ она уѣхала. Потребность чувства больше теплаго, больше нѣжнаго, чѣмъ наша мужская дружба, неопредѣленно бродила въ сердцѣ. Все было готово, не доставало только „ея,“ Въ одномъ изъ знакомыхъ намъ домовъ была молодая дѣвушка, съ которой я скоро подружился: странный случай сблизилъ насъ. Она была

рьевичемъ, но князь Голицынъ всегда назывался *Сергій Михайловичъ*. Послѣдній примѣръ производства по этой части, мы замѣтили *въ извѣстномъ* по 14 Декабрю, генералѣ Ростовцовѣ; во все царствованіе Николая Павловича, онъ былъ Яковъ, такъ какъ Яковъ Долгорукій, но съ воцаренія Александра II, онъ сдѣлался Іаковъ такъ какъ братъ Божій!

помолвлена, вдругъ вышла какая то ссора, женихъ оставилъ ее и уѣхалъ кудо то на другой край Россіи. Она была въ отчаяніи, огорчена, оскорблена; съ искреннимъ и глубокимъ участіемъ смотрѣлъ я, какъ горе разъѣдало ее; не смѣя запкнуться о причинѣ, я старался разсѣять ее, утѣшить, носилъ романы, самъ ихъ читалъ вслухъ, разсказывалъ цѣлыя повѣсти и иногда не приготовлялся вовсе къ университетскимъ лекціямъ, чтобъ подольше посидѣть съ огорченной дѣвушкой.

Мало по малу слезы ея становились рѣже, улыбка свѣтилась по временамъ изъ за нихъ; отчаянье ея превращалось въ томную грусть; скоро ей сдѣлалось страшно за прошедшее, она боролась съ собой и отстаивала его противъ настоящаго изъ сердечнаго point d'honneur'a какъ воинъ отстаиваетъ знамя, понимая, что сраженіе потеряно. Я видѣлъ эти послѣднія облака едва задержанныя у небосклона, и, самъ увлеченный и съ бьющимся сердцемъ — тихо, тихо вынималъ изъ ея рукъ знамя, а когда она перестала его удерживать — я былъ влюбленъ. Мы вѣрили въ нашу любовь. Она мнѣ писала стихи, я писалъ ей въ прозѣ цѣлыя диссертаціи, а потомъ мы вмѣстѣ мечтали о будущемъ, о ссылкѣ, о казематахъ, она была на все готова. Внѣшняя сторона жизни никогда не рисовалась свѣтлой въ нашихъ фантазіяхъ, обреченные на бой съ чудовищною силою, успѣхъ намъ казался почти невозможнымъ. „Будь моей Гаетаной," говорилъ я ей, читая „Изувѣченнаго" Сантина и воображалъ, какъ она проводитъ меня въ сибирскіе рудники.

„Изувѣченный," это тотъ поэтъ, который написалъ пасквиль на Сикста V, и выдалъ себя когда папа далъ слово не казнить виновнаго смертью. Сикстъ V велѣлъ ему отрубить руки и языкъ. Образъ несчастнаго стра-

дальца, задыхающагося отъ собственной полноты мыслей, которыя тѣснятся въ его головѣ, не находя выхода, не могъ не нравиться намъ тогда. Грустный и истомленный взглядъ страдальца успокоивался только и останавливался съ благодарностью и остаткомъ веселья на дѣвушкѣ, которая любила его прежде и не измѣнила ему въ несчастіи, ее то звали Гаетаной.

Этотъ первый опытъ любви прошелъ скоро, но онъ былъ совершенно искрененъ. Можетъ даже эта любовь должна была пройти, иначе она лишилась бы своего лучшаго, самаго благоуханнаго достоинства, своего девятнадцатилѣтняго возраста, своей непорочной свѣжести. Когда же ландыши зимуютъ?

И неужели ты, моя Гаетана, не съ той же ясной улыбкой вспоминаешь о нашей встрѣчѣ, неужели что нибудь горькое примѣшивается къ памяти обо мнѣ черезъ двадцать два года? Мнѣ было бы это очень больно. И гдѣ ты? И какъ прожила жизнь?

Я свою дожилъ и плетусь теперь подъ гору, сломленный и нравственно „изувѣченный,“ не ищу никакой Гаетаны, перебираю старое и память о тебѣ встрѣтилъ радостно... Помнишь угольное окно противъ небольшаго переулка, въ который мнѣ надобно было заворачивать, ты всегда подходила къ нему, провожая меня, и какъ бы я огорчился, еслибъ ты не подошла или ушла бы прежде, нежели мнѣ приходилось повернуть.

А встрѣтить тебя въ самомъ дѣлѣ я не хотѣлъ бы. Ты въ моемъ воображеніи осталась съ твоимъ юнымъ лицомъ, съ твоими кудрями blond-cendrè, останься такою, вѣдь и ты, если вспоминаешь обо мнѣ, то помнишь стройнаго юношу съ искрящимся взглядомъ, съ огненной рѣчью, такъ и помни и не знай, что взглядъ потухъ, что я отяжелѣлъ, что морщины прошли по лбу,

что давно нѣтъ прежняго свѣтлаго и оживленнаго выраженія въ лицѣ, которое Огаревъ называлъ „выраженіемъ надежды,“ да нѣтъ и надеждъ.

Другъ для друга мы должны быть такими, какими были тогда... ни Ахиллъ, ни Діана не старѣются... Не хочу встрѣтиться съ тобою, какъ Ларинъ съ княжной Алиной:

Кузина, помнишь Грандисона?
Какъ Грандисонъ? — А Грандисонъ!
Въ Москвѣ живетъ у Симеона,
Меня въ сочельникъ навѣстилъ,
Недавно сына онъ женилъ.

... Послѣднее пламя потухавшей любви освѣтило на минуту тюремный сводъ, согрѣло грудь прежними мечтами и каждый пошелъ своимъ путемъ. Она уѣхала въ Украйну, я собирался въ ссылку. Съ тѣхъ поръ не было вѣсти объ ней.

ГЛАВА XXI.

Разлука.

„Ахъ люди, люди злые
Вы ихъ разрознили...“

Такъ оканчивалось мое первое письмо къ Natalie и замѣчательно, что испуганный словомъ „сердца,“ я его не написалъ, а написалъ въ концѣ письма „Твой братъ.“

Какъ дорога мнѣ была уже тогда моя *сестра* и какъ безпрерывно въ моемъ умѣ, видно изъ того, что я писалъ къ ней изъ Нижняго, изъ Казани и на другой день послѣ пріѣзда въ Пермь. Слово *сестра* выражало

все сознанное въ нашей симпатіи; оно мнѣ безконечно нравилось и теперь нравится, употребляемое не какъ *предлъ*, а напротивъ, какъ смѣшеніе ихъ, въ немъ соединены дружба, любовь, кровная связь, общее преданіе, родная обстановка, привычная неразрывность. Я никого не называлъ прежде этимъ именемъ и оно было мнѣ такъ дорого, что я и впослѣдствіи часто называлъ Natalie такъ.

Прежде нежели я вполнѣ понялъ наше отношеніе и можетъ именно оттого, что не понималъ его вполнѣ, меня ожидалъ иной искусъ, который мнѣ не прошелъ такой свѣтлой полоской, какъ встрѣча съ Гаетаной, искусъ смирившій меня, и стоившій мнѣ много печали и внутренней тревоги.

Очень мало опытный въ жизни и брошенный въ міръ совершенно мнѣ чуждый, послѣ девятимѣсячной тюрьмы, я жилъ сначала разсѣянно, безъ оглядки, новый край, новая обстановка рябили передъ глазами. Мое общественное положеніе измѣнилось. Въ Перми, въ Вяткѣ на меня смотрѣли совсѣмъ иначе чѣмъ въ Москвѣ; тамъ я былъ молодымъ человѣкомъ, жившемъ въ родительскомъ домѣ, здѣсь, въ этомъ болотѣ, я сталъ на свои ноги, былъ принимаемъ за чиновника, хотя и не былъ вовсе имъ. Не трудно было мнѣ догадаться, что безъ большаго труда я могъ играть роль свѣтскаго человѣка въ заволжскихъ и закамскихъ гостинныхъ и быть львомъ въ вятскомъ обществѣ.

Въ Перми я не успѣлъ оглядѣться, тамъ только хозяйка дома, къ которой я пришелъ нанимать квартиру, спрашивала меня нуженъ ли мнѣ огородъ и держу ли я корову! Вопросъ, по которому я съ ужасомъ вымѣрилъ мое паденіе съ академическихъ высотъ студентской жизни. Но въ Вяткѣ я перезнакомился со всѣмъ свѣтомъ,

особенно съ молодымъ купечествомъ, которое тамъ гораздо образованнѣе купечества внутреннихъ губерній, хотя кутить любитъ не меньше. Сбитый канцеляріей съ моихъ занятій, я велъ безпокойно праздную жизнь: при особенной удобовпечатлимости, или лучше сказать удободвижимости характера и отсутствіи опытности, можно было ждать рядъ всякаго рода столкновеній.

Въ силу кокетливой страсти de l'approbativité, я старался нравиться, на право и на лѣво, безъ разбора кому, натягивалъ симпатіи, дружился по десяти словамъ, сближался больше чѣмъ нужно, сознавалъ свою ошибку черезъ мѣсяцъ или два, молчалъ изъ деликатности и таскалъ скучную цѣпь неистинныхъ отношеній до тѣхъ поръ, пока она не обрывалась нелѣпой ссорой, въ которой меня же обвиняли въ капризной нетерпимости, въ неблагодарности, въ непостоянствѣ.

Я сначала жилъ въ Вяткѣ не одинъ. Странное и комическое лицо, которое время отъ времени является на всѣхъ перепутьяхъ моей жизни, при всѣхъ важныхъ событіяхъ ея, лицо, которое тонетъ для того, чтобъ меня познакомить съ Огаревымъ и машетъ фуляромъ съ русской земли, когда я переѣзжаю таурогенскую границу, словомъ, К. И. Зоненбергъ жилъ со мною въ Вяткѣ; я забылъ объ этомъ, разсказывая мою ссылку.

Случилось это такъ: въ то время, какъ меня отправляли въ Пермь, Зоненбергъ собирался на ирбитскую ярмарку. Отецъ мой, любившій всегда усложнять простыя дѣла, предложилъ Зоненбергу заѣхать въ Пермь и тамъ *монтировать мой домъ*, за это онъ бралъ на себя путевыя издержки.

Въ Перми Зененбергъ ревностно принялся за дѣло, т. е. за покупку ненужныхъ вещей, всякой посуды, кострюль, чашекъ, хрусталю, запасовъ; онъ самъ ѣздилъ

на Обву, чтобъ пріобрѣсти ex ipsa fonte вятскую лошадь. Когда все было готово, меня перевели въ Вятку. Мы распродали за полцѣны купленное добро и оставили Пермь. Зоненбергъ, добросовѣстно исполняя волю моего отца, счелъ необходимымъ ѣхать также и въ Вятку „монтировать“ мой домъ. Отецъ мой такъ былъ доволенъ его преданностью и самоотверженіемъ, что положилъ ему сто рублей жалованья въ мѣсяцъ, пока онъ будетъ у меня. Это было выгоднѣе и вѣрнѣе Ирбита—и онъ не торопился меня оставить.

Въ Вяткѣ онъ уже купилъ не одну, а трехъ лошадей, изъ которыхъ одна принадлежала ему самому, хотя тоже была куплена на деньги моего отца. Лошади эти подняли насъ чрезвычайно въ глазахъ вятскаго общества. Карлъ Ивановичъ, мы уже говорили это, не смотря на свой пятидесятилѣтній возрастъ и на значительные недостатки въ лицѣ, былъ большой волокита, и былъ пріятно увѣренъ, что всякая женщина и дѣвушка, подходящая къ нему, подвергается опасности мотылька, летающаго возлѣ зажженной свѣчи. Дѣйствіе произведенное лошадьми, Карлъ Ивановичъ утратить не хотѣлъ, и старался вывести изъ него пользу по эротической части. Къ тому же всѣ обстоятельства ему способствовали, у насъ былъ балконъ, выходящій на дворъ, за которымъ начинался садъ. Съ десяти часовъ утра Зоненбергъ въ казанскихъ *чувякахъ*, въ шитой золотомъ *тибитейкѣ* и въ кавказскомъ бешметѣ, съ огромнымъ янтарнымъ мундштукомъ во рту, сидѣлъ на вахтѣ, дѣлая видъ будто читаетъ. Тибитейка и янтарь, все это было направлено на трехъ барышень, жившихъ въ сосѣднемъ домѣ. Барышни съ своей стороны занимались пріѣзжими и съ любопытствомъ разсматривали восточную куклу, курившую на балконѣ. Карлъ Ивановичъ

зналъ, когда и какъ тайкомъ онѣ подымали стору, находилъ, что дѣла его идутъ успѣшно — и нѣжно выпускалъ дымъ легкой струйкой по завѣтному направленію.

Вскорѣ садъ представилъ намъ возможность познакомиться съ сосѣдками. У нашего хозяина было три дома, садъ былъ общій. Два дома были заняты, въ одномъ жили мы и самъ хозяинъ съ своей мачихой — толсто-мягкой вдовой, которая такъ мастерски и съ такой ревностью за нимъ присматривала, что онъ только украдкой отъ нея разговаривалъ съ садовыми дамами. Въ другомъ жили барышни съ своими родителями, третій стоялъ пустой. Карлъ Ивановичъ черезъ недѣлю былъ свой человѣкъ въ дамскомъ обществѣ нашего сада, онъ постоянно по нѣсколько часовъ въ день качалъ барышень на качеляхъ, бѣгалъ за мантильями и зонтиками, словомъ, былъ aux petits soins. Барышни съ нимъ дурачились больше, чѣмъ съ другими, именно потому, что его еще меньше можно было подозрѣвать чѣмъ жену Цезаря; при взглядѣ на него, останавливалось всякое, самое отважное злорѣчіе.

По вечерамъ ходилъ и я въ садъ по тому табунному чувству, по которому люди безъ всякаго желанія дѣлаютъ тоже что другіе. Туда сверхъ жильцовъ приходили ихъ знакомые, главный предметъ занятій и разговоровъ было волокитско и подсматриваніе другъ за другомъ. Карлъ Ивановичъ съ неусыпностью Видока предался сентиментальному шпіонству, зналъ, кто съ кѣмъ чаще гуляетъ, кто на кого не просто смотритъ. Я былъ страшнымъ камнемъ преткновенія для всей тайной полиціи нашего сада, дамы и мущины удивлялись моей скрытности и при всѣхъ стараніяхъ не могли открыть, за кѣмъ я ухаживаю, кто мнѣ особенно нравит-

ся, что дѣйствительно было не легко, я рѣшительно ни за кѣмъ не ухаживалъ и всѣ барышни мнѣ не особенно нравились. Это наконецъ имъ надоѣло и оскорбило ихъ, меня стали считать гордымъ, насмѣшникомъ и дружба барышень замѣтно стыла — хотя въ одиночку, каждая пробовала на мнѣ самые опасные взгляды свои.

Середи всѣхъ этихъ обстоятельствъ, однимъ утромъ Карлъ Ивановичъ сообщилъ мнѣ, что хозяйская кухарка съ утра открыла ставни третьяго дома и моетъ окна. Домъ былъ занятъ какимъ то пріѣзжимъ семействомъ.

Садъ занялся исключительно подробностями о новопріѣзжихъ. Незнакомая дама, усталая съ дороги, или еще не успѣвшая разобраться, какъ на зло не являлась къ намъ въ воксалъ. Ее старались увидѣть въ окно или въ сѣняхъ, иным удавалось, другіе тщетно караулили цѣлые дни, видѣвшіе находили ее блѣдной, томной, словомъ интересной и недурной. Барышни говорили, что она печальна и болѣзненна, молодой губернаторскій чиновникъ, шалунъ и очень неглупый малый, одинъ зналъ пріѣзжихъ. Онъ служилъ прежде въ одной губерніи съ ними, всѣ пристали къ нему съ разспросами.

Разбитной чиновникъ, довольный что знаетъ чего другіе не знаютъ, толковалъ безъ конца о достоинствахъ новопріѣзжей; онъ ее превозносилъ, называлъ ее столичной дамой—„она умна, повторялъ онъ, мила, образована, на нашего брата и не посмотритъ. Ахъ, Боже мой, прибавилъ онъ, вдругъ обращаясь ко мнѣ, вотъ чудесная мысль, поддержите честь вятскаго общества, поволочитесь за ней... ну знаете, вы изъ Москвы, въ ссылкѣ, вѣрно пишите стихи — это вамъ съ неба подарокъ.“

— Какой вы вздоръ порите, сказалъ я ему смѣясь, однако вспыхнулъ въ лицѣ — мнѣ захотѣлось ее видѣть.

Черезъ нѣсколько дней я встрѣтился съ ней въ саду, она въ самомъ дѣлѣ была очень интересная блондинка; тотъ же господинъ, который говорилъ объ ней, представилъ меня ей, я былъ взволнованъ и такъ же мало умѣлъ это скрыть, какъ мой патронъ улыбку.

Самолюбивая застѣнчивость прошла, я познакомился съ ней — она была очень несчастна, и обманывая себя мнимымъ спокойствіемъ, томилась и исходила въ какой то праздности сердца.

Р. была одна изъ тѣхъ скрытно страстныхъ женскихъ натуръ, которыя встрѣчаются только между блондинками, у нихъ пламенное сердце маскировано кроткими и тихими чертами; онѣ блѣднѣютъ отъ волненія и глаза ихъ не искрятся, а скорѣе тухнутъ, когда чувства выступаютъ изъ береговъ. Утомленный взоръ ея выбивался изъ силъ, стремясь къ чему то, несытая грудь неровно подымалась. Во всемъ существѣ ея было что то неспокойное, электрическое. Часто гуляя по саду, она вдругъ блѣднѣла и смущенная или встревоженая изнутри отвѣчала разсѣянно и торопилась домой; я именно въ эти минуты любилъ смотрѣть на нее.

Внутреннюю жизнь ея я вскорѣ разглядѣлъ. Она не любила мужа и не могла его любить; ей было лѣтъ двадцать пять, ему за пятьдесятъ — съ этимъ можетъ она бы сладила, но различіе образованія, интересовъ, характеровъ, было слишкомъ рѣзко.

Мужъ почти не выходилъ изъ комнаты; это былъ сухой, черствый старикъ, чиновникъ съ притязаніемъ на помѣщичество, раздражительный, какъ всѣ больные

и какъ почти всѣ люди, потерявшіе состояніе. Ей было шестнадцать лѣтъ, когда ее отдали замужъ, онъ имѣлъ достатокъ, но впослѣдствіи все проигралъ въ карты и принужденъ былъ жить службой. Года за два до перевода въ Вятку, онъ началъ хирѣть, какая то рана на ногѣ развилась въ костоѣду, старикъ сдѣлался угрюмъ и тяжелъ, боялся своей болѣзни и смотрѣлъ взглядомъ тревожной и безпомощной подозрительности на свою жену. Она грустно и самоотверженно ходила за нимъ, но это было исполненіе долга. Дѣти не могли удовлетворить всему — чего-то просило незанятое сердце.

Разъ вечеромъ, говоря о томъ, о семъ, я сказалъ, что мнѣ бы очень хотѣлось послать моей кузинѣ портретъ, но что я не могъ найти въ Вяткѣ человѣка, который бы умѣлъ взять карандашъ въ руки.

— Дайте я попробую, сказала сосѣдка, я когда то довольно удачно дѣлала портреты чернымъ карандашемъ.

— Очень радъ. Когда же?

— Завтра передъ обѣдомъ, если хотите.

— Разумѣется. Я приду въ часъ.

Все это было при мужѣ; онъ не сказалъ ни слова.

На другой день утромъ, я получилъ отъ сосѣдки записку; это была первая записка отъ нея. Она очень вѣжливо и осторожно увѣдомляла меня, что мужъ ея недоволенъ тѣмъ, что она мнѣ предложила сдѣлать портретъ, просила снисхожденія къ капризамъ больнаго, говорила, что его надобно щадить, и въ заключеніе, предлагала сдѣлать портретъ въ другой, день не говоря объ этомъ мужу, чтобъ его не безпокоить.

Я горячо, можетъ черезъ край горячо, благодарилъ ее, тайное дѣланіе портрета не принялъ, но тѣмъ не

меньше, эти двѣ записки сблизили насъ много. Отношенія ея къ мужу, до которыхъ я никогда бы не коснулся, были высказаны. Между мною и ею невольно составлялось тайное соглашеніе, лига противъ него.

Вечеромъ я пришелъ къ нимъ—ни слова о портретѣ. Еслибъ мужъ былъ умнѣе, онъ долженъ бы былъ догадаться о томъ, что было; но онъ не былъ умнѣе. Я взглядомъ поблагодарилъ ее, она улыбкой отвѣчала мнѣ.

Вскорѣ они переѣхали въ другую часть города. Первый разъ, когда я пришелъ къ нимъ, я засталъ сосѣдку одну, въ едва меблированной залѣ; она сидѣла за фортепьяно, глаза у нея были сильно заплаканы. Я просилъ ее продолжать; но музыка не шла, она ошибалась, руки дрожали, цвѣтъ лица мѣнялся. „Какъ здѣсь душно!“ сказала она, быстро вставая изъ за фортепьяно.

Я молча взялъ ея руку, слабую, горячую руку; голова ея, отяжелѣвшій вѣнчикъ, страдательно повинуясь какой то силѣ, склонилась на мою грудь, она прижала свой лобъ и мгновенно исчезла.

На другой день я получилъ отъ нея записку, нѣсколько испуганную, старавшуюся бросить какую то дымку на вчерашнее; она писала о страшномъ нервномъ состояніи, въ которомъ она была, когда я взошелъ, о томъ, что она едва помнитъ, что было, извинялась—но легкій вуаль этихъ словъ не могъ ужъ скрыть страсть, ярко просвѣчивавшуюся между строкъ.

Я отправился къ нимъ. Въ этотъ день мужу было легче, хотя на новой квартирѣ онъ уже не вставалъ съ постели; я былъ монтированъ, дурачился, сыпалъ остротами, разсказывалъ всякій вздоръ, морилъ больнаго со смѣху, и разумѣется, все это для того, чтобъ

заглушить ея и мое смущеніе. Сверхъ того я чувствовалъ, что смѣхъ этотъ увлекаетъ и пьянитъ ее.

. . . . . .

. . . . . .

Съ мѣсяцъ продолжался этотъ запой любви; потомъ будто сердце устало, истощилось — на меня стали находить минуты тоски, я ихъ тщательно скрывалъ, старался имъ не вѣрить, удивлялся тому что происходило во мнѣ—а любовь стыла себѣ, да стыла.

Меня стало тѣснить присутствіе старика, мнѣ было съ нимъ неловко, противно. Не то, чтобъ я чувствовалъ себя неправымъ передъ гражданскп-церковнымъ собственникомъ женщины, которая его не могла любить и которую онъ любить былъ не въ силахъ, но моя двойная роль казалась мнѣ унизительной, лицемѣріе и двоедушіе — два преступленія наиболѣе чуждыя мнѣ. Пока распахнувшаяся страсть брала верхъ, я не думалъ ни о чемъ: но когда она стала нѣсколько холоднѣе, явилось раздумье.

Однимъ утромъ Матвѣй взошелъ ко мнѣ въ спальню съ вѣстью, что старикъ Р. „приказалъ долго жить.“ Мной овладѣло какое то странное чувство при этой вѣсти, я повернулся на другой бокъ и не торопился одѣваться, мнѣ не хотѣлось видѣть мертвеца. Взошелъ Витбергъ, совсѣмъ готовый. „Какъ, говорилъ онъ, вы еще въ постелѣ! развѣ вы не слыхали, что случилось? чай бѣдная Р. одна, пойдемте провѣдать, одѣвайтесь скорѣе.“ Я одѣлся—мы пошли.

Мы застали Р. въ обморокѣ или въ какомъ то нервномъ летаргическомъ снѣ. Это не было притворствомъ; смерть мужа напомнила ей ея безпомощное положеніе; она оставалась одна съ дѣтьми въ чужомъ городѣ, безъ денегъ, безъ близкихъ людей. Сверхъ того у ней быва-

ли и прежде при сильныхъ потрясеніяхъ эти нервныя ошеломленія, продолжавшіяся по нѣскольку часовъ. Блѣдная какъ смерть, съ холоднымъ лицемъ и съ закрытыми глазами, лежала она въ этихъ случаяхъ, изрѣдка захлебываясь воздухомъ и безъ дыханья въ промежуткахъ.

Ни одна женщина не пріѣхала помочь ей, показать участіе, посмотрѣть за дѣтьми, за домомъ. Витбергъ остался съ нею; пророкъ-чиновникъ и я взялись за хлопоты.

Старикъ, исхудалый и почернѣлый, лежалъ въ мундирѣ на столѣ, насупивъ брови, будто сердился на меня; мы положили его въ гробъ, а черезъ два дня опустили въ могилу. Съ похоронъ мы воротились въ домъ покойника; дѣти въ черныхъ платьицахъ, обшитыхъ плерезами, жались въ углу, больше удивленныя и испуганныя, чѣмъ огорченныя; они шептались между собой и ходили на цыпочкахъ. Не говоря ни одного слова, сидѣла Р., положивъ голову на руку, какъ будто что то обдумывая.

Въ этой гостинной, на этомъ диванѣ, я ждалъ ее, прислушиваясь къ стону больнаго и къ брани пьянаго слуги. Теперь все было такъ черно... Мрачно и смутно вспоминались мнѣ, въ похоронной обстановкѣ, въ запахѣ ладана—слова, минуты, на которыхъ я все же *не могъ* не останавливаться безъ нѣжности.

Печаль ея улеглась мало по малу, она тверже смотрѣла на свое положеніе; потомъ мало по малу и другія мысли прояснили ея озабоченное и унылое лицо. Ея взоръ останавливался съ какой то взволнованной пытливостью на мнѣ, будто она ждала чего то — вопроса... отвѣта...

Я молчалъ—и она, испуганная, встревоженная, стала сомнѣваться.

Тутъ я понялъ, что мужъ въ сущности былъ для меня извиненіемъ въ своихъ глазахъ—любовь откипѣла во мнѣ. Я не былъ равнодушенъ къ ней, далеко нѣтъ, но это было не то, чего ей надобно было. Меня занималъ теперь иной порядокъ мыслей, и этотъ страстный порывъ словно для того обнялъ меня, чтобъ уяснить мнѣ самому иное чувство. Одно могу сказать я въ свое оправданіе—я былъ искрененъ въ моемъ увлеченіи.

Въ то время, какъ я терялъ голову и не зналъ что дѣлать, пока я ждалъ съ малодушной слабостью случайной перемѣны отъ времени, отъ обстоятельствъ — время и обстоятельства еще больше усложнили положеніе.

Тюфяевъ, видя безпомощное состояніе вдовы, молодой, красивой собой и брошенной безъ всякой опоры въ дальнемъ, ей чуждомъ городѣ, какъ настоящій „отецъ губерніи,“ обратилъ на нее самую нѣжную заботливость. Сначала мы всѣ думали, что дѣйствительно онъ принимаетъ въ ней участіе. Но вскорѣ Р. съ ужасомъ замѣтила, что его вниманіе совсѣмъ не просто. Два, три развратныхъ губернатора воспитали вятскихъ дамъ, и Тюфяевъ, привыкнувшій къ нимъ, не откладывая въ долгій ящикъ, прямо сталъ говорить ей о своей любви. Р., разумѣется, отвѣчала ему холоднымъ презрѣніемъ и насмѣшкой на его старческія любезности. Тюфяевъ не считалъ себя побитымъ и продолжалъ наглое ухаживанье. Видя впрочемъ, что дѣло мало подвигается, онъ далъ ей почувствовать, что судьба ея дѣтей въ его рукахъ, и что безъ него, она ихъ не помѣститъ на казенный счетъ, а что онъ, съ своей стороны, хлопотать не будетъ, если она не перемѣнитъ

съ нимъ своего холоднаго обращенія. Оскорбленная женщина вскочила уязвленнымъ звѣремъ. „Извольте вонъ идти и чтобъ нога ваша не смѣла переступить моего порога," сказала она ему, указывая дверь. „Фу, какія вы сердитыя!" сказалъ Тюфяевъ, обращая дѣло въ шутку. „Петръ. Петръ," закричала она въ переднюю, и испуганный Тюфяевъ, боясь огласки, задыхаясь отъ бѣшенства, пристыженный и униженный, бросился въ свою карету.

Вечеромъ Р. разсказала все случившееся Витбергу и мнѣ. Витбергъ тотчасъ понялъ, что обратившійся въ бѣгство и оскорбленный волокита не оставитъ въ покоѣ бѣдную женщину — характеръ Тюфяева былъ довольно извѣстенъ всѣмъ намъ. Витбергъ рѣшился во чтобъ то ни стало спасти ее.

Гоненія начались скоро. Представленіе о дѣтяхъ было написано такъ, что отказъ былъ неминуемъ. Хозяинъ дома, лавочники, требовали съ *особенной* настойчивостью уплаты. Богъ знаетъ, что можно было еще ожидать; шутить съ человѣкомъ, уморившимъ Петровскаго въ сумашедшемъ домѣ, не слѣдовало.

Витбергъ, обремененный огромной семьей, задавленный бѣдностью, не задумался ни на минуту и предложилъ Р. переѣхать съ дѣтьми къ нему, на другой или на третій день послѣ пріѣзда въ Вятку его жены. У него Р. была спасена, такова была нравственная сила этого сосланнаго. Его непреклонной воли, его благороднаго вида, его смѣлой рѣчи, его презрительной улыбки, боялся самъ вятскій Шемяка.

Я жилъ въ особомъ отдѣленіи того же дома и имѣлъ общій столъ съ Витбергомъ; и вотъ, *мы* очутились подъ одной крышей, именно тогда, когда должны были бы быть раздѣлены морями.

Въ этой близости она поняла, что былаго не воротишь.

Зачѣмъ она встрѣтилась именно со мной, неустоявшимся тогда? Она могла быть счастливой, она была достойна счастья. Печальное прошедшее ушло, новая жизнь любви, гармоніи была такъ возможна для нея! Бѣдная. бѣдная Р.! Виноватъ ли я, что это облако любви, такъ непреодолимо набѣжавшее на меня, дохнуло такъ горячо, опьянило, увлекло и разнеслось потомъ?

... Сбитый съ толку, предчувствуя несчастія, недовольный собою, я жилъ въ какомъ то тревожномъ состояніи; снова кутилъ, искалъ разсѣянія въ шумѣ, досадовалъ за то, что находилъ его, досадовалъ за то, что не находилъ, и ждалъ, какъ чистую струю воздуха середь пыльнаго жара, нѣсколько строкъ изъ Москвы отъ Natalie. Надо всѣмъ этимъ броженіемъ страстей всходилъ свѣтлѣе и свѣтлѣе кроткій образъ ребенка-женщины. Порывъ любви къ Р. уяснилъ мнѣ мое собственное сердце, раскрылъ его тайну.

Увлекаясь больше и больше моей симпатіей къ отсутствующей кузинѣ, я не давалъ себѣ именно отчета въ чувствѣ, связывавшемъ меня съ ней. Я къ нему привыкъ и не слѣдилъ за тѣмъ, измѣнилось оно или нѣтъ.

Мои письма становились все тревожнѣе; съ одной стороны я глубоко чувствовалъ не только свою вину передъ Р., но новую вину лжи, которую бралъ на себя молчаніемъ. Мнѣ казалось, что я палъ, недостоинъ иной любви... а любовь росла и росла.

Имя сестры начинало тѣснить меня, теперь мнѣ недостаточно было дружбы, это тихое чувство казалось холоднымъ. Любовь ея видна изъ каждой строки ея пи-

семъ, но мнѣ ужъ и этого мало, мнѣ нужно не только любовь, но и самое слово, и вотъ я пишу: „Я сдѣлаю тебѣ странный вопросъ, вѣришь ли ты, что чувство, которое ты имѣешь ко мнѣ—одна дружба? Вѣришь ли ты, что чувство, которое я имѣю къ тебѣ—одна дружба?—*Я не вѣрю.*“

— „Ты что то смущенъ, отвѣчаетъ она, я знала, что твое письмо испугало тебя больше чѣмъ меня. Успокойся, другъ мой, оно не перемѣнило во мнѣ рѣшительно ничего, оно уже не могло заставить меня любить тебя ни больше, ни меньше.“

Но слово было произнесено, „туманъ исчезъ, пишетъ она, опять свѣтло и ясно.“

Она радостно, безоблачно отдавалась названному чувству, письма ея одна отроческая пѣснь любви, подымающаяся отъ дѣтскаго лепета до могучаго лиризма.

—„Можетъ ты сидишь теперь, пишетъ она, въ кабинетѣ, не пишешь, не читаешь, а задумчиво куришь сигару и взоръ углубленъ въ неопредѣленную даль и нѣтъ отвѣта на привѣтствіе взошедшаго. Гдѣ же твои думы? Куда стремится взоръ? Не давай отвѣта—пусть придутъ ко мнѣ.

... „Будемъ дѣтьми, назначимъ часъ, въ который намъ обоимъ непремѣнно быть на воздухѣ, часъ, въ который мы будемъ увѣрены, что насъ ничего не дѣлитъ, кромѣ одной дали. Въ восемь часовъ вечера и тебѣ вѣрно свободно? А то я давича вышла было на крыльцо — да тотчасъ возвратилась, думая, что ты былъ въ комнатѣ.

... „Глядя на твои письма, на портретъ, думая о моихъ письмахъ, о браслетѣ, мнѣ захотѣлось перешагнуть лѣтъ за сто и посмотрѣть, какая будетъ ихъ участь.

Вещи, которыя были для насъ святыней, которыя лечили наше тѣло и душу, съ которыми мы бесѣдовали и которыя намъ замѣняли нѣсколько другъ друга въ разлукѣ; всѣ эти орудія, которыми мы оборонялись отъ людей, отъ ударовъ рока, отъ самихъ себя, что будутъ они послѣ насъ? Останется ли въ нихъ сила ихъ, ихъ душа? разбудятъ ли, согрѣютъ ли они чье сердце, разскажутъ ли нашу повѣсть, наши страданія нашу любовь, будетъ ли имъ въ награду хоть одна слеза? Какъ грустно становится, когда воображу, что портретъ твой наконецъ будетъ висѣть безвѣстнымъ въ чьемъ нибудь кабинетѣ, или можетъ какой нибудь ребенокъ, играя имъ, разобьетъ стекло и сотретъ черты."

Не таковы мои письма,*) середь полной, восторженной любви пробиваются горькіе звуки досады на себя, раскаянія, нѣмой укоръ Р. гложетъ сердце, мутитъ свѣтлое чувство, я казался себѣ лгуномъ, а вѣдь я не лгалъ.**)

Какъ же мнѣ было признаться, какъ сказать Р. въ Январѣ, что я ошибся въ Августѣ, говоря ей о своей

*) Разница между слогомъ писемъ natalie и моимъ очень велика особенно въ началѣ переписки; потомъ онъ уравнивается и впослѣдствіи дѣлается сходенъ. Въ моихъ письмахъ рядомъ съ истиннымъ чувствомъ—ломанныя выраженія, изысканныя, эфектныя слова, явное вліяніе школы Гюго и новыхъ французскихъ романистовъ. Ничего подобнаго въ ея письмахъ, языхъ ея простъ, поэтиченъ, истиненъ, на немъ замѣтно одно вліяніе, вліяніе Евангелія. Тогда я все еще старался писать съ высока и писалъ дурно, потому что это не былъ мой языкъ. Жизнь въ непрактитескихъ сферахъ и излишнее чтеніе долго не позволяютъ юношѣ естественно и просто говорить и писать; умственное совершеннолѣтіе начинается для человѣка только тогда, когда его слогъ устанавливается и принимаетъ свой послѣдній складъ.

**) Прибавлено: *Я также откровенно увлекся Р., какъ откровенно отдался теперь непонятой мною любви.* (*П. Зв.* Т. III, стр. 115.)

любви. Какъ она могла повѣрить въ истину моего разсказа—новая любовь была бы понятнѣе, измѣна проще. Какъ могъ дальній образъ отсутствующей вступить въ борьбу съ настоящимъ, какъ могла струя другой любви пройти черезъ этотъ горнъ и выйти больше сознанной и сильной—все это я самъ не понималъ, а чувствовалъ, что все это правда.

Наконецъ сама Р. съ неуловимой ловкостью ящерицы ускользала отъ серьозныхъ объясненій, она чуяла опасность, искала отгадки, и въ то же время отдаляла правду. Точно она предвидѣла, что мои слова раскроютъ страшныя истины, послѣ которыхъ все будетъ кончено, и она обрывала рѣчь тамъ, гдѣ она становилась опасною.

Сначала она осмотрѣлась кругомъ, нѣсколько дней она находила себѣ соперницу въ молодой, милой, живой нѣмкѣ, которую я любилъ какъ дитя, съ которой мнѣ было легко именно потому, что ни ей не приходило въ голову кокетничать со мной, ни мнѣ съ ней. Черезъ недѣлю она увидѣла, что Паулина вовсе не опасна. Но я не могу идти дальше, не сказавъ нѣсколько словъ о ней.

Въ вятской аптекѣ Приказа общественнаго призрѣнія былъ аптекарь нѣмецъ и въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, но удивительно было то, что его гезель былъ русскій, а назывался Болманъ. Вотъ съ нимъ то я и познакомился, онъ былъ женатъ на дочери какого-то вятскаго чиновника, у которой была самая длинная, густая и красивая коса изъ всѣхъ видѣнныхъ мною. Самаго аптекаря Фердинанда Рулковіуса не было на лицо и мы съ Болманомъ пили разныя „шипучки“ и художественныя „желудочныя“ настойки фармацевта. Аптекарь былъ въ Ревелѣ: тамъ онъ познакомился съ

какой-то молодой дѣвушкой и предложилъ ей руку, дѣвушка, едва знавшая его, шла за него, очертя голову, какъ слѣдуетъ дѣвушкѣ вообще и нѣмкѣ въ особенности, она даже не имѣла понятія, въ какую дичь онъ ее везетъ. Но когда послѣ свадьбы пришлось собираться, страхъ и отчаяніе овладѣли ею. Чтобъ утѣшить новобрачную, аптекарь пригласилъ ѣхать съ ними въ Вятку молодую дѣвушку лѣтъ семнадцати, дальнюю родственницу его жены, она еще болѣе очертя голову и уже совсѣмъ не зная что такое „Вьатка," согласилась. Обѣ нѣмки не говорили ни слова по русски, въ Вяткѣ не было четырехъ. человѣкъ говорившихъ по нѣмецки. Даже учитель нѣмецкаго языка въ гимназіи не зналъ его, это меня до того удивило, что я рѣшился его спросить, какъ же онъ преподаетъ. „По грамматикѣ, отвѣчалъ онъ, и по діалогамъ." Онъ объяснялъ при этомъ, что онъ собственно учитель математики, но покамѣсть за недостаткомъ ваканцій, преподаетъ нѣмецкій языкъ, и что впрочемъ онъ получаетъ половинный окладъ.*) Нѣмки пропадали со скуки и увидѣвши человѣка, который если не хорошо, то понятно могъ объясняться по нѣмецки, пришли въ совершенный восторгъ, запоили меня кофеемъ и еще какой-то "калте-шале," разсказали мнѣ всѣ свои тайны, желанія и надежды, и черезъ два дня называли меня другомъ и еще больше подчивали сладкими, мучнистыми яствами съ корицей. Обѣ были довольно образованы, т. е. знали на память Шиллера, поигрывали на фортепьяно и пѣли нѣмецкіе романсы. Этимъ сходство впрочемъ между ними и оканчивается.

*) За то „просвѣщенное" начальство опредѣлило въ той же вятской гимназіи извѣстнаго оріенталиста, товарища Ковалевскаго и Мицкевича—Верниковскаго, сосланнаго по дѣлу Филаретовъ, учителемъ французскаго языка.

Аптекерша была бѣлокурая, лимфатическая, высокая, очень недурная собой, но вялая и сонная женщина, она была чрезвычайно добра, да и трудно было при такой комплекціи быть злою. Убѣдившись однажды, что ея мужъ—мужъ ея, она тихонько и ровненько любила его, занималась кухней и бѣльемъ, читала въ свободныя минуты романы и въ свое время благополучно родила аптекарю дочь бѣлобрысую и золотушную.

Подруга ея, небольшаго роста, смуглая брюнетка, крѣпкая здоровьемъ, съ большими черными глазами и съ самобытнымъ видомъ, была коренастая, народная красота; въ ея движеніяхъ и словахъ видна была большая энергія, и когда бывало аптекарь, существо скучное и скупое, дѣлалъ не очень вѣжливыя замѣчанія своей женѣ, и та ихъ слушала съ улыбкой на губахъ и слезой на рѣсницѣ, Паулина краснѣла въ лицѣ, и такъ взглядывала на расходившагося фармацевта, что тотъ мгновенно усмирялся, дѣлалъ видъ, что очень занятъ и уходилъ въ лабораторію мѣшать и толочь всякую дрянь, для возстановленія здоровья вятскихъ чиновниковъ.

Мнѣ нравилась наивная дѣвушка, которая за себя постоять умѣла, и, не знаю, какъ это случилось, но ей первой разсказалъ я о моей любви, ей переводилъ письма. Тотъ только знаетъ цѣну этой сердечной болтовни, кто живалъ долго, годы цѣлые съ людьми совершенно постороннимп. Я рѣдко говорю о чувствахъ, но бываютъ минуты, въ которыя потребность высказаться становится невыносимою, даже *теперь*. А тогда мнѣ было двадцать четыре года, и я только что понялъ мою любовь. Я могъ переносить разлуку, перенесъ бы и молчаніе, но встрѣтившись съ другимъ ребенкомъ женщиной, въ которомъ все было такъ непритворно просто,

я не могъ удержаться, чтобъ не разболтать ей мою тайну. Да и какъ же она была мнѣ благодарна за то, и сколько добра сдѣлала она мнѣ.

Всегда серьезная бесѣда Витберга иной разъ утомляла меня; мучимый моимъ тяжелымъ отношеніемъ къ Р., я не могъ быть при ней свободенъ. Часто вечеромъ уходилъ я къ Паулинѣ, читалъ ей пустыя повѣсти, слушалъ ея звонкій смѣхъ, слушалъ, какъ она нарочно для меня пѣла—das Mädchen aus der Fremde, подъ который я и она понимали другую *дѣву чужбины*, и облака разсѣевались, на душѣ мнѣ становилось искренно-весело, безмятежно-спокойно, и я съ миромъ уходилъ домой, когда аптекарь, окончивъ послѣднюю микстуру и намазавъ послѣдній пластырь, приходилъ надоѣдать мнѣ вздорными политическими распросами—не прежде впрочемъ какъ выпивши его „лекарственной“ и закусивши герингъ салатомъ, приготовленнымъ бѣленькими ручками der Frau Apotekerin,

. . . . . .

... Р. страдала, я, съ жалкой слабостью, ждалъ отъ времени случайныхъ разрѣшеній и длилъ полуложь.*) Тысячу разъ хотѣлъ я идти къ Р., броситься къ ея ногамъ, разсказать все, вынести ея гнѣвъ, ея презрѣніе... но я боялся не негодованія — я бы ему былъ радъ—боялся слезъ. Много дурнаго надобно испытать, чтобъ умѣть вынести женскія слезы, чтобъ умѣть сомнѣваться, пока онѣ, еще теплыя, текутъ по воспаленной щекѣ. Къ тому ея слезы были бы искреннія.

Такъ прошло много времени. Начали носиться слухи о близкомъ окончаніи ссылки, не такъ уже казался да-

*) Варіантъ. — *Между тѣмъ я съ жалкой слабостью ждалъ отъ времени случайныхъ разрѣшеній и длилъ и длилъ полуложь.* (Ibid. стр. 118.)

лекимъ день, въ который я брошусь въ повозку и полечу въ Москву, знакомыя лица мерещились и между ними, передъ ними, завѣтныя черты; но едва я отдавался этимъ мечтамъ, какъ мнѣ представлялась съ другой стороны повозки, блѣдная, печальная фигура Р., съ заплаканными глазами, съ взглядомъ, выражающимъ боль и упрекъ, и радость моя мутилась, мнѣ становилось жаль, смертельно жаль ее.

Долѣе оставаться въ ложномъ положеніи я не могъ и рѣшился, собравъ всѣ силы, вынырнуть изъ него. Я написалъ ей полную исповѣдь. Горячо, откровенно разсказалъ ей всю правду. На другой день она не выходила и сказалась больной.*) Все, что можетъ вынесть преступникъ, боящійся что его уличатъ, все вынесъ я въ этотъ день; ея нервное оцѣпенѣніе возвратилось—я не смѣлъ ее навѣстить.

Мнѣ надобно было большее покаянье; я заперся съ Витбергомъ въ кабинетъ и разсказалъ ему весь романъ мой. Сначала онъ удивился, потомъ выслушалъ меня, не какъ судья, а какъ другъ, не мучилъ распросами, не читалъ заднимъ числомъ морали, а принялся со мной искать средствъ смягчить ударъ — онъ одинъ и могъ это сдѣлать. Онъ горячо любилъ тѣхъ, кого любилъ. Я боялся его ригоризма, но дружба ко мнѣ и къ Р. рѣшительно взяла верхъ. Да, на его руки я могъ оставить несчастную женщину, которой безотрадное существованіе я доломалъ; въ немъ она находила сильную нравственную опору и авторитетъ. Р. уважала его какъ отца.

*) Варіантъ. — *Утромъ я получилъ отвѣтъ. Можно себѣ представить, какъ я провелъ эту ночь; я испыталъ все, что можетъ испытать преступникъ боящійся, что его уличатъ.* Далѣе слѣдуетъ: Она писала кротко и т. д. (Ibid.)

Утромъ Матвѣй подалъ мнѣ записку. Я почти не спалъ всю ночь, съ волненіемъ распечаталъ я ее дрожащей рукой. Она писала кротко, благородно и глубоко печально; цвѣты моего краснорѣчія не скрыли аспика, въ ея примирительныхъ словахъ слышался затаенный стонъ слабой груди, крикъ боли, подавленный чрезвычайнымъ усиліемъ. Она благословляла меня на новую жизнь, желала намъ счастія, называла Natalie сестрой и протягивала намъ руку на забвеніе прошедшаго и на будущую дружбу—какъ будто она была виновата!

Рыдая перечитывалъ я ея письмо. Qual cuor tradisti!

— Я встрѣтился впослѣдствіи съ нею; дружески подала она мнѣ руку, но намъ было неловко, каждый чего-то не договаривалъ, каждый старался кой-чего не касаться.

Годъ тому назадъ я услышалъ о ея кончинѣ.

Уѣхавъ изъ Вятки, меня долго мучило воспомнпаніе объ Р. Мирясь съ собой, я принялся писать повѣсть, героиней которой была Р. Я представилъ барича екатерининскихъ временъ, покинувшаго женщину, любившую его, и женившагося на другой. Она чахнетъ и умираетъ. Вѣсть о ея смерти тяжко падаетъ на него, онъ сдѣлался мраченъ, задумчивъ, и наконецъ сошелъ съ ума. Его жена, идеалъ кротости и самоотверженія, испытавъ все, везетъ его, въ одну изъ тихихъ минутъ, въ *Дѣвичій монастырь* и бросается съ нимъ на колѣни передъ могилой несчастной женщины, прося прощенія и заступничества. Изъ оконъ монастыря достигаютъ слова молитвы, тихіе женскіе голоса поютъ объ отпущеніи—баричъ выздоравливаетъ. Повѣсть вышла плоха. Когда я писалъ ее, Р. не собиралась въ Москву, и одинъ человѣкъ, догадывавшійся о томъ, что что-то

было между мной и Р., былъ „вѣчный нѣмецъ," К. И. Зоненбергъ. Послѣ кончины моей матери въ 1851, отъ него не было ни одной вѣсти. Въ 1860, одинъ туристъ, разсказывая мнѣ о своемъ знакомствѣ съ восьмидесятилѣтнимъ Карломъ Ивановичемъ, показалъ его письмо. Въ P. S. онъ извѣщалъ его о кончинѣ Р. и о томъ, что *мой братъ* ее похоронилъ *въ Новодѣвичьемъ монастырѣ!*

Само собой разумѣется, что повѣсть имъ обоимъ была непзвѣстна.

ГЛАВА XXII.

Въ Москвѣ вкъ меня.

Мирная жизнь моя во Владимірѣ скоро была возмущена вѣстями пзъ Москвы, которыя теперь приходили со всѣхъ сторонъ. Онѣ сильно огорчали меня. Для того, чтобъ сдѣлать ихъ понятными, надобно воротиться къ 1834 году.

На другой день послѣ моего взятія въ 1834 году, были имянины Княгини, потому то Natalie, разставаясь со мной на кладбищѣ, сказала мнѣ: „до завтра". Она ждала меня; съѣхалось нѣсколько человѣкъ родныхъ, вдругъ является мой двоюродный братъ и разсказываетъ со всѣми подробностями исторію моего ареста. Новость эта, совершенно неожиданная, поразила ее, она встала, чтобъ выйдти въ другую комнату и сдѣлавъ два шага упала безъ чувствъ на полъ. Княгиня все видѣла

и все поняла; она рѣшилась противудѣйствовать всѣми средствами возникающей любви.

Для чего?

Не знаю. Въ послѣднее время, т. е. послѣ окончанія моего курса, она была очень хорошо расположена ко мнѣ; но мой арестъ, слухи о нашемъ *вольномъ* образѣ мыслей, объ измѣнѣ православной церкви при вступленіи въ сен-симонскую „секту," разгнѣвали ее; она съ тѣхъ поръ меня иначе не называла какъ „государственнымъ преступникомъ", или „несчастнымъ сыномъ брата Ивана". Весь авторитетъ Сенатора былъ нуженъ, чтобъ она рѣшилась отпустить Natalie въ Крутицы проститься со мной.

По счастію меня ссылали, времени передъ Княгиней было много. „Да и гдѣ это Пермь, Вятка,—вѣрно онъ тамъ себѣ свернетъ шею, или ему свернутъ ее, а главное тамъ онъ ее забудетъ".

Но какъ на зло Княгини у меня память была хороша. Переписка со мной долго скрываемая отъ Княгини была наконецъ открыта, и она строжайше запретила людямъ и горничнымъ доставлять письма молодой дѣвушкѣ или отправлять ея письма на почту. Года чересъ два стали поговаривать о моемъ возвращеніи. „Эдакъ пожалуй какимъ нибудь добрымъ утромъ несчастный сынъ брата отворитъ дверь и взойдетъ, чего тутъ долго думать, да откладывать — мы ее выдадимъ за мужъ и спасемъ отъ государственнаго преступника, человѣка безъ религіи и правилъ."

Прежде Княгиня вздыхая говорила о бѣдной сиротѣ, о томъ, что у нея почти ничего нѣтъ, что ей нельзя долго разбирать, что ей бы хотѣлось *какъ нибудь* пристроить ее при себѣ. Она, дѣйствительно, съ своими приживалками устроила *кой-какъ* судьбу одной дальней

родственницы безъ соостоянія, отдавъ ее замужъ за какого то подъячаго. Добрая, милая дѣвушка, очень развитая, пошла замужъ, желая успокоить свою мать; года черезъ два она умерла, но подъячій остался живъ и изъ благодарности продолжалъ заниматься хожденіемъ по дѣламъ ея сіятельства. Теперь, совсѣмъ напротивъ, сирота вовсе не бѣдная невѣста, Княгиня собирается ее выдать какъ родную дочь, даетъ одними деньгами сто тысячъ рублей и оставляетъ сверхъ того какое-то наслѣдство. На такихъ условіяхъ можно всегда найти жениховъ не только въ Москвѣ, но гдѣ угодно, особенно имѣя компаньонку, княжескій титулъ и кочующихъ старухъ.

Шопотъ, переговоры, слухи и горничныя довели до несчастной жертвы такой попечительности намѣренія Княгини. Она сказала компаньонкѣ, что рѣшительно не приметъ ничьего предложенія. Тогда началось безпрерывное, оскорбительное, лишенное пощады и всякой деликатности гоненіе; гоненіе ежеминутное, мелкое, цѣпляющееся за каждый шагъ, за каждое слово.

... „Представь себѣ дурную погоду, страшную стужу, вѣтеръ, дождь, пасмурное, какое то безъ выраженія небо, прегадкую маленькую комнату, изъ которой кажется сейчасъ вынесли покойника, а тутъ эти *дѣти* безъ цѣли, даже безъ удовольствія, шумятъ, кричатъ, ломаютъ и марютъ все близкое; да хорошо бы еще еслибъ только можно было глядѣть на этихъ дѣтей, а когда заставляютъ быть въ ихъ средѣ“ — пишетъ она въ одномъ письмѣ изъ деревни, куда Княгиня уѣзжала лѣтомъ, и продолжаетъ: „У насъ сидятъ три старухи и всѣ три разсказываютъ, какъ ихъ покойники были въ параличѣ, какъ онѣ за ними ходили — а и безъ того холодно“.

Теперь къ этой средѣ прибавилось систематическое преслѣдованіе и уже не отъ одной Княгини, но и отъ жалкихъ старухъ, мучившихъ безпрерывно Natalie, уговаривая ее идти замужъ и браня меня; большей частію она умалчивала въ письмахъ о рядѣ непріятностей, выносимыхъ ею, но иной разъ горечь, униженіе и скука брали верхъ. „Не знаю, пишетъ она, можно ли выдумать еще что нибудь къ моему угнетенію, неужели у нихъ станетъ на столько ума? Знаешь ли ты, что даже выходъ въ другую комнату мнѣ запрещенъ, даже перемѣна мѣста въ той же комнатѣ. Я давно не играла на фортепьяно, подали огонь, иду въ залу, авось либо смилосердятся, нѣтъ, воротили, заставили вязать; пожалуй, только сяду у другаго стола, — подлѣ нихъ мнѣ невыносимо — можно ли хоть это? Нѣтъ, непремѣнно сядь тутъ, рядомъ съ попадьей, слушай, смотри, говори, а онѣ только и говорятъ о Филаретѣ, да пересуживаютъ тебя. На минуту мнѣ стало досадно, я покраснѣла и вдругъ тяжелое чувство грусти сдавило грудь, но не оттого, что я должна быть ихъ рабою нѣтъ... мнѣ смертельно стало жаль ихъ.“

Начинается формальное сватовство.

„У насъ была одна дама, которая любитъ меня и которую я за это не люблю... хлопочетъ что есть мочи прпстроить меня и до того разсердила меня, что я пропѣла ей въ слѣдъ:

Гробовой скорѣй покроюсь пеленой,
Чѣмъ безъ милаго узорчатой фатой.“

Черезъ нѣсколько дней, 26 Октября 1837 г., она пишетъ: „Что я вытерпѣла сегодня, другъ мой, ты не можешь себѣ представить. Меня нарядили и повезли къ С., которая съ дѣтства была ко мнѣ *милостива* черезъ мѣру, къ нимъ каждый вторникъ ѣздитъ иолковникъ З.

играть въ карты. Вообразп мое положеніе, съ одной стороны старухи за карточнымъ столомъ, съ другой разныя безобразныя фигуры и онъ. Разговоръ, лица, все это такъ чуждо, странно, противно, такъ безжизненно, пошло, я сама была больше похожа на изваяніе, чѣмъ на живое существо; все происходящее казалось мнѣ тяжкимъ удушливымъ сномъ. я какъ ребенокъ безпрерывно просила ѣхать домой, меня не слушали. Вниманіе хозяина и *гостя* задавили меня, онъ даже написалъ мѣломъ до половины мой вензель; Боже мой, монхъ силъ не достаетъ, ни на кого не могу опереться изъ тѣхъ, которые могли быть опорой; одна — на краю пропасти, и цѣлая толпа употребляетъ всѣ усилія, чтобъ столкнуть меня, иногда я устаю, силы слабѣютъ и нѣтъ тебя вблизи и вдали тебя не видно; но одно воспоминаніе — и душа встрепенулась, готова снова на бой въ доспѣхахъ любви."

Между тѣмъ полковникъ понравился всѣмъ, Сенаторъ его ласкалъ, отецъ мой находилъ, что „лучше жениха нельзя ждать и желать не должно." „Даже, пишетъ Natalie, его превосходительство Д. П. (Голохвастовъ) доволенъ имъ." Княгиня не говорила прямо Natalie, но прибавляла притѣсненія и торопила дѣло. Natalie пробовала прикидываться при немъ совершенной „дурочкой," думая, что отстращаетъ его. Нисколько, онъ продолжаетъ ѣздить чаще и чаще.

„Вчера, пишетъ она, была у меня Эмилія, вотъ что она сказала: Еслибъ я услышала, что ты умерла, я бы съ радостью перекрестилась и поблагодарила бы Бога. Она права во многомъ, но не совсѣмъ, душа ея, живущая однимъ горемъ, поняла вполнѣ страданія моей души, но блаженство, которымъ наполняетъ ее любовь, едва ли ей доступно."

Но и Княгиня не унывала. „Желая очистить свою совѣсть, Княгиня призвала какого-то священника, знакомаго съ З., и спрашивала его, не грѣхъ ли будетъ отдать меня насильно? Священникъ сказалъ, что это будетъ даже богоугодно пристроить сироту. Я пошлю за своимъ духовникомъ—прибавляетъ Natalie—и открою ему все.“

30 Октября. „Вотъ платье, вотъ нарядъ къ завтраму, а тамъ образъ, кольцы, хлопоты, приготовленія и ни слова мнѣ. Приглашены Насакины и другіе. Они готовятъ мнѣ сюрпризъ—и я готовлю имъ сюрпризъ.

Вечеръ. „Теперь происходитъ совѣщаніе. Левъ Алексѣевичъ (Сенаторъ) здѣсь. Ты уговорилась меня—не нужно, другъ мой, я умѣю отворачиваться отъ этихъ ужасныхъ, гнусныхъ сценъ, куда меня тянутъ на цѣпи. Твой образъ сіяетъ надо мной, за меня нечего бояться, и самая грусть и самое горе такъ святы и такъ сильно и крѣпко обняли душу, что отрывая ихъ, сдѣлаешь еще больнѣе, раны откроются.“

Однако, какъ ни скрывали и ни маскировали дѣла, полковникъ не могъ не увидѣть рѣшительнаго отвращенія невѣсты; онъ сталъ рѣже ѣздить, сказался больнымъ, запнулся даже о прибавкѣ приданаго, это очень разсердило, но Княгиня прошла и черезъ это униженіе, она давала еще свою подмосковную. Этой уступки, кажется, и онъ не ждалъ, потому что послѣ нея онъ совсѣмъ скрылся.

Мѣсяца два прошли тихо. Вдругъ разнеслась вѣсть о моемъ переводѣ во Владиміръ. Тогда Княгиня сдѣлала послѣдній отчаянный опытъ сватовства. У одной изъ ея знакомыхъ былъ, сынъ офицеръ, только что возвратившійся съ Кавказа, онъ былъ молодъ, образованъ и весьма порядочный человѣкъ. Княгиня, откинувъ спѣсь,

сама предложила его сестрѣ „посондировать“ брата, не хочетъ ли онъ посвататься. Онъ поддался на внушенія сестры. Молодой дѣвушкѣ не хотѣлось еще разъ играть ту же отвратительную и скучную роль, она, видя, что дѣло принимаетъ серьезный оборотъ, написала ему письмо, прямо, открыто и просто говорила ему, что любитъ другаго, довѣрялась его чести и просила не прибавлять ей новыхъ страданій.

Офицеръ очень деликатно устранился. Княгиня была поражена, оскорблена и рѣшилась узнать въ чемъ дѣло. Сестра офицера, съ которой говорила сама Natalie и которая дала слово брату ничего не передавать Княгинѣ, разсказала все компаньонкѣ. Разумѣется, та тотчасъ же донесла.

Княгиня чуть не задохнулась отъ негодованья. Не зная что дѣлать, она приказала молодой дѣвушкѣ идти къ себѣ на верхъ и не казаться ей на глаза; не довольная этимъ, она велѣла запереть ея дверь и посадила двухъ горничныхъ для караула. Потомъ она написала къ своимъ братьямъ и одному изъ племянниковъ записки и просила ихъ собраться для совѣта, говоря, что она такъ разстроена и огорчена, что не можетъ ума приложить къ несчастному дѣлу, ее постигшему. Отецъ мой отказался, говоря, что у него своихъ заботъ много, что вовсе не нужно придавать случившемуся такой важности, и что онъ плохой судья въ дѣлахъ сердечныхъ. Сенаторъ и Д. П. Голохвастовъ явились на другой день вечеромъ, по зову.

Долго толковали они, ни въ чемъ не согласились и наконецъ потребовали арестанта. Молодая дѣвушка взошла; но это была не та молчаливая, застѣнчивая сирота, которую они знали. Непоколебимая твердость и безвозвратное рѣшеніе были видны въ спокойномъ и

гордомъ выраженіи лица, это было не дитя, а женщина, которая шла защищать свою любовь—мою любовь.

Видъ „подсудимой“ смѣшалъ ареопагъ. Имъ было неловко; наконецъ Дмитрій Павловичъ, l'orateur de la famille, изложилъ пространно причину ихъ съѣзда, горесть Княгини, ея сердечное желаніе устроить судьбу своей воспитанницы и странное противудѣйствіе со стороны той, въ пользу которой все дѣлается. Сенаторъ подтверждалъ головой и указательнымъ пальцемъ слова племянника. Княгиня молчала, сидѣла отвернувшись и нюхала соль.

„Подсудимая“ все выслушала и простодушно спросила, чего отъ нея требуютъ?

— Мы весьма далеки отъ того, чтобъ что нибудь требовать, замѣтилъ племянникъ, мы здѣсь по волѣ тетушки для того, чтобъ дать вамъ искренній совѣтъ. Вамъ представляется партія. превосходная во всѣхъ отношеніяхъ.

— Я не могу ее принять.

— Какая же причина на это?

— Вы ее знаете.

Ораторъ семейства немного покраснѣлъ, понюхалъ табаку и щуря глаза продолжалъ: Тутъ есть очень многое, противъ чего можно бы возражать, я обращаю ваше вниманіе на шаткость вашихъ надеждъ. Вы такъ давно не видались съ нашимъ несчастнымъ Alexandr'омъ, онъ такъ молодъ, горячъ—увѣрены ли вы?

— Увѣрена. Да и какія бы намѣренія его ни были, я не могу перемѣнить своихъ.

Племянникъ исчерпалъ свою латынь; онъ всталъ, говоря: „Дай богъ, дай богъ, чтобъ вы не раскаялись! я очень боюсь за ваше будущее.“ Сенаторъ морщился; къ нему то и обратилась теперь несчастная дѣвушка.

„Вы, сказала она ему, показывали мнѣ всегда участіе, васъ я умоляю, спасите меня, сдѣлайте, что хотите, но избавьте меня отъ этой жизни. Я ничего никому не сдѣлала, ничего не прошу, ничего не предпринимаю, я только отказываюсь обмануть человѣка и погубить себя, выходя за него замужъ. Что я за это терплю, нельзя себѣ представить, мнѣ больно, что я должна это высказать въ присутствіи Княгини, но выносить оскорбленія, обидныя слова, намеки ея пріятельницы, выше моихъ силъ. Я не могу, я не должна позволить, чтобъ во мнѣ былъ оскорбленъ..." Нервы взяли свое и слезы градомъ полились изъ ея глазъ; Сенаторъ вскочилъ и взволнованный ходилъ по комнатѣ.

Въ это время компаньонка, кипѣвшая отъ злобы, не выдержала и сказала, обращаясь къ Княгинѣ: „Какова наша скромница-то, вотъ вамъ и благодарность."

— О комъ она говоритъ? закричалъ Сенаторъ—А? Какъ это вы, сестрица, позволяете, чтобъ эта, чортъ знаетъ кто такая, при васъ такъ говорила о дочери вашего брата? Да и вообще зачѣмъ эта шваль здѣсь? Вы ее то-же позвали на совѣтъ? Что она вамъ родственница, что ли?

— Голубчикъ мой, отвѣчала испуганная Княгиня, ты знаешь, что она мнѣ и какъ она за мной ходитъ.

— Да, да, это прекрасно, ну и пусть подаетъ лекарство и что нужно; не о томъ рѣчь — я васъ, ma soeur, спрашиваю зачѣмъ она здѣсь, когда говорятъ о семейномъ дѣлѣ, да еще голосъ подымаетъ? Можно думать послѣ этого, чтъ она дѣлаетъ одна, а потомъ жалуетесь. — Эй, карету!

Компаньонка, расплаканная и раскраснѣвшаяся, выбѣжала вонъ. „Зачѣмъ вы такъ балуете ее? продолжалъ расходившійся Сенаторъ — она все воображаетъ,

что въ шинкѣ въ Звенигородѣ сидитъ; какъ вамъ это не гадко?

— Перестань, мой другъ, пожалуйста, у меня нервы такъ разстроены — охъ! — Ты можешь идти на верхъ и тамъ остаться, прибавила она, обращаясь къ племянницѣ.

— Пора и бастильи всѣ эти уничтожить. Все это вздоръ и ни къ чему не ведетъ, замѣтилъ Сенаторъ и схватилъ шляпу.

Уѣзжая, онъ взошелъ на верхъ; взволнованная всѣмъ происшедшимъ, Natalie сидѣла на креслахъ, закрывши лицо, и горько плакала. Старикъ потрепалъ ее по плечу и сказалъ:

— Успокойся, успокойся, все перемелится. Ты постарайся, чтобъ сестра перестала сердиться на тебя, она женщина больная, надобно ей уступить, она вѣдь все-жъ добра тебѣ желаетъ; ну а насильно тебя замужъ не отдадутъ, за это я тебѣ отвѣчаю.

— Лучше въ монастырь, въ пансіонъ, въ Тамбовъ къ брату, въ Петербургъ, чѣмъ дольше выносить эту жизнь, отвѣчала она.

— Ну полно, полно! старайся успокоить сестру, а дуру эту я отучу отъ грубостей.

Сенаторъ, проходя по залѣ, встрѣтилъ компаньонку; „прошу не забываться!“ закричалъ онъ на нее, грозя пальцемъ. Она, рыдая, пошла въ спальню, гдѣ Княгиня уже лежала въ постели и четыре горничныя терли ей руки и ноги, мочили виски уксусомъ и капали гофманскія капли на сахаръ.

Тѣмъ семейный совѣтъ и кончился.

Ясное дѣло, что положеніе молодой дѣвушки не могло перемѣниться къ лучшему. Компаньонка стала осторожнѣе, но питая теперь личную ненависть и желая

на ней вымѣстить обиду и униженіе, она отравляла ей жизнь мелкими, косвенными средствами; само собою разумѣется, что Княгиня участвовала въ этомъ неблагородномъ преслѣдованіи беззащитной дѣвушки.

Надобно было положить этому конецъ. Я рѣшился выступить прямо на сцену и написалъ моему отцу длинное, спокойное, искреннее письмо. Я говорилъ ему о моей любви, и предвидя его отвѣтъ, прибавлялъ что я вовсе его не тороплю, что я даю ему время вглядѣться мимолетное это чувство или нѣтъ, и прошу его объ одномъ чтобъ онъ и Сенаторъ взошли въ положеніе несчастной дѣвушки, чтобъ они вспомнили, что они имѣютъ на нее столько же права, сколько и сама Княгиня.

Отецъ мой на это отвѣчалъ, что онъ въ *чужія дѣла* терпѣть не можетъ мѣшаться, что до него не касается, что Княгиня дѣлаетъ у себя въ домѣ; онъ мнѣ совѣтовалъ оставить пустыя мысли, „порожденныя праздностью и скукой ссылки,“ и лучше приготовляться къ путешествію въ чужіе края. Мы часто говаривали съ нимъ въ былые годы о поѣздкѣ за границу, онъ зналъ, какъ страстно я желалъ, но находилъ бездну препятствій и всегда оканчивалъ однимъ: „Ты прежде закрой мнѣ глаза, потомъ дорога открыта на всѣ четыре стороны.“ Въ ссылкѣ я потерялъ всякую надежду на скорое путешествіе, зналъ, какъ трудно будетъ получить дозволеніе, и сверхъ того, мнѣ казалось неделикатно, послѣ насильственной разлуки, настаивать на добровольную. Я помнилъ слезу, дрожавшую на старыхъ вѣкахъ, когда я отправлялся въ Пермь..... и вдругъ мой отецъ беретъ иниціативу и предлагаетъ мнѣ ѣхать!

Я былъ откровененъ, писалъ щадя старика, просилъ такъ мало — онъ мнѣ отвѣчалъ ироніей и уловкой.

„Онъ ничего не хочетъ сдѣлать для меня, говорилъ я самъ себѣ, онъ, какъ Гизо, проповѣдуетъ la non intervention: хорошо, такъ я сдѣлаю самъ и теперь ампнь уступкамъ.“ Я ни разу прежде не думалъ объ устройствѣ будущаго; я вѣрилъ, зналъ, что оно мое, что оно наше, и предоставлялъ подробности случаю; намъ было довольно сознанія любви, желанія не шли дальше минутнаго свиданія. Письмо моего отца заставило меня схватить будущее въ мои руки. Ждать было нечего — cosa fatta capo ha! Отецъ мой не очень сентименталенъ, а Княгиня. —

Пускай себѣ поплачетъ,
Ей ничего не значитъ!

Въ это время гостили во Владимірѣ мой братъ и К. Мы съ К. проводили цѣлыя ночи на пролетъ, говоря, вспоминая, смѣясь сквозь слезы и до слезъ. Онъ былъ первый изъ нашихъ, котораго я увидѣлъ послѣ отъѣзда изъ Москвы. Отъ него я узналъ хронику нашего круга, въ чемъ перемѣны и какіе вопросы занимаютъ, какія лица прибыли, гдѣ тѣ, которыя оставили Москву и пр. Переговоривши все, я разсказалъ о моихъ намѣреніяхъ. Разсуждая что и какъ слѣдуетъ сдѣлать, К, заключилъ предложеніемъ, нелѣпость котораго я оцѣнилъ потомъ. Желая исчерпать всѣ мирные пути, онъ хотѣлъ съѣздить къ моему отцу, котораго едва зналъ, и *серьезно* съ нимъ поговорить. Я согласился.

К. конечно былъ способнѣе на все хорошее и на все худое, чѣмъ на дипломатическіе переговоры, особенно съ моимъ отцомъ. Онъ имѣлъ въ высшей степени все то, что должно было окончательно испортить дѣло. Онъ однимъ появленіемъ своимъ наводилъ унынie и тревогу на всякаго консерватора. Высокій ростомъ, съ волосами странно разбросанными, безъ всякаго един-

ства прически, съ рѣзкимъ лицомъ, напоминающимъ рядъ членовъ конвента 93 года, а всего болѣ Мара, съ тѣмъ же большимъ ртомъ, съ тою же рѣзкой чертой пренебреженія на губахъ и съ тѣмъ же грустно и озлоблено печальнымъ выраженіемъ; къ этому слѣдуетъ прибавить очки, шляпу съ широкими полями, чрезвычайную раздражительность, громкій голосъ, непривычку себя сдерживать и способность, по мѣрѣ негодованія поднимать брови все выше и выше. К. былъ похожъ на Ларавиньe въ превосходномъ романѣ Ж. Сандъ „Орасъ," съ примѣсью чего-то патфайндерскаго, робинзоновскаго, и еще чего-то чисто московскаго. Открытая, благородная натура съ дѣтства поставила его въ прямую ссору съ окружающимъ міромъ; онъ не скрывалъ это враждебное отношеніе и привыкъ къ нему. Нѣсколькими годами старше насъ, онъ безпрерывно бранился съ нами и былъ всѣмъ недоволенъ, дѣлалъ выговоры, ссорился, и покрывалъ все это добродушіемъ ребенка. Слова его были грубы, но чувства нѣжны и мы бездну прощали ему.

Представьте же именно его, этого послѣдняго Могикана, съ лицемъ Мара, „друга народа," отправляющагося увѣщевать моего отца. Много разъ потомъ я заставлялъ К. пересказывать ихъ свиданіе, моего воображенія недоставало, чтобъ представить все оригинальное этого дипломатическаго вмѣшательства. Оно пришлось такъ невзначай, что старикъ не нашелся сначала, сталъ объяснять всѣ глубокія соображенія почему онъ противъ моего брака, и потомъ уже, спохватившись, перемѣнилъ тонъ и спросилъ К., съ какой онъ стати пришелъ къ нему говорить о дѣлѣ, до него вовсе не касающемся. Разговоръ принялъ характеръ желчевой. Дипломатъ, видя, что дѣло становится хуже, по-

пробовалъ пугнуть старика моимъ здоровьемъ; но это уже было поздно и свиданіе окончилось, какъ слѣдовало ожидать, рядомъ язвительныхъ колкостей со стороны моего отца и грубыхъ выраженій со стороны К.

К. писалъ мнѣ: „Отъ старика ничего не жди.“ Этого-то и надо было. Но что было дѣлать, какъ начать? Пока я обдумывалъ по десяти разныхъ проэктовъ въ день и не рѣшался, который предпочесть, братъ мой собрался ѣхать въ Москву.

Это было 1 Марта 1838 года.

ГЛАВА XXIII.*)

Третье Марта и Девятое Мая 1838 года.

Утромъ я писалъ письма; когда я кончилъ, мы сѣли обѣдать. Я не ѣлъ, мы молчали, мнѣ было невыносимо тяжело, — это было часу въ пятомъ, въ семь должны были придти лошади. Завтра послѣ обѣда онъ будетъ въ Москвѣ, а я — и съ каждой минутой пульсъ у меня бился сильнѣе.

*) Отрывокъ изъ этой главы былъ напечатанъ въ *Пол. Зв.* Т. I. стр. 79, при слѣдующемъ примѣчаніи:

— Кто имѣетъ право писать свои воспоминанія?

— *Всякій.*

Потому, что *никто их*ъ не обязанъ читать.

Для того, чтобъ писать свои воспоминанія, вовсе не надобно быть ни великимъ мужемъ, ни знаменитымъ злодѣемъ, ни извѣстнымъ артистомъ, ни государственнымъ человѣкомъ, — для этого достаточно быть просто человѣкомъ, имѣть что нибудь для разсказа и не только хотѣть, но и сколько-нибудь умѣть разсказать.

— Послушайте, сказалъ я навонецъ брату, глядя въ тарелку, довезите меня до Москвы? — Братъ мой опу-

Всякая жизнь интересна; не личность — такъ среда, страна, занимаютъ, *жизнь* занимаетъ. Человѣкъ любитъ заступать въ другое существованіе, любитъ касаться тончайшихъ волоконъ чужаго сердца и прислушиваться къ его біенію... онъ сравниваетъ, онъ свѣряетъ, онъ ищетъ себѣ подтвержденій, сочувствія, оправданія...

— Но могутъ-же записки быть скучны, описанная жизнь безцвѣтна, пошла?

— Такъ не будемъ ихъ читать—хуже наказанія для книги нѣтъ.

Сверхъ того этому горю не пособитъ никакое *право* на писаніе мемуаровъ. Записки Бенвенуто Челлини совсѣмъ не потому занимательны, что онъ былъ отличный золотыхъ дѣлъ мастеръ, а потому, что онѣ сами по себѣ занимательны любой повѣстью.

Дѣло въ томъ, что слово „имѣть право“ на такую или другую рѣчь, принадлежитъ не нашему времени, а времени умственнаго несовершеннолѣтія, поэтовъ, лауреатовъ, докторскихъ шапокъ, цеховыхъ ученыхъ, патентованныхъ философовъ, метафизиковъ по дипломy и другихъ фарисеевъ христіанскаго міра. Тогда актъ писанія считался какимъ-то священнодѣйствіемъ; писавшій для публики говорилъ свысока, неестественно, отборными словами, онъ „проповѣдывалъ“ или „пѣлъ.“

А мы просто говоримъ. Для насъ писать такое-же свѣтское занятіе, такая-же работа или разсѣяніе, какъ и всѣ остальныя. Въ этомъ отношеніи трудно оспаривать „право на работу.“ Найдетъ-ли трудъ признаніе, одобреніе—это совѣмъ иное дѣло.

Годъ тому назадъ, я напечаталъ по русски одну часть моихъ записокъ подъ заглавіемъ „Тюрьма и Ссылка,“ напечаталъ я ее въ Лондонѣ, во время начавшейся войны, я не считалъ ни на читателей, ни на вниманіе внѣ Россіи. Успѣхъ этой книги превзошелъ всѣ ожиданія, Revue des Deux-Mondes, этотъ цѣломудреннѣйшій и чопорнѣйшій журналъ помѣстилъ полкниги въ французскомъ переводѣ. Умный, ученый the Athenæum далъ отрывки по англійски; на нѣмецкомъ вышла вся книга, на англійскомъ она издается.

Вотъ почему я рѣшился печатать отрывки изъ другихъ частей.

Въ другомъ мѣстѣ скажу я, какое огромное значеніе для меня лично имѣютъ мои записки и съ какою цѣлью я ихъ началъ писать. Я ограничусь теперь однимъ общимъ замѣчаніемъ, что у насъ особенно полезно печатаніе современныхъ записокъ. Благодаря цензурѣ, мы не привыкли къ публичности, всякая гласность насъ пугаетъ, останавливаетъ, удивляетъ. Въ Англіи каждый человѣкъ, поя-

стилъ вилку и смотрѣлъ на меня неувѣренный, послышалось ему или нѣтъ.

вляющійся на какой-нибудь общественной сценѣ: разнощикомъ писемъ или хранителемъ печати, подлежитъ тому-же разбору, тѣмъ-же свисткамъ и рукоплесканіямъ, какъ актеръ послѣдняго театра гдѣ-нибудь въ Ислингтонѣ или Падинктонѣ. Ни королева, ни ея мужъ не исключены. Это великая узда!

Пусть-же и наши императорскіе *актеры* тайной и явной полиціи, такъ хорошо защищенные отъ гласности цензурой и отеческими наказаніями, знаютъ, что рано или поздно дѣла ихъ выйдутъ на бѣлый свѣтъ.

Помѣщаемъ тутъ же примѣчаніе, сопровождавшее отрывокъ изъ первой части, напечатанное въ *Пол. Зв.* Т. II, стр. 45.

Въ Октябрѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года, Герстъ и Блякетъ издали англійскій переводъ моихъ записокъ. Успѣхъ былъ полнѣйшій, не только всѣ свободно мыслящіе журналы и ревю помѣстили большія отрывки съ самыми лестными отзывами (съ особенной благодарностью вспоминаю я о статьяхъ The Athenæum, The Critic и Weekly Times), но даже тайно-брачный органъ пальмерстоновскаго и бонапартовскаго союза, Morning Post, разбранилъ меня и совѣтывалъ закрыть русскую типографію, если я хочу пользоватся уваженіемъ (кого? — ихъ — нисколько не хочу).

Этотъ успѣхъ, вмѣстѣ съ разборомъ нѣмецкаго перевода въ Нью-Іоркскихъ и нѣмецкихъ журналахъ рѣшилъ мое сомнѣніе печатать или нѣтъ часть предшествующую „Тюрьмѣ и Ссылкѣ.“ Въ этой части мнѣ приходилось больше говорить о себѣ нежели въ напечатанныхъ и не только о себѣ, но и о семейныхъ дѣлахъ. Это вещь трудная, не сама по себѣ, а потому что по дорогѣ невольно наталкиваешься на предразсудки, окружающіе заборомъ семейный очагъ. Я не коснулся грубо ни одного воспоминанія, не оскорбилъ ни одного истиннаго чувства, но я не хотѣлъ пожертвовать интересомъ, который имѣетъ жизнь искренно разсказанная — цѣломудренной лжи и коварному умалчиванію.

Не знаю, стоитъ-ли говорить о гнусныхъ нападкахъ, которымъ меня подвергла неосторожная продѣлка издателей; но, чтобъ не подумали, что я умолчалъ о нихъ, скажу нѣсколько словъ. Издатели переводовъ, не имѣвшіе никакого сношенія со мной, смѣло поставили слово „Сибирь“ въ заглавіи. Я протестовалъ. Это не помѣшало одному журналу напасть на меня. Я отвѣчалъ, разсказавъ дѣло. Онъ продолжалъ клевету — я не могъ нагнуться до отвѣта. По счастью я знаю, что въ Россіи не только между нашими друзьями,

— Провезите меня черезъ заставу какъ вашего слугу, больше мнѣ ничего ненужно, согласны?

— Да я пожалуй, только знаешь, чтобъ тебѣ потомъ...

Это ужъ было поздно, его „пожалуй“ было у меня въ крови, въ мозгу. Мысль едва мелькнувшая за минуту, была теперь неисторгаема.

— Что тутъ толковать мало ли что можетъ случиться — и такъ вы берете меня?

— Отчего же — я право готовъ — только...

Я вскочилъ изъ за стола.

— Вы ѣдете? спросилъ Матвѣй, желая что-то сказать.

— Ѣду, отвѣчалъ я такъ, что онъ ничего не прибавилъ. Я послѣ завтра возвращусь, коли кто придетъ, скажи, что у меня болитъ голова и что я сплю, вечеромъ зажги свѣчи, и за симъ дай мнѣ бѣлья и сакъ.

Бубенчики позванивали на дворѣ. — Вы готовы? — Готовъ. И такъ въ добрый часъ.

На другой день въ обѣденную пору бубенчики перестали позванивать, мы были у подъѣзда К. Я велѣлъ его вызвать. Недѣлю тому назадъ, когда онъ меня оставилъ во Владимірѣ, о моемъ пріѣздѣ не было даже предположенія, а потому онъ такъ удивился, увидя меня, что сначала не сказалъ ни слова, а потомъ покатился со смѣху, но вскорѣ принялъ озабоченный видъ и повелъ меня къ себѣ. Когда мы были въ его комнатѣ,

но между нашими врагами не найдется ни одинъ человѣкъ, который бы заподозрилъ меня въ намѣренномъ обманѣ à la Barnum или подумалъ бы, что ссылка на *чернильную* работу была для меня добровольной службой.

онъ тщательно запирая дверь на ключъ, спросилъ меня: „Что случилось.“

— Ничего.

— Да ты зачѣмъ?

— Я не могъ остаться во Владимірѣ, я хочу видѣть Natalie — вотъ и все, а ты долженъ это устроить, и сію же минуту, потому что завтра я долженъ быть дома.

К. смотрѣлъ мнѣ въ глаза и сильно поднялъ брови.

— Какая глупость, это чортъ знаетъ что такое, безъ нужды, ничего не приготовивши, ѣхать. Что ты писалъ, назначилъ время?

— Ничего не писалъ.

— Помилуй, братецъ, да что же мы съ тобой сдѣлаемъ? Это изъ рукъ вонъ, это бѣлая горячка!

— Въ томъ-то все дѣло, что, не теряя ни минуты, надобно придумать какъ и что.

— Ты глупъ, сказалъ положительно К., забирая еще выше бровями, я былъ бы очень радъ, чрезвычайно радъ, еслибъ ничего не удалось, былъ бы урокъ тебѣ.

— И довольно продолжительный, если попадусь. Слушай, когда будетъ темно, мы поѣдемъ къ дому Княгини, ты вызовешь кого нибудь на улицу, изъ людей, я тебѣ скажу кого, — ну потомъ увидимъ, что дѣлать. Ладно, что ли?

— Ну, дѣлать нечего, пойдемъ, а ужъ какъ бы мнѣ хотѣлось, чтобъ не удалось! Что же вчера не написалъ? — и К., важно нахлобучивъ на себя свою шляпу съ длинными полями, набросилъ черный плащъ на красной подкладкѣ.

— Ахъ ты проклятый ворчунъ! сказалъ я ему выходя, и К. отъ души смѣясь, повторялъ: Да развѣ это не

курамъ на смѣхъ, не написалъ и пріѣхалъ — это изъ рукъ вонъ.

У К. нельзя было оставаться, онъ жилъ ужасно далеко и въ этотъ день у его матери были гости. Онъ отправился со мной къ одному гусарскому офицеру. К. его зналъ за благороднаго человѣка, онъ не былъ замѣшанъ въ политическія дѣла и слѣдственно внѣ полицейскаго надзора. Офицеръ съ длинными усами сидѣлъ за обѣдомъ, когда мы пришли; К. разсказалъ ему въ чемъ дѣло, офицеръ въ отвѣтъ налилъ мнѣ стаканъ краснаго вина и поблагодарилъ за довѣріе, потомъ отправился со мной въ свою спальню, украшенную сѣдлами и черпаками, такъ что можно было думать, что онъ спитъ верхомъ.

— Вотъ вамъ комната, сказалъ онъ, васъ никто здѣсь не обезпокоитъ. Потомъ онъ позвалъ денщика, гусара же, и велѣлъ ему, ни подъ какимъ предлогомъ никого не пускать въ эту комнату. Я снова очутился подъ охраной солдата, съ той разницей, что въ Крутицахъ жандармъ меня караулилъ отъ всего міра, а тутъ гусаръ караулилъ весь міръ отъ меня.

Когда совсѣмъ смерклось, мы отправились съ К. Сильно билось сердце, когда я снова увидѣлъ знакомыя родныя улицы, мѣста, домы, которыхъ я не видалъ около четырехъ лѣтъ... Кузнецкій мостъ, Тверской бульваръ... вотъ и домъ Огарева, ему нахлобучили какой-то огромный гербъ, онъ чужой ужъ; въ нижнемъ этажѣ, гдѣ мы такъ юно жили, жилъ портной... вотъ Поварская — духъ занимается, въ мезонинѣ, въ угловомъ окнѣ, горитъ свѣча, это ея комната, она пишетъ ко мнѣ, она думаетъ обо мнѣ, свѣча такъ весело горитъ, такъ *мнѣ* горитъ.

Пока мы придумывали, какъ лучше вызвать кого ни-

будь, намъ на встрѣчу бѣжитъ одинъ изъ молодыхъ офиціантовъ Княгини. „Аркадій,“ сказалъ я поровнявшись. Онъ меня не узналъ. „Что съ тобой, сказалъ я, своихъ не узнаешь?“ — „Да это вы-съ?“ вскрикнулъ онъ, я приложилъ палецъ къ губамъ и сказалъ: „Хочешь ли ты мнѣ сослужить дружескую службу, доставь немедленно, черезъ Сашу или Костиньку, какъ можно скорѣй, вотъ эту записочку, понимаешь? Мы будемъ ждать отвѣтъ въ переулкѣ за угломъ и ни полслова никому о томъ, что ты меня видѣлъ въ Москвѣ.“

— Будьте покойны, все обдѣлаемъ въ мигъ. отвѣчалъ Аркадій и пустился рысью домой.

Около получаса ходили мы взадъ и впередъ по переулку, прежде чѣмъ вышла, торопясь и оглядываясь, небольшая, худенькая старушка, та самая бойкая горничная, которая въ 1812 году у французскихъ солдатъ просила для меня „манже;“ съ дѣтства мы звали ее Костинькой. Старушка взяла меня обѣими руками за лицо и разцаловала.

— Такъ то ты и прилетѣлъ, говорила она, ахъ ты буйная голова, и когда ты это уймешься, безнутный ты мой, и барышню такъ испугалъ, что чуть въ обморокъ не упала.

— Что же записочка есть у васъ?

— Есть, есть, ишь какой нетерпѣливый, и она мнѣ подала лоскутокъ бумаги.

— Дрожащей рукой, карандашомъ, были написаны нѣсколько словъ: „Боже мой, неужели это правда—ты здѣсь, завтра въ шестомъ часу утра, я буду тебя ждать, не вѣрю, не вѣрю! Неужели это не сонъ?“

Гусаръ снова отдалъ меня на сохраненіе денщику. Въ пять часовъ съ половиной я стоялъ прислонившись къ фонарному столбу и ждалъ. К., взошедшаго въ калит-

ку княгининаго дома. Я и не пробую передать того, что происходило во мнѣ, пока я ждалъ у столба; такія мгновенія остаются потому личной тайной, что они нѣмы.

К. махалъ мнѣ рукой. Я взошелъ въ калитку, мальчикъ, который успѣлъ вырости, провожалъ меня, знакомо улыбаясь. И вотъ я въ передней, въ которую нѣкогда входилъ зѣвая, а теперь готовъ былъ пасть на колѣна и цаловать каждую доску пола. Аркадій привелъ меня въ гостинную и вышелъ. Я утомленный бросился на диванъ, сердце билось такъ сильно, что мнѣ было больно, и сверхъ того мнѣ было страшно. Я растягиваю разсказъ, чтобъ дольше остаться съ этими воспоминаніями, хотя и вижу, что слово ихъ плохо беретъ.

Она взошла, вся въ бѣломъ, ослѣпительно прекрасна, три года разлуки и вынесенная борьба окончили черты и выраженіе. „Это ты,“ сказала она своимъ тихимъ, кроткимъ голосомъ.

Мы сѣли на диванъ и молчали.

Выраженіе счастія въ ея глазахъ доходило до страданія. Должно быть, чувство радости, доведенное до высшей степени, смѣшивается съ выраженіемъ боли, потому что и она мнѣ сказала: „Какой у тебя измученный видъ!“

Я держалъ ея руку, на другую она облокотилась, и намъ нечего было другъ другу сказать... короткія фразы, два-три воспоминанія, слова изъ писемъ, пустыя замѣчанія объ Аркадіѣ, о гусарѣ, о Костинькѣ.

Потомъ взошла нянюшка, говоря что пора, и я всталъ не возрожая и она меня не останавливала... такая полнота была въ душѣ. Больше, меньше, короче, дольше, еще, все это исчезло передъ полнотой настоящаго...

Когда мы были за заставой, К. спросилъ: „Что же у васъ, рѣшено что нибудь?

— Ничего.

— Да ты говорилъ съ ней?

— Объ этомъ ни слова.

— Она согласна?

— Я не спрашивалъ—разумѣется согласна.

— Ты ей богу поступаешь какъ дитя или какъ сумашедшій, замѣтилъ К., повышая брови и пожимая съ негодованіемъ плечами.

— Я ей напишу, потомъ тебѣ, а теперь прощай! Нутка по всѣмъ по тремъ.

На дворѣ была оттепель, рыхлой снѣгъ мѣстами чернѣлъ, безконечная бѣлая поляна лежала съ обѣихъ сторонъ, деревеньки мелькали съ своимъ дымомъ, потомъ взошелъ мѣсяцъ и иначе освѣтилъ все; я былъ одинъ съ ямщикомъ и все смотрѣлъ и все былъ тамъ съ нею, и дорога, и мѣсяцъ, и поляны какъ-то смѣшивались съ княгининой гостинной. И странно я помнилъ каждое слово нянюшки, Аркадья, даже горничной, проводившей меня до воротъ, но что я говорилъ съ нею, что она мнѣ говорила, не помнилъ!

Два мѣсяца прошли въ безпрерывныхъ хлопотахъ, надобно было занять денегъ, достать метрическое свидѣтельство; оказалось что Княгиня его взяла. Одинъ изъ друзей досталъ всѣми неправдами другое изъ консисторіи — платя, кланяясь, потчуя квартальныхъ и писарей.

Когда все было готово, мы поѣхали, т. е. я и Матвѣй.

На разсвѣтѣ 8 Мая, мы были на послѣдней ямской станціи передъ Москвой. Ямщики пошли за лошадями. Погода была душная, дождь капалъ, казалось будетъ

гроза, я не вышелъ изъ кибитки и торопилъ ямщика. Кто-то страннымъ голосомъ, тонкимъ, плаксивымъ, протяжнымъ говорилъ возлѣ. Я обернулся и увидѣлъ дѣвочку лѣтъ шестнадцати, блѣдную, худую, въ лохмотьяхъ и съ распущенными волосами, она просила милостыню. Я далъ ей мелкую серебряную монету; она захохотала, увидя ее, но вмѣсто того, чтобъ идти прочь влѣзла на облучекъ кибитки, повернулась ко мнѣ и стала бормотать полусвязныя рѣчи, глядя мнѣ прямо въ лицо, ея взглядъ былъ мутенъ, жалокъ, пряди волосъ падали на лицо. Болѣзненное лицо ея, непонятная болтовня вмѣстѣ съ утреннимъ освѣщеніемъ, наводили на меня какую то нервную робость.

— Это у насъ такъ, юродивая, т. е. дурочка, замѣтилъ ямщикъ. И куда ты лѣзишь, вотъ стягну, такъ узнаешь! Ей богу стягну, озарница едакая!

— Что ты бронишся, что я тѣ сдѣлла — вотъ барынъ-то серебряной пятачекъ далъ, а что я тебѣ сдѣлла?

— Ну далъ, такъ и убирайся къ своимъ чертямъ въ лѣсъ.

— Возьми меня съ собой, прибавила дѣвочка, жалобно глядя на меня, ну право возьми...

— Въ Москвѣ показывать за деньги, чудо молъ юдо ракъ морской, замѣтилъ ямщикъ, ну слѣзай, что ли трогаемъ.

Дѣвочка не думала идти, а все жалобно смотрѣла, я просилъ ямщика не обижать ее, онъ взялъ ее тихо въ охабку и поставилъ на землю. Она расплакалась, и я готовъ былъ плакать съ нею.

Зачѣмъ это существо попалось мнѣ именно въ этотъ день, именно при въѣздѣ въ Москву? Я вспомнилъ „Безумную“ Козлова, и ее онъ встрѣтилъ подъ Москвой.

Мы поѣхали, воздухъ былъ полонъ электричества, непріятно тяжелъ и тепелъ. Синяя туча, опускавшаяся сѣрыми клочьями до земли, медленно тащилась ими по полямъ—и вдругъ зигъ-загъ молніи прорѣзалъ ее своими уступами вкось—ударилъ громъ и дождь полился ливнемъ. Мы были верстахъ въ десяти отъ рогожской заставы, да еще Москвой приходилось съ часъ ѣхать до дѣвичьяго поля. Мы пріѣхали къ А., гдѣ меня долженъ былъ ожидать К. рѣшительно безъ сухой нитки на тѣлѣ.

К. не было на лицо. Онъ былъ у изголовья умирающей женщины, Е. Д. Левашевой. Женщина эта принадлежала къ тѣмъ удивительнымъ явленіямъ русской жизни, которыя мирятъ съ нею, которыхъ все существованіе подвигъ, никому невѣдомый кромѣ небольшаго круга друзей. Сколько слезъ утерла она, сколько внесла утѣшеній не въ одну разбитую душу, сколько юныхъ существованій поддержала она и сколько сама страдала. „Она изошла любовью,“ сказалъ мнѣ Чаадаевъ, одинъ изъ ближайшихъ друзей ея, посвятившій ей свое знаменитое письмо о Россіи.

К. не могъ ее оставить и писалъ, что около девяти часовъ пріѣдетъ. Меня встревожила эта вѣсть. Человѣкъ объятый сильной страстью, страшный эгоистъ; я въ отсутствіи К. видѣлъ одну задержку. . . когда же пробило девять часовъ, раздался благовѣсть къ поздней обѣднѣ и прошло еще четверть часа, мною овладѣло лихорадочное безпокойство и малодушное отчаяніе... Половина десятаго — нѣтъ, онъ не будетъ, больной вѣрно хуже, что мнѣ дѣлать? Оставаться въ Москвѣ не могу, одно неосторожное слово горничной, нянюшки въ домѣ Княгини, откроетъ все. Ѣхать назадъ было возможно; но я чувствовалъ, что у меня не было силы ѣхать назадъ.

Въ три четверти десятаго явился К. въ соломенной шляпѣ, съ измятымъ лицомъ человѣка не спавшаго цѣлую ночь. Я бросился къ нему и обнимая его, осыпалъ упреками. К., нахмурившись, посмотрѣлъ на меня и спросилъ: „Развѣ получаса не достаточно, чтобъ дойти отъ А. до Поварской? Мы бы тутъ болтали съ тобой цѣлый часъ, ну оно какъ ни пріятно, а я изъ за этого не рѣшился прежде, чѣмъ было нужно оставить умирающую женщину. Левашева, прибавилъ онъ, посылаетъ вамъ свое привѣтствіе, она благословила меня на успѣхъ своей умирающей рукой и дала мнѣ на случай нужды теплую шаль.“ Привѣтъ умирающей былъ для меня необыкновенно дорогъ. Теплая шаль была очень нужна ночью, и я не успѣлъ ее поблагодарить, ни пожать ея руки... она вскорѣ скончалась.

К. и А. отправились. К. долженъ былъ ѣхать за заставу съ Nualie, А. воротиться, чтобы сказать мнѣ все ли успѣшно, и что дѣлать. Я остался ждать съ его милой, прекрасной женой; она сама недавно вышла за мужъ; страстная, огненная натура, она принимала самое горячее участіе въ нашемъ дѣлѣ; она старалась съ притворной веселостью увѣрить меня, что все пойдетъ превосходно, а сама была до того снѣдаема безпокойствомъ, что безпрестанно мѣнялась въ лицѣ. Мы съ ней сѣли у окна, разговоръ не шелъ; мы были похожи на дѣтей, посаженныхъ за вину въ пустую комнату. Такъ прошли часа два.

Въ мірѣ нѣтъ ничего разрушительнѣе, невыносимѣе, какъ бездѣйствіе и ожиданіе въ такія минуты. Друзья дѣлаютъ большую ошибку, снимая съ плечъ главнаго *пацієнта* всю ношу. Выдумать надобно занятія для него, если ихъ нѣтъ, задавить физической работой, разсѣять недосугомъ, хлопотами.

Наконецъ взошелъ А., мы бросились къ нему. „Все идетъ чудесно, они при мнѣ ускакали, кричалъ онъ намъ со двора. Ступай сейчасъ за рогожскую заставу, тамъ у мостика увидишь лошадей не далеко Перова трактира. Съ богомъ. Да перемѣни не полдорогѣ извощика, чтобъ послѣдній не зналъ откуда ты.“

Я пустился какъ изъ лука стрѣла... Вотъ и мостикъ недалеко отъ Перова; никого нѣтъ, да и по другую сторону мостикъ и тоже никого нѣтъ. Я доѣхалъ до измайловскаго звѣринца, никого; я отпустилъ извощика и пошелъ пѣшкомъ. Ходя взадъ и впередъ, я наконецъ увидѣлъ на другой дорогѣ какой-то экипажъ; молодой, красивый кучеръ стоялъ возлѣ. „Не проѣзжалъ ли здѣсь, спросилъ я его, баринъ высокій въ соломенной шляпѣ и не одинъ—съ барышней?“

— Я никого не видалъ, отвѣчалъ нехотя кучеръ.

— Да ты съ кѣмъ здѣсь?

— Съ господами.

— Какъ ихъ зовутъ?

— А вамъ на что?

— Экой ты братецъ какой, не было бы дѣла, такъ и не спрашивалъ бы.

Кучеръ посмотрѣлъ на меня испытующимъ взглядомъ и улыбнулся, видъ мой казалось его лучше расположилъ въ мою пользу. „Коли дѣло есть, такъ имя сами должны знать, кого вамъ надо?“

— Экой ты кремень какой, ну надобно мнѣ барина, котораго К. зовутъ.

Кучеръ еще улыбнулся и указывая пальцемъ на кладбище, сказалъ: „Вотъ вдали-то видите, чернѣетъ, это самый онъ и есть и барышня съ нимъ, шляпки то не взяли, такъ уже г. К. свою дали, благо соломенная.“ И въ этотъ разъ мы встрѣчались на *кладбищѣ!*

... Она съ легкимъ крикомъ бросилась мнѣ на шею. „И навсегда!“ сказала она; „навсегда“ повторилъ я. К. былъ тронутъ, слезы дрожали на его глазахъ, онъ взялъ наши руки и дрожащимъ голосомъ сказалъ: „Друзья, будьте счастливы!“ Мы обняли его. Это было наше *дѣйствительное* бракосочетаніе!

Мы были больше часу въ особой комнатѣ Перова трактира, а коляска съ Матвѣемъ еще не пріѣзжала! К. хмурился. Намъ и въ голову не шла возможность несчастія, намъ такъ хорошо было тутъ втроемъ и такъ дома, какъ будто мы и все вмѣстѣ были. Передъ окнами была роща, снизу слышалась музыка и раздавался цыганскій хоръ; день послѣ грозы былъ прекрасный.

Полицейской погони со стороны Княгини я не боялся какъ К.; я зналъ, что она изъ спѣси не замѣшаетъ квартальнаго въ семейное дѣло. Сверхъ того она ничего не предпринимала безъ Сенатора, ни Сенаторъ безъ моего отца; отецъ мой никогда не согласился бы на то, чтобъ полиція остановила меня въ Москвѣ или подъ Москвой, т. е. чтобъ меня отправили въ Бобруйскъ или въ Сибирь за нарушеніе высочайшей воли. Опасность могла только быть со стороны тайной полиціи, но все было сдѣлано такъ быстро, что ей трудно было знать; да если она что нибудь и провѣдала, то кому же придетъ въ голову, чтобъ человѣкъ, тайно возвратившійся изъ ссылки, который увозитъ свою невѣсту, спокойно сидѣлъ въ Перовомъ трактирѣ, гдѣ народъ толчется съ утра до ночи.

Явился наконецъ и Матвѣй съ коляской. „Еще бокалъ!“ командовалъ К. и въ путь. И вотъ мы одни, т. е. вдвоемъ несемся по владимірской дорогѣ.

Въ Буньковѣ, пока мѣняли лошадей, мы взошли на

постоялый дворъ. Старушка хозяйка пришла спросить, не надо ли чего подать и добродушно глядя на насъ, сказала: „Какая хозяюшка-то у тебя молоденькая, да пригожая—и оба-то вы господь съ вами—парочка.“ Мы покраснѣли до ушей, не смѣли взглянуть другъ на друга и спросили чаю, чтобъ скрыть смущеніе. На другой день часу въ шестомъ мы пріѣхали во Владиміръ. Время терять было нечего; я бросился, оставивъ у одного стараго семейнаго чиновника невѣсту, узнать все ли готово. Но кому же было готовить во Владимірѣ?

Вездѣ не безъ добрыхъ людей. Во Владимірѣ стоялъ тогда сибирскій уланскій полкъ; я мало былъ знакомъ съ офицерами, но встрѣчаясь довольно часто съ однимъ изъ нихъ въ публичной библіотекѣ, я сталъ съ нимъ кланяться; онъ былъ очень учтивъ и милъ. Съ мѣсяцъ спустя онъ признался мнѣ, что зналъ меня и мою исторію 1834 года, разсказалъ что онъ самъ изъ студентовъ московскаго университета. Уѣзжая изъ Владиміра и отыскивая кому поручить разные хлопоты, я подумалъ объ офицерѣ, поѣхалъ къ нему и прямо разсказалъ въ чемъ дѣло. Онъ, искренно тронутый моей довѣренностью, пожалъ мнѣ руку, все обѣщалъ и все исполнилъ.

Офицеръ ожидалъ меня во всей формѣ, съ бѣлыми отворотами, съ киверомъ безъ чехла, съ ледункой черезъ плечо, со всякими шнурками. Онъ сообщилъ мнѣ, что архіерей разрѣшилъ священнику вѣнчать, но велѣлъ предварительно показать метрическое свидѣтельство. Я отдалъ офицеру свидѣтельство, а самъ отправился къ другому молодому человѣку, тоже изъ московскаго университета. Онъ служилъ свои *два губернскихъ* года, по новому положенію, въ канцеляріи губер-

натора и пропадалъ отъ скуки. „Хотите быть шафером?“—У кого?—У меня.—Какъ, у васъ?—Да, да, у меня.—Очень радъ! Когда? — Сейчасъ.—Онъ думалъ, что я шучу, но когда я ему наскоро сказалъ въ чемъ дѣло, онъ вспрыгнулъ отъ радости. Быть шафером на тайной свадьбѣ, хлопотать, можетъ попасть подъ слѣдствіе, и все это въ маленькомъ городѣ безъ всякихъ разсѣяній. Онъ тотчасъ обѣщалъ достать для меня карету, четверку лошадей и бросился къ комоду смотрѣть есть ли чистый бѣлый жилетъ.

Ѣхавши отъ него, я встрѣтилъ моего улана, онъ везъ на колѣнахъ священника. Представьте себѣ пестраго, разнаряженнаго офицера на маленькихъ дрожкахъ съ дороднымъ попомъ, украшеннымъ большой, расчесанной бородой, въ шелковой рясѣ, которая цѣплялась за всѣ ненужности уланской сбруи. Одна эта сцена могла бы обратить на себя вниманіе не только улицы, идущей отъ владимірскихъ Золотыхъ Воротъ, но и парижскихъ бульваровъ или самой Режентъ стритъ. А уланъ и не подумалъ объ этомъ, да и я подумалъ уже послѣ. Священникъ ходилъ по домамъ съ молебномъ, это былъ Николинъ день, и мой кавалеристъ на силу гдѣ-то его поймалъ и взялъ въ реквизицію. Мы поѣхали къ архіерею.

Для того, чтобъ понять въ чемъ дѣло, надобно разсказать, какъ вообще архіерей могъ быть замѣшанъ въ него. За день до моего отъѣзда священникъ, согласившійся вѣнчать, вдругъ объявилъ, что безъ разрѣшенія архіерея, онъ вѣнчать не станетъ, что онъ что-то слышалъ, что онъ боится. Сколько мы ни ораторствовали съ уланомъ — священникъ уперся и стоялъ на своемъ. Уланъ предложилъ попробовать ихъ полковаго попа. Священникъ этотъ, бритый, стриженый, въ длинномъ,

долгополомъ сертукѣ, въ сапогахъ сверхъ штановъ, смиренно курившій изъ солдатской трубченки, хотя и былъ тронутъ нѣкоторыми подробностями нашего предложенія, но вѣнчать отказался, говоря, и притомъ на какомъ-то польско-бѣлорусскомъ нарѣчіи, что имъ строго на строго заказано вѣнчать „цивильныхъ.“ А намъ еще строже запрещено быть свидѣтелями и шаферами безъ позволенія, замѣтилъ ему офицеръ, а вѣдь вотъ я иду же.

— Инное дѣло, предъ Іезусомъ инное дѣло.

— Смѣлымъ владѣетъ богъ, сказалъ я улану, я ѣду сейчасъ къ архіерею. Да кстати зачѣмъ же вы не спросите позволенія?

— Не нужно. Полковникъ скажетъ женѣ, а та разболтаетъ. Да еще пожалуй онъ не позволитъ.

Владимірскій архіерей Парѳеній былъ умный, суровый и грубый старикъ; распорядительный и своеобычный, онъ равно могъ быть губернаторомъ или генераломъ, да еще я думаю генераломъ онъ былъ бы больше на мѣстѣ, чѣмъ монахомъ; но случилось иначе, и онъ управлялъ своей эпархіей какъ управлялъ бы дивизіей на Кавказѣ. Я въ немъ вообще замѣчалъ гораздо больше свойствъ администратора, чѣмъ живаго мертвеца. Онъ впрочемъ былъ больше человѣкъ крутой, чѣмъ злой; какъ всѣ дѣловые люди, онъ понималъ вопросы быстро, рѣзко и бѣсился, когда ему толковали вздоръ или не понимали его. Съ такими людьми вообще гораздо легче объясняться, чѣмъ съ людьми мягкими, но слабыми и нерѣшительными. По обыкновенію всѣхъ губернскихъ городовъ, я послѣ пріѣзда во Владиміръ зашелъ разъ послѣ обѣдни къ архіерею. Онъ радушно меня принялъ, благословилъ и подчивалъ семгой; потомъ пригласилъ когда нибудь пріѣхать посидѣть вече-

ромъ, потолковать, говоря, что у него слабѣютъ глаза и онъ читать по вечерамъ не можетъ. Я былъ раза два-три; онъ говорилъ о литературѣ, зналъ всѣ новыя русскія книги, читалъ журналы, и такъ мы съ нимъ были какъ нельзя лучше. Тѣмъ не менѣе не безъ страха постучался я въ его архипастырскую дверь.

День былъ жаркій. Преосвященный Парѳеній принялъ меня въ саду. Онъ сидѣлъ подъ большой тѣнистой липой, снявъ клобукъ и распустивъ свои сѣдые волосы. Передъ нимъ стоялъ безъ шляпы, на самомъ солнцѣ, статный, плѣшивый протопопъ и читавъ вслухъ какую-то бумагу; лицо его было багрово и крупныя капли пота выступали на лбу, онъ щурился отъ ослѣпительной бѣлизны бумаги, освѣщенной солнцемъ — и ни онъ не смѣлъ подвинуться, ни архіерей ему не говорилъ, чтобъ онъ отошелъ.

— Садитесь, сказалъ онъ мнѣ, благословляя, мы сейчасъ кончимъ, это наши консисторскія дѣлишки. Читай, прибавилъ онъ протопопу, и тотъ, обтершись синимъ платкомъ и откашлянувъ въ сторону, снова принялся за чтеніе.

— Что скажете новаго, спросилъ меня Парѳеній, отдавая перо протопопу, который воспользовался сей вѣрной оказіей, чтобъ поцаловать руку.

Я разсказалъ ему объ отказѣ священника.

— У васъ есть свидѣтельства?

— Я показалъ губернаторское разрѣшеніе.

— Только то?

— Только. Парѳеній улыбнулся.

— А со стороны невѣсты?

— Есть метрическое свидѣтельство, его привезутъ въ день свадьбы.

— Когда свадьба?

— Черезъ два дня.

— Что же вы нашли домъ?

— Нѣтъ еще.

— Ну вотъ видите, сказалъ мнѣ Парѳеній, кладя палецъ за губу и разтягивая себѣ ротъ, зацѣпивши имъ за щеку, одна изъ его любимыхъ игрушекъ. Вы человѣкъ умный и начитанный, ну а стараго воробья на мякинѣ вамъ не провести. У васъ тутъ что-то не ладно; такъ вы, коли уже пожаловали ко мнѣ, лучше разскажите мнѣ ваше дѣло по совѣсти какъ на духу. Ну я тогда прямо вамъ и скажу, что можно и чего нельзя, во всякомъ случаѣ совѣтъ дамъ не къ худу.

Мнѣ казалось мое дѣло такъ чисто и право, что я разсказалъ ему все, разумѣется, не вступая въ ненужныя подробности. Старикъ слушалъ внимательно и часто смотрѣлъ мнѣ въ глаза. Оказалось, что онъ давнишній знакомый съ Княгиней и долею могъ стало быть самъ провѣрить истину моего разсказа.

— Понимаю, понимаю, сказалъ онъ, когда я кончилъ. Ну дайте-ка я напишу отъ себя письмо къ Княгинѣ.

— Будьте увѣрены, что всѣ мирныя средства ни къ чему не поведутъ, капризы, ожесточеніе, все это зашло слишкомъ далеко. Я вашему преосвященству все разсказалъ, такъ какъ вы желали, теперь я прибавлю, если вы мнѣ откажете въ помощи, я буду принужденъ тайкомъ, воровски, за деньги сдѣлать то, что дѣлаю теперь безъ шума, но прямо и открыто. Могу увѣрить васъ въ одномъ, ни тюрьма, ни новая ссылка меня не остановятъ.

— Видишь, сказалъ Перѳеній, вставая и потягиваясь —прыткой какой, тебѣ все еще мало Перми то, не укатали крутыя горы. Что я развѣ говорю, что запре-

щаю? Вѣнчайся себѣ пожалуй, противузаконнаго ничего нѣтъ: но лучше бы было семейно, да кротко. Пришлите-ка ко мнѣ вашего попа, уломаю его какъ нибудь; ну только одно помните, безъ документовъ со стороны невѣсты и не пробуйте. Такъ „ни тюрьма, ни ссылка“ —ишь какіе нынче подумаешь люди стали! Ну господь съ вами, въ добрый часъ, а съ Княгиней-то вы меня поссорите.

И такъ въ нашъ заговоръ, сверхъ улана, вступилъ высокопреосвященный Парѳеній, архіепископъ владимірскій и суздальскій.

Когда я предварительно просилъ у губернатора дозволеніе, я вовсе не представлялъ моего брака тайнымъ, это было вѣрнѣйшее средство, чтобъ никто не говорилъ, и чего же было естественнѣе пріѣзда моей невѣсты во Владиміръ, когда я былъ лишенъ права изъ него выѣхать. Тоже естественно было и то, что въ такомъ случаѣ мы желали вѣнчаться — какъ можно скромнѣе.

Когда мы съ священникомъ пріѣхали 9 Мая къ архіерею, намъ послушникъ его объявилъ, что онъ съ утра уѣхалъ въ свой загородный домъ и до ночи не будетъ. Былъ уже восьмой часъ вечера, послѣ десяти вѣнчать нельзя, слѣдующій день была суббота. Что дѣлать? Священникъ трусилъ. Мы взошли къ іеромонаху духовнику архіерея; монахъ пилъ чай съ ромомъ и былъ въ самомъ благодушномъ настроеніи. Я разсказалъ ему дѣло, онъ мнѣ налилъ чашку чая и настоятельно требовалъ, чтобъ я прибавилъ рому; потомъ онъ вынулъ огромныя серебряныя очки, прочиталъ свидѣтельство, повернулъ его, посмотрѣлъ съ той стороны, гдѣ ничего не было написано, сложилъ и, отдавая священнику, сказалъ: „Въ наисовершеннѣйшемъ порядкѣ.“

Священникъ все еще мялся. Я говорилъ отцу іеромонаху, что если я сегодня не обвѣнчаюсь, мнѣ будетъ страшное разстройство. „Что откладывать, сказалъ іеромонахъ, я доложу преосвященнѣйшему, повѣнчайте, отецъ Іоаннъ, повѣнчайте—во имя отца и сына и святаго духа — аминь?“ Попу нечего было говорить, онъ поѣхалъ писать обыскъ, я поскакалъ за Natalie.

. . . Когда мы выѣзжали изъ Золотыхъ Воротъ вдвоемъ, безъ чужихъ, солнце, до тѣхъ поръ закрытое облаками, ослѣпительно освѣтило насъ послѣдними, яркокрасными лучами, да такъ торжественно и радостно, что мы сказали въ одно слово: вотъ наши провожатые! Я помню ея улыбку при этихъ словахъ и пожатье руки.

Маленькая ямская церковь, верстахъ въ трехъ отъ города, была пуста, не было ни пѣвчихъ, ни зажженныхъ паникадилъ. Человѣкъ пять простыхъ улановъ взошли мимоходомъ и вышли. Старый дьячекъ пѣлъ тихимъ и слабымъ голосомъ, Матвѣй со слезами радости смотрѣлъ на насъ, молодые шаферы стояли за нами съ тяжелыми вѣнцами, которыми перевѣнчали всѣхъ владимірскихъ ямщиковъ. Дьячекъ подавалъ дрожащей рукой серебрянный ковшъ единенія... въ церквѣ становилось темно, только нѣсколько мѣстныхъ свѣчъ горѣло. Все это было или казалось намъ необыкновенно изящно, именно своей простотой. Архіерей проѣхалъ мимо и увидя отворенныя двери въ церквѣ, остановился и послалъ спросить что дѣлается; священникъ нѣсколько поблѣднѣвшій самъ вышелъ къ нему и черезъ минуту возвратился съ веселымъ видомъ и сказалъ намъ: „Высокопреосвященнѣйшій посылаетъ вамъ свое архипастырское благословеніе и велѣлъ сказать, что онъ молится о васъ.“

Когда мы ѣхали домой, вѣсть о таинственномъ бракѣ разнеслась по городу, дамы ждали на балконахъ, окна были открыты, я опустилъ стекла въ каретѣ и нѣсколько досадовалъ, что сумерки мѣшали мнѣ показать „молодую.“

Дома мы выпили съ шаферами и Матвѣемъ двѣ бутылки вина, шаферы посидѣли минутъ двадцать и мы остались одни и намъ опять какъ въ Перовѣ, это казалось такъ естественно, такъ просто, само собою понятно, что мы совсѣмъ не удивлялись, а потомъ мѣсяцы цѣлые не могли надивиться тому же.

У насъ было три комнаты, мы сѣли въ гостинной за небольшимъ столомъ и, забывая усталь послѣднихъ дней, проговорили часть ночи...

Толпа чужихъ на брачномъ пирѣ мнѣ всегда казалась чѣмъ-то грубымъ, неприличнымъ, почти циническимъ; къ чему это преждевременное снятіе покрывала съ любви, это посвященіе людей постороннихъ, хладнокровныхъ въ семейную тайну. Какъ должны оскорблять бѣдную дѣвушку, выставленную всенародно въ качествѣ *невѣсты*, всѣ эти битыя привѣтствія, тертыя пошлости, тупые намеки... ни одно деликатное чувство не пощажено, роскошь брачнаго ложа, прелесть ночной одежды, выставлены не только на удивленіе гостямъ, но всѣмъ праздношатающимся. А потомъ, первые дни начинающейся новой жизни, въ которыхъ дорога каждая минута, въ которые слѣдовало бы бѣжать куда нибудь вдаль, въ уединеніе, проводятся за безконечными обѣдами, за утомительными балами въ толпѣ, точно на смѣхъ.

На другой день утромъ мы нашли въ залѣ два куста розъ и огромный букетъ. Милая, добрая Юлія Ѳедоровна (жена губернатора), принимавшая горячее уча-

стіе въ нашемъ романѣ, прислала ихъ. Я обнялъ и разцаловалъ губернаторскаго лакея и потомъ мы поѣхали къ ней самой. Такъ какъ приданое „молодой“ состояло изъ двухъ платьевъ, одного дорожнаго и другаго вѣнчальнаго, то она и отправилась въ вѣнчальномъ.

Отъ Юліи Ѳедоровны, мы заѣхали къ архіерею, старикъ самъ повелъ насъ въ садъ, самъ нарѣзалъ букетъ цвѣтовъ, разсказалъ Natalie, какъ я его стращалъ своей собственной гибелью и въ заключеніи совѣтовалъ заниматься хозяйствомъ. „Умѣете ли вы солить огурцы?“ спросилъ онъ Natalie. „Умѣю,“ отвѣчала она смѣясь. — „Охъ, плохо вѣрится. А вѣдь это необходимо.“

Вечеромъ я написалъ письмо къ моему отцу. Я просилъ его не сердиться на конченное дѣло, и „такъ какъ богъ соединилъ насъ“ простить меня и присовокупить свое благословеніе. Отецъ мой обыкновенно писалъ мнѣ нѣсколько строкъ разъ въ недѣлю, онъ не ускорилъ ни однимъ днемъ отвѣта и не отдалилъ его, даже начало письмо было какъ всегда: „Письмо твое отъ 10 Мая, я третьяго дня въ пять часовъ съ половиною получилъ и изъ него не безъ огорченія узналъ, что богъ тебя соединилъ съ Наташей. Я волѣ божіей ни въ чемъ не перечу и слѣпо покоряюсь искушеніямъ, которыя онъ ниспосылаетъ на меня. Но такъ какъ деньги мои, а ты не счелъ нужнымъ сообразоваться съ моей волей, то и объявляю тебѣ, что я къ твоему прежнему окладу, тысячи рублей серебромъ въ годъ, не прибавлю ни копѣйки.“

Какъ мы смѣялись отъ чистаго сердца этому раздѣлу духовной и свѣтской власти.

А куда какъ надобно было прибавить! Деньги, которыя я занялъ, выходили. У насъ не было ничего, да

вѣдь рѣшительно ничего, ни одежды, ни бѣлья, ни посуды. Мы сидѣли подъ арестомъ въ маленькой квартирѣ, потому что не въ чемъ было выйти. Матвѣй, изъ экономическихъ видовъ, сдѣлалъ отчаянный опытъ превратиться въ повара, но кромѣ бифстекса и котлетъ, онъ не умѣлъ ничего дѣлать и потому держался больше вещей по натурѣ готовыхъ, ветчины, соленой рыбы, молока, яицъ, сыру и какихъ-то пряниковъ съ мятой, необычайно твердыхъ и не первой молодости. Обѣдъ былъ для насъ безконечнымъ источникомъ смѣха, иногда молоко подавалось сначала, это значило супъ; иногда послѣ всего, вмѣсто десерта. За этими спартанскими трапезами, мы вспоминали улыбаясь длинную процессію священнодѣйствія обѣденнаго стола у Княгини и у моего отца, гдѣ полдюжина официантовъ бѣгали изъ угла въ уголъ съ чашками и блюдами, прикрывая торжественной mise en scène, въ сущности очень незатѣйливый обѣдъ.

Такъ бѣдствовали мы и пробивались съ годъ времени. Химикъ прислалъ десять тысячъ асс., изъ нихъ больше шести надобно было отдать долгу, остальныя сдѣлали большую помощь. Наконецъ и отцу моему надоѣло брать насъ, какъ крѣпость, голодомъ, онъ, не прибавляя къ окладу, сталъ присылать денежныя подарки, не смотря на то, что я ни разу не заикнулся о деньгахъ послѣ его знаменитаго distinguo!

Я принялся искать другую квартиру. За Лыбедью отдавался въ наймы запущенный, большой барскій домъ съ садомъ. Онъ принадлежалъ вдовѣ какого-то князя, проигравшагося въ карты и отдавался особенно дешево, оттого, что былъ далекъ, неудобенъ, а главное оттого, что княгиня выговаривала небольшую часть его, ничѣмъ неотдѣленную для своего сына, баловня лѣтъ

тридцати, и для его прислуги. Никто не соглашался на это черезполосное владѣніе; я тотчасъ согласился, меня прельстила вышина комнатъ, размѣръ оконъ и большой тѣнистый садъ. Но именно эта вышина и эти размѣры пресмѣшно противурѣчили совершенному отсутствію всякой движимой собственности, всѣхъ вещей первой необходимости. Ключница княгини, добрая старушка, очень неравнодушная къ Матвѣю, снабжала насъ на свой страхъ то скатертью, то чашками, то простынями, то вилками и ножами.

Какіе свѣтлые и безмятежные дни проводили мы въ маленькой квартирѣ въ три комнаты у Золотыхъ Воротъ и въ огромномъ домѣ княгини!... Въ немъ была большая зала, едва меблированная, иногда насъ брало такое ребячество, что мы бѣгали по ней, прыгали по стульямъ, зажигали свѣчи во всѣхъ канделабрахъ, прибитыхъ къ стѣнѣ и, освѣтивъ залу a giorno, читали стихи. Матвѣй и горничная, молодая гречанка, участвовали во всемъ и дурачились не меньше насъ. Порядокъ „не торжествовалъ“ въ нашемъ домѣ.

И со всѣмъ этимъ ребячествомъ, жизнь наша была полна глубокой серьезности. Заброшенные въ маленькомъ городкѣ, тихомъ и мирномъ, мы вполнѣ были отданы другъ другу. Изрѣдка приходила вѣсть о комъ нибудь изъ друзей, нѣсколько словъ горячей симпатіи и потомъ опять одни, совершенно одни. Но въ этомъ одиночествѣ грудь наша не была замкнута счастіемъ, а напротивъ, была больше чѣмъ когда либо раскрыта всѣмъ интересамъ; мы много жили тогда и во всѣ стороны, думали и читали, отдавались всему и снова сосредоточивались на нашей любви; мы свѣряли наши думы и мечты и съ удивленіемъ видѣли, какъ безконечно шло наше сочувствіе, какъ во всѣхъ тончайшихъ,

пропадающихъ изгибахъ и развѣтвленіяхъ чувствъ и мыслей, вкусовъ и антипатій, все было родное, созвучное. Только въ томъ и была разница, что Natalie вносила въ нашъ союзъ элементъ тихій, кроткій, граціозный, элементъ молодой дѣвушки со всей поэзіей любящей женщины, а я—живую дѣятельность, мое semper in motu, безпредѣльную любовь, да сверхъ того путаницу серьезныхъ идей, смѣха, *опасныхъ* мыслей и кучу несбыточныхъ проэктовъ.

... „Мои желанія остановились. Мнѣ было довольно, я жилъ въ настоящемъ, ничего не ждалъ отъ завтрашняго дня, беззаботно вѣрилъ, что онъ и не возьметъ ничего. Личная жизнь не могла больше дать, это былъ предѣлъ; всякое измѣненіе должно было съ какой нибудь стороны уменшить его.*)

„Весною пріѣхалъ Огаревъ изъ своей ссылки на нѣсколько дней. Онъ былъ тогда во всей силѣ своего развитія; вскорѣ приходилось и ему пройти скорбнымъ испытаніемъ; минутами онъ будто чувствовалъ, что бѣда возлѣ, но еще могъ отворачиваться и принимать за мечту, занесенную руку судьбы. Я и самъ думалъ тогда, что эти тучи разнесутся; беззаботность свойственна всему молодому и не лишенному силъ, въ ней выражается довѣріе къ жизни, къ себѣ. Чувство полнаго обладанія своей судьбой усыпляетъ насъ... а темныя силы, а черные люди влекутъ, не говоря ни слова, на край пропасти.

„И хорошо, что человѣкъ или не подозрѣваетъ или умѣетъ не видать, забыть. Полнаго счастія нѣтъ съ

*) Здѣсь пропущены слѣдующія строки, напечатанныя въ *Пол. Зв.* Т. I, стр. 79: *Но судьба не знаетъ мѣры. „Несчастія, говоритъ Гамлетъ, не ходятъ одни, а толпою“, и счастіе точно также.*

тревогой; полное счастіе покойно какъ море во время лѣтней тишины. Тревога даетъ свое болѣзненное, лихорадочное упоеніе, которое нравится, какъ ожиданіе карты, но это далеко отъ чувства гармоническаго, безконечнаго мира. А потому, сонъ или нѣтъ, но я ужасно высоко цѣню это довѣріе къ жизни, пока жизнь не возразила на него, не разбудила... мрутъ же китайцы изъ за грубаго упоенія опіумомъ..."*)

Такъ окончивалъ я эту главу въ 1853 году, такъ окончу ее и теперь.

ГЛАВА XXIV.

13 Іюня 1839 года.

Разъ длиннымъ, зимнимъ вечеромъ въ концѣ 1838, сидѣли мы, какъ всегда, одни, читали и не читали, говорили и молчали и молча продолжали говорить. На дворѣ сильно морозило и въ комнатѣ было совсѣмъ не тепло. Наташа чувствовала себя не здоровой и лежала на диванѣ, покрывшись мантильей, я сидѣлъ возлѣ на

*) Здѣсь пропущены слѣдующія строки, напечатанныя въ *Пол. Зв.* стр. 81 : *Тріо наше представляло удивительное созвучіе. Тутъ нигдѣ не было границъ, предѣловъ, тѣхъ незамѣтныхъ противурѣчій, которыя въ сущности указываютъ на рубежъ и говорятъ „не далѣе". Мы были вполнѣ соединены и вполнѣ свободны.*

. . . . . .

Тутъ оканчивается лирическій отдѣлъ нашей жизни. Далѣе трудъ, успѣхи, встрѣчи, дѣятельность, широкій кругъ, далекій путь, иныя мѣста, перевороты, исторія... Далѣе дѣти, заботы, борьба... еще далѣе все гибнетъ... Съ одной стороны могила, съ другой одиночество и чужбина!

полу; чтеніе не налаживалось, она была разсѣянна, думала о другомъ, ее что-то занимало, она мѣнялась въ лицѣ. „Александръ, сказала она, у меня есть тайна, поди сюда поближе, я тебѣ скажу на ухо, или нѣтъ, отгадай.“ Я отгадалъ, но потребовалъ, чтобъ она сказала ее, мнѣ хотѣлось слышать отъ нея эту новость; она *сказала мнѣ*, и мы взглянули другъ на друга въ какомъ-то волненіи и съ слезами на глазахъ.

... Какъ человѣческая грудь богата на ощущеніе счастія, на радость, лишь бы люди умѣли имъ отдаваться, не развлекаясь пустяками. Настоящему мѣшаетъ обыкновенно внѣшняя тревога, пустыя заботы, раздражительная строптивость, весь этотъ соръ, который къ полудню жизни наноситъ суета суетствъ и глупое устройство нашего обихода. Мы тратимъ, пропускаемъ сквозь пальцы лучшія минуты, какъ будто ихъ и не вѣсть сколько въ запасѣ. Мы обыкновенно думаемъ о завтрашнемъ днѣ, о будущемъ годѣ, въ то время, какъ надобно обѣими руками уцѣпиться за чашу налитую черезъ край, которую протягиваетъ сама жизнь, не прошенная, съ обычной щедростью своей, и пить, и пить, пока чаша не перешла въ другія руки. Природа долго подчивать и предлагать не любитъ.

Что кажется можно было бы прибавить къ нашему счастью, а между тѣмъ вѣсть о будущемъ младенцѣ раскрыла новыя, совсѣмъ невѣданныя нами области сердца, упоеній, тревогъ и надеждъ.

Нѣсколько испуганная и встревоженная любовь становится нѣжнѣе, заботливѣе ухаживаетъ, изъ эгоизма двухъ, она дѣлается не только эгоизмомъ трехъ, но самоотверженіемъ двухъ для третьяго; семья начинается съ дѣтей. Новый элементъ вступаетъ въ жизнь, какое-то таинственное лицо стучится въ нее, гость, ко-

торый есть и котораго нѣтъ, но который уже необходимъ, котораго страстно ждутъ. Кто онъ? Никто не знаетъ, но кто бы онъ ни былъ, онъ счастливый незнакомецъ, съ какой любовью его встрѣчаютъ у порога жизни!

А тутъ мучительное безпокойство: родится ли онъ живымъ или нѣтъ? Столько несчастныхъ случаевъ. Докторъ улыбается на вопросы: „онъ ничего не смыслитъ или не хочетъ говорить;“ отъ постороннихъ все еще скрыто; не у кого спросить, да и совѣстно.

Но вотъ младенецъ подаетъ знаки жизни, я не знаю выше и религіознѣе чувства какъ то, которое наполняетъ душу при осязаніи первыхъ движеній будущей жизни, рвущейся наружу, расправляющей свои не готовые мышцы, это первое рукоположеніе, которымъ отецъ благословляетъ на бытіе грядущаго пришельца и уступаетъ ему долю своей жизни.

„Моя жена, сказалъ мнѣ разъ одинъ французскій буржуа, моя жена—онъ осмотрѣлся, и видя, что ни дамъ, ни дѣтей нѣтъ, прибавилъ въ полслуха—беременна.“

Дѣйствительно, путаница всѣхъ нравственныхъ понятій такова, что беременность считается чѣмъ-то неприличнымъ; требуя отъ человѣка безусловнаго уваженія къ матери, какова бы она ни была, завѣшиваютъ тайну рожденія, не изъ чувства уваженія, внутренной скромности, а изъ приличія. Все это идеальное распутство, монашескій развратъ, проклятое закланіе плоти; все это несчастный дуализмъ, въ которомъ насъ тянутъ, какъ магдебургскія полушарія, въ двѣ разныя стороны. Жанъ Деруан', не смотря на свой соціализмъ, намекаетъ въ Almanach des femmes, что со временемъ дѣти будутъ родиться иначе. Какъ иначе? — Такъ, какъ ангелы родятся. — Ну, оно и ясно.

Честь и слава нашему учителю, старому реалисту Гёте, онъ осмѣлился рядомъ съ непорочными дѣвами романтизма поставить беременную женщину и не побоялся своими могучими стихами изваять измѣнившуюся форму *будущей* матери, сравнивая ее съ гибкими членами будущей женщины.

Дѣйствительно, женщина, несущая вмѣстѣ съ памятью былаго упоенья весь крестъ любви, все бремя ея, жертвующая красотой, временемъ, страданіемъ, питающая своей грудью — одинъ изъ самыхъ изящныхъ и трогательныхъ образовъ.

Въ римскихъ элегіяхъ, въ Ткачихѣ, въ Гретхенъ и ея отчаянной молитвѣ, Гёте выразилъ все торжественное, чѣмъ природа окружаетъ созрѣвающій плодъ и всѣ терніи, которыми вѣнчаетъ общество—этотъ сосудъ будущаго.

Бѣдныя матери, скрывающія, какъ позоръ, слѣды любви, какъ грубо и безжалостно гонитъ ихъ міръ и гонитъ въ то время, когда женщинѣ такъ нуженъ покой и привѣтъ, дико отравляя ей тѣ незамѣнимыя минуты полноты, въ которыя жизнь, слабѣя, склоняется подъ избыткомъ счастія...

... Съ ужасомъ открывается мало по малу тайна, несчастная мать сперва старается убѣдиться, что ей только показалось, но вскорѣ сомнѣніе невозможно, отчаяніемъ и слезами сопровождаетъ она всякое движеніе младенца, она хотѣла бы остановить тайную работу жизни, вести ее назадъ, она ждетъ несчастья, какъ милосердія, какъ прощенія, — а неотвратимая природа идетъ своимъ путемъ; она здорова, молода!

Заставить, чтобъ мать *желала* смерти своего ребенка, а иногда и больше, сдѣлать изъ нея его палача, а потомъ ее казнить нашимъ палачемъ, или покрыть ее

позоромъ, если сердце женщины возметъ верхъ—какое умное и нравственное устройство!

И кто взвѣсилъ, кто подумалъ о томъ, что и что было въ этомъ сердцѣ, пока мать переходила страшную тропу отъ любви до страха, отъ страха до отчаянія, отъ отчаянія до преступленія, до безумія, потому что дѣтоубійство есть физіологическая нелѣпость. Вѣдь были же и у нея минуты забвенія, въ которыя она страстно любила своего будущаго малютку и тѣмъ больше, что его существованіе была тайна между ними двумя; было же время, въ которое она мечтала объ его маленькой ножкѣ, объ его молочной улыбкѣ, цаловала его во снѣ, находила въ немъ сходство съ кѣмъ-то, который былъ ей такъ дорогъ...

„Да чувствуютъ ли онѣ это? конечно, есть несчастныя жертвы... но... но другія, но вообще?“

Мудрено, кажется, пасть далѣе этихъ летучихъ мышей, шныряющихъ въ ночное время, середь тумана и слякоти по лондонскимъ улицамъ, этихъ жертвъ неразвитія, бѣдности и голода, которыми общество обороняетъ честныхъ женщинъ, отъ излишней страстности ихъ поклонниковъ... конечно въ нихъ всего труднѣе предположить слѣдъ материнскихъ чувствъ. Не правда ли?

Позвольте же мнѣ разсказать вамъ небольшое происшествіе, случившееся со мною. Года три тому назадъ, я встрѣтился съ одной красивой и молодой дѣвушкой. Она принадлежала къ почетному гражданству разврата, т. е. не „дѣлала“ демократически „тротуаръ,“ а буржуазно жила на содержаніи у какого-то купца. Это было на публичномъ балѣ; пріятель, бывшій со мною, зналъ ее и пригласилъ выпить съ нами на хорахъ бутылку вина, она, разумѣется, приняла приглашеніе. Это было существо веселое, беззаботное и навѣрное,

какъ Лаура въ „Каменіомъ гостѣ“ Пушкина, никогда не заботившаяся о томъ, что тамъ, гдѣ-то далеко въ Парижѣ, холодно, слушая, какъ сторожъ въ Мадридѣ кричитъ „ясно“... Допивши послѣдній бокалъ, она снова бросилась въ тяжелый вихрь англійскихъ танцевъ и я потерялъ ее изъ виду

Нынѣшней зимой, въ ненастный вечеръ, я пробирался черезъ улицу подъ аркаду въ Пель-Мель, спасаясь отъ усилившагося дождя; подъ фонаремъ за аркой стояла, вѣроятно ожидая добычи и дрожа отъ холода, бѣдно одѣтая женщина. Черты ея показались мнѣ знакомыми, она взглянула на меня, отвернулась и хотѣла спрятаться, но я успѣлъ узнать ее. „Что съ вами сдѣлалось?“ спросилъ я ее съ участіемъ. Яркій пурпуръ покрывалъ ея исхудалыя щеки, стыдъ ли это былъ или чахотка, не знаю, только казалось не румяны; она въ два года съ половиной состарѣлась на десять.

— Я была долго больна и очень несчастна; она съ видомъ сильной горести указала мнѣ взглядомъ на свое изношенное платье.

— Да гдѣ же вашъ другъ?

— Убитъ въ Крыму.

— Да вѣдь онъ былъ какой-то купецъ?

Она смѣшалась и вмѣсто отвѣта сказала: „я и теперь еще очень больна, да къ тому же работы совсѣмъ нѣтъ. — А что? я очень перемѣнилась?“ спросила она, вдругъ съ смущеніемъ глядя на меня.

— Очень, тогда вы были похожи на дѣвочку, а теперь я готовъ держать пари, что у васъ есть свои дѣти.

Она побагровѣла, и съ какимъ-то ужасомъ спросила: „отчего-же вы это узнали?“

— Да видите, узналъ. Теперь разскажите-ка мнѣ, что съ вами въ самомъ дѣлѣ было?

— Ничего, ну только вы правы, у меня есть маленькой... еслибъ вы знали — и при этихъ словахъ лицо ея оживилось—какой славный, какъ онъ хорошъ, даже сосѣди, всѣ, удивляются ему. А тотъ-то женился на богатой и уѣхалъ на материкъ. Малютка родился послѣ. Онъ-то и причина моему положенію. Сначала были деньги, я всего накупила ему въ самыхъ большихъ магазейнахъ, а тутъ пошло хуже, да хуже, я все снесла „на крючекъ"; мнѣ совѣтовали отдать малютку въ деревню, оно точно было бы лучше,—да не могу; я посмотрю на него, посмотрю — нѣтъ, лучше вмѣстѣ умирать; хотѣла мѣста искать, съ ребенкомъ не берутъ. Я воротилась къ матери, она ничего, добрая, простила меня, любитъ маленькаго, ласкаетъ его; да вотъ пятый мѣсяцъ какъ отнялись ноги; что доктору переплатили и въ аптеку, а тутъ, сами знаете, нынѣшній годъ, уголь, хлѣбъ, все дорого; приходится умирать съ голоду. Вотъ я—она пріостановилась,—вѣдь конечно лучшебъ броситься въ Темзу, чѣмъ... да малютку то жаль, на кого же я его оставлю, вѣдь ужъ онъ очень, очень милъ!

Я далъ ей что-то и сверхъ того вынулъ шиллингъ и сказалъ: а на это купите что нибудь вашему малюткѣ. Она съ радостью взяла монету, подержала ее въ рукѣ и вдругъ, отдавая мнѣ ее назадъ, прибавила съ печальной улыбкой: „Ужъ если вы такъ добры, купите ему тутъ гдѣ нибудь въ лавкѣ сами что нибудь, игрушку какую нибудь — вѣдь этому бѣдному малюткѣ съ тѣхъ поръ какъ онъ родился, никто еще не подарилъ ничего."

Я съ умиленіемъ взглянулъ на эту *потерянную* женщину и дружески пожалъ ей руку.

Охотники до реабилитаціи всѣхъ этихъ дамъ съ ка-

меліями и съ жемчугами лучше бы сдѣлали, еслибъ оставили въ покоѣ бархатныя мебели и будуары рококо и взглянули бы поближе на несчастный, зябнущій, голодный развратъ, развратъ роковой, который насильно влечетъ свою жертву по пути гибели, и не даетъ ни опомниться, ни раскаяться. Вѣтошники чаще въ уличныхъ канавахъ находятъ драгоцѣнные камни, чѣмъ подбирая блестки мишурнаго платья.

Это мнѣ напомнило бѣднаго, умнаго переводчика Фауста, Жераръ де Нерваля, который застрѣлился въ прошломъ году. Онъ въ послѣднее время, дней по пяти, по шести не бывалъ дома. Открыли наконецъ, что онъ проводитъ время въ самыхъ черныхъ харчевняхъ возлѣ заставъ, въ родѣ Поль Нике, что онъ тамъ перезнакомился съ ворами и со всякой сволочью, поитъ ихъ, играетъ съ ними въ карты и иногда спитъ подъ ихъ защитой. Его прежніе пріятели стали его уговаривать, стыдить. Нерваль, добродушно защищаясь, разъ сказалъ имъ: „Послушайте, друзья мои, у васъ страшные предразсудки, увѣряю васъ, что общество этихъ людей вовсе не хуже всѣхъ остальныхъ, въ которыхъ я бывалъ.“ Его подозрѣвали въ сумашествіи; послѣ этого, я думаю, подозрѣніе перешло въ достовѣрность!

... Роковой день приближался, все становилось страшнѣе и страшнѣе. Я смотрѣлъ на доктора и на таинственное лицо бабушки съ подобострастіемъ. Ни Наташа, ни я, ни наша молодая горничная не смыслили ничего; по счастію къ намъ изъ Москвы пріѣхала по просьбѣ моего отца, на это время, одна пожилая дама, умная, практическая и распорядительная. Прасковья Андреевна, видя нашу безпомощность, взяла самодержавно бразды правленія, я повиновался какъ негръ.

Разъ ночью слышу, чья-то рука коснулась меня, от-

крываю глаза, Прасковья Андреевна стоитъ передо мной, въ ночномъ чепцѣ и кофтѣ, со свѣчей въ рукахъ, она велитъ послать за докторомъ и за бабушкой. Я обмеръ, точно будто эта новость была для меня совсѣмъ неожиданна. Такъ бы кажется выпилъ опіума, повернулся бы на другой бокъ и проспалъ бы опасность... но дѣлать было нечего, я одѣлся дрожащими руками и бросился будить Матвѣя.

Десять разъ выбѣгалъ я въ сѣни изъ спальни, чтобъ прислушаться, не ѣдетъ ли издали экипажъ: все было тихо, едва, едва утренній вѣтеръ шелестилъ въ саду, въ тепломъ іюньскомъ воздухѣ; птицы начинали пѣть, алая заря слегка подкрашивала листъ, и я снова торопился въ спальню, теребилъ добрую Прасковью Андреевну глупыми вопросами, судорожно жалъ руки Наташѣ, не зналъ что дѣлать, дрожалъ и былъ въ жару... но вотъ дрожки простучали по мосту черезъ Лыбедь— слава богу во время!

Въ одинадцать часовъ утра я вздрогнулъ какъ отъ сильнаго электрическаго удара, громкій крикъ новорожденнаго коснулся моего уха. „Мальчикъ!“ кричала мнѣ Прасковья Андреевна, идучи къ корыту—я хотѣлъ было взять младенца съ подушки, но не могъ, такъ дрожали у меня руки. Мысль объ опасности (которая часто тутъ только начинается), сжимавшая грудь, разомъ изчезла, буйная радость овладѣла сердцемъ, будто въ немъ звонъ во всѣ колокола, праздниковъ праздникъ! Наташа улыбалась мнѣ, улыбалась малюткѣ, плакала, смѣялась и только перерывающееся, спазмотическое дыханье, слабые глаза и смертная блѣдность, напоминали о недавнемъ мученіи, о вынесенной борьбѣ.

Потомъ я оставилъ комнату, я не могъ больше вынести, взошелъ къ себѣ и бросился на диванъ, совер-

шенно обезсиленный и съ полчаса пролежалъ безъ опредѣленной мысли, безъ опредѣленнаго чувства, въ какой-то боли счастья.

Это измученно-восторженное лицо, эту радость, летающую вмѣстѣ съ началомъ смерти около юнаго чела родильницы, я узналъ потомъ въ Фан' Дейковой мадонѣ въ Римской галлереѣ Корсини. Младенецъ только что родился, его подносятъ къ матери, изнеможенная, безъ кровинки въ лицѣ, слабая и томная, она улыбнулась и остановила на малюткѣ взглядъ усталый и исполненный безконечной любви.

Надобно признаться, дѣва-родильница совсѣмъ не идетъ въ холостую религію христіанства. Съ нею невольно врывается жизнь, любовь, кротость—въ вѣчныя похороны, въ страшный судъ и въ другія ужасы церковной теодицеи.

Оттого то протестантизмъ и вытолкнулъ *одну* богородицу изъ своихъ сараевъ богослуженія, изъ своихъ фабрикъ слова божія. Она дѣйствительно мѣшаетъ христіанскому чину, она не можетъ отдѣлаться отъ своей земной природы, она грѣетъ холодную церковь и, не смотря ни на что, остается женщиной, матерью. Естественными родами мститъ она за неестественное зачатіе и вырываетъ благословеніе своему *чреву* изъ устъ монашескихъ, проклинающихъ все тѣлесное.

Бонароти и Рафаэль поняли все это кистью.

Въ страшномъ судѣ сикстинской капеллы, въ этой варѳоломеевской ночи на томъ свѣтѣ, мы видимъ сына Божія, идущаго предводительствовать казнями; онъ уже поднялъ руку... онъ дастъ знакъ и пойдутъ пытки, мученья, раздастся страшная труба, затрещитъ всемірное ауто да фе; но — женщина-мать, трепещущая и всѣхъ скорбящая, прижалась въ ужасѣ къ нему и умоляетъ

его о грѣшникахъ; глядя на нее, можетъ онъ смягчится, забудетъ свое жесткое „женщина, что тебѣ до меня,“ и не подастъ знака.

Сикстинская мадона, это Миньона послѣ родовъ, она испугана небывалой судьбой, потеряна...

Was hat man dir du armes Kind gethan?

Внутренній миръ ея разрушенъ, ее увѣрили, что ея сынъ — сынъ Божій, что она богородица; она смотритъ съ какой-то нервной восторженностью, съ магнитическимъ ясновидѣніемъ, она будто говоритъ: „Возьмите его, онъ не мой.“ Но въ то же время прижимаетъ его къ себѣ такъ, что еслибъ можно, она убѣжала бы съ нимъ куда нибудь вдаль и стала бы просто ласкать, кормить грудью не спасителя міра, а своего сына. И все это оттого, что она женщина-мать и вовсе не сестра всѣмъ Изидамъ, Реямъ и прочимъ богамъ женскаго пола.

Оттого-то ей и было такъ легко побѣдить холодную Афродиту, эту Нинону Ланкло Олимпа, о дѣтяхъ которой никто не заботится; Марія съ ребенкомъ на рукахъ, съ кротко потупленными на него глазами, окруженная нимбомъ женственности и святостью званія матери, — ближе нашему сердцу, чѣмъ ея златовласая соперница.

Мнѣ кажется, что Пій IX и конклавъ очень послѣдовательно объявили неестественное, или по ихъ, *незапятнанное* зачатіе богородицы. Марія рожденная какъ мы съ вами *естественно* заступается за людей, сочувствуетъ намъ; въ ней прокралось живое примиреніе плоти и духа въ религію. Если и она не по людски родилась, между ней и нами нѣтъ ничего общаго, ей не будетъ насъ жаль, плоть еще разъ проклята; церковь еще нужнѣе для спасенія.

Жаль что папа опоздалъ лѣтъ тысячу, это ужъ такая судьба Пія IX. Troppo tardi, Santo Padre, siete sempre e sempre— troppo tardi!

Когда я писалъ эту часть *Былого и Думъ*, у меня не было нашей прежней переписки. Я ее получилъ въ 1856 году. Мнѣ пришлось, перечитывая, ее, поправить два, три мѣста — не больше. Память тутъ мнѣ не измѣнила. Хотѣлось бы мнѣ приложить нѣсколько писемъ Natalie—и съ тѣмъ вмѣстѣ какой то страхъ останавливаетъ меня и я не рѣшилъ вопросъ, слѣдуетъ ли еще дальше разоблачать жизнь и не встрѣтятъ-ли строки, дорогія мнѣ, холодную улыбку?

Въ бумагахъ Natalie я нашелъ свои записки, писанныя долею до тюрьмы, долею изъ Крутицъ. Нѣсколько изъ нихъ я прилагаю къ этой части. Можетъ онѣ не покажутся лишними для людей, любящихъ слѣдить за всходами личныхъ судебъ, можетъ они прочтутъ ихъ съ тѣмъ нервнымъ любопытствомъ, съ которымъ мы смотримъ въ микроскопъ на живое развитіе организма.

1.*)

15 Августа 1832.

Любезная Наталья Александровна!

Сегодня день вашего рожденія, съ величайшимъ желаніемъ хотѣлось бы мнѣ поздравить васъ лично, но ей богу нѣтъ никакой возможности. Я виноватъ, что давно не былъ, но обстоятельства совершенно не по-

*) Записочки эти сохранились у Natalie, на многихъ написано ею нѣсколько словъ карандашемъ. Ни одного письма изъ писанныхъ ею въ тюрьму не могло у меня уцѣлѣть. Я ихъ долженъ былъ тотчасъ уничтожать.

зволили мнѣ по желанію расположить временемъ. Надѣюсь, что вы простите мнѣ и желаю вамъ полнаго развитія всѣхъ вашихъ талантовъ и всего запаса счастья, которымъ надѣляетъ судьба души чистыя.

Преданный вамъ А. Г.

2.

5 или 6 Іюля 1833.

Напрасно, Наталя Александровна, напрасно вы думаете, что я ограничусь однимъ письмомъ — вотъ вамъ и другое. Чрезвычайно пріятно писать къ особамъ, съ которыми есть сочувствіе, ихъ такъ мало, такъ мало, что и дести бумаги не изведешь въ годъ.

Я кандидатъ, это правда, но золотую медаль дали не мнѣ. Мнѣ серебряная медаль — *одна изъ трехъ!*

А. Г.

P. S. Сегодня актъ, но я не былъ, ибо не хочу быть вторымъ при полученіи награды.

3.

(Въ началѣ 1834).

Natalie! Мы ждемъ васъ съ нетерпѣніемъ къ намъ. М. надѣется, что не смотря на вчерашнія угрозы Е. И., и Эмилія Михайловна навѣрное будетъ къ намъ. И такъ до свиданья.

Весь вашъ А. Г.

4.

10 Декабря 1834, Крутицкія казармы.

Сейчасъ написалъ я къ полковнику письмо, въ которомъ просилъ о пропускѣ *тебѣ*, отвѣта еще нѣтъ. У васъ это труднѣе будетъ обдѣлать, я полагаюсь на маменьку. Тебѣ счастье на счетъ меня, ты была послѣдній изъ моихъ друзей, котораго я видѣлъ передъ взятіемъ (мы растались съ твердой надеждой увидѣться скоро, въ

десятомъ часу, а въ два я уже сидѣлъ въ части) и ты первая опять меня увидишь. Зная тебя, я знаю, что это доставитъ тебѣ удовольствіе, будь увѣрена, что и мнѣ также. Ты для меня родная сестра.

О себѣ много мнѣ нечего говорить, я обжился, привыкъ быть колодникомъ; самое грозное для меня это разлука съ Огаревымъ, онъ мнѣ необходимъ. Я его ни разу не видалъ — то есть порядочно; но однажды я сидѣлъ одинъ въ горницѣ (въ коммисіи), допросъ кончился, изъ моего окна видны были освѣщеныя сѣни; подали дрожки, я бросился инстинктивно къ окну, отворилъ форточку и видѣлъ какъ сѣли плацъ-адъютантъ и съ нимъ Огаревъ, дрожки укатились и ему нельзя было меня замѣтить. Неужели намъ суждена гибель, нѣмая, глухая, о которой никто не узнаетъ? Зачѣмъ же природа дала намъ души, стремящіяся къ дѣятельности, къ славѣ? неужели это насмѣшка? Но нѣтъ, здѣсь въ душѣ горитъ вѣра — сильная, живая. Есть провидѣніе! Я читаю съ восторгомъ Четь-Минеи — вотъ примѣры самоотверженія — вотъ были люди!

Отвѣтъ получилъ, онъ не веселъ — позволеніе пропустить не даютъ.

Прощай, помни и люби твоего брата.

5.

31 Декабря 1834.

Никогда не возьму я на себя той отвѣтственности, которую ты мнѣ даешь, никогда! У тебя есть много *своего*, зачѣмъ же ты такъ отдаешься въ волю мою? Я хочу чтобъ ты сдѣлала *изъ себя то, что можешь изъ себя сдѣлать*, съ своей стороны я берусь способствовать этому развитію, отнимать преграды.

Что касается до твоего положенія, оно не такъ дур-

но для твоего развитія, какъ ты воображаешь. Ты имѣешь большой шагъ надъ многими; ты, когда начала понимать себя, очутилась одна, одна во всемъ свѣтѣ. Другіе знали любовь отца и нѣжность матери—у тебя ихъ не было. Никто не хотѣлъ тобою заняться, ты была оставлена себѣ. Что же можетъ быть лучше для развитія? Благодари судьбу, что тобою никто не занимался, они тебѣ навѣяли бы чужаго, они согнули бы ребяческую душу — теперь это поздно.

6.

Февраля 1834, Крутицкія казармы.

У тебя, говорятъ, мысль идти въ монастырь; не жди отъ меня улыбки при этой мысли, я понимаю ее, но ее надобно взвѣсить очень и очень. Неужели мысль любви не волновала твою грудь! Монастырь — отчаяніе, теперь нѣтъ монастырей для молитвы. Развѣ ты сомнѣваешься, что встрѣтишь человѣка, который тебя будетъ любить, котораго ты будешь любить? Я съ радостью сожму его руку и твою. Онъ будетъ счастливъ. Ежели же этотъ *онъ* не явится — иди въ монастырь, это въ милльонъ разъ лучше поплаго замужства.

Я понимаю le ton d'exaltation твоихъ записокъ — *ты влюблена!* Если ты мнѣ напишешь, что любишь серьозно, я умолкну — тутъ оканчивается власть брата. Но слова эти мнѣ надобно, чтобъ ты сказала. Знаешь ли ты, что такое обыкновенные люди? они, правда, могутъ составить счастье — но твое ли счастье, Наташа? ты слишкомъ мало цѣнишь себя! Лучше въ монастырь, чѣмъ въ толпу. Помни одно, что я говорю это, потому что я твой братъ, *потому что я горд за тебя и тобою!*

Отъ Огарева получилъ еще письмо, вотъ выписка:

« L'autre jour donc je repassais dans ma mémoire toute ma vie. Un bonheur, qui ne m'a jamais trahi, c'est ton amitié. De toutes mes passions une seule, qui est restée intacte, c'est mon amitié pour toi, car mon amitié est une passion. »

...Въ заключеніе еще слово. Если онъ тебя любитъ, что же тутъ мудренаго? что же бы онъ былъ, еслибъ не любилъ, видя тѣнь вниманія? Но я умоляю тебя, не говори ему о своей любви — долго, долго.

Прощай, твой братъ,
Александръ.

7.

Какихъ чудесъ на свѣтѣ не видится, Natalie! я прежде чѣмъ получилъ послѣднюю твою записку, отвѣчалъ тебѣ на всѣ вопросы. Я слышалъ ты больна, грустна. Береги себя, пей съ твердостью не столько горькую, сколько отвратительную чашу, которую наполняютъ тебѣ *благодѣтельные* люди.

И вслѣдъ за тѣмъ на другомъ листочкѣ:

Наташа, другъ мой, сестра, ради бога не унывай, презирай этихъ гнусныхъ эгоистовъ, ты слишкомъ снисходительна къ нимъ, презирай ихъ всѣхъ — они мерзавцы! ужасная была для меня минута, когда я читалъ твою записку къ Emilie. Боже, въ какомъ я положеніи, ну что я могу сдѣлать для тебя? Клянусь, что ни одинъ братъ не любитъ болѣе сестру, какъ я тебя—но что я могу сдѣлать?

Я получилъ твою записку и доволенъ тобою. Забудь его, коли такъ, это былъ опытъ, а ежелибъ любовь въ самомъ дѣлѣ, то она не такъ бы выразилась.

8.

2 Апрѣля, Крутицкія казармы.

По клочкамъ изодрано мое сердце, во все время тюрьмы я не былъ до того задавленъ, стѣсненъ, какъ теперь. Не ссылка этому причиной. Что мнѣ Пермь или Москва, и Москва—Пермь! Слушай все до конца.

31 Марта потребовали насъ слушать сентенцію. Торжественный, *дивный* день. Тамъ соединили 20 человѣкъ, которые должны прямо оттуда быть разбросаны одни по казематамъ крѣпостей, другіе по дальнимъ городамъ — всѣ они провели девять мѣсяцевъ въ неволѣ. Шумно, весело сидѣли эти люди въ большой залѣ. Когда я пришелъ, Соколовскій, съ усами и бородою, бросился мнѣ на шею, а тутъ С.; уже долго послѣ меня привезли Огарева, все высыпало встрѣтить его. Со слезами и улыбкой обнялись мы. Все воскресло въ моей душѣ, я жилъ, я *былъ юноша*, я жалъ всѣмъ руку — словомъ, это одна изъ счастливѣйшихъ минутъ жизни, ни одной мрачной мысли. Наконецъ намъ прочли приговоръ.*)

... Все было хорошо, но вчерашній день—да будетъ онъ проклятъ! — сломилъ меня до послѣдней жилы. Со мной содержится Оболенскій. Когда намъ прочли сентенцію, я спросилъ дозволенія у Цинскаго намъ видѣться — мнѣ позволили. Возвратившись я отправился къ нему, между тѣмъ объ этомъ дозволеніи забыли сказать полковнику. На другой день, мерзавецъ офицеръ С. донесъ полковнику, и я такимъ образомъ замѣшалъ трехъ лучшихъ офицеровъ, которые мнѣ дѣлали богъ знаетъ сколько одолженій; всѣ они имѣли выговоръ и всѣ наказаны, и теперь должны, не смѣняясь, дежурить три недѣли (а тутъ святая). Васильева (жандарма) вы-

*) Пропускаю его.

сѣкли розгами—и все черезъ меня. Я грызъ себѣ пальцы, плакалъ, бѣсился, и первая мысль, пришедшая мнѣ въ голову, было мщеніе. Я разсказалъ про офицера вещи, которыя могутъ погубить его (онъ заѣзжалъ куда то съ арестантомъ) и вспомнилъ что онъ бѣдный человѣкъ и отецъ семи дѣтей; но должно-ль щадить фискала, развѣ онъ щадилъ другихъ?

9.

10 Апрѣля 1835, 9 часовъ.

За нѣсколько часовъ до отъѣзда я еще пишу и пишу къ тебѣ — къ тебѣ будетъ послѣдній звукъ отъѣзжающаго. Тяжело чувство разлуки и разлуки невольной, но такова судьба, которой я отдался, она влечетъ меня и я покоряюсь. Когда жъ мы увидимся? Гдѣ? все это темно, но ярко воспоминаніе твоей дружбы, изгнанникъ никогда не забудетъ свою прелестную сестру.

Можетъ быть... но окончить нельзя, за мной пришли — и такъ прощай на долго, но ей богу не на всегда, я не могу думать сего.

Все это писяно при жандармахъ.

На этой запискѣ видны слѣды слезъ и слово „можетъ быть“ подчеркнуто два раза ею. Natalie эту записку носила съ собой нѣсколько мѣсяцевъ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

МОСКВА, ПЕТЕРБУРГЪ И НОВГОРОДЪ

(1840—1847)

ГЛАВА XXV.

Диссонансъ—Новый кругъ — Отчаянный гегелизмъ — В. Бѣлинскій, М. Бакунинъ и пр.—Ссора съ Бѣлинскимъ и миръ—Новгородскіе споры съ дамой—Кругъ Станкевича.

Въ началѣ 1840*) года разстались мы съ Владиміромъ, съ бѣдной узенькой Клязьмой. Я покидалъ нашъ вѣнчальный городокъ съ щемящимъ сердцемъ и страхомъ; я предвидѣлъ, что той простой, глубокой, внутренней жизни не будетъ больше и что придется подвязать много парусовъ.

Не повторятся больше наши долгія, одинокія прогулки за городомъ, гдѣ потерянные между луговъ мы такъ ясно чувствовали и весну природы и нашу весну...

Не повторятся зимніе вечера, въ которые, сидя близко другъ къ другу, мы закрывали книгу и слушали скрыпъ пошевней и звонъ бубенчиковъ, напоминавшій намъ то 3 Марта 1838, то нашу поѣздку 9 Мая...

Не повторятся!

... На сколько ладовъ и какъ давно люди знаютъ и твердятъ, что „жизни Май цвѣтетъ одинъ разъ и не больше,“ а все же Іюнь совершеннолѣтія, съ своей

*) Въ *Пол. Зв.* т. I стр. 82 нап. *1839 г.*

страдной работой, съ своимъ щебнемъ на дорогѣ, беретъ человѣка въ расплохъ. Юность невнимательно несется въ какой-то алгебрѣ идей, чувствъ и стремленій, частное мало занимаетъ, мало бьетъ, а тутъ любовь, найдено *неизвѣстное*, все свелось на одно лицо, прошло черезъ него, имъ становится всеобщее дорого, имъ изящное красиво, постороннее и тутъ не бьетъ, они *даны* другъ другу, кругомъ хоть трава не рости!

А она ростетъ себѣ съ крапивой и репейникомъ, и рано или поздно начинаетъ жечь и цѣпляться.

Мы знали, что Владиміра съ собой не увеземъ, а все же думали, что Май еще не прошелъ. Мнѣ казалось даже, что, возвращаясь въ Москву, я снова возвращаюсь въ университетскій періодъ. Вся обстановка поддерживала меня въ этомъ. Тотъ же домъ, та же мебель — вотъ комната, гдѣ, запершись съ Огаревымъ, мы конспирировали въ двухъ шагахъ отъ Сенатора и моего отца, да вотъ и онъ самъ, мой отецъ, состарѣвшійся и сгорбившійся, но такъ же готовый меня журить за то, что поздно воротился домой. „Кто-то завтра читаетъ лекціи? когда репетиція? изъ университета зайду къ Огареву“... Это *1833 годъ!*

Огаревъ въ самомъ дѣлѣ былъ на лицо.

Ему былъ разрѣшенъ въѣздъ въ Москву за нѣсколько мѣсяцевъ прежде меня. Домъ его снова сдѣлался средоточіемъ, въ которомъ встрѣчались старые и новые друзья. И не смотря на то, что прежняго единства не было, все симпатично окружало его.

Огаревъ, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, былъ одаренъ особой магнитностью, женственной способностью притяженія. Безъ всякой видимой причины, къ такимъ людямъ льнутъ, пристаютъ другіе; они согрѣваютъ, связуютъ, успокоиваютъ ихъ, они *открытый*

столъ, за который садится каждый, возобновляетъ силы, отдыхаетъ, становится бодрѣе, покойнѣе, и идетъ прочь—другомъ.

Знакомые поглощали у него много времени, онъ страдалъ отъ этого иногда, но дверей своихъ не запиралъ, а встрѣчалъ каждаго кроткой улыбкой. Многіе находили въ этомъ большую слабость; да, время уходило, терялось, но пріобрѣталась любовь не только близкихъ людей, но постороннихъ, слабыхъ; вѣдь и это стоитъ чтенія и другихъ занятій!

Я никогда толкомъ не могъ понять, какъ это обвиняютъ людей, въ родѣ Огарева, въ праздности. Точка зрѣнія фабрикъ и рабочихъ домовъ врядъ ли идетъ сюда. Помню я, что еще во времена студентскія, мы разъ сидѣли съ Вадимомъ за рейнвейномъ, онъ становился мрачнѣе и мрачнѣе, и вдругъ, со слезами на глазахъ, повторилъ слова Донъ-Карлоса, повторившаго въ свою очередь слова Юлія Цезаря: „Двадцать три года, и ничего не сдѣлано для безсмертія!“ Его это такъ огорчило, что онъ изо всей силы ударилъ ладонью по зеленой рюмкѣ и глубоко разрѣзалъ себѣ руку. Все это такъ, но ни Цезарь, ни Донъ-Карлосъ съ Позой, ни мы съ Вадимомъ не объяснили, для чего же нужно что нибудь дѣлать для *безсмертія?* Есть дѣло, надобно его и сдѣлать, а какъ же это дѣлать для дѣла или *въ знакъ памяти* роду человѣческому?

Все это что-то смутно; да и что такое дѣло?

Дѣло, business... Чиновники знаютъ только гражданскія и уголовныя дѣла, купецъ считаетъ дѣломъ одну торговлю, военные называютъ дѣломъ шагать по журавлиному и вооружаться съ ногъ до головы въ мирное время. По моему, служить связью, центромъ цѣлаго круга людей — огромное дѣло, особенно въ обществѣ

разобщенномъ и скованномъ. Меня никто не упрекалъ въ праздности, кое-что изъ сдѣланнаго мною нравилось многимъ; а знаютъ ли сколько во всемъ, сдѣланномъ мною, отризились наши бесѣды, наши споры, ночи, которыя мы праздно бродили по улицамъ и полямъ, или еще болѣе *праздно* проводили за бокаломъ вина.

... Но вскорѣ потянулъ и въ этой средѣ воздухъ, напомнившій, что весна прошла. Когда улеглась радость свиданій и миновались пиры, когда главное было пересказано и приходилось продолжать путь, мы увидѣли, что той беззаботной, свѣтлой жизни, которую мы искали по воспоминаніямъ, нѣтъ больше въ нашемъ кругѣ и особенно въ домѣ Огарева. Шумѣли друзья, кипѣли споры, лилось иногда вино—но не весело, не такъ весело какъ прежде. У всѣхъ была задняя мысль, недомолвка; чувствовалась какая то натяжка; печально смотрѣлъ Огаревъ, и К. зловѣще поднималъ брови. Посторонняя нота звучала въ нашемъ аккордѣ вопіющимъ диссонансомъ; всей теплоты, всей дружбы Огарева не доставало, чтобъ заглушить ее.

То, чего я опасался за годъ передъ тѣмъ, то случилось, и хуже, чѣмъ я думалъ.

Отецъ Огарева умеръ въ 1838; незадолго до его смерти онъ женился. Вѣсть о его женитьбѣ испугала меня; все это случилось какъ то скоро и неожиданно. Слухи объ его женѣ, доходившіе до меня, не совсѣмъ были въ ея пользу; онъ писалъ съ восторгомъ и былъ счастливъ—ему я больше вѣрилъ, но все же боялся.

Въ началѣ 1839 года, они пріѣхали на нѣсколько дней во Владиміръ. Мы тутъ увидѣлись въ первый разъ послѣ того, какъ аудиторъ Оранскій намъ читалъ приговоръ. Тутъ было не до разбора, помню только, что въ первыя минуты ея голосъ провелъ нехорошо по мо-

ему сердцу; но и это минутное впечатлѣніе исчезло въ яркомъ свѣтѣ радости. Да, это были тѣ дни полноты и личнаго счастья, въ которые человѣкъ, не подозрѣвая, касается высшаго предѣла, послѣдняго края личнаго счастья. Ни тѣни чернаго воспоминанія, ни малѣйшаго темнаго предчувствія, молодость, дружба, любовь, избытокъ силъ, энергіи, здоровья и безконечная дорога впереди. Самое мистическое настроеніе, которое еще не проходило тогда, придавало праздничную торжественность нашему свиданью, какъ колокольный звонъ, пѣвчіе и зажженныя паникадила.

У меня въ комнатѣ, на одномъ столѣ, стояло небольшое чугунное распятіе. „На колѣни!“ сказалъ Огаревъ и поблагодаримъ за то, что мы всѣ четверо вмѣстѣ. Мы стали на колѣни возлѣ него и, обтирая слезы, обнялись.

Но одному изъ четырехъ врядъ нужно ли было ихъ обтирать. Жена Огарева съ нѣкоторымъ удивленіемъ смотрѣла на происходившее; я думалъ тогда, что это ревность, но она сама сказала мнѣ впослѣдствіи, что сцена это показалась ей натянутой, дѣтской. Оно, пожалуй, и могло такъ показаться со стороны; но зачѣмъ же она смотрѣла со стороны, зачѣмъ она была такъ трезва въ этомъ упоеніи, такъ совершеннолѣтна въ этой молодости?

Огаревъ возвратился въ свое имѣнье, она поѣхала въ Петербургъ хлопотать о его возвращеніи въ Москву.

Черезъ мѣсяцъ она опять проѣзжала Владиміромъ— одна. Петербургъ и двѣ, три аристократическія гостинныя вскружили ей голову. Ей хотѣлось внѣшняго блеска, ее тѣшило богатство. Какъ то сладитъ она съ этимъ? думалъ я. Много бѣдъ могло развиться изъ та-

кой противоположности вкусовъ. Но ей было ново и богатство, и Петербургъ, и салоны, можетъ это было минутное увлеченье—она была умна, она любила Огарева—и я надѣялся.

Въ Москвѣ опасались, что это не такъ легко переработается въ ней. Артистическій и литературный кругъ довольно льстилъ ея самолюбію, но главное было направлено не туда. Она согласилась бы имѣть при аристократическомъ салонѣ придѣлъ для художниковъ и ученыхъ и насильно увлекала Огарева въ пустой міръ, въ которомъ онъ задыхался отъ скуки. Ближайшіе друзья стали замѣчать это и К., давно уже хмурившійся, грозно заявилъ свое veto. Вспыльчивая, самолюбивая и непривыкнувшая себя обуздывать, она оскорбляла самолюбія, столько же раздражительныя, какъ ея. Угловаты, нѣсколько сухія манеры ея и насмѣшки, высказываемыя тѣмъ голосомъ, который при первой встрѣчѣ, такъ странно провелъ мнѣ по сердцу, вызвали рѣзкій отпоръ. Побранившись мѣсяца два съ К., который, будучи правъ въ фондѣ, былъ постоянно не правъ въ формѣ, и возстановивъ противъ себя нѣсколько человѣкъ, можетъ слишкомъ обидчивыхъ по матеріальному положенію, она наконецъ очутилась лицемъ къ лицу со мной.

Меня она боялась. Во мнѣ она хотѣла помѣриться и окончательно узнать, что возьметъ верхъ, *дружба или любовь*, какъ будто имъ нужно было брать этотъ верхъ. Тутъ больше замѣшалось, чѣмъ желаніе поставить на своемъ въ капризномъ спорѣ, тутъ было сознаніе, что я всего сильнѣе противудѣйствую ея видамъ, тутъ была завистливая ревность и женское властолюбіе. Съ К. она спорила до слезъ и перебранивалась, какъ злыя дѣти бранятся, всякій день, но безъ ожесто-

ченія; на меня она смотрѣла, блѣднѣя и дрожа отъ ненависти. Она упрекала меня въ разрушеніи ея счастья изъ самолюбиваго притязанія на исключительную дружбу Огарева, въ отталкивающей гордости. Я чувствовалъ, что это несправедливо, и въ свою очередь, сдѣлался жестокъ и безпощаденъ. Она сама признавалась мнѣ, пять лѣтъ спустя, что ей приходила въ голову мысль меня отравить — вотъ до чего доходила ея ненависть. Она съ Natalie раззнакомилась за ея любовь ко мнѣ, за дружбу къ ней всѣхъ нашихъ.

Огаревъ страдалъ. Его никто не пощадилъ, ни она, ни я, ни другіе. Мы выбрали грудь его (какъ онъ самъ выразился въ одномъ письмѣ) „полемъ сраженія“ и не думали, что тотъ ли, другой ли одолѣваетъ, ему равно было больно. Онъ заклиналъ насъ мириться, онъ старался смягчить угловатости — и мы мирились; но дико кричало оскорбленное самолюбіе и наболѣвшая обидчивость вспыхивала войной отъ одного слова. Съ ужасомъ видѣлъ Огаревъ, что все дорогое ему рушится, что женщинѣ, которую онъ любилъ, не свята его святыня, что она чужая — но не могъ ее разлюбить. Мы были свои — но онъ съ печалью видѣлъ, что и мы ни одной капли горечи не убавили въ чашѣ, которую судьба поднесла ему. Онъ не могъ грубо порвать узы Naturgewalt'а, связывавшаго его съ нею, ни крѣпкія узы симпатіи, связывавшія съ нами; онъ во всякомъ случаѣ долженъ былъ изойти кровью, и чувствуя это, онъ старался сохранить ее и насъ — судорожно не выпускалъ ни ея, ни нашихъ рукъ — а мы свирѣпо расходились, четвертуя его какъ палачи!

Жестокъ человѣкъ и одни долгія испытанія укрощаютъ его; жестокъ, въ своемъ невѣдѣніи, ребенокъ, жестокъ юноша, гордый своей чистотой, жестокъ попъ,

гордый своей святостью и доктринеръ, гордый своей наукой—всѣ мы безпощадны и всего безпощаднѣе когда мы правы. Сердце обыкновенно растворяется и становится мягкимъ вслѣдъ за глубокими рубцами, за обожженными крыльями, за сознанными паденіями; вслѣдъ за испугомъ, который обдаетъ человѣка холодомъ, когда онъ одинъ, безъ свидѣтелей начинаетъ догадываться — какой онъ слабый и дрянный человѣкъ. Сердце становится кротче; обтирая потъ ужаса, стыда, боясь свидѣтеля, оно ищетъ *себѣ* оправданій — и находитъ ихъ *другому*. Роль судьи, палача, съ той минуты поселяетъ въ немъ отвращеніе.

Тогда я былъ далекъ отъ этого!

Перемежаясь продолжалась вражда. Озлобленная женщина, преслѣдуемая нашей нетерпимостью, заступала дальше и дальше въ какія то путы, не могла въ нихъ идти, рвалась, падала — и не мѣнялась. Чувствуя свое безсиліе побѣдить, она сгорала отъ досады и dépit, отъ ревности безъ любви. Ея растрепанныя мысли, безсвязно взятыя изъ романовъ Ж. Сандъ, изъ нашихъ разговоровъ, никогда ни въ чемъ не дошедшія до ясности, вели ее отъ одной нелѣпости къ другой, къ эксцентричностямъ, которыя она принимала за оригинальную самобытность, къ тому женскому освобожденію, въ силу котораго онѣ отрицаютъ изъ существующаго и принятаго, *на выборъ*, что имъ не нравится, сохраняя упорно все остальное.

Разрывъ становился неминуемъ, но Огаревъ еще долго жалѣлъ ее, еще долго хотѣлъ спасти ее, надѣялся. И когда на минуту въ ней пробуждалось нѣжное чувство или поэтическая струйка, онъ былъ готовъ забыть на вѣки вѣковъ прошедшее и начать новую жизнь гармоніи, покоя, любви; но она не могла удержаться,

теряла равновѣсіе и всякій разъ падала глубже. Нить за нитью болѣзненно рвался ихъ союзъ до тѣхъ поръ, пока беззвучно перетерлась послѣдняя нитка — и они разстались навсегда.

Во всемъ этомъ является одинъ вопросъ не совсѣмъ понятный. Какимъ образомъ то сильное симпатическое вліяніе, которое Огаревъ имѣлъ на все окружающее, которое увлекало посторонних въ высшія сферы, въ общіе интересы, скользнуло по сердцу этой женщины, не оставивъ на немъ никакого благотворнаго слѣда? А между тѣмъ, онъ любилъ ее страстно и положилъ больше силы и души, чтобъ ее спасти, чѣмъ на все остальное; и она сама сначала любила его, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія.

Много я думалъ объ этомъ. Сперва, разумѣется, винилъ одну сторону, потомъ сталъ понимать, что и этотъ странный, уродливый фактъ имѣетъ объясненіе и что въ немъ собственно нѣтъ противурѣчія. Имѣть вліяніе на симпатическій кругъ гораздо легче, чѣмъ имѣть вліяніе на *одну* женщину. Проповѣдывать съ амвона, увлекать съ трибуны, учить съ каѳедры, гораздо легче, чѣмъ воспитывать *одного* ребенка. Въ аудиторіи, въ церкви, въ клубѣ, одинаковость стремленій, интересовъ идетъ впередъ, во имя ихъ люди встрѣчаются тамъ, стоитъ продолжать развитіе. Огарева кружокъ состоялъ изъ прежнихъ университетскихъ товарищей, молодыхъ ученыхъ, художниковъ и литераторовъ; ихъ связывала общая религія, общій языкъ и еще больше общая ненависть. Тѣ, для которыхъ эта религія не составляла въ самомъ дѣлѣ жизненнаго вопроса, мало по малу отдалялись на ихъ мѣсто являлись *другіе*, а мысль и кругъ крѣпли при этой свободной игрѣ избирательнаго сродства и общаго, связующаго убѣжденія.

Сближеніе съ женщиной — дѣло чисто личное, основанное на иномъ, тайно физіологическомъ сродствѣ, безотчетномъ, страстномъ. Мы прежде близки, потомъ знакомимся. У людей, у которыхъ жизнь не подтасована, не приведена къ одной мысли, уровень устанавливается легко, у нихъ все случайно, вполовину уступаетъ онъ, вполовину она; да если и не уступаютъ — бѣды нѣтъ. Съ ужасомъ открываетъ напротивъ человѣкъ, преданный своей идеѣ, что она чужда существу, такъ близко поставленному. Онъ принимается наскоро будить женщину, но большей частью только пугаетъ или путаетъ ее. Оторванная отъ преданій, отъ которыхъ она не освободилась, и переброшенная черезъ какой-то оврагъ, ничѣмъ не наполненный, она вѣритъ въ свое освобожденіе — заносчиво, самолюбиво, черезъ пень-колоду отвергаетъ старое, безъ разбора принимаетъ новое. Въ головѣ, въ сердцѣ безпорядокъ, хаосъ..... возжи брошены, эгоизмъ разнузданъ... А мы думаемъ, что сдѣлали дѣло и проповѣдуемъ ей, какъ въ ауди-торіи!

Талантъ воспитанія, талантъ терпѣливой любви, полной преданности, преданности хронической, рѣже встрѣчается чѣмъ всѣ другіе. Его не можетъ замѣнить ни одна страстная любовь матери, ни одна сильная доводами діалектика.

— Ужъ не отгого-ли люди истязаютъ дѣтей, а иногда и большихъ, что ихъ такъ трудно воспитывать — а сѣчь такъ легко? Не мстимъ-ли мы наказаніемъ за нашу неспособность?

Огаревъ это понялъ еще тогда; потому то его всѣ (и я въ томъ числѣ) упрекали въ излишней кротости.

... Кругъ молодыхъ людей, составившійся около Огарева, не былъ нашъ прежній кругъ. Только двое

изъ старыхъ друзей, кромѣ насъ, были на лицо. Тонъ, интересы, занятія, все измѣнилось. Друзья Станкевича были на первомъ планѣ; Бакунинъ и Бѣлинскій стояли въ ихъ главѣ, каждый съ томомъ гегелевой философіи въ рукахъ и съ юношеской нетерпимостью, безъ которой нѣтъ кровныхъ, страстныхъ убѣжденій.

Германская философія была привита московскому университету М. Г. Павловымъ. Каѳедра философіи была закрыта съ 1826 года. Павловъ преподавалъ введеніе къ философіи вмѣсто физики и сельскаго хозяйства. Физики было мудрено научиться на его лекціяхъ, сельскому хозяйству невозможно; но его курсы были чрезвычайно полезны. Павловъ стоялъ въ дверяхъ физико-математическаго отдѣленія и останавливалъ студента вопросомъ: „Ты хочешь знать природу? Но что такое природа? Что такое знать?“

Это чрезвычайно важно; наша молодежь, вступающая въ университетъ, совершенно лишена философскаго приготовленія, одни семинаристы имѣютъ понятіе объ философіи, за то совершенно превратное.

Отвѣтомъ на эти вопросы Павловъ излагалъ ученіе Шеллинга и Окена съ такой пластической ясностью, которую никогда не имѣлъ ни одинъ натуръ-философъ. Если онъ не во всемъ достигнулъ прозрачности, то это не его вина, а вина мутности Шеллингова ученія. Скорѣе Павлова можно обвинить за то, что онъ остановился на этой Магабаратѣ философіи и не прошелъ суровымъ искусомъ Гегелевой логики. Но онъ даже и въ своей наукѣ дальше введенія и общаго понятія не шелъ или, по крайней мѣрѣ, не велъ другихъ. Эта остановка при началѣ, это незавершеніе своего дѣла, эти дома безъ крыши, фундаменты безъ домовъ и пышныя сѣни, ведущія въ скромное жилье, совершенно въ рус-

скомъ народномъ духѣ. Не оттого ли мы довольствуемся сѣнями, что исторія наша еще стучится въ ворота?

Чего не сдѣлалъ Павловъ, сдѣлалъ одинъ изъ его учениковъ — Станкевичъ.

Станкевичъ, тоже одинъ изъ *праздныхъ* людей, *ничего* не совершившихъ, былъ первый послѣдователь Гегеля въ кругу московской молодежи. Онъ изучилъ нѣмецкую философію глубоко и эстетически; одаренный необыкновенными способностями, онъ увлекъ большой кругъ друзей въ свое любимое занятіе. Кругъ этотъ чрезвычайно замѣчателенъ, изъ него вышла цѣлая фаланга ученыхъ, литераторовъ и профессоровъ, въ числѣ которыхъ были Бѣлинскій, Бакунинъ, Грановскій.

До ссылки между нашимъ кругомъ и кругомъ Станкевича не было большой симпатіи. Имъ не нравилось наше почти исключительно политическое направленіе, намъ не нравилось ихъ почти исключительно умозрительное. Они насъ считали фрондёрами и французами, мы ихъ сентименталистами и нѣмцами. Первый человѣкъ, признанный нами и ими, который дружески подалъ обоимъ руки и снялъ своей теплой любовью къ обоимъ, своей примиряющей натурой, послѣдніе слѣды взаимнаго непониманья, былъ Грановскій; но когда я пріѣхалъ въ Москву, онъ еще былъ въ Берлинѣ, а бѣдный Станкевичъ потухалъ на берегахъ Lago di Como лѣтъ двадцати семи.

Болѣзненный, тихій по характеру, поэтъ и мечтатель, Станкевичъ естественно долженъ былъ больше любить созерцаніе и отвлеченное мышленіе, чѣмъ вопросы жизненные и чисто практическіе; его артистическій идеализмъ ему шелъ, это былъ „побѣдный вѣнокъ,“ выступавшій на его блѣдномъ, предсмертномъ

челѣ юноши. Другіе были слишкомъ здоровы и слишкомъ мало поэты, чтобъ на долго остаться въ спекулативномъ мышленіи безъ перехода въ жизнь. Исключительно умозрительное направленіе, совершенно противуположно русскому характеру и мы скоро увидимъ, какъ *русскій духъ* переработалъ Гегелево ученіе и какъ *наша* живая натура, не смотря на всѣ постриженія въ философскіе монахи, беретъ свое. Но въ началѣ 1840 года не было еще и мысли у молодежи, окружавшей Огарева, бунтовать противъ текста за духъ, противъ отвлеченій за жизнь.

Новые звакомые приняли меня, такъ какъ принимаютъ эмигрантовъ и старыхъ бойцевъ, людей, выходящихъ изъ тюремъ, возвращающихся изъ плѣна или ссылки, съ почетнымъ снисхожденіемъ, съ готовностью принять въ свой союзъ, но съ тѣмъ вмѣстѣ не уступая ничего, а намекая на то, что они—*сегодня, а мы—уже вчера*, и требуя безусловнаго принятія феноменологіи и логики Гегеля и притомъ по ихъ толкованію.

Толковали-же они объ нихъ безпрестанно, нѣтъ параграфа во всѣхъ трехъ частяхъ логики, въ двухъ эстетики, энциклопедіи и пр., который бы не былъ взятъ отчаянными спорами нѣсколькихъ ночей. Люди, любившіе другъ друга, расходились на цѣлыя недѣли, не согласившись въ опредѣленіи „перехватывающаго духа,“ принимали за обиды мнѣнія объ „абсолютной личности и о ея *по-себѣ бытіи*.“ Всѣ ничтожнѣйшія брошюры, выходившія въ Берлинѣ и другихъ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ нѣмецкой философіи, гдѣ только упоминалось о Гегелѣ, выписывались, зачитывались до дыръ, до пятенъ, до паденія листовъ въ нѣсколько дней. Такъ какъ Франкёръ въ Парижѣ плакалъ отъ умиленія, услышавъ, что въ Россіи его принимаютъ

за великаго математика и что все юное поколѣніе разрѣшаетъ у насъ уравненія разныхъ степеней, употребляя тѣ-же буквы какъ онъ; такъ заплакали бы всѣ эти забытые Вердеры, Маргейнеке, Михелеты, Отто, Вадке, Шаллеры, Розенкранцы и самъ Арнольдъ Руге, котораго Гейне такъ удивительно хорошо назвалъ „Привратникомъ гегелевой философіи“—еслибъ они знали, какія побоища и ратованія возбудили они въ Москвѣ между Моросейкой и Моховой, какъ ихъ читали и какъ ихъ *покупали*.

Главное достоинство Павлова состояло въ необычайной ясности изложенія, ясности нисколько не терявшей всей глубины нѣмецкаго мышленія; молодые философы приняли напротивъ какой-то условный языкъ, они не переводили на русское, а перекладывали цѣликомъ, да еще для большей легости оставляя всѣ латинскія слова in crudo, давая имъ православныя окончанія и семь русскихъ падежей.

Я имѣю право это сказать, потому что увлеченный тогдашнимъ потокомъ, я самъ писалъ точно также, да еще удивлялся, что извѣстный астрономъ Перевощиковъ называлъ это „птичьимъ языкомъ.“ Никто въ тѣ времена не отрекся бы отъ подобной фразы: „Конкресцированіе абстрактныхъ идей въ сферѣ пластики представляетъ ту фазу самоищущаго духа, въ которой онъ опредѣлясь для себя, потенцируется изъ естественной имманентности въ гармоническую сферу образнаго сознанія въ красотѣ.“ Замѣчательно, что тутъ русскія слова, какъ на извѣстномъ обѣдѣ генераловъ, о которомъ говорилъ Ермоловъ, звучатъ иностраннѣе латинскихъ.

Нѣмецкая наука, и это ея главный недостатокъ, пріучилась къ искуственному, тяжелому, схоластическому

языку своему, именно потому, что она жила въ академіяхъ, т. е. въ монастыряхъ идеализма. Это языкъ поповъ науки, языкъ для *вѣрныхъ* и никто изъ оглашенныхъ его не понималъ; къ нему надобно было имѣть ключъ, какъ къ шифрованнымъ письмамъ. Ключъ этотъ теперь не тайна, понявши его, люди были удивлены, что наука говорила очень дѣльныя вещи и очень простыя на своемъ мудреномъ нарѣчіи, Фейербахъ сталъ первый говорить человѣчественнѣе.*)

Механическая слѣпка нѣмецкаго, *церковно*-ученаго діалекта, была тѣмъ непростительнѣе, что главный характеръ нашего языка состоитъ въ чрезвычайной легости, съ которой все выражается на немъ—отвлеченныя мысли, внутреннія лирическія чувствованія, „жизни мышья бѣготня," крикъ негодованія, искрящаяся шалость и потрясающая страсть.

Рядомъ съ испорченнымъ языкомъ шла другая ошибка болѣе глубокая. Молодые философы наши испортили себѣ не одни фразы, но и пониманье; отношеніе къ жизни, къ дѣйствительности, сдѣлалось школьное, книжное, это было то ученое пониманье простыхъ вещей, надъ которыми такъ геніально смѣялся Гёте въ своемъ разговорѣ Мефистофеля съ студентомъ. Все въ *самомъ дѣлѣ* непосредственное, всякое простое чувство было возводимо въ отвлеченныя категоріи и возвращалось оттуда безъ капли живой крови, блѣдной, алгебраической тѣнью. Во всемъ этомъ была своего рода наивность, потому что все это было совершенно искренно. Человѣкъ, который шелъ гулять въ Сокольники, шелъ для того, чтобъ отдаваться пантеистическому чувству своего единства съ космосомъ; и если ему попадался по

*) Варіантъ. *По человѣчески* (*Пол. Зв.* Т. I, стр. 87.)

дорогѣ какой-нибудь солдатъ подъ хмѣлькомъ или баба вступавшая въ разговоръ, философъ не просто говорилъ съ ними, но опредѣлялъ субстанцію народную въ ея непосредственномъ и случайномъ явленіи. Самая слеза, навертывавшаяся на вѣкахъ, была строго отнесена къ своему порядку, къ „гемюту“ или къ „трагическому въ сердцѣ“.....

То-же въ искуствѣ. Знаніе Гёте, особенно второй части Фауста, (оттого-ли что она хуже первой, или оттого, что труднѣе ея), было столько-же обязательно, какъ имѣть платье. Философія музыки была на первомъ планѣ. Разумѣется, объ Россини и не говорили, къ Моцарту были снисходительны, хотя и находили его дѣтскимъ и бѣднымъ, за то производили философскія слѣдствія надъ каждымъ аккордомъ Бетховена и очень уважали Шуберта, не столько, думаю, за его превосходные напѣвы, сколько за то, что онъ бралъ философскія темы для нихъ какъ „Всемогущество Божіе“, „Атласъ.“ Наравнѣ съ итальянской музыкой дѣлила опалу французская литература и вообще все французское, а по дорогѣ и все политическое.

Отсюда легко понять поле, на которомъ мы должны были непремѣнно встрѣтиться и сразиться. Пока пренія шли о томъ, что Гёте объективенъ, но что его объективность субъективна; тогда какъ Шиллеръ поэтъ субъективный, но его субъективность объективна и vice versa, все шло мирно. Вопросы болѣе страстные не замедлили явиться.

Гегель во время своего професората въ Берлинѣ, долею отъ старости, а вдвое отъ довольства мѣстомъ и почетомъ, намѣренно взвинтилъ свою философію надъ земнымъ уровнемъ и держался въ средѣ, гдѣ всѣ современные интересы и страсти становятся довольно

безразличны, какъ зданія и села съ воздушнаго шара; онъ не любилъ зацѣпляться за эти проклятые практическіе вопросы, съ которыми трудно ладить, и на которые надобно было отвѣчать положительно. Насколько этотъ насильственный и неоткровенный дуализмъ былъ вопіющъ въ наукѣ, которая отправляется отъ снятія дуализма, легко понятно. Настоящій Гегель былъ тотъ скромный профессоръ въ Іенѣ, другъ Гелдерлина, который спасъ подъ полой свою феноменологію, когда Наполеонъ входилъ въ городъ; тогда его философія не вела ни къ индѣйскому квіетизму, ни къ оправданію существующихъ гражданскихъ формъ, ни къ прусскому христіанству; тогда онъ не читалъ своихъ лекцій о философіи религіи, а писалъ геніальныя вещи въ родѣ статьи „о палачѣ и о смертной казни," напечатанной въ Розенкранцевой біографіи.

Гегель держался въ кругу отвлеченій, для того, чтобъ не быть въ необходимости касаться эмпирическихъ выводовъ и практическихъ приложеній, для нихъ онъ избралъ очень ловко тихое и безбурное море эстетики; рѣдко выходилъ онъ на воздухъ, и то на минуту, закутавшись какъ больной, но и тогда оставлялъ въ діалектической запутанности именно тѣ вопросы, которые всего болѣе занимали современнаго человѣка. Чрезвычайно слабые умы, (одинъ Гансъ дѣлаетъ исключеніе) окружавшіе его, принимали букву за самое дѣло, имъ нравилась пустая игра діалектики. Вѣроятно старику иной разъ бывало тяжело и совѣстно смотрѣть на недальновидность, черезъ край удовлетворенныхъ, учениковъ своихъ. Діалектическая метода если она не есть развитіе самой сущности, воспитаніе ея такъ сказать въ мысль, становится чисто внѣшнимъ средствомъ гонять сквозь строй категорій всякую всячину, упражне-

ніемъ въ логической гимнастикѣ, тѣмъ, чѣмъ она была у греческихъ софистовъ и у средневѣковыхъ схоластиковъ послѣ Абеларда.

Философская фраза, надѣлавшая всего больше вреда, и на которой нѣмецкіе консерваторы стремились помирить философію съ политическимъ бытомъ Германіи: „все дѣйствительное разумно," была иначе высказанное начало *достаточной причины* и соотвѣтственности логики и фактовъ. Дурно понятая фраза Гегеля сдѣлалась въ философіи тѣмъ, что нѣкогда были слова христіанскаго жирондиста Павла „Нѣтъ власти какъ отъ Бога." Но если всѣ власти отъ Бога, и если существующій общественный порядокъ оправдывается разумомъ, то и борьба противъ него, если только существуетъ, оправдана. Формально принятыя эти двѣ сентенціи—чистая таутологія; но таутологія или нѣтъ, она прямо вела къ признанію предержащихъ властей, къ тому, чтобъ человѣкъ сложилъ руки, этого-то и хотѣли берлинскіе буддисты. Какъ такое воззрѣніе ни было противуположно русскому духу, его, откровенно заблуждаясь, приняли наши московскіе Гегеліанцы.

Бѣлинскій, самая дѣятельная, порывистая, діалектически-страстная натура бойца, проповѣдывалъ тогда индѣйскій покой созерцанія и теоретическое изученіе вмѣсто борьбы. Онъ вѣровалъ въ это воззрѣніе и не блѣднѣлъ ни передъ какимъ послѣдствіемъ, не останавливался ни передъ моральнымъ приличіемъ, ни передъ мнѣніемъ другихъ, котораго такъ страшатся люди слабые и несамобытные: въ немъ не было робости, потому что онъ былъ силенъ и искрененъ; его совѣсть была чиста.

— Знаете-ли, что съ вашей точки зрѣнія, сказалъ я ему, думая поразить его моимъ революціоннымъ ульти-

матумомъ, вы можете доказать, что чудовищное самодержавіе, подъ которымъ мы живемъ, разумно и должно существовать.

— Безъ всякаго сомнѣнія, отвѣчалъ Бѣлинскій, и прочелъ мнѣ *Бородинскую годовщину* Пушкина.

Этого я не могъ вынести и отчаянный бой закипѣлъ между нами. Размолвка наша дѣйствовала на другихъ, кругъ распадался на два стана. Бакунинъ хотѣлъ примирить, объяснить, *заговорить*, но настоящаго мира не было. Бѣлинскій, раздраженный и недовольный, уѣхалъ въ Петербургъ, и оттуда далъ по насъ послѣдній яростный залпъ въ статьѣ, которую такъ и назвалъ „Бородинской годовщиной."

Я прервалъ съ нимъ тогда всѣ сношенія. Бакунинъ, хотя и спорилъ горячо, но сталъ призадумываться, его революціонный тактъ толкалъ его въ другую сторону. Бѣлинскій упрекалъ его въ слабости, въ уступкахъ и доходилъ до такихъ преувеличенныхъ крайностей, что пугалъ своихъ собственныхъ пріятелей и почитателей. Хоръ былъ за Бѣлинскаго и смотрѣлъ на насъ съ высока, гордо пожимая плечами и находя насъ людьми отсталыми.

Середь этой междоусобицы я увидѣлъ необходимость ex ipsa fonte bibere и серьозно занялся Гегелемъ. Я думаю даже, что человѣкъ, не *пережившій* феноменологіи Гегеля и противурѣчій общественной экономіи Прудона, не перешедшій черезъ этотъ горнъ и этотъ закалъ — не полонъ, не современенъ.

Когда я привыкъ къ языку Гегеля и овладѣлъ его методой, я сталъ разглядывать, что Гегель гораздо ближе къ нашему воззрѣнію, чѣмъ къ воззрѣнію своихъ послѣдователей, таковъ онъ въ первыхъ сочиненіяхъ, таковъ вездѣ, гдѣ его геній закусывалъ удила и

несся впередъ забывая „бранденбургскія ворота.“ Философія Гегеля — алгебра революціи, она необыкновенно освобождаетъ человѣка и не оставляетъ камня на камнѣ отъ міра христіанскаго, отъ міра преданій, пережившихъ себя. Но она, можетъ съ намѣреніемъ, дурно формулирована.

Такъ какъ въ математикѣ—только тамъ съ большимъ правомъ—не возвращаются къ опредѣленію пространства, движенія, силъ, а продолжаютъ діалектическое развитіе ихъ свойствъ и законовъ; такъ и въ формальномъ пониманіи философіи, привыкнувъ однажды къ началамъ, продолжаютъ одни выводы. Новый человѣкъ, не забившій себя методой обращающейся въ привычку, именно за эти-то преданія, за эти догматы принимаемые за мысли и цѣпляется. Людямъ давно занимающимся, и слѣдственно не безпристрастнымъ, кажется удивительнымъ какъ другіе не понимаютъ вещей „совершенно ясныхъ.“

Какъ не понять *такую* простую мысль, какъ напр., „что душа безсмертна, а что умираетъ одна личность,“ мысль такъ успѣшно развитая берлинскимъ Михелетомъ въ его книгѣ. Или еще болѣе простую истину, что безусловный духъ есть личность сознающая себя черезъ міръ, а между тѣмъ имѣющая и свое собственное самопознаніе.

Всѣ эти вещи казались до того легки нашимъ друзьямъ, они такъ улыбались „французскимъ“ возраженіямъ, что я былъ на нѣкоторое время подавленъ ими и работалъ, и работалъ, чтобъ дойти до отчетливаго пониманія ихъ философскаго jargon.

По счастію схоластика также мало свойственна мнѣ, какъ мистицизмъ, я до того натянулъ ея лукъ, что те-

тива порвалась и повязка упала. Странное дѣло, споръ съ дамой привелъ меня къ этому.

Въ Новгородѣ, годъ спустя познакомился я съ однимъ генераломъ. Познакомился я съ нимъ, потому что онъ всего меньше былъ похожъ на генерала.

Въ его домѣ было тяжело, въ воздухѣ были слезы, тутъ очевидно прошла смерть. Сѣдые волосы рано покрыли его голову и добродушно-грустная улыбка больше выражала страданій, нежели морщины. Ему было лѣтъ пятьдесятъ. Слѣдъ судьбы, обрубившей живыя вѣтви еще яснѣе видѣлся на блѣдномъ, худомъ лицѣ его жены. У нихъ было слишкомъ тихо. Генералъ занимался механикой, его жена по утрамъ давала французскіе уроки какимъ-то бѣднымъ дѣвочкамъ; когда онѣ уходили, она принималась читать, и одни цвѣты, которыхъ было много, напоминали иную, благоуханную, свѣтлую жизнь; да еще игрушки въ шкапѣ — только ими никто не игралъ.

У нихъ было трое дѣтей, два года передъ тѣмъ умеръ девятилѣтній мальчикъ, необыкновенно даровитый; черезъ нѣсколько мѣсяцевъ умеръ другой ребенокъ отъ скарлатины; мать бросилась въ деревню спасать послѣднее дитя перемѣной воздуха, и черезъ нѣсколько дней воротилась; съ ней въ каретѣ былъ гробикъ.

Жизнь ихъ потеряла смыслъ, кончилась и продолжалась безъ нужды, безъ цѣли. Ихъ существованіе удержалось сожалѣніемъ другъ о другѣ; одно утѣшеніе, доступное имъ, состояло въ глубокомъ убѣжденіи необходимости одного для другаго, для того, чтобъ какънибудь нести крестъ. Я мало видѣлъ больше гармоническихъ браковъ, но уже это и не былъ бракъ, ихъ связывала не любовь, а какое-то глубокое братство въ несчастіи, ихъ судьба тѣсно затягивалась и держалась.

вмѣстѣ тремя маленькими, холодными ручонками и безнадежной пустотою около и впереди.

Осиротѣвшая мать совершенно предалась мистицизму; она нашла спасеніе отъ тоски въ мірѣ таинственныхъ примиреній, она была обманута лестью религіи человѣческому сердцу. Для нея мистицизмъ былъ не шутка, не мечтательность, а опять таки дѣти, и она защищала ихъ, защищая свою религію. Но какъ умъ чрезвычайно дѣятельный, она вызывала на споръ и знала свою силу. Я послѣ и прежде встрѣчалъ въ жизни много мистиковъ въ разныхъ родахъ, отъ Витберга и послѣдователей Товянскаго, принимавшихъ Наполеона за военное воплощеніе Бога и снимавшихъ шапку, проходя мимо вандомской колонны, до забытаго теперь „Ма-Па,“ который самъ мнѣ разсказывалъ свое свиданіе съ Богомъ, случившееся на шоссе между Монморанси и Парижемъ. Всѣ они, большею частью люди нервные, дѣйствовали на нервы, поражали фантазію или сердце, мѣшали философскія понятія съ произвольной символикой и не любили выходить на чистое поле логики.

На немъ-то и стояло твердо и безбоязненно Л. Д. Гдѣ и какъ она успѣла пріобрѣсти такую артистическую ловкость діалектики, я не знаю. Вообще, женское развитіе — тайна; все ничего, наряды, да танцы, шаловливое злословіе и чтеніе романовъ, глазки и слезы—и вдругъ является гигантская воля, зрѣлая мысль, колосальный умъ. Дѣвочка, увлеченная страстями, исчезла и передъ вами Героань де Мерикуръ, красавица-трибунъ, потрясающая народныя массы, княгиня Дашкова восемнадцати лѣтъ, верхомъ, съ саблей въ рукахъ, среди крамольной толпы солдатъ.

У Л. Д. все было кончено, тутъ не было сомнѣній,

шаткости, теоретической слабости; врядъ были ли іезуиты или кальвинисты такъ стройно послѣдовательны своему ученью, какъ она.

Вмѣсто того, чтобъ ненавидѣть смерть, она, лишившись своихъ малютокъ, возненавидѣла жизнь. Это-то и надобно для христіанства, для этой полной апотеозы смерти: пренебреженіе земли, пренебреженіе тѣла не имѣетъ другого смысла. И такъ, гоненіе на все жизненное, реалистическое, на наслажденіе, на здоровье, на веселость, на привольное чувство существованія. И Л. Д. дошла до того, что не любила ни Гёте, ни Пушкина.

Нападки ея на мою философію были оригинальны. Она иронически увѣряла, что всѣ діалектическія подмостки и тонкости—барабанный бой, шумъ, которымъ трусы заглушаютъ страхъ своей совѣсти.

— Вы никогда не дойдете, говорила она, ни до личнаго Бога, ни до безсмертія души, никакой философіей, а храбрости быть атеистомъ и отвергнуть жизнь за гробомъ у васъ у всѣхъ нѣтъ. Вы слишкомъ люди, чтобъ не ужаснуться этихъ послѣдствій, внутреннее отвращеніе отталкиваетъ ихъ; вотъ вы и выдумываете ваши логическія чудеса, чтобъ отвести глаза, чтобъ дойти до того, что просто и дѣтски дано религіей.

Я возражалъ, я спорилъ, но внутри чувствовалъ, что полныхъ доказательствъ у меня нѣтъ, и что она тверже стоитъ на своей почвѣ, чѣмъ я на своей.

Надобно было, чтобъ для довершенія бѣды подвернулся тутъ инспекторъ врачебной управы, добрый человѣкъ, но одинъ изъ самыхъ смѣшныхъ нѣмцевъ, которыхъ я когда либо встрѣчалъ, отчаянный поклонникъ Окена, Каруса, онъ разсуждалъ цитатами, имѣлъ на все готовый отвѣтъ, никогда ни въ чемъ не сомнѣвался, и воображалъ, что совершенно согласенъ со мной.

Докторъ выходилъ изъ себя, бѣсился, тѣмъ больше, что другими средствами не могъ взять, находилъ воззрѣнія Л. Д. женскими капризами, ссылался на Шеллинговы чтенія объ академическомъ ученіи и читалъ отрывки изъ Бурдаховой физіологіи, для доказательства, что въ человѣкѣ есть начало вѣчное и духовное, а внутри природы спрятанъ какой-то личной Geist.*)

Л. Д., давно прошедшая этими „задами“ пантеизма, сбивала его и улыбаясь показывала мнѣ на него глазами. Она, разумѣется, была правѣе его и я добросовѣстно ломалъ себѣ голову и досадовалъ, когда мой докторъ торжественно смѣялся. Споры эти занимали меня до того, что я съ новымъ ожесточеніемъ принялся за Гегеля. Мученье моей неувѣренности не долго продолжалось, истина мелькнула передъ глазами и стала становиться яснѣе и яснѣе; я склонился на сторону моей противницы, но не такъ, какъ она хотѣла.

— Вы совершенно правы, сказалъ я ей, и мнѣ совѣстно, что я съ вами спорилъ; разумѣется, что нѣтъ ни личнаго духа, ни безсмертія души, оттого-то и было такъ трудно доказать, что она есть. Посмотрите, какъ все становится просто, естественно — безъ этихъ впередъ идущихъ предположеній.

Ее смутили мои слова, но она скоро оправилась и сказала:

— Жаль мнѣ васъ, а можетъ оно и къ лучшему, вы въ этомъ направленіи долго не останетесь, въ немъ слишкомъ пусто и тяжело. А вотъ, прибавила она улыбаясь, нашъ докторъ, тотъ неизлечимъ, ему не страшно, онъ въ такомъ туманѣ, что не видитъ ни на шагъ впередъ.

*) Варіантъ: *личной богъ* (ibid. ст. 94.)

Однако, лицо ея было блѣднѣе обыкновеннаго.

Мѣсяца два, три спустя проѣзжалъ по Новгороду Огаревъ, онъ привезъ мнѣ „Wesen des Christenthums“ Фейербаха, прочитавъ первыя страницы я вспрыгнулъ отъ радости. Долой маскарадное платье, прочь косноязычье и иносказанія, мы свободные люди, а не рабы Ксанфа, не нужно намъ облекать истину въ миѳы!

Въ разгарѣ моей философской страсти я началъ тогда рядъ моихъ статей о „дилетантизмѣ въ наукѣ,“ въ которыхъ между прочимъ отомстилъ и доктору.

Теперь возвратимся къ Бѣлинскому.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ его отъѣзда въ Петербургъ въ 1840 году, пріѣхали и мы туда. Я не шелъ къ нему. Огареву моя ссора съ Бѣлинскимъ была очень прискорбна, онъ понималъ, что нелѣпое воззрѣніе у Бѣлинскаго была переходная болѣзнь, да и я понималъ, но Огаревъ былъ добрѣе. Наконецъ онъ натянулъ своими письмами свиданіе. Наша встрѣча сначала была холодна, непріятна, натянута, но ни Бѣлинскій, ни я, мы не были большіе дипломаты, въ продолженіи ничтожнаго разговора я помянулъ статью о „бородинской годовщинѣ“. Бѣлинскій вскочилъ съ своего мѣста и, вспыхнувъ въ лицѣ, пренаивно сказалъ мнѣ:„Ну слава богу договорились-же, а то я съ моимъ глупымъ нравомъ не зналъ какъ начать... ваша взяла: три-четыре мѣсяца въ Петербургѣ меня лучше убѣдили чѣмъ всѣ доводы. Забудемте этотъ вздоръ. Довольно вамъ сказать, что на дняхъ я обѣдалъ у одного знакомаго, тамъ былъ инженерный офицеръ; хозяинъ спросилъ его, хочетъ-ли онъ со мной познакомиться?—Это авторъ статьи о бородинской годовщинѣ? спросилъ его на ухо офицеръ. —Да.—Нѣтъ, покорно благодарю, сухо отвѣтилъ онъ.—Я слышалъ все и не могъ вытерпѣть, я горячо

пожалъ руку офицеру, и сказалъ ему: вы благородный человѣкъ, я васъ уважаю... Чего-же вамъ больше?“

Съ этой минуты и до кончины Бѣлинскаго, мы шли съ нимъ рука въ руку.

Бѣлинскій, какъ слѣдовало ожидать, опрокинулся со всей язвительностью своей рѣчи, со всей неистощимой энергіей на свое прежнее воззрѣніе. Положеніе многихъ изъ его пріятелей было не очень завидное, plus royalistes que le roi—они съ мужествомъ несчастія старались отстаивать свои теоріи, не отказываясь впрочемъ отъ почетнаго перемирія.

Всѣ люди дѣльные и живые перешли на сторону Бѣлинскаго, только упорные формалисты и педанты отдалились; одни изъ нихъ дошли до того нѣмецкаго самоубійства наукой, схоластической и мертвой, что потеряли всякій жизненный интересъ и сами потерялись безъ вѣсти. Другіе сдѣлались православными славянофилами. Какъ сочетаніе Гегеля съ Стефаномъ Яворскимъ ни кажется странно, но оно возможнѣе, чѣмъ думаютъ; византійское богословіе точно также внѣшняя казуистика, игра логическими формулами, какъ формально принимаемая діалектика Гегеля. Москвитянинъ въ нѣкоторыхъ статьяхъ далъ торжественное доказательство, до чего можетъ дойти при талантѣ, содомизмъ философіи и религіи.*)

Бѣлинскій вовсе не оставилъ вмѣстѣ съ односторонним пониманіемъ Гегеля его философію. Совсѣмъ напротивъ, отсюда-то и начинается его живое, меткое, оригинальное сочетаніе идей философскихъ съ революціонными. Я считаю Бѣлинскаго однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ лицъ николаевскаго періода. Послѣ ли-

*) Варіантъ. Прибавлено: *логики и самодержавія* (ibid. стр. 96).

берализма, кой-какъ пережившаго 1825 г. въ Полевомъ, послѣ мрачной статьи Чаадаева, является выстраданное, желчное отрицаніе и страстное вмѣшательство во всѣ вопросы Бѣлинскаго. Въ рядѣ критическихъ статей онъ кстати и не кстати касается всего, вездѣ вѣрный своей ненависти къ авторитетамъ—часто подымаясь до поэтическаго одушевленія. Разбираемая книга служила ему по большей части матеріальной точкой отправленія, на полдорогѣ онъ бросалъ ее и впивался въ какой нибудь вопросъ. Ему достаточенъ стихъ „Родные люди вотъ какіе„ въ Онѣгинѣ, чтобъ вызвать къ суду семейную жизнь и разобрать до нитки отношенія родства. Кто не помнитъ его статьи о „Тарантасѣ“, о „Парашѣ“ Тургенева, о Державинѣ, о Мочаловѣ, и Гамлетѣ? Какая вѣрность своимъ началамъ, какая неустрашимая послѣдовательность, ловкость въ плаваніи между цензурными отмелями и какая смѣлость въ нападкахъ на литературную аристократію, на писателей первыхъ трехъ классовъ, на статсъ-секретарей литературы, готовыхъ всегда взять противника не мытьемъ —такъ катаньемъ, не анти-критикой—такъ доносомъ. Бѣлинскій стягалъ ихъ безпощадно, терзая мелкое самолюбіе чопорныхъ, ограниченныхъ творцевъ эклогъ, любителей образованія, благотворительности и нѣжности; онъ отдавалъ на посмѣянія ихъ дорогія, *задушевныя* мысли, ихъ поэтическія мечтанія, цвѣтущія подъ сѣдинами, ихъ наивность, прикрытую аннинской лентой.

Какъ-же они за то его и ненавидѣли!

Славянофилы съ своей стороны начали официально существовать съ войны противъ Бѣлинскаго; онъ ихъ додразнилъ до мурмолокъ и зипуновъ. Стоитъ вспомнить, что Бѣлинскій прежде писалъ въ „*Отечественныхъ Запискахъ*“, а Кпреевскій началъ издавать свой прево-

сходный журналъ подъ заглавіемъ „*Европеецъ*“; эти названія всего лучше доказываютъ, что въ началѣ были только оттѣнки, а не мнѣнія, не партіи.

Статьи Бѣлинскаго судорожно ожидались молодежью въ Москвѣ и Петербургѣ, съ 25 числа каждаго мѣсяца. Пять разъ хаживали студенты въ кофейныя спрашивать, получены-ли *Отечественныя Записки*; тяжелый номеръ рвали изъ рукъ въ руки—„есть Бѣлинскаго статья?— „Есть“, и она поглощалась съ лихорадочнымъ сочувствіемъ, со смѣхомъ, со спорами... и трехъ-четырехъ вѣрованій, *уваженій* какъ не бывало.

Не даромъ Скобелевъ, комендантъ петропавловской крѣпости, говорилъ шутя Бѣлинскому, встрѣчаясь на Невскомъ проспектѣ: „Когда-же къ намъ, у меня совсѣмъ готовъ тепленькій казематъ, такъ для васъ его и берегу“.

Я въ другой книгѣ говорилъ о развитіи Бѣлинскаго и объ его литературной дѣятельности, здѣсь скажу нѣсколько словъ о немъ самомъ.

Бѣлинскій былъ очень застѣнчивъ и вообще терялся въ незнакомомъ обществѣ или въ очень многочисленномъ; онъ зналъ это, и желая скрыть, дѣлалъ пресмѣшныя вещи. К. уговорилъ его ѣхать къ одной дамѣ; по мѣрѣ приближенія къ ея дому, Бѣлинскій все становился мрачнѣе, спрашивалъ, нельзя-ли ѣхать въ другой день, говорилъ о головной боли. К., зная его, не принималъ никакихъ отговорокъ. Когда они пріѣхали, Бѣлинскій, сходя съ саней, пустился было бѣжать, но К. поймалъ его за шинель и повелъ представлять дамѣ.

Онъ являлся иногда на литературно-дипломатическіе вечера князя Одоевскаго. Тамъ толпились люди, ничего не имѣвшіе общаго, кромѣ нѣкотораго страха и от-

вращанія другъ отъ друга; тамъ бывали посольскіе чиновники и археологъ Сахаровъ, живописцы и А. Мейендорфъ, статскіе совѣтники изъ образованныхъ, Іоакинѳъ Бичуринъ изъ Пекина, полу-жандармы и полулитераторы, совсѣмъ жандармы и вовсе не литераторы. А. К. домолчался тамъ до того, что генералы принимали его за авторитетъ. Хозяйка дома съ внутренней горестью смотрѣла на подлые вкусы своего мужа и уступала имъ, такъ какъ Людовикъ Филиппъ въ началѣ своего царствованія, снисходя къ своимъ избирателямъ, приглашалъ на балы въ Тюльери цѣлые rez des chaussée подтяжечныхъ мастеровъ, москательныхъ лавочниковъ, башмачниковъ и другихъ почтенныхъ гражданъ.

Бѣлинскій былъ совершенно потерянъ на этихъ вечерахъ, между какимъ-нибудь саксонскимъ посланникомъ, не понимавшимъ ни слова по русски и какимъ-нибудь чиновникомъ III отдѣленія, понимавшимъ даже тѣ слова, которыя умалчивались. Онъ обыкновенно занемогалъ потомъ на два, на три дня и проклиналъ того, кто уговорилъ его ѣхать.

Разъ въ субботу наканунѣ новаго года, хозяинъ вздумалъ варить жженку en petit comité, когда главные гости разъѣхались. Бѣлинскій непремѣнно бы ушелъ, но баррикада мебели мѣшала ему, онъ какъ-то забился въ уголъ и передъ нимъ поставили небольшой столикъ съ виномъ и стаканами. Жуковскій въ бѣлыхъ форменныхъ штанахъ съ золотымъ „позументомъ" сѣлъ наискось противъ него. Долго терпѣлъ Бѣлинскій, но не видя улучшенія своей судьбы, онъ сталъ пѣсколько подвигать столъ; столъ сначала уступалъ, потомъ покачнулся и грохнулъ на земь, бутылка бордо пресерьозно начала поливать Жуковскаго. Онъ вскочилъ, красное вино струилось по его панталонамъ; сдѣлался гвалтъ, слуга бро-

сился съ салфеткой домарать виномъ остальныя части панталонъ, другой подбиралъ разбитыя рюмки.., во время этой суматохи, Бѣлинскій исчезъ и, близкій къ кончинѣ, пѣшкомъ прибѣжалъ домой.

Милый Бѣлинскій! какъ его долго сердили и разстроивали подобныя происшествія, какъ онъ объ нихъ вспоминалъ съ ужасомъ, не улыбаясь, а похаживая по комнатѣ и покачивая головой.

Но въ этомъ застѣнчивомъ человѣкѣ, въ этомъ хиломъ тѣлѣ обитала мощная, гладіаторская натура! да, это былъ сильный боецъ! онъ не умѣлъ проповѣдывать, поучать, ему надобенъ былъ споръ. Безъ возраженій, безъ раздраженія, онъ не хорошо говорилъ, но когда онъ чувствовалъ себя уязвленнымъ, когда касались до его дорогихъ убѣжденій, когда у него начинали дрожать мышцы щекъ и голосъ прерываться, тутъ надобно было его видѣть: онъ бросался на противника барсомъ, онъ рвалъ его на части, дѣлалъ его смѣшнымъ, дѣлалъ его жалкимъ и по дорогѣ съ необычайной силой, съ необычайной поэзіей развивалъ свою мысль. Споръ оканчивался очень часто кровью, которая у больнаго лилась изъ горла; блѣдный, задыхающійся, съ глазами, остановленными на томъ, съ кѣмъ говорилъ, онъ дрожащей рукой поднималъ платокъ ко рту и останавливался, глубоко огорченный, уничтоженсвоей физической слабостью. Какъ я любилъ и какъ жалѣлъ я его въ эти минуты!

Притѣсняемый денежно литературными подрядчиками, притѣсняемый нравственно цензурой, окруженный въ Петербургѣ людьми мало симпатичными, снѣдаемый болѣзнію, для которой балтійскій климатъ былъ убійствененъ, Бѣлинскій становился раздражительнѣе и раздражительнѣе. Онъ чуждался постороннихъ, былъ

до дикости застѣнчивъ и иногда недѣли цѣлыя проводилъ въ мрачномъ бездѣйствіи. Тутъ редакція посылала записку за запиской, требуя оригинала, и закабаленный литераторъ со скрежетомъ зубовъ брался за перо и писалъ тѣ ядовитыя статьи, трепещащія отъ негодованія, тѣ обвинительные акты, которые такъ поражали читателей.

Часто выбившись изъ силъ, приходилъ онъ отдыхать къ намъ, лежа на полу съ двухлѣтнимъ ребенкомъ, онъ игралъ съ нимъ цѣлые часы. Пока мы были втроемъ, дѣло шло какъ нельзя лучше, но при звукѣ колокольчика, судорожная гримаса пробѣгала по лицу его и онъ безпокойно оглядывался и искалъ шляпу; потомъ оставался, по славянской слабости. Тутъ, одно слово, замѣчаніе, сказанное не по немъ, приводило къ самымъ оригинальнымъ сценамъ и спорамъ...

Разъ приходитъ онъ обѣдать къ одному литератору на страстной недѣлѣ, подаютъ постныя блюда. Давно ли, спрашиваетъ онъ, вы сдѣлались такъ богомольны?— Мы ѣдимъ, отвѣчаетъ литераторъ, постное просто на просто для людей.—*Для людей?*—спросилъ Бѣлинскій и поблѣднѣлъ — для людей? повторилъ онъ и бросилъ свое мѣсто. Гдѣ ваши люди? я имъ скажу, что они обмануты, всякій открытый порокъ лучше и человѣчественнѣе этого презрѣнія къ слабому и необразованному, этого лицемѣрія, поддерживающаго невѣжество. И вы думаете, что вы свободные люди? На одну васъ доску со всѣми царями, попами и плантаторами. Прощайте, я не ѣмъ постнаго для поученія, у меня нѣтъ *людей!*

Въ числѣ закоснѣлѣйшихъ нѣмцевъ изъ русскихъ, былъ одинъ магистръ нашего университета, недавно пріѣхавшій изъ Берлина; добрый человѣкъ въ синихъ

очкахъ, чопорный и приличный, онъ остановился навсегда, разстроивъ, ослабивъ свои способности философіей и филологіей. Доктринеръ и нѣсколько педантъ, онъ любилъ поучительно наставлять. Разъ на литературной вечеринкѣ у романиста, наблюдавшаго для своихъ людей посты, магистръ проповѣдывалъ какую-то чушь honnête et modérée Бѣлинскій лежалъ въ углу на кушеткѣ и когда я проходилъ мимо, онъ меня взялъ за полу и сказалъ:

„Слышалъ-ли ты, что этотъ извергъ вретъ? у меня давно языкъ чешется, да что-то грудь болитъ и народу много, будь отцомъ роднымъ, одурачь какъ-нибудь, прихлопни его, убей какой-нибудь насмѣшкой, ты это лучше умѣешь—ну утѣшь.“

Я расхохотался и отвѣтилъ Бѣлинскому, что онъ меня натравливаетъ какъ бульдога на крысъ. Я же этого господина почти не знаю, да и едва слышалъ, что онъ говоритъ.

Къ концу вечера магистръ въ синихъ очкахъ, побранивши Кольцова за то, что онъ оставилъ народный костюмъ, вдругъ сталъ говорить о знаменитомъ письмѣ Чаадаева и заключилъ пошлую рѣчь, сказанную тѣмъ докторальнымъ тономъ, который самъ по себѣ вызываетъ на насмѣшку, слѣдующими словами: „Какъ бы то ни было я считаю его поступокъ презрительнымъ, гнуснымъ, я не уважаю такого человѣка.“

Въ комнатѣ былъ одинъ человѣкъ близкій съ Чаадаевымъ, это я. О Чаадаевѣ я буду еще много говорить, я его всегда любилъ и уважалъ, и былъ любимъ имъ; мнѣ казалось неприличнымъ пропустить дикое замѣчаніе. Я сухо спросилъ его, полагаетъ-ли онъ, что Чаадаевъ писалъ свою статью изъ видовъ или неоткровенно.

— Совсѣмъ нѣтъ—отвѣчалъ магистръ.

На этомъ завязался непріятный разговоръ, я ему доказывалъ, что эпитеты гнусный, презрительный—*гнусны и презрительны*, относясь къ человѣку смѣло высказавшему свое мнѣніе и пострадавшему за него. Онъ мнѣ толковалъ о цѣлости народа, о единствѣ отечества, о преступленіи разрушать это единство, о святыняхъ, до которыхъ нельзя касаться.

Вдругъ мою рѣчь подкосилъ Бѣлинскій, онъ вскочилъ съ своего дивана, подошелъ ко мнѣ уже блѣдный какъ полотно и ударивъ меня по плечу сказалъ: Вотъ они, высказались — инквизиторы, цензоры — на веревочкѣ мысль водить... и пошелъ, и пошелъ. Съ грознымъ вдохновеніемъ говорилъ онъ, приправляя серьозныя слова убійственными колкостями. „Что за обидчивость такая, палками бьютъ, не обижаемся, въ Сибирь посылаютъ, не обижаемся, а тутъ Чаадаевъ видите зацѣпилъ народную честь, не смѣй говорить; рѣчь — дерзость, лакей никогда не долженъ говорить! Отчего-же въ странахъ больше образованныхъ, гдѣ кажется чувствительность тоже должна быть развитѣе чѣмъ въ Костромѣ, да Калугѣ—не обижаются словами?“

— Въ образованныхъ странахъ, сказалъ съ неподражаемымъ самодовольствомъ магистръ, есть тюрьмы, въ которыя запираютъ безумныхъ оскорбляющихъ то, что цѣлый народъ чтитъ... и прекрасно дѣлаютъ.

Бѣлинскій выросъ, онъ былъ страшенъ, великъ въ эту минуту, скрестивъ на больной груди руки и глядя прямо на магистра, онъ отвѣтилъ глухимъ голосомъ:

— А въ еще болѣе образованныхъ странахъ бываетъ гильотина, которой казнятъ тѣхъ, которые находятъ это прекраснымъ.

Сказавши это, онъ бросился на кресло изнеможенный

и замолчалъ. При словѣ гильотина хозяинъ поблѣднѣлъ, гости обезпокоились, сдѣлалась пауза. Магистръ былъ уничтоженъ, но именно въ эти минуты самолюбіе людское и закусываетъ удила. И. Тургеневъ совѣтуетъ человѣку, когда онъ такъ затѣшется въ спорѣ, что самому сдѣлается страшно, провесть разъ десять языкомъ внутри рта, прежде чѣмъ вымолвить слово.

Магистръ, не зная этого домашняго средства, продолжалъ пороть вялые пустяки, обращаясь больше къ другимъ, чѣмъ къ Бѣлинскому. „Не смотря на вашу нетерпимость, сказалъ онъ наконецъ, я увѣренъ, что вы согласитесь съ однимъ...“

— Нѣтъ—отвѣчалъ Бѣлинскій, что бы вы ни сказали, я не соглашусь ни съ чѣмъ!

Всѣ разсмѣялись и пошли ужинать. Магистръ схватилъ шляпу и уѣхалъ.

... Лишенія и страданія скоро совсѣмъ подточили болѣзненный организмъ Бѣлинскаго. Лицо его, особенно мышцы около губъ его, печально остановшійся взоръ равно говорили о сильной работѣ духа и о быстромъ разложеніи тѣла.

Въ послѣдній разъ я видѣлъ его въ Парижѣ осенью 1847 г., онъ былъ очень плохъ, боялся громко говорить, и лишь минутами воскресала прежняя энергія и ярко свѣтилась своимъ догорающимъ огнемъ. Въ такую минуту написалъ онъ свое письмо къ Гоголю.

Вѣсть о февральской революціи еще застала его въ живыхъ, онъ умеръ, принимая зарево ея за занимающееся утро!

Такъ оканчивалась эта глава въ 1854 году; съ тѣхъ поръ многое перемѣнилось.*) Я сталъ гораздо *ближе*

* Варіантъ. *Съ тѣхъ поръ какъ я писалъ въ 1854 г. мои воспоми-*

къ тому времени, ближе увеличивающейся далью отъ здѣшнихъ людей, пріѣздомъ Огарева и двумя книгами: Анненковской біографіей Станкевича и первыми частями сочиненій Бѣлинскаго. Изъ вдругъ раскрывшагося окна въ больничной палатѣ дунуло свѣжимъ воздухомъ полей, молодымъ воздухомъ весны...

Переписка Станкевича прошла незамѣтно. Она появилась не кстати. Въ концѣ 1857, Россія еще не приходила въ себя послѣ похоронъ Николая, ждала и надѣялась; это худшее настроеніе для воспоминаній... но книга эта не пропадетъ. Она останется, на убогомъ кладбищѣ, однимъ изъ рѣдкихъ памятниковъ своего времени, по которымъ *грамотный* можетъ прочесть, что *тогда* хоронилось безгласно. Моровая полоса, идущая отъ 1825 до 1855 года, скоро совсѣмъ задвинется; человѣческіе слѣды, замѣтенные полиціей, пропадутъ и будущія поколѣнія не разъ остановятся съ недоумѣніемъ передъ гладко убитымъ пустыремъ, отыскивая пропавшіе пути мысли, которая *въ сущности* не прерывалась. Повидимому потокъ былъ остановленъ, Николай перевязалъ артерію—но кровь переливалась проселочными тропинками. Вотъ эти-то волосяные сосуды и оставили свой слѣдъ въ сочиненіяхъ Бѣлинскаго, въ перепискѣ Станкевича.

Тридцать лѣтъ тому назадъ, Россія *будущаго* существовала исключительно между нѣсколькими мальчиками, только что вышедшими изъ дѣтства, до того ничтожными и незамѣтными, что имъ было достаточно мѣста между ступней самодержавныхъ ботфортъ и землей — а въ нихъ было наслѣдіе 14 Декабря, наслѣдіе общечеловѣческой науки и чисто народной Руси. Но-

нанія о московскихъ кругахъ нашихъ, многое перемѣнилось во мнѣ. Пол. Зв. Т. VII. Вып. 1-й, стр. 112.

вая жизнь эта прозябала, какъ трава, пытающаяся расти на губахъ непростывшаго кратера.

Въ самой пасти чудовища выдѣляются дѣти, не похожія на другихъ дѣтей; они растутъ, развиваются, и начинаютъ жить совсѣмъ другой жизнью. Слабые, ничтожные, ничѣмъ не поддержанные, напротивъ, всѣмъ гонимые, они легко могутъ погибнуть безъ малѣйшаго слѣда, *но остаются*, и если умираютъ на полъ-дорогѣ, то не все умираетъ съ ними. Это начальныя ячейки, зародыши исторіи, едва замѣтные, едва существующіе, какъ всѣ зародыши вообще.

Мало по малу изъ нихъ составляются группы. Болѣе родное собирается около своихъ средоточій; группы потомъ отталкиваютъ другъ друга. Это расчлененіе даетъ имъ ширь и многосторонность для развитія; развиваясь до конца, т. е. до крайности, вѣтви опять соединяются, какъ бы онѣ ни назывались—кругомъ Станкевича, славянофилами или нашимъ кружкомъ.

Главная черта всѣхъ ихъ—глубокое чувство отчужденія отъ оффиціальной Россіи, отъ среды ихъ окружавшей, и съ тѣмъ вмѣстѣ, стремленіе выйти изъ нея—а у нѣкоторыхъ порывистое желаніе вывести и ее самое.

Возраженіе, что эти кружки, незамѣтные ни сверху, ни снизу, представляютъ явленіе исключительное, постороннее, безсвязное, что воспитаніе большей части этой молодежи было экзотическое, чужое, и что они скорѣе выражаютъ переводъ на русское, французскихъ и нѣмецкихъ идей, чѣмъ то нибудь свое—намъ кажется очень неосновательнымъ.

Можетъ, въ концѣ прошлаго и началѣ нашего вѣка, была въ аристократіи закраинка русскихъ иностранцевъ, оборвавшихъ всѣ связи съ народной жизнью; но у нихъ не было ни живыхъ интересовъ, ни круговъ,

основанныхъ на убѣжденіяхъ, ни своей литературы. Они вымерли безплодно. Жертвы петровскаго разрыва съ народомъ, они остались чудаками и капризниками; это были люди, не только не нужные, но и не жалкіе. Война 1812 года положила имъ предѣлъ—старые дожпвали свой вѣкъ, новыхъ не развивалось въ томъ направленіи. Ставить въ ихъ число людей въ родѣ П. Я. Чаадаева было бы страшнѣйшей ошибкой.

Протестація, отрицаніе, ненависть къ родинѣ, если хотите, имѣютъ совсѣмъ иной смыслъ, чѣмъ равнодушная чуждость. Байронъ, бичуя англійскую жизнь, бѣгая отъ Англіи, какъ отъ чумы, оставался типическимъ англичаниномъ. Гейне, старавшійся изъ озлобленія, за гнусное политическое состояніе Германіи, офранцузиться, оставался истымъ нѣмцемъ. Высшій протестъ противъ юдаизма — христіанство, исполнено юдаическаго характера. Разрывъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ съ Англіей могъ развить войну и ненависть, но не могъ сдѣлать изъ сѣверо-американцевъ не-англичанъ.

Люди вообще отрѣшаются отъ своихъ физіологическихъ воспоминаній и отъ своего наслѣдственнаго склада очень трудно; для этого надобно или особенную безстрастную стертость, или отвлеченныя занятія. Безличность математики, внѣ-человѣческая объективность природы, не вызываютъ этихъ сторонъ духа, не будятъ ихъ; но какъ только мы касаемся вопросовъ жизненныхъ, художественныхъ, нравственныхъ, гдѣ человѣкъ не только наблюдатель и слѣдователь, а вмѣстѣ съ тѣмъ и участникъ, тамъ мы находимъ физіологическій предѣлъ, который очень трудно перейти съ прежней кровью и прежнимъ мозгомъ, не исключивъ изъ нихъ слѣды колыбельныхъ пѣсенъ, родныхъ полей и горъ, обычаевъ и всего окружавшаго строя.

Поэтъ и художникъ въ истинныхъ своихъ произведеніяхъ всегда народенъ. Чтобъ онъ ни дѣлалъ, какую бы онъ ни имѣлъ цѣль и мысль въ своемъ творчествѣ, онъ выражаетъ волею или неволею какія нибудь стихіи народнаго характера и выражаетъ ихъ глубже и яснѣе, чѣмъ сама исторія народа. Даже отрѣшаясь отъ всего народнаго, художникъ не утрачиваетъ главныхъ чертъ, по которымъ можно узнать *чьихъ онъ*. Гёте нѣмецъ и въ греческой Ифигеніи и въ восточномъ диванѣ. Поэты въ самомъ дѣлѣ, по римскому выраженію, „пророки;“ только они высказываютъ не то, чего нѣтъ и что будетъ случайно, а то, *что неизвѣстно, что есть* въ тускломъ сознаніи массъ, что еще дремлетъ въ немъ.

Все, что искони существовало въ душѣ народовъ англосаксонскихъ, перехвачено какъ кольцомъ одной личностью — и каждое волокно, каждый намекъ, каждое посягательство, бродившее изъ поколѣнья въ поколѣнье, не отдавая себѣ *отчета*, получило форму и языкъ.

Вѣроятно никто не думаетъ, чтобы Англія временъ Елизаветы, особенно большинство народа, понимало отчетливо Шекспира; оно и теперь не понимаетъ отчетливо — да вѣдь они и себя не понимаютъ отчетливо. Но что англичанинъ, ходящій въ театръ, инстинктивно по сучувствію понимаетъ Шекспира, въ этомъ я не сомнѣваюсь. Ему на ту минуту, когда онъ слушаетъ, становится что-то знакомѣе, яснѣе. Казалось бы народъ, такой способный на быстрое соображеніе, какъ французы, могъ бы тоже понять Шекспира. Характеръ Гамлета напр. до такой степени обще-человѣческій, особенно въ эпоху сомнѣній и раздумья. въ эпоху сознанія какихъ-то черныхъ дѣлъ, совершившихся возлѣ нихъ, какихъ-то измѣнъ великому въ пользу ничтожнаго и пошлаго, что трудно себѣ представить, чтобъ его

не поняли. Но не смотря на всѣ усилія и опыты, Гамлетъ чужой для француза.

Если аристократы прошлаго вѣка, систематически пренебрегавшіе всѣмъ русскимъ, оставались въ самомъ дѣлѣ невѣроятно больше русскими, чѣмъ дворовые оставались мужиками, то тѣмъ больше русскаго характера не могло утратиться у молодыхъ людей оттого, что они занимались науками по французскимъ и нѣмецкимъ книгамъ. Часть московскихъ славянъ съ Гегелемъ въ рукахъ взошли въ ультраславянизмъ.

Самое появленіе кружковъ, о которыхъ идетъ рѣчь, было естественнымъ отвѣтомъ на глубокую внутреннюю потребность тогдашней русской жизни.

Объ застоѣ послѣ перелома въ 1825 году, мы говорили много разъ. Нравственный уровень общества палъ, развитіе было перервано, все передовое, энергическое, вычеркнуто изъ жизни. Остальные—испуганные, слабые, потерянные — были мелки, пусты; дрянь александровскаго поколѣнья заняла первое мѣсто; они, мало по малу, превратились въ подобострастныхъ дѣльцевъ, утратили дикую поэзію кутежей и барства и всякую тѣнь самобытнаго достоинства; они упорно служили, они выслуживались, но не становились сановитыми. Время ихъ прошло.

Подъ этимъ большимъ *свѣтомъ* безучастно молчалъ большой *міръ* народа; для него ничего не перемѣнилось—ему было скверно, но не сквернѣе прежняго, новые удары сыпались не на его избитую спину. Его время *не пришло*. Между этой крышей и этой основой, дѣти первые приподняли голову, можетъ оттого, что они не подозрѣвали какъ это опасно; но какъ бы то ни было, этими дѣтьми, ошеломленная Россія начала приходить въ себя.

Ихъ остановило совершеннѣйшее противурѣчіе *словъ* ученія съ *былями* жизни вокругъ. Учители, книги, университетъ, говорили одно — и это одно было понятно уму и сердцу. Отецъ съ матерью, родные и вся среда говорили другое, съ чѣмъ ни умъ, ни сердце не согласны — но съ чѣмъ согласны предержащія власти и денежныя выгоды. Противурѣчіе это между воспитаніемъ и нравами нигдѣ не доходило до такихъ размѣровъ, какъ въ дворянской Руси. Шершавый нѣмецкій студентъ, въ круглой фуражкѣ на седьмой части головы, съ міросокрушительными выходками, гораздо ближе чѣмъ думаютъ къ нѣмецкому шписбюргеру; а исхудалый отъ соревнованія и честолюбія collégien французскій уже en herbe l'homme raisonnable, qui exploite sa position.

Число воспитывающихся у насъ всегда было чрезвычайно мало; но тѣ, которые воспитывались, получали не то чтобъ объемистое воспитаніе, но довольно общее и гуманное; оно *очеловѣчивало* учениковъ всякій разъ, когда принималось. Но *человѣка*-то именно и не нужно было ни для іерархической пирамиды, ни для преуспѣянія помѣщичьяго быта. Приходилось или снова расчеловѣчиться—такъ толпа и дѣлала—или пріостановиться и спросить себя: „Да нужно ли непремѣнно служить? Хорошо ли дѣйствительно быть помѣщикомъ?“ За симъ, для однихъ, болѣе слабыхъ и нетерпѣливыхъ, начиналось праздное существованіе корнета въ отставкѣ, деревенской лѣни, халата, странностей, картъ, вина; для другихъ — время искуса и внутренней работы. Жить въ полномъ нравственномъ разладѣ они не могли, не могли также удовлетвориться отрицательнымъ устраненіемъ себя; возбужденная мысль требовала выхода. Разное разрѣшеніе вопросовъ, одинаково мучившихъ

молодое поколѣніе, обусловило распаденье на разные круги.

Такъ сложился напримѣръ нашъ кружокъ и встрѣтилъ въ университетѣ, уже готовымъ, кружокъ Сунгуровскій. Направленіе его было, какъ и наше, больше политическое, чѣмъ научное. Кругъ Станкевича, образовавшійся въ тоже время, былъ равно близокъ и равно далекъ съ обоими. Онъ шелъ другимъ путемъ, его интересы были чисто теоретическіе.

Въ тридцатыхъ годахъ убѣжденія наши были слишкомъ юны, слишкомъ страстны и горячи, чтобъ не быть исключительными. Мы могли холодно уважать кругъ Станкевича, но сблизиться не могли. Они чертили философскія системы, занимались анализомъ себя и успокоивались въ роскошномъ пантеизмѣ, изъ котораго не исключалось христіанство. Мы мечтали о томъ, какъ начать въ Россіи новый союзъ по образцу Декабристовъ и самую науку считали средствомъ. Правительство постаралось закрѣпить насъ въ революціонныхъ тенденціяхъ нашихъ.

Въ 1834 году былъ сосланъ весь кружокъ Сунгурова—и изчезъ.

Въ 1835 году сослали насъ; черезъ пять лѣтъ, мы возвратились, закаленные испытаннымъ. Юношескія мечты сдѣлались невозвратнымъ рѣшеніемъ совершеннолѣтнихъ. Это было самое блестящее время Станкевичева круга. Его самаго я ужъ не засталъ — онъ былъ въ Германіи; но именно тогда статьи Бѣлинскаго начинали обращать на себя вниманіе всѣхъ.

Возвратившись, мы помѣрились. Бой былъ неровенъ съ обѣихъ сторонъ; почва, оружіе и языкъ — все было розное. Послѣ безплодныхъ преній, мы увидѣли, что пришелъ нашъ чередъ серьозно заняться наукой и са-

ми принялись за Гегеля и нѣмецкую философію. Когда мы довольно усвоили ее себѣ, оказалось, что между нами и кругомъ Станкевича спору нѣтъ.

Кругъ Станкевича долженъ былъ неминуемо распуститься. Онъ свое сдѣлалъ—и сдѣлалъ самымъ блестящимъ образомъ; вліяніе его на всю литературу и на академическое преподаваніе было огромно—стоитъ назвать Бѣлинскаго и Грановскаго; въ немъ сложился Кольцовъ, къ нему принадлежали Боткинъ, Катковъ и пр. Но замкнутымъ кругомъ онъ оставаться не могъ, не перейдя въ нѣмецкій доктринаризмъ—живые люди изъ русскихъ къ нему не способны.

Возлѣ Станкевичева круга, сверхъ насъ былъ еще другой кругъ, сложившійся во время нашей ссылки, и былъ съ ними въ такой же черезполосицѣ, какъ и мы; его-то впослѣдствіи назвали славянофилами. *Славяне* приближались съ противоположной стороны къ тѣмъ же жизненнымъ вопросамъ, которые занимали насъ, были гораздо больше ихъ ринуты въ живое дѣло и въ настоящую борьбу.

Между ними и нами естественно должно было раздѣлиться общество Станкевича. Аксаковы, Самаринъ примкнули къ славянамъ, т. е. къ Хомякову и Киреевскимъ. Бѣлинскій, Бакунинъ—къ намъ. Ближайшій другъ Станкевича, наиболѣе родной ему всѣмъ существомъ своимъ, Грановскій, былъ нашимъ съ самаго пріѣзда изъ Германіи.

Еслибъ Станкевичъ остался живъ, кружокъ его все же бы не устоялъ. Онъ самъ перешелъ бы къ Хомякову или къ намъ.

Въ 1842, сортировка по сродству давно была сдѣлана, и нашъ станъ сталъ въ боевой порядокъ лицемъ

къ лицу съ славянами. Объ этой борьбѣ мы будемъ говорить въ другомъ мѣстѣ.

Въ заключеніе прибавлю нѣсколько словъ объ элементахъ, изъ которыхъ составился кругъ Станкевича; это бросаетъ своего рода лучъ на странные подземные потоки, въ тиши подмывающіе плотную кору русско-нѣмецкаго устройства.

Станкевичъ былъ сынъ богатаго воронежскаго помѣщика, сначала воспитывался на всей барской волѣ, въ деревнѣ, потомъ его посылали въ острогожское училище (и это чрезвычайно оригинально). Для хорошихъ натуръ, богатое и даже аристократическое воспитаніе очень хорошо. Довольство даетъ развязную волю и ширь всякому развитію и всякому росту, не стягиваетъ молодой умъ преждевременной заботой, боязнью передъ будущимъ, наконецъ оставляетъ полную волю заниматься тѣми предметами, къ которымъ влечетъ.

Станкевичъ развивался стройно и широко; его художественная, музыкальная и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сильно рефлектирующая и созерцающая натура заявила себя съ самаго начала университитскаго курса. Способность Станкевича не только глубоко и сердечно понимать, но и примирять, или , какъ нѣмцы говорятъ, *снимать* противурѣчія, была основана на его художественной натурѣ. Потребность гармоніи, стройности, наслажденія дѣлаетъ ихъ снисходительными къ средствамъ; чтобъ не видать колодца, они покрываютъ его холстомъ. Холстъ не выдержитъ напора, но зіяющая пропасть не мѣшаетъ глазу. Этимъ путемъ нѣмцы доходили до пантеистическаго квіэтизма и опочили на немъ; но такой даровитый русскій, какъ Станкевичъ, не остался бы надолго „мирнымъ“.

Это видно изъ перваго вопроса, который невольно тревожитъ Станкевича тотчасъ послѣ курса.

Срочныя занятія окончены, онъ предоставленъ себѣ, его не ведутъ, но *онъ не знаетъ, что ему дѣлать*. Продолжать нечего было, кругомъ никто и ничто не звало живаго человѣка. Юноша, пришедшій въ себя и успѣвшій оглядѣться послѣ школы, находился въ тогдашней Россіи въ положеніи путника, просыпающагося въ степи: ступай, куда хочешь — есть слѣды, есть кости погибнувшихъ, есть дикіе звѣри и пустота во всѣ стороны, грозящая тупой опасностью, въ которой погибнуть легко, а бороться невозможно. Единственная вещь, которую можно было продолжать честно и съ любовью — это *ученье*.

И вотъ Станкевичъ натягиваетъ ученыя занятія, онъ думаетъ, что его призваніе быть историкомъ — и онъ начинаетъ заниматься Геродотомъ; изъ этого занятія, можно было предвидѣть, ничего не выйдетъ.

Хотѣлось бы ему и въ Петербургъ, гдѣ такъ кипитъ *какая-то* дѣятельность и куда его манитъ театръ и близость къ Европѣ; хотѣлось бы ему побывать почетнымъ смотрителемъ училища въ Острогожскѣ, онъ рѣшается быть полезнымъ „на этомъ скромномъ поприщѣ“—это еще меньше Геродота удастся. Его въ сущности тянетъ въ Москву, въ Германію, въ родной университетскій кругъ, къ роднымъ интересамъ. Безъ близкихъ людей онъ жить не могъ (новое доказательство что около не было близкихъ интересовъ). Потребность сочувствія такъ сильна у Станкевича, что онъ иногда выдумывалъ сочувствіе и таланты, видѣлъ въ людяхъ такія качества, которыхъ не было въ нихъ вовсе, и удивлялся имъ.*)

*) Ключниковъ пластически выразилъ это слѣдующимъ замѣча-

Но — и въ этомъ его личная мощь — ему вообще не часто нужно было прибѣгать къ такимъ фикціямъ, онъ на каждомъ шагу встрѣчалъ удивительныхъ людей, *умѣлъ ихъ* встрѣчать, и каждый, подѣлившійся его душою, оставался на всю жизнь страстнымъ другомъ его и каждому своимъ вліяніемъ онъ сдѣлалъ или огромную пользу или облегчилъ ношу.

Въ Воронежѣ Станкевичъ захаживалъ иногда въ единственную тамошнюю библіотеку, за книгами. Тамъ онъ встрѣчалъ бѣднаго молодаго человѣка простаго званія, скромнаго, печальнаго. Оказалось, что это сынъ прасола, имѣвшаго дѣла съ отцомъ Станкевича по поставкамъ. Онъ приголубилъ молодаго человѣка; сынъ прасола былъ большой начетчикъ и любилъ поговорить о книгахъ. Станкевичъ сблизился съ нимъ. Застѣнчиво и боязливо признался юноша, что онъ и самъ пробовалъ писать стишки и краснѣя рѣшился ихъ показать. Станкевичъ обомлѣлъ передъ громаднымъ талантомъ, не сознающимъ себя, не увѣреннымъ въ себѣ. Съ этой минуты онъ его не выпускалъ изъ рукъ до тѣхъ поръ, пока вся Россія съ восторгомъ перечитывала пѣсни Кольцова. Весьма можетъ быть, что бѣдный прасолъ, тѣснимый родными, неотогрѣтый никакимъ участіемъ, ничьимъ признаніемъ, изошелъ бы своими пѣснями въ пустыхъ степяхъ заволжскихъ, черезъ которыя онъ гонялъ свои гурты, и Россія не услышала бы этихъ чудныхъ кровно-родныхъ пѣсенъ, еслибъ на его пути не стоялъ Станкевичъ.

Бакунинъ, кончивъ курсъ въ артиллерійскомъ корпусѣ, былъ выпущенъ въ гвардію офицеромъ. Его отецъ,

ніемъ: „Станкевичъ — серебряный рубль, завидующій величинѣ мѣднаго пятака.“

Аннен. біограф. Станкевича, стр. 133.

говорятъ, сердясь на него, самъ просилъ, чтобы его перевели въ армію; брошенный въ какой-то потерянной бѣлорусской деревнѣ, съ своимъ паркомъ, Бакунинъ одичалъ, сдѣлался нелюдимомъ, не исполнялъ службы и дни цѣлые лежалъ въ тулупѣ на своей постели. Начальникъ парка жалѣлъ его, но дѣлать было нечего, онъ ему напомнилъ, что надобно или служить, или идти въ отставку. Бакунинъ не подозрѣвалъ, что онъ имѣетъ на это право, и тотчасъ попросилъ его уволить. Получивъ отставку, Бакунинъ пріѣхалъ въ Москву; съ этого времени (около 1836), началась для Бакунина серьозная жизнь. Онъ прежде ничѣмъ не занимался, ничего не читалъ и едва зналъ по нѣмецки. Съ большими діалектическими способностями, съ упорнымъ, настойчивымъ даромъ мышленія, онъ блуждалъ, безъ плана и компаса, въ фантастическихъ построеніяхъ и ауто-дидактическихъ попыткахъ. Станкевичъ понялъ его таланты и засадилъ его за философію. Бакунинъ, по Канту и Фихте, выучился по нѣмецки и потомъ принялся за Гегеля, котораго методу и логику онъ усвоилъ въ совершенствѣ, и кому не проповѣдывалъ ее потомъ? Намъ и Бѣлинскому, дамамъ и Прудону.

Но Бѣлинскій черпалъ столько же изъ самаго источника; взглядъ Станкевича на художество, на поэзію и ея отношеніе къ жизни, выросъ въ статьяхъ Бѣлинскаго въ ту новую мощную критику, въ то новое воззрѣніе на міръ, на жизнь, которое поразило все мыслящее въ Россіи и заставило съ ужасомъ отпрянуть отъ Бѣлинскаго всѣхъ педантовъ и доктринеровъ. Бѣлинскаго Станкевичу приходилось заарканивать; увлекающійся за всѣ предѣлы талантъ его страстный, безпощадный, злой отъ нетерпимости, оскорблялъ естетически уравновѣшенную натуру Станкевича.

И въ то же время ему приходилось служить опорой, быть старшимъ братомъ, ободрять Грановскаго, тихаго, любящаго, задумчиваго, и расхандрившагося тогда. Письма Станкевича къ Грановскому пзящны, прелестны — и какъ же его любилъ Грановскій!

„Я еще не опомнился отъ перваго удара, писалъ Грановскій, вскорѣ послѣ кончины Станкевича, настоящее горе еще не трогало меня: боюсь его впереди. Теперь все еще не вѣрю въ возможность потери—только иногда сжимается сердце. Онъ унесъ съ собой что-то необходимое для моей жизни. Никому на свѣтѣ не былъ я такъ много обязанъ. Его вліяніе на насъ было безконечно и благотворно.“

... И сколько человѣкъ могли сказать это!— можетъ сказали!....

Въ Станкевичевскомъ кругу только онъ и Боткинъ были достаточные и совершенно обезпеченные люди. Другіе представляли самый разнообразный пролетаріатъ. Бакунину родные не давали ничего; Бѣлинскій — сынъ мелкаго чиновника въ Чембарахъ, исключенный изъ московскаго университета „за слабыя способности,“ жилъ скудной платой за статьи. Красовъ, окончивъ курсъ, какъ-то поѣхалъ въ какую-то губернію къ помѣщику *на кондицію*, но жизнь съ патріархальнымъ плантаторомъ такъ его испугала, что онъ пришелъ пѣшкомъ назадъ въ Москву, *съ котомкой за спиной*, зимою, въ обозѣ чьихъ то крестьянъ. Вѣроятно каждому изъ нихъ отецъ съ матерью, благословляя на жизнь, говорили — и кто осмѣлится упрекнуть ихъ за это? „Ну смотри же, учись хорошенько; а выучишься, прокладывай себѣ дорогу, тебѣ неоткуда ждать наслѣдства, намъ тебѣ тоже нечего дать, устроивай самъ свою судьбу, да и объ насъ подумай.“ Съ другой сто-

роны, вѣроятно Станкевичу говорили о томъ, что онъ по всему можетъ занять въ обществѣ почетное мѣсто, что онъ призванъ, по богатству и рожденію, играть роль — такъ какъ Боткину, все въ домѣ, начиная отъ старика отца до прикащиковъ, толковало словомъ и примѣромъ о томъ, что надобно ковать деньги, наживаться и наживаться.

Что же коснулось этихъ людей, чье дыханіе пересоздало ихъ? Ни мысли, ни заботы о своемъ общественномъ положеніи, о своей личной выгодѣ, объ обезпеченіи; вся жизнь, всѣ усплія устремлены къ общему безъ всякихъ личныхъ выгодъ; одни забываютъ свое богатство, другіе свою бѣдность — и идутъ не останавливаясь къ разрѣшенію теоретическихъ вопросовъ. Интересъ истины, интересъ науки, интересъ искуства, humanitas — поглощаетъ все.

И замѣтьте, что это отрѣшеніе отъ міра сего вовсе не ограничивалось университетскимъ курсомъ и двумя, тремя годами юности. Лучшіе люди круга Станкевича умерли; другіе остались, какими были до нынѣшняго дня. Бойцомъ и нищимъ палъ, изнуренный трудомъ и страданіями, Бѣлинскій. Проповѣдуя науку и гуманность, умеръ, идучи на свою каѳедру, Грановскій. Боткинъ не сдѣлался въ самомъ дѣлѣ купцомъ... Никто изъ нихъ *не отличился* по службѣ.

Тоже самое въ двухъ смежныхъ кругахъ, въ славянскомъ и въ нашемъ. Гдѣ, въ какомъ углу современнаго Запада, найдете вы такія группы отшельниковъ мысли, схимниковъ науки, фанатиковъ убѣжденій, у которыхъ сѣдѣютъ волосы, а стремленья вѣчно юны?

Гдѣ? укажите—я бросаю смѣло перчатку—исключаю только *на время* одну страну, Италію, и отмѣрю шаги

поля битвы, т. е. не выпущу противника изъ статистики въ исторію.

Что такое былъ теоретическій интересъ и страсть истины и религіи во времена такихъ мучениковъ разума и науки, какъ Бруно, Галилей и пр., мы знаемъ. Знаемъ и то, что̀ была Франція энциклопедистовъ во второй половинѣ XVIII вѣка — а далѣе? а далѣе sta viator!

Въ современной Европѣ нѣтъ юности и нѣтъ юношей. Мнѣ на это уже возражалъ самый блестящій представитель Франціи послѣднихъ годовъ реставраціи и юльской династіи, Викторъ Гюго. Онъ собственно говорилъ о молодой Франціи двадцатыхъ годовъ, и я готовъ согласиться, что я слишкомъ обще выразился;*) но далѣе я и ему ни шагу не уступлю. Есть собственныя признанія. Возьмите Les mémoires d'un enfant du siècle и стихотворенія Альфреда де Мюссе, возстановите ту Францію, которая просвѣчиваетъ въ запискахъ Ж. Санда, въ современной драмѣ и повѣсти, въ процессахъ.

Но что же доказываетъ все это? — Многое; но на первый случай то, что нѣмецкой работы китайскіе башмаки, въ которыхъ Россію водятъ полтораста лѣтъ, натерли много мозолей, но видно костей не повредили, если всякой разъ, когда удается расправить члены, являются такія свѣжія и молодыя силы. Это нисколько не обезпечиваетъ будущаго, но дѣлаетъ его крайне *возможнымъ*.

*) В. Гюго, прочитавъ „Былое и Думы“ въ переводѣ Де-Лаво, писалъ мнѣ письмо въ защиту французскихъ юношей временъ реставраціи.

ГЛАВА XXV.

Предостереженія—Герольдія—Канцелярія министра—III Отдѣленіе—Исторія будочника—Генералъ Дуббельтъ—Графъ Бенкендорфъ—Ольга Александровна Жеребцова—Вторая ссылка.

Какъ ни привольно было намъ въ Москвѣ, но приходилось перебираться въ Петергургъ. Отецъ мой требовалъ этого; графъ Строгоновъ — министръ внутреннихъ дѣлъ—велѣлъ меня зачислить по канцеляріи министерства и мы отправились туда въ концѣ лѣта 1840 года.

Впрочемъ я былъ въ Петербургѣ двѣ, три недѣли въ Декабрѣ 1839.

Случилось это такъ. Когда съ меня сняли надзоръ и я получилъ право выѣзжать „въ резиденцію и въ столицу,“ какъ выражался К. Аксаковъ, отецъ мой рѣшительно предпочелъ древней столицѣ невскую резиденцію. Графъ Строгоновъ, попечитель, писалъ брату и мнѣ слѣдовало явиться къ нему. Но это не все. Я былъ представленъ владимірскимъ губернаторомъ къ чину коллежскаго ассессора; отцу моему хотѣлось, чтобъ я этотъ чинъ получилъ какъ можно скорѣе. Въ герольдіи есть чередъ для губерній; чередъ этотъ идетъ черепашьимъ шагомъ, если нѣтъ особенныхъ ходатайствъ. Они почти всегда есть. Цѣна имъ дорогая, потому что все представленіе можно пустить внѣ чередоваго порядка, но одного чиновника нельзя вырвать изъ списка. Поэтому надобно платить за всѣхъ, „а то за что

же остальные даромъ обойдутъ чередъ?“ Обыкновенно чиновники дѣлаютъ складку и посылаютъ депутата отъ себя; на этотъ разъ издержки бралъ на себя мой отецъ и такимъ образомъ, нѣсколько владимірскихъ титулярныхъ совѣтниковъ обязану ему, что они мѣсяцевъ восемь прежде стали ассессорами.

Отправляя меня въ Петербургъ, хлопотать по этому дѣлу, мой отецъ, простившись со мною, еще разъ повторилъ: „Бога ради будь остороженъ, бойся всѣхъ, отъ кондуктора въ дилижансѣ до моихъ знакомыхъ, къ которымъ я даю тебѣ письма, не довѣряйся никому. Петербургъ теперь не то, что былъ въ наше время, тамъ во всякомъ обществѣ навѣрное есть муха или двѣ. Tiens toi pour averti.“

Съ этимъ эпиграфомъ къ петербургской жизни, сѣлъ я въ дилижансъ первоначальнаго заведенія, т. е. имѣющаго всѣ недостатки, послѣдовательно устраненные другими, и поѣхалъ.

Пріѣхавъ часовъ въ девять вечеромъ въ Петербургъ, я взялъ извощика и отправился на исакіевскую площадь — съ нея хотѣлъ я начать знакомство съ Петербургомъ. Все было покрыто глубокимъ снѣгомъ, только Петръ I на конѣ мрачно и грозно вырѣзывался середь ночной темноты на сѣромъ фондѣ:

Чернѣя сквозь ночной туманъ,
Съ поднятой гордо головою,
Надменно выпрямивъ свой станъ,
Куда то кажетъ вдаль рукою,
Съ коня могучій великанъ;
А конь, притянутый уздою,
Поднялся вверхъ съ переднихъ ногъ,
Чтобъ всадникъ дальше видѣть могъ.

(ЮМОРЪ).

Отчего битва 14 Декабря была именно на этой пло-

щади, отчего именно съ пьедесталя этой площади раздался первый крикъ русскаго освобожденія, зачѣмъ каре жалось къ Петру I, награда-ли это ему?... или наказаніе? Четырнадцатое Декабря 1825 было слѣдствіемъ дѣла, прерваннаго двадцать перваго Января 1725 года. Пушки Николая были равно обращены противъ возмущенія и противъ статуи; жаль, что картечь не разстрѣляла мѣднаго Петра...

Возвратившись въ гостинницу, я нашелъ у себя одного родственника, поговоривши съ нимъ о томъ, о семъ, я не думая, коснулся до Исакіевской площади и до 14 Декабря.

— Что дядюшка? — спросилъ меня родственникъ, какъ вы оставили его?

— Слава богу, какъ всегда, онъ вамъ кланяется...

Родственникъ, не мѣняя нисколько лица, одними зрачками телеграфировалъ мнѣ упрекъ, совѣтъ, предостереженіе; зрачки его, косясь, заставили меня обернуться—истопникъ клалъ дрова въ печь; когда онъ затопилъ ее, причемъ самъ отправлялъ должность раздувальныхъ мѣховъ и сдѣлалъ на полу лужу снѣгомъ оттаявшимъ съ его сапогъ, онъ взялъ кочергу длиною съ казацкую пику и вышелъ.

Родственникъ мой принялся тогда меня упрекать, что я при истопникѣ коснулся такого *скабрезнаго* предмета, да еще по-русски. Уходя, онъ сказалъ мнѣ въ полголоса: „Кстати, чтобъ не забыть, тутъ ходитъ цирюльникъ въ отель, онъ продаетъ всякую дрянь, гребенки, порченую помаду; пожалуста будьте съ нимъ осторожны, я увѣренъ, что онъ въ связахъ съ полиціей — болтаетъ всякій вздоръ. Когда я здѣсь стоялъ, я покупалъ у него пустяки, чтобъ скорѣе отдѣлаться.“

— Для поощренія. Ну а прачка тоже числится по корпусу жандармовъ?

— Смѣйтесь, смѣйтесь, вы скорѣе другаго попадетесь; только что воротились изъ ссылки, за вами десять нянь приставятъ.

— Въ то время, какъ и семерыхъ довольно, чтобъ быть безъ глазу.

На другой день поѣхалъ я къ чиновнику, занимавшемуся прежде дѣлами моего отца; онъ былъ изъ малороссіянъ, говорилъ съ вопіющимъ акцентомъ по русски, вовсе не слушая о чемъ рѣчь, всему удивлялся, закрывая глаза и какъ-то по мышиному приподнимая пухленькія лапки... Не вытерпѣлъ и онъ, и видя, что я взялъ шляпу, отвелъ меня къ окошку, осмотрѣлся и сказалъ мнѣ: „Ужъ это вы непогнѣвайтесь, такъ по стародавнему знакомству съ семействомъ вашего батюшки и ихъ покойныхъ братцевъ, вы т. е. на счетъ исторіи бывшей съ вами не очень поговаривайте. Ну помилуйте, сами обсудите, къ чему это нужно, теперь все прошло какъ димъ — вы что-то молвили при моей кухаркѣ—чухна, кто ее знаетъ, я даже такъ немножко —очень испугался.“

Пріятный городъ подумалъ я, оставляя испуганнаго чиновника... рыхлой снѣгъ валилъ хлопьями, мокро-холодный вѣтеръ пронималъ до костей, рвалъ шляпу и шинель. Кучеръ, едва видя на шагъ передъ собой, щурясь отъ снѣгу и наклоняя голову, кричалъ „гись, гись.“ Я вспомнилъ совѣтъ моего отца, вспомнилъ родственника, чиновника и того воробья путешественника въ сказкѣ Ж. Сандъ, который спрашивалъ полузамерзнувшаго волка въ Литвѣ: зачѣмъ онъ живетъ въ такомъ скверномъ климатѣ? „*Свобода*, отвѣчалъ волкъ, заставляетъ забыть климатъ.“

Кучеръ правъ — „берегись, берегись!“ и какъ мнѣ хотѣлось поскорѣй уѣхать.

Я и то недолго остался въ мой первый пріѣздъ. Въ три недѣли я все покончилъ и къ новому году прискакалъ назадъ во Владиміръ.

Опытность пріобрѣтенная мною въ Вяткѣ послужила мнѣ чрезвычайно въ герольдіи. Я зналъ уже, что герольдія нѣчто въ родѣ прежняго Сен-Джайля въ Лондонѣ, вертепъ оффиціально признанныхъ воровъ, которыхъ никакая ревизія, никакая реформа измѣнить не можетъ. Сен-Джайль для очистки взяли приступомъ, скупая домы и приравнивая ихъ землѣ; тоже слѣдуетъ сдѣлать съ герольдіей. Къ тому же она совершенно не нужна, какое-то паразитное мѣсто—служба служебнаго повышенія, министерство табели о рангахъ, археологическое общество изысканія дворянскихъ грамотъ, канцелярія въ канцеляріи. Само собою разумѣется, что и злоупотребленія тамъ должны были быть *втораго порядка.*

Повѣренный моего отца привелъ ко мнѣ длиннаго старика въ мундирномъ фракѣ, котораго каждая пуговица висѣла на ниткахъ, нечистаго и уже закусившаго, не смотря на ранній часъ. Это былъ корректоръ изъ сенатской типографіи; поправляя грамматическія ошибки, онъ за кулисами помогалъ иными ошибкамъ разныхъ оберъ-секретарей. Я въ полчаса сговорился съ нимъ, поторговавшись точно такъ, какъ бы рѣчь шла о покупкѣ лошади или мебели. Впрочемъ онъ самъ положительно отвѣчать не могъ, бѣгалъ въ Сенатъ за инструкціями и наконецъ получивши ихъ, проспилъ „задаточку.“

— Да сдержутъ-ли они обѣщаніе?

— Нѣтъ, ужъ это позвольте, это не такіе люди, это-

го никогда не бываетъ, чтобъ получивши благодарность, не исполнить долгъ чести, отвѣтилъ корректоръ, до того обиженнымъ тономъ, что я счелъ нужнымъ его смягчить легкой прибавочкой благодарности.

— Въ герольдіи-съ, замѣтилъ онъ, обезоруженный мной, былъ прежде секретарь, удивительный человѣкъ, вы можетъ слыхали о немъ, бралъ на пропалую и все съ рукъ сходило. Разъ какой-то провинціальный чиновникъ пришелъ въ канцелярію потолковать о своемъ дѣлѣ, да прощаясь, потихоньку изъ-подъ шляпы ему и подаетъ сѣринькую бумажку.

— Да что у васъ за секреты, говоритъ ему секретарь, помилуйте точно любовную записку подаете,—ну сѣринькая, тѣмъ лучше, пусть другіе просители видятъ, это ихъ поощритъ, когда они узнаютъ, что двѣсти рублей я взялъ, да за то дѣло обдѣлалъ. И растянувъ ассигнацію, онъ ее сложилъ и сунулъ въ жилетный карманъ.

Корректоръ былъ правъ. Секретарь исполнилъ долгъ чести.

Я оставилъ Петербургъ съ чувствомъ очень близкимъ къ ненависти. А между-тѣмъ дѣлать было нечего, надобно было перебраться въ непріязненный городъ.*)

Я не долго служилъ, всячески лынялъ отъ дѣла, и потому многаго о службѣ мнѣ разсказывать нечего. Канцелярія министра внутреннихъ дѣлъ относилась къ канцеляріи вятскаго губернатора, какъ сапоги вычищенные относятся къ невычищеннымъ; та-же кожа, тѣже подошвы, но одни въ грязи, а другіе подъ лакомъ. Я не видалъ здѣсь пьяныхъ чиновниковъ, не видалъ,

*) Послѣ этого (П. Зв. кн. I. стр. 108.): *въ началѣ 1840 года пришла бумага во Владиміръ о моемъ переводѣ на службу къ графу А. Строгонову.*

какъ берутъ двугривенники за справку, а что-то мнѣ казалось, что подъ этими плотно пригнанными фраками и тщательно вычесанными волосами, живетъ такая дрянная, черная, мелкая, завистливая и трусливая душенка, что мой столоначальникъ въ Вяткѣ казался мнѣ больше человѣкомъ чѣмъ они. Я вспоминалъ, глядя на новыхъ товарищей, какъ онъ разъ на пирушкѣ у губернскаго землемѣра, выпивши, игралъ на гитарѣ плясовую и наконецъ не вытерпѣлъ, вскочилъ съ гитарой и пустился въ присядку; ну, эти ничѣмъ не увлекутся, въ нихъ не кипитъ кровь, вино не вскружитъ имъ голову. Въ танцъ-классѣ гдѣ-нибудь съ нѣмочками, они умѣютъ пройти французскую кадриль, представить изъ себя разочарованныхъ, сказать стихъ Тимофеева или Кукольника... дипломаты, аристократы и Манфреды. Жаль только, что министръ Дашковъ не могъ этихъ Чайльдъ-Гарольдовъ отучить въ театрѣ, въ церкви, вездѣ дѣлать фрунтъ и кланяться.

Петербуржцы смѣются надъ костюмами въ Москвѣ, ихъ оскорбляютъ венгерки и картузы, длинные волосы, гражданскіе усы. Москва дѣйствительно городъ штатскій, нѣсколько распущенный, непривыкшій къ дисциплинѣ, но достоинство это или недостатокъ—это нерѣшенное дѣло. Стройность одинаковости, отсутствіе разнообразія, личнаго, капризнаго, своебычнаго обязательная форма, внѣшній порядокъ, все это въ высшей степени развито, въ самомъ нечеловѣческомъ состояніи людей—въ казармахъ. Мундиръ и однообразіе—страсть деспотизма. Моды нигдѣ не соблюдаются съ такимъ уваженіемъ какъ въ Петербургѣ, это доказываетъ незрѣлость нашего образованія; наши платья чужія. Въ Европѣ люди одѣваются, а мы рядимся и по этому боимся, если рукавъ широкъ или воротникъ узокъ. Въ

Парижѣ только боятся быть одѣтымъ безъ вкуса, въ Лондонѣ боятся только простуды, въ Италіи всякій одѣвается какъ хочетъ. Еслибъ показать эти батальоны одинаковыхъ сертуковъ, плотно застегнутыхъ, щеголей на Невскомъ проспектѣ, англичанинъ принялъ бы ихъ за отрядъ полисменовъ.

Всякій разъ дѣлалъ я надъ собою усиліе, входя въ министерство. Начальникъ канцеляріи К. К. фонъ Поль, гернгутеръ, добродѣтельный и лимфатическій уроженецъ съ острова Даго, наводилъ какую-то благочестивую скуку на все его окружавшее. Начальники отдѣленій озабоченно бѣгали съ портфелями, были недовольны столоначальниками, столоначальники писали, писали, дѣйствительно были завалены работой и имѣли перспективу умереть за тѣми-же столами—по-крайней-мѣрѣ просидѣть безъ особенно счастливыхъ обстоятельствъ лѣтъ двадцать. Въ регистратурѣ былъ чиновникъ тридцать третій годъ записывавшій исходящія бумаги и печатавшій пакеты.

Мое „упражненіе въ стилѣ“ и здѣсь доставило мнѣ нѣкоторую льготу; испытывъ мою неспособность ко всему другому, начальникъ отдѣленія поручилъ мнѣ составленіе общаго отчета по министерству изъ частныхъ губернскихъ. Предусмотрительность начальства нашла нужнымъ впередъ объяснить нѣкоторые будущіе выводы, не оставляя ихъ на произволъ цифръ и фактовъ. Такъ напр. въ слегка набросанномъ планѣ отчета, было сказано: „Изъ разсматриванія числа и характера преступленій (ни число, ни характеръ еще не были извѣстны) в. в. изволите усмотрѣть успѣхи народной нравственности и усиленное дѣйствіе начальства съ цѣлью оную улучшить.“

Судьба и графъ Бенкендорфъ спасли меня отъ участія въ подложномъ отчетѣ. Это случилось такъ:

Въ первыхъ числахъ Декабря, часовъ въ девять утромъ, Матвѣй сказалъ мнѣ, что квартальный надзиратель желаетъ меня видѣть. Я не могъ догадаться, что его привело ко мнѣ и велѣлъ просить. Квартальный показалъ мнѣ клочекъ бумаги, на которомъ было написано, чтобъ онъ *„пригласилъ* меня въ 10 часовъ утра въ III отдѣленіе собств. е. в. канцеляріи."

— Очень хорошо, отвѣчалъ я, это у цѣпнаго моста?

— Не безпокойтесь, у меня внизу сани, я съ вами поѣду. Дѣло скверное, подумалъ я, и сердце сильно сжалось, я взошелъ въ спальню. Жена моя сидѣла съ малюткой, который только-что сталъ оправляться послѣ долгой болѣзни. "Что онъ хочетъ?" спросила она. Не знаю, какой нибудь вздоръ, мнѣ надобно съѣздить съ нимъ... Ты не безпокойся. Жена моя посмотрѣла на меня, ничего не отвѣчала, только поблѣднѣла, какъ будто туча набѣжала на ея лицо, и подала мнѣ малютку проститься.

Я испыталъ въ эту минуту на сколько тягостнѣе всякій ударъ семейному человѣку, ударъ бьетъ не его одного, и онъ страдаетъ за всѣхъ и невольно винитъ себя за ихъ страданія.

Переломить, подавить, скрыть это чувство можно: но надобно знать чего это стоитъ; я вышелъ изъ дома съ черной тоской. Не таковъ былъ я, отправляясь шесть лѣтъ передъ тѣмъ съ полицмейстеромъ Миллеромъ въ Пречистенскую часть.

Проѣхали мы Цѣпной мостъ, лѣтній садъ и завернули въ бывшій домъ Кочубея, тамъ во флигелѣ помѣщалась свѣтская инквизиція, учрежденная Николаемъ; не всегда люди, входившіе въ заднія ворота, передъ которыми

мы остановились, выходили изъ пихъ, т. е. можетъ и выходили, но для того, чтобъ потеряться въ Сибири, погибнуть въ Алексѣевскомъ равелинѣ. Шли мы всякими дворами и дворами, и дошли наконецъ до канцеляріи. Не смотря на присутствіе комиссара, жандармъ насъ не пустилъ, а вызвалъ чиновника, который, прочитавъ бумагу, оставилъ квартальнаго въ коридорѣ, а меня просилъ идти за нимъ. Онъ меня привелъ въ директорскую комнату. За большимъ столомъ, возлѣ котораго стояло нѣсколько креселъ, сидѣлъ одинъ одинехонекъ старикъ худой, сѣдой, съ зловѣщимъ лицомъ. Онъ для важности дочиталъ какую-то бумагу, потомъ всталъ и подошелъ ко мнѣ. На груди его была звѣзда, изъ этого я заключилъ, что это какой-нибудь корпусный командиръ шпіоновъ.

— Видѣли вы генерала Дуббельта?

— Нѣтъ.

Онъ помолчалъ, потомъ не смотря мнѣ въ глаза, морщясь и сводя бровями, спросилъ какимъ-то стертымъ голосомъ (голосъ этотъ мнѣ ужасно напомнилъ нервно шипящіе звуки Голицына junior-а, московской слѣдственной коммиссіи).

— Вы, кажется, не очень давно получили разрѣшеніе пріѣзжать въ столицы?

— Въ прошедшемъ году.

Старикъ покачалъ головой. — Плохо вы воспользовались милостью государя. Вамъ кажется придется опять ѣхать въ Вятку.

Я смотрѣлъ на него съ удивленіемъ.

— Да-съ, продолжалъ онъ, хорошо показываете вы признательность правительству, возвратившему васъ.

— Я совершенно ничего не понимаю, сказалъ я, теряясь въ догадкахъ.

— Не понимаете? — это-то и плохо! Что за связи, что за занятія? Вмѣсто того, чтобъ первое время показать усердіе, смыть пятна, оставшіяся отъ юношескихъ заблужденій, обратить свои способности на пользу—нѣтъ! куда! Все политика, да пересуды, и все во вредъ правительству. Вотъ и договорились; какъ васъ опытъ не научилъ? Почемъ вы знаете, что въ числѣ тѣхъ, которые съ вами толкуютъ, нѣтъ всякій разъ какого-нибудь *мерзавца*,*) который лучше не проситъ, какъ черезъ минуту придти *сюда* съ доносомъ.

— Ежели вы можете мнѣ объяснить, что все это значитъ, вы меня очень обяжете, я ломаю себѣ голову и никакъ не понимаю, куда ведутъ ваши слова или на что намекаютъ,

— Куда ведутъ?... Хм... Ну а скажите, слышали вы, что у синяго моста будочникъ убилъ и ограбилъ ночью человѣка?

— Слышалъ, отвѣчалъ я пренаивно.

— И можетъ повторяли?

— Кажется, что повторялъ.

— Съ разсужденіями я чай?

— Вѣроятно.

— Съ какими-же разсужденіями?—Вотъ оно наклонность къ порицанію правительства. Скажу вамъ откровенно, одно дѣлаетъ вамъ честь, это ваше искреннее сознаніе, и оно будетъ навѣрно принято графомъ въ соображеніе.

— Помилуйте — сказалъ я, какое тутъ сознаніе, объ этой исторіи говорилъ весь городъ, говорили въ канцеляріи министра в. д., въ лавкахъ. Что-же тутъ удивительнаго, что и я говорилъ объ этомъ происшествіи?

*) Я честнымъ словомъ увѣряю, что слово „мерзавецъ“ было употреблено почтеннымъ старцемъ.

— Разглашеніе ложныхъ и вредныхъ слуховъ есть преступленіе нетерпимое законами.

— Вы меня обвиняете, мнѣ кажется, въ томъ, что я выдумалъ это дѣло?

— Въ докладной запискѣ государю сказано только, что вы способствовали къ распространенію такого вреднаго слуха. На что послѣдовала высочайшая резолюція объ возвращеніи васъ въ Вятку.

— Вы меня просто стращаете, отвѣчалъ я. Какъ-же это возможно за такое ничтожное дѣло сослать семейнаго человыка за тысячу верстъ, да и притомъ приговорить, осудить его, даже не спросивъ правда, или нѣтъ?

— Вы сами признались.

— Да какъ-же, записка была представлена и дѣло кончено прежде чѣмъ вы со мной говорили?

— Прочтите сами.

Старикъ подошелъ къ столу, порылся въ небольшой пачкѣ бумагъ, хладнокровно вытащилъ одну и подалъ. Я читалъ и не вѣрилъ своимъ глазамъ; такое полнѣйшее отсутствіе справедливости, такое наглое, безстыдное беззаконіе удивило даже въ Россіи.

Я молчалъ. Мнѣ показалось, что самъ старикъ почувствовалъ, что дѣло очень нелѣпо и чрезвычайно глупо, такъ что онъ не нашелъ болѣе нужнымъ защищать его, и тоже помолчавъ, спросилъ:

— Вы, кажется, сказали, что вы женаты?

— Женатъ—отвѣчалъ я.

— Жаль, что это прежде мы не знали, впрочемъ, если что можно сдѣлать, графъ сдѣлаетъ, я ему передамъ нашъ разговоръ. Изъ Петербурга *во всякомъ случаѣ* васъ вышлютъ.

Онъ посмотрѣлъ на меня. Я молчалъ, но чувствовалъ

что лицо горѣло, все что я не могъ высказать, все задержанное внутри можно было видѣть въ лицѣ.

Старикъ опустилъ глаза, подумалъ и вдругъ апатическимъ голосомъ, съ притязаніемъ на тонкую учтивость, сказалъ мнѣ: Я не смѣю дольше задерживать васъ; желаю душевно — впрочемъ, дальнѣйшее вы узнаете.

Я бросился домой. Разъѣдающая злоба кипѣла въ моемъ сердцѣ, это чувство безправія, безсилія, это положеніе пойманнаго звѣря, надъ которымъ презрительный уличный мальчишка издѣвается, понимая, что всей силы тигра недостаточно, чтобъ сломить решетку.

Жену я засталъ въ лихорадкѣ, она съ этого дня занемогла и испуганная еще вечеромъ, черезъ нѣсколько дней имѣла преждевременные роды. Ребенокъ умеръ черезъ день. Едва черезъ три или черезъ четыре года оправилась она.

Говорятъ, что чувствительный paterfamilias Николай Павловичъ плакалъ, когда умерла его дочь!...

И что это у нихъ за страсть—поднять сумбуръ, скакать во весь опоръ, хлопотать, все дѣлать опрометью, точно пожаръ, тронъ рушится, царская фамилія гибнетъ — и все это безъ всякой нужды! Поэзія жандармовъ, драматическія упражненія сыщиковъ, роскошная постановка для доказательства вѣрноподданническаго усердія... опричники, стременные, гончіе!

... Грустно сидѣли мы вечеромъ того дня, въ который я былъ въ Ш отдѣленіи, за небольшимъ столомъ— малютка игралъ на немъ своими игрушками, мы говорили мало; вдругъ-кто-то такъ рванулъ звонокъ, что мы поневолѣ вздрогнули. Матвѣй бросился отворять дверь и черезъ секунду влетѣлъ въ комнату жандармскій офицеръ, гремя саблей, гремя шпорами и началъ

отборными словами извиняться передъ моей женой, „онъ не могъ думать, не подозрѣвалъ, не предполагалъ, что дама, что дѣти, чрезвычайно непріятно...“

Жандармы цвѣтъ учтивости, еслибъ не священная обязанность, не долгъ службы, они бы никогда не только не дѣлали доносовъ, но и не дрались бы съ форейторами и кучерами при разъѣздахъ. Я это знаю съ крутицкихъ казармъ, гдѣ офицеръ, désolé, былъ такъ глубоко огорченъ необходимостью шарить въ моихъ карманахъ.

Поль-Луи Курье уже замѣтилъ въ свое время, что палачи и прокуроры становятся самыми вѣжливыми людьми. „Любезнѣйшій палачъ, пишетъ прокуроръ, вы меня дружески одолжите, принявъ на себя трудъ, если васъ это не обезпокоитъ, отрубить завтра утромъ голову такому-то.“ И палачъ торопится отвѣчать, „что онъ считаетъ себя счастливымъ, что такой бездѣлицей можетъ сдѣлать пріятное г. прокурору и остается всегда готовый къ его услугамъ — палачъ.“ А тотъ, *третій*, остается преданнымъ безъ головы.

— Васъ проситъ къ себѣ генералъ Дуббельтъ.

— Когда?

— Помилуйте, теперь, сейчасъ, сію минуту.

— Матвѣй, дай шинель.

Я пожалъ руку женѣ — на лицѣ у нея были пятны, рука горѣла. Что за спѣхъ, въ десять часовъ вечера, заговоръ открытъ, побѣгъ, драгоцѣнная жизнь Николая Павловича въ опасности? Дѣйствительно, подумалъ я, я виноватъ передъ будочникомъ, чему было дивиться, что при этомъ правительствѣ какой-нибудь изъ его агентовъ прирѣзалъ двухъ-трехъ прохожихъ; будочники второй и третей степени развѣ лучше своего товарища на Синемъ мосту? А самъ-то будочникъ будочниковъ?

Дуббельтъ прислалъ за мной, чтобъ *мнѣ сказать*, что графъ Бенкендорфъ требуетъ меня завтра въ восемь часовъ утра къ себѣ для объявленія мнѣ высочайшей воли!

Дуббельтъ, лицо оригинальное, онъ навѣрно умнѣе всего третьяго и всѣхъ трехъ отдѣленій собственной канцеляріи. Исхудалое лицо его, оттѣненное длинными свѣтлыми усами, усталый взглядъ, особенно рытвины на щекахъ и на лбу — ясно свидѣтельствовали, что много страстей боролось въ этой груди, прежде чѣмъ голубой мундиръ побѣдилъ или лучше накрылъ все, что тамъ было. Черты его имѣли что-то волчье и даже лисье, т. е. выражали тонкую смышленость хищныхъ звѣрей; вмѣстѣ уклончивость и заносчивость. Онъ былъ всегда учтивъ.

Когда я взошелъ въ его кабинетъ, онъ сидѣлъ въ мундирномъ сертукѣ безъ эполетъ и куря трубку писалъ. Онъ въ ту же минуту всталъ и прося меня сѣсть противъ него, началъ слѣдующей удивительной фразой:

— Графъ Александръ Христофоровичъ доставилъ мнѣ случай познакомиться съ вами. Вы, кажется, видѣли Сахтынскаго сегодня утромъ?

— Видѣлъ.

— Мнѣ очень жаль, что поводъ, который заставилъ меня васъ просить ко мнѣ, несовсѣмъ пріятный для васъ. Неосторожность ваша навлекла снова гнѣвъ его величества на васъ.

— Я вамъ, генералъ, скажу то, что сказалъ г. Сахтынскому, я не могу себѣ представить, чтобы меня выслали только за то, что я повторилъ уличный слухъ, который, конечно, вы слышали прежде меня, а можетъ точно также разсказывали какъ я.

— Да, я слышалъ и говорилъ объ этомъ и тутъ мы

равны; но вотъ гдѣ начинается разница—я, повторяя эту нелѣпость, клялся, что этого никогда не было, а вы изъ этого слуха сдѣлали поводъ обвиненія всей полиціи. Это все несчастная страсть de dénigrer le gouvernement, страсть развитая въ васъ во всѣхъ, господа, пагубнымъ примѣромъ Запада. У насъ не то, что во Франціи, гдѣ правительство на ножахъ съ партіями, гдѣ его таскаютъ въ грязи; у насъ управленіе *отеческое*, все дѣлается какъ можно келейнѣе... Мы выбиваемся изъ силъ, чтобъ все шло какъ можно тише и глаже, а тутъ люди, остающіеся въ какой-то безплодной опозиціи, не смотря на тяжелыя испытанія, стращаютъ общественное мнѣніе, разсказывая и сообщая письменно, что полицейскіе солдаты рѣжутъ людей на улицахъ. Не правда-ли? вѣдь вы писали объ этомъ?

— Я такъ мало придаю важности дѣлу, что совсѣмъ не считаю нужнымъ скрывать, что я писалъ объ этомъ, и прибавлю къ кому, къ моему отцу.

— Разумѣется, дѣло не важное; но вотъ оно до чего васъ довело. Государь тотчасъ вспомнилъ вашу фамилію и что вы были въ Вяткѣ и велѣлъ васъ отправить назадъ. А потому графъ и поручилъ мнѣ увѣдомить васъ, чтобъ вы завтра въ восемъ часовъ утра пріѣхали къ нему, онъ вамъ объявитъ высочайшую волю.

— И такъ, на томъ и останется, что я долженъ ѣхать въ Вятку, съ больной женой, съ больнымъ ребенкомъ, по дѣлу, о которомъ вы говорите, что оно не важно?...

— Да вы служите?—спросилъ меня Дуббельтъ, пристально вглядываясь въ пуговицы моего вицъ-мундирнаго фрака.

— Въ канцеляріи министра в. д.

— Давно-ли?

— Мѣсяцевъ шесть.

— И все время въ Петербургѣ.

— Все время.

— Я понятія не имѣлъ.

— Видите, сказалъ я улыбаясь, какъ я себя скромно велъ.

Сахтынскій не зналъ что я женатъ, Дуббельтъ не зналъ что я на службѣ, а оба знали, что я говорилъ въ своей комнатѣ, какъ думалъ и что писалъ отцу... Дѣло было въ томъ, что я тогда только что началъ сближаться съ петербургскими литераторами, печатать статьи, а главное, я былъ переведенъ изъ Владиміра въ Петербургъ графомъ Строгоновымъ безъ всякаго участія тайной полиціи, и пріѣхавши въ Петербургъ, не пошелъ *являться* ни къ Дуббельту, ни въ III отдѣленіе, на что мнѣ намекали добрые люди.

— Помилуйте — перебилъ меня Дуббельтъ, всѣ свѣденія, собранныя объ васъ, совершенно въ вашу пользу, я еще вчера говорилъ съ Жуковскимъ, дай богъ, чтобъ объ моихъ сыновьяхъ такъ отзывались, какъ онъ отозвался.

— А все-таки въ Вятку...

— Вотъ видите, ваше *несчастіе*, что докладная записка *была подана*, и что многихъ обстоятельствъ не было на виду. Ѣхать вамъ надобно, этого поправить нельзя, но я полагаю, что Вятку можно замѣнить другимъ городомъ. Я переговорю съ графомъ, онъ еще сегодня ѣдетъ во дворецъ. Все что возможно сдѣлать для облегченія, мы постараемся сдѣлать; графъ человѣкъ ангельской доброты.

Я всталъ. Дуббельтъ проводилъ меня до дверей кабинета. Тутъ я не вытерпѣлъ и пріостановившись сказалъ ему:

— Я имѣю къ вамъ, генералъ, небольшую просьбу, если вамъ меня нужно, не посылайте пожалуста ни квартальныхъ, ни жандармовъ, они пугаютъ, шумятъ, особенно вечеромъ. За что-же больная жена моя будетъ больше всѣхъ наказана въ дѣлѣ будочника?

— Ахъ боже мой, какъ это непріятно, возразилъ Дуббельтъ. Какіе они всѣ неловкіе. — Будьте увѣрены, что я не пошлю больше полицейскаго. И такъ до завтра; не забудьте въ восемь часовъ у графа; мы тамъ увидимся.

Точно будто мы сговорились вмѣстѣ ѣхать къ Смурову ѣсть устрицы.

На другой день въ восемь часовъ я былъ въ пріемной залѣ Бенкендорфа. Я засталъ тамъ человѣкъ пятьшесть просителей; мрачно и озабоченно стояли они у стѣны, вздрагивали при каждомъ шумѣ, жались еще больше, и кланялись всѣмъ проходящимъ адъютантамъ. Въ числѣ ихъ была женщина вся въ траурѣ, съ заплаканными глазами, она сидѣла съ бумагой свернутой въ трубочку въ рукахъ, бумага дрожала какъ осиновый листъ. Шага три отъ нея стоялъ высокій, нѣсколько согнувшійся старикъ, лѣтъ семидесяти, плѣшивой и пожелтѣвшій, въ темнозеленой военной шинели, съ рядомъ медалей и крестовъ на груди. Онъ время отъ времени вздыхалъ, качалъ головой и шепталъ что-то себѣ подъ носъ.

У окна сидѣли развалясь какой-то „другъ дома,“ лакей или дежурный чиновникъ. Онъ всталъ, когда я взошелъ, вглядываясь въ его лицо, я узналъ его, мнѣ эту противную фигуру показывали въ театрѣ, это былъ одинъ изъ главныхъ уличныхъ шпіоновъ, помнится, по фамиліи Фабръ. Онъ спросилъ меня: Вы съ просьбой къ графу?

— По его требованію.

— Ваша фамилія? — Я назвалъ себя. — Ахъ, сказалъ онъ, мѣняя тонъ, какъ будто встрѣтилъ стараго знакомаго. Сдѣлайте одолженіе, не угодно-ли сѣсть? Графъ черезъ четверть часа выйдетъ.

Какъ-то было страшно тихо и unheimlich въ залѣ, день плохо пробивался сквозь туманъ и замерзнувшія стекла, никто ничего не говорилъ. Адъютанты быстро пробѣгали взадъ и впередъ, да жандармъ, стоявшій за дверями гремѣлъ иногда своей сбруей, переступая съ ноги на ногу. Подошло еще человѣка два просителей. Чиновникъ бѣгалъ каждаго спрашивать за чѣмъ. Одинъ изъ адъютантовъ подошелъ къ нему и началъ что-то разсказывать полушопотомъ, причемъ онъ придавалъ себѣ видъ отчаяннаго повѣсы; вѣроятно онъ разсказывалъ какія-нибудь мерзости, потому что они часто перерывали разговоръ лакейскимъ смѣхомъ безъ звука, причемъ почтенный чиновникъ, показывая видъ, что ему мочи нѣтъ, что онъ готовъ надорваться, повторялъ: „перестаньте, ради бога перестаньте, не могу больше.“

Минутъ черезъ пять явился Дуббельтъ, разстегнутый, по-домашнему — бросилъ взглядъ на просителей, причемъ они поклонились, и издали увидя меня, сказалъ: Bonjour M. H. Votre affaire va parfaitement bien, на хорошей дорогѣ...

Оставляютъ меня, что-ли! Я хотѣлъ было спросить, но прежде чѣмъ успѣлъ вымолвить слово, Дуббельтъ уже скрылся. Вслѣдъ за нимъ взошелъ какой-то генералъ, вычищенный, убранный, затянутый, вытянутый, въ бѣлыхъ штанахъ, въ шарфѣ, я не видывалъ лучшаго генерала. Если когда нибудь въ Лондонѣ будетъ выставка генераловъ, такъ какъ въ Цинцинати теперь Baby-Exhibition, то я совѣтую послать именно его изъ

Петербурга. Генералъ подошелъ къ той двери, изъ которой долженъ былъ выйти Бенкендорфъ, и замеръ въ неподвижной вытяжкѣ; я съ большимъ любопытствомъ разсматривалъ этотъ идеалъ унтеръ-офицера... ну должно быть солдатъ посѣкъ онъ на своемъ вѣку за шагистику; откуда берутся эти люди? Онъ родился для выкидыванія артикула и для строя! Съ нимъ пришелъ вѣроятно его адъютантъ, тончайшій корнетъ въ мірѣ, съ неслыханно длинными ногами, бѣлокурый, съ крошечнымъ бѣличьимъ лицомъ и съ тѣмъ добродушнымъ выраженіемъ, которое часто остается у матушкиныхъ сынковъ, никогда ничему неучившихся, или по крайней мѣрѣ невыучившихся. Эта жимолость въ мундирѣ, стояла въ почтительномъ отдаленіи отъ образцоваго генерала.

Снова влетѣлъ Дуббельтъ, этотъ разъ пріосанившись и застегнувшись. Онъ тотчасъ обратился къ генералу и спросилъ что ему нужно? Генералъ правильно, какъ ординарцы говорятъ, когда являются къ начальникамъ, отрапортовалъ: „Вчерашній день отъ князь Александра Ивановича получилъ высочайшее повелѣніе отправиться въ дѣйствующую армію на Кавказъ, счелъ обязанностью явиться передъ отбытіемъ къ его сіятельству.“

Дуббельтъ выслушалъ съ религіознымъ вниманіемъ эту рѣчь, и наклоняясь нѣсколько въ знакъ уваженія вышелъ и черезъ минуту возвратился.

— Графъ, слазалъ онъ генералу, искренно жалѣетъ, что не имѣетъ времени принять в. пр. Онъ васъ благодаритъ и поручилъ мнѣ пожелать вамъ счастливаго пути. При этомъ Дуббельтъ распростеръ руки, обнялъ и два раза коснулся щеки генерала своими усами.

Генералъ отступилъ торжественнымъ маршемъ, юно-

ша съ бѣличьимъ лицомъ и съ ногами журавля отправился за нимъ. Сцена эта искупила мнѣ много горечи того дня. Генеральскій фрунтъ, прощаніе по довѣренности, и наконецъ лукавая морда Рейнеке-Фукса, цалующаго безмозглую голову его превосходительства, все это было до того смѣшно, что я чуть чуть удержался. Мнѣ кажется, что Дуббельтъ замѣтилъ это и съ тѣхъ поръ началъ уважать меня.

Наконецъ двери отворились à deux battans и взошелъ Бенкендорфъ. Наружность шефа жандармовъ не имѣла въ себѣ ничего дурнаго; видъ его былъ довольно общій остзейскимъ дворянамъ и вообще нѣмецкой аристократіи. Лицо его было измято, устало, онъ имѣлъ обманчиво добрый взглядъ, который часто принадлежитъ людямъ уклончивымъ и апатическимъ.

Можетъ Бенкендорфъ и не сдѣлалъ всего зла, которое могъ сдѣлать, будучи начальникомъ этой страшной полиціи, стоящей внѣ закона и надъ закономъ, имѣвшей право мѣшаться во все — я готовъ этому вѣрить, особенно вспоминая прѣсное выраженіе его лица—но и добра онъ не сдѣлалъ, на это у него не доставало энергіи, воли, сердца. Робость сказать слово въ защиту гонимыхъ стоитъ всякаго преступленія, на службѣ такому холодному, беспощадному человѣку какъ Николай.

Сколько невинныхъ жертвъ прошли его руками, сколько погибли отъ невниманія, отъ разсѣянія, оттого что онъ занятъ былъ волокитствомъ—и сколько можетъ мрачныхъ образовъ и тяжелыхъ воспоминаній бродили въ его головѣ и мучили его на томъ пароходѣ, гдѣ преждевременно опустившійся и одряхлѣвшій, онъ искалъ въ измѣнѣ своей религіи заступничество католической церкви, съ ея всепрощающими индульгенціями...

— До свѣдѣнія государя императора—сказалъ онъ мнѣ — дошло, что вы участвуете въ распространеніи вредныхъ слуховъ для правительства. Его величество, видя, какъ вы мало исправились, изволилъ приказать васъ отправить обратно въ Вятку; но я по просьбѣ генерала Дуббельта и основываясь на свѣдѣніяхъ, собранныхъ объ васъ, докладывалъ е. в. о болѣзни вашей супруги и государю угодно было измѣнить свое рѣшеніе. Е. в. воспрещаетъ вамъ въѣздъ въ столицы, вы снова отправитесь подъ надзоръ полиціи, но мѣсто вашего жительства предоставлено назначить министру внутреннихъ дѣлъ.

— Позвольте мнѣ откровенно сказать, что даже *въ сію* минуту я не могу вѣрить, чтобъ не было другой причины моей ссылки. Въ 1835 г. я былъ сосланъ по дѣлу праздника, на которомъ вовсе не былъ! теперь я наказываюсь, за слухъ, о которомъ говорилъ весь городъ. Странная судьба!

Бенкендорфъ поднялъ плечи и разводя руками, какъ человѣкъ исчерпавшій всѣ свои доводы, перебилъ мою рѣчь: „Я вамъ объявляю монаршую волю, а вы мнѣ отвѣчаете разсужденіями. Что за польза будетъ изъ всего, что вы мнѣ скажете и что я вамъ скажу — это потерянныя слова. Перемѣнить теперь ничего нельзя, что будетъ потомъ, долею зависитъ отъ васъ. А такъ какъ вы напомнили объ вашей первой исторіи, то я особенно рекомендую вамъ, чтобъ не было третьей, *такъ легко* въ третій разъ вы навѣрно не отдѣлаетесь.“

Бенкендорфъ благосклонно улыбнулся и отправился къ просителямъ. Онъ очень мало говорилъ съ ними бралъ просьбу, бросалъ въ нее взглядъ, потомъ отдавалъ Дуббельту, перерывая замѣчанія просителей той-

же граціозно-снисходительной улыбкой. Мѣсяцы цѣлые эти люди обдумывали и приготовлялись къ этому свиданію, отъ котораго зависитъ—честь, состояніе, семья; сколько труда, усилій было употреблено ими прежде чѣмъ ихъ приняли, сколько разъ стучались они въ запертую дверь, отгоняемые жандармомъ или швейцаромъ. И какъ должно быть щемящи, велики нужды, которыя привели ихъ къ начальнику тайной полиціи; вѣроятно предварительно были исчерпаны всѣ законные пути — а человѣкъ этотъ отдѣлывается общими мѣстами и по всей вѣроятности какой-нибудь столоначальникъ положитъ *какое нибудь* рѣшеніе, чтобъ сдать дѣло въ *какую нибудь* другую канцелярію. И чѣмъ онъ такъ озабоченъ, куда торопится?

Когда Бенкендорфъ подошелъ къ старику съ медалями, тотъ сталъ на колѣни и вымолвилъ: „Ваше сіятельство, взойдите въ мое положеніе.“

— Что за мерзость, закричалъ графъ, вы позорите ваши медали, и полный благороднаго негодованія, онъ прошелъ мимо, не взявъ его просьбы. Старикъ тихо поднялся, его стеклянный взглядъ выражалъ ужасъ и помѣшательство, нижняя губа дрожала, онъ что-то лепеталъ.

Какъ эти люди безчеловѣчны. когда на нихъ приходитъ капризъ быть человѣчными!

Дуббельтъ подошелъ къ старику, взялъ просьбу и сказалъ: Зачѣмъ это вы въ самомъ дѣлѣ?—ну давайте вашу просьбу, я пересмотрю.

Бенкендорфъ уѣхалъ къ государю.

— Что-же мнѣ дѣлать? спросилъ я Дуббельта.

— Выберите себѣ какой хотите городъ съ министромъ в. д., мы мѣшать не будемъ. Мы завтра все

дѣло перешлемъ туда; я поздравляю васъ, что такъ уладилось.

— Покорнѣйше васъ благодарю!

Отъ Бенкендорфа я поѣхалъ въ министерство. Директоръ нашъ, какъ я сказалъ, принадлежалъ къ тому типу нѣмцевъ, которые имѣютъ въ себѣ что-то лемуровское, долговязое, нерасторопное, тянущееся. У нихъ мозгъ дѣйствуетъ медленно, не съ разу схватываетъ и долго работаетъ, чтобъ дойти до какого нибудь заключенія. Разсказъ мой по несчастію предупредилъ сообщеніе изъ III отдѣленія, онъ вовсе не ждалъ его и потому совершенно растерялся, говорилъ какія-то безсвязныя вещи, самъ замѣтилъ это, и чтобъ поправиться сказалъ мнѣ: « Erlauben sie mir deutsch zu sprechen ». Можетъ грамматически рѣчь его и вышла правильнѣе на нѣмецкомъ языкѣ, но яснѣе и опредѣленнѣе она не стала. Я замѣтилъ очень хорошо, что въ немъ боролись два чувства, онъ понялъ всю несправедливость дѣла, но считалъ обязанностью директора оправдать дѣйствіе правительства; при этомъ онъ не хотѣлъ передо мной показать себя варваромъ, да и не забывалъ вражду, которая постоянно царствовала между министерствомъ и тайной полиціей. Стало быть, задача сама-по-себѣ выразить весь этотъ сумбуръ была не легка. Онъ кончилъ признаніемъ, что ничего не можетъ сказать безъ министра, къ которому и отправился.

Графъ Строгоновъ позвалъ меня, разпросилъ дѣло, выслушалъ все внимательно и сказалъ мнѣ въ заключеніе: „Это чисто полицейская уловка — ну да, хорошо, и я съ своей стороны имъ отвѣчу.“ Я право думалъ, что онъ сейчасъ отправится къ государю и объяснитъ ему дѣло; но такъ далеко министры не ходятъ.

„Я получилъ, продолжалъ онъ, высочайшее повелѣніе объ васъ, вотъ оно, вы видите, что мнѣ предоставлено избрать мѣсто и употребить васъ на службу. Куда вы хотите?

— Въ Тверь или въ Новгородъ, отвѣчалъ я.

— Разумѣется... ну а такъ какъ мѣсто зависитъ отъ меня и вамъ вѣроятно все равно, въ который изъ этихъ городовъ я васъ назначу, то я вамъ дамъ первую ваканцію совѣтника губернскаго правленія, т. е. высшее мѣсто, которое вы по чину можете имѣть. Шейте себѣ мундиръ съ шитымъ воротникомъ, добавилъ онъ шутя.

Вотъ и отыгрался, только не въ мою масть.

Черезъ недѣлю Строгоновъ представилъ въ Сенатъ о назначеніи меня совѣтникомъ въ Новгородъ.

А вѣдь пресмѣшно, сколько секретарей, ассесоровъ, уѣздныхъ и губернскихъ чиновниковъ домогались, долго, страстно, упорно домогались, чтобъ получить это мѣсто; взятки были даны, святѣйшія обѣщанія получены и вдругъ министръ, исполняя высочайшую волю и въ то-же время дѣлая отместку тайной полиціи, *наказывалъ* меня этимъ повышеніемъ, бросалъ человѣку подъ ноги, для позолоты пилюли, это мѣсто, предметъ пламенныхъ желаній и самолюбивыхъ грезъ — человѣку, который его бралъ съ твердымъ намѣреніемъ броспть при первой возможности.

Отъ Строгонова я поѣхалъ къ одной дамѣ; объ этомъ знакомствѣ слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ

Между рекомендательными письмами, которыя мнѣ далъ мой отецъ, когда я ѣхалъ въ Петербургъ, было одно, которое я десять разъ бралъ въ руки, перевертывалъ и пряталъ опять въ столъ, откладывая визитъ свой до другого дня. Письмо это было къ семидесятилѣтней, знатной, богатой дамѣ; дружба ея съ моимъ

отцомъ шла съ незапамятныхъ временъ; онъ познакомился съ ней, когда она была при дворѣ Екатерины II, потомъ они встрѣтились въ Парижѣ, вмѣстѣ ѣздили туда и сюда, наконецъ оба пріѣхали домой на отдыхъ, лѣтъ тридцать тому назадъ.

Я вообще не любилъ важныхъ людей, особенно женщинъ, да еще къ тому-же семидесяти-лѣтнихъ; но отецъ мой спрашивалъ второй разъ былъ-ли я у Ольги Александровны Жеребцовой? и я наконецъ рѣшился проглотить эту пилюлю. Офиціантъ привелъ меня въ довольно сумрачную гостинную, плохо убранную, какъ-то почернѣвшую, полинявшую; мебель, обивка, все сдало цвѣтъ, все стояло видно давно на этихъ мѣстахъ. На меня пахнуло домомъ княжны Мещерской; старость не меньше юности протаптываетъ свои слѣды на всемъ окружающемъ. Самоотверженно ждалъ я появленія хозяйки, приготовляясь къ скучнымъ вопросамъ, къ глухотѣ, къ кашлю, къ обвиненіямъ новаго поколѣнія а можетъ и къ моральнымъ поученіямъ.

Минутъ черезъ пять взошла твердымъ шагомъ высокая старуха, съ строгимъ лицемъ, носившемъ слѣды большой красоты; въ ея осанкѣ, поступи и жестахъ выражались упрямая воля, рѣзкій характеръ и рѣзкій умъ. Она проницательно осмотрѣла меня съ головы до ногъ, подошла къ дивану, отодвинула однимъ движеніемъ руки столъ, и сказала мнѣ: „Садитесь сюда на кресла, поближе ко мнѣ, я вѣдь короткая пріятельница съ вашимъ отцомъ и люблю его.“ Она развернула письмо и подала мнѣ, говоря: „пожалуста, прочтите мнѣ, у меня болятъ глаза.“ Письмо было писано по французски, съ разными комплиментами, съ воспоминаніями и намеками. Она слушала, улыбаясь, и когда я кончилъ, сказала:

— Умъ-то у него не старѣетъ, все тотъ-же, онъ очень былъ любезенъ и очень костикъ. А что, теперь все сидитъ въ комнатѣ, въ халатѣ, представляетъ больнаго? Я два года тому назадъ проѣзжала Москвой, была тогда у вашего батюшки, наспу, говоритъ, могу принять, разрушаюсь, а потомъ разговорился и забылъ свои болѣзни. Все баловство; онъ не много старше меня, года два-три, да и то есть-ли, а вотъ я и женщина, а все еще на ногахъ. Да, да, много воды утекло съ тѣхъ временъ, о которыхъ вашъ отецъ поминаетъ. Ну подумайте, мы съ нимъ были изъ первыхъ танцоровъ. Англезы тогда были въ модѣ; вотъ я съ Иваномъ Алексѣичемъ бывало и танцуемъ у покойной императрицы; можете вы себѣ представить вашего батюшку въ свѣтло-голубомъ французскомъ кафтанѣ, въ пудрѣ и меня съ фижмами и décolтée. Съ нимъ было очень пріятно танцовать, il était bel homme, онъ былъ лучше васъ, дайте-ка хорошенько на васъ посмотрѣть — да, точно онъ былъ получше... Вы не сердитесь, въ мои лѣта можно говорить правду. Да вѣдь вамъ и не до того я думаю, вѣдь вы литераторъ, ученый. Ахъ боже мой, кстати, разскажите мнѣ пожалуста, что это съ вами за гисторія была? Батюшка вашъ писалъ ко мнѣ, когда васъ послали въ Вятку, я пробовала говорить съ Блудовымъ, ничего не сдѣлалъ. За что это васъ услали, они вѣдь не говорятъ, все у нихъ sécret d'état.

Въ ея манерѣ было столько простоты и искренности, что вопреки ожиданію, мнѣ было легко и свободно. Я отвѣчалъ полушутливо и полусерьозно, и разсказалъ ей наше дѣло.

— Воюетъ съ студентами, замѣтила она, все въ головѣ одно — конспираціи; ну а тѣ и рады подслуживаться; все пустяками занимаются. Людишки такіе

дрянные около него—откуда это онъ ихъ набралъ? — безъ роду и племени. Такъ видите, mon cher conspirateur, что-же вамъ было тогда, лѣтъ шестнадцать?

— Ровно двадцать одинъ годъ, отвѣчалъ я, смѣясь отъ души ея полнѣйшему презрѣнію къ нашей политической дѣятельности, т. е, къ моей и Николаевой — но за то я былъ старшій.

— Четыре-пять студентовъ испугали видите tout le gouvernement — срамъ какой.

Потолковавши въ этомъ родѣ съ полчаса, я всталъ чтобъ ѣхать. Постойте-ка, постойте-ка, сказала мнѣ Ольга Александровна еще болѣе дружескимъ тономъ, я не кончила мою исповѣдь; а какъ это вы увезли свою невѣсту?

— Почему вы знаете?

— Э, батюшка, слухомъ свѣтъ полнится, — молодость, des passions, я говорила тогда съ вашимъ отцемъ, онъ еще сердился на васъ, ну да вѣдь умный человѣкъ, понялъ... благо вы счастливо живете—чего еще? Какъ-же, говоритъ, пріѣзжалъ въ Москву противъ приказа, попался бы, ну послали бы въ крѣпость. Я ему на это и молвила — ну да вѣдь не попался, какъ это надобно радоваться вамъ, а что пустяки городитъ, да придумывать что могло бы быть. — Ну вы всегда, говоритъ онъ мнѣ, были отважны и жили очертя голову.— А что-же, батюшка, оканчиваю не хуже другихъ вѣкъ, отвѣтила я ему. А это что ужъ такое, безъ денегъ оставилъ молодыхъ, на что это похоже! — Ну, говоритъ, пошлю, пошлю, не сердитесь.—Познакомьте меня съ вашей супругой-то — а?

Я поблагодарилъ ее и сказалъ, что я пріѣхалъ покамѣсть одинъ.

— Гдѣ-же вы остановились?

— У Демута.

— И тамъ обѣдаете?

— Иногда тамъ, иногда у Дюме.

— На что-же это по трактирамъ-то, дорого стоитъ, да и такъ не хорошо женатому человѣку. Если не скучно вамъ со старухой обѣдать — приходите-ка; а я, право, очень рада, что познакомилась съ вами, спасибо вашему отцу, что прислалъ васъ ко мнѣ, вы очень интересный молодой человѣкъ, хорошо понимаете вещи, даромъ что молоды, — вотъ мы съ вами и потолкуемъ о томъ, о семъ; а то знаете, съ этими куртизанами скучно — все одно, объ дворѣ, да кому орденъ дали, все пустое.

Тьеръ въ одномъ томѣ исторіи Консулата довольно подробно и довольно вѣрно разсказалъ умерщвленіе Павла. Въ его разсказѣ два раза упомянута одна женщина, сестра послѣдняго фаворита Екатерины, графа Зубова. Красавица собой, молодая вдова генерала, кажется убитаго во время войны, страстная и дѣятельная натура, избалованная положеніемъ, одаренная необыкновеннымъ умомъ и мужескимъ характеромъ, она сдѣлалась средоточіемъ недовольныхъ во время дикаго и безумнаго царствованія Павла. У нея собирались заговорщики, она подстрекала ихъ, черезъ нее шли сношенія съ англійскимъ посольствомъ. Полиція Павла заподозрила ее наконецъ, и она во время извѣщенная, можетъ самимъ Паленымъ, успѣла уѣхать за границу. Заговоръ былъ тогда готовъ и она получила, танцуя на балѣ прусскаго короля, вѣсть о томъ, что Павелъ убитъ. Вовсе не скрывая радости, она съ восторгомъ объявила новость всѣмъ находившимся въ залѣ. Это до того скандализировало прусскаго короля, что онъ велѣлъ ее выслать въ 24 часа изъ Берлина.

Она поѣхала въ Англію. Блестящая, избалованная придворной жизнію и снѣдаемая жаждой большаго поприща, она является львицей первой величины въ Лондонѣ и играетъ значительную роль въ замкнутомъ и недоступномъ обществѣ англійской аристократіи. Принцъ Валлійскій, т. е. будущій король Георгъ IV, у ея ногъ, вскорѣ болѣе..... Пышно и шумно шли годы ея заграничнаго житья, но шли и срывали цвѣтокъ за цвѣткомъ.

Вмѣстѣ съ старостью началась для нея пустыня, удары судьбы, одиночество и грустная жизнь воспоминаній. Ея сынъ былъ убитъ подъ Бородинымъ, ея дочь умерла и оставила ей внуку, графиню Орлову. Старушка всякій годъ ѣздила въ Августѣ мѣсяцѣ изъ Петербурга въ Можайскъ посѣтить могилу сына. Одиночество и несчастіе не сломили ея сильнаго характера, а сдѣлали его только угрюмѣе и угловатѣе. Точно дерево середь зимы, она сохранила линейный очеркъ своихъ вѣтвей, листья облетѣли, костливо зябли голыя сучья, но тѣмъ яснѣе виднѣлся величавый ростъ, смѣлые размѣры и стержень посѣдѣлый отъ инея, гордо и сумрачно выдерживалъ себя и не гнулся отъ всякаго вѣтра и отъ всякой непогоды.

Ея длинная, полная движенія жизнь, страшное богатство встрѣчъ, столкновеній, образовали въ ней ея высокомѣрный, но далеко не лишенный печальной вѣрности взглядъ. У нея была своя философія, основанная на глубокомъ презрѣніи къ людямъ, которыхъ она оставить все же не могла, по дѣятельному характеру.

— Вы ихъ еще не знаете, говорила она мнѣ, провожая киваньемъ головы разныхъ толстыхъ и худыхъ сенаторовъ и генераловъ, а ужъ я довольно на нихъ насмотрѣлась, меня не такъ легко провести, какъ они думаютъ; мнѣ двадцати лѣтъ не было, когда братъ былъ

въ пущемъ фавёрѣ, императрица меня очень ласкала и очень любила. Такъ повѣрите ли, старики, покрытые кавалеріями, едва таскавшіе ноги, наперерывъ бросались въ переднюю подать мнѣ салопъ или теплые башмаки. Государыня скончалась, и на другой день домъ мой опустѣлъ, меня бѣгали какъ заразы, знаете при сумашедшемъ то, и тѣ же самые персоны. Я шла своей дорогой, не нуждалась ни въ комъ и уѣхала за море. Послѣ моего возвращенія Богъ посѣтилъ меня большими несчастіями, только я ни отъ кого участія не видала, были два-три старыхъ пріятеля, тѣ точно и остались. Ну, пришло новое царствованіе, Орловъ, видите, въ силѣ, т. е. я не знаю, на сколько это правда... такъ думаютъ по крайней мѣрѣ; знаютъ, что онъ мой наслѣдникъ и внучка-то меня любитъ, ну вотъ и пошла такая дружба, опять готовы подавать шубу и калоши! Охъ! знаю я ихъ, да скучно иной разъ одной сидѣть, глаза болятъ, читать трудно, да и не всегда хочется, я ихъ и пускаю, болтаютъ всякій вздоръ, развлеченіе, часъ, другой и пройдетъ...

Странная, оригинальная развалина другаго вѣка, окруженная выродившимся поколѣніемъ на безплодной и низкой почвѣ петербургской придворной жизни. Она чувствовала себя выше его и была права. Если она дѣлила сатурналіи Екатерины и оргіи Георга IV, то она же дѣлила опасность заговорщиковъ при Павлѣ.

Ея ошибка состояла не въ презрѣніи ничтожныхъ людей, а въ томъ, что она принимала произведенія дворцоваго огорода за все наше поколѣніе. При Екатеринѣ дворъ и гвардія въ самомъ дѣлѣ обнимали все образованное въ Россіи; больше или меньше это продолжалось до 1812 г. Съ тѣхъ поръ русское общество сдѣлало страшные успѣхи; война вызвала къ сознанію,

сознаніе къ 14 Декабрю, общество внутри раздвоилось: со стороны дворца остается не лучшее; казни и свирѣпыя мѣры отдалили однихъ, новый тонъ отдалилъ другихъ. Александръ продолжалъ образованныя традиціи Екатерины, при Николаѣ свѣтски-аристократическій тонъ замѣняется сухимъ, формальнымъ, дерзко-деспотическимъ съ одной стороны, и безпрекословно покорнымъ съ другой, смѣсь наполеоновской отрывистой и грубой манеры съ чиновничьимъ бездушіемъ. Новое общество, средоточіе котораго въ Москвѣ, быстро развилось.

Есть удивительная книга, которая поневолѣ приходитъ въ голову, когда говоришь объ Ольгѣ Александровнѣ. Это записки княгини Дашковой, напечатаныя лѣтъ двадцать тому назадъ въ Лондонѣ. Къ этой книгѣ приложены записки двухъ сестеръ Вильмотъ, жившихъ у Дашковой между 1805 и 1810 годами. Обѣ ирландки, очень образованныя и одаренныя большимъ талантомъ наблюденія. Мнѣ чрезвычайно хотѣлось бы, чтобъ ихъ письма и записки были извѣстны у насъ.

Сравнивая московское общество передъ 1812 г. съ тѣмъ, которое я оставилъ въ 1847 году, сердце бьется отъ радости. Мы сдѣлали страшный шагъ впередъ. Тогда было общество недовольныхъ, т. е. отставныхъ, удаленныхъ, отправленныхъ на покой; теперь есть общество *независимыхъ*. Тогдашніе львы были капризные олигархи, графъ А. Г. Орловъ, Остерманъ, „общество тѣней,“ какъ говоритъ Miss Willmot, общество государственныхъ людей, умершихъ въ Петербургѣ лѣтъ пятнадцать тому назадъ и продолжавшихъ пудриться, покрывать себя лентами и являться на обѣды и пиры въ Москвѣ, будируя, важничая и не имѣя ни силы, ни смысла. Московскіе львы съ 1825 года были: Пушкинъ,

М. Орловъ, Чаадаевъ, Ермоловъ. Тогда общество съ подобострастіемъ толпилось въ домѣ графа Орлова, дамы „въ чужихъ брильянтахъ,“ *), кавалеры, *не смѣя садиться* безъ разрѣшенія; передъ ними графская дворня танцовала въ маскарадныхъ платьяхъ. Сорокъ лѣтъ спустя, я видѣлъ тоже общество, толпившееся около каѳедры одной изъ аудиторій московскаго университета; дочери дамъ въ чужихъ каменьяхъ, сыновья людей не смѣвшихъ сѣсть, съ страстнымъ сочувствіемъ слѣдили за энергической, глубокой рѣчью Грановскаго, отвѣчая взрывами рукоплесканій на каждое слово, глубоко потрясавшее сердца смѣлостью и благородствомъ.

Вотъ этого-то общества, которое съѣзжалось со всѣхъ сторонъ Москвы и тѣснилось около трибуны, на которой молодой воинъ науки велъ серьезную рѣчь и пророчилъ былымъ, этого общества не подозрѣвала Жеребцова. Ольга Александровна была особенно добра и внимательна ко мнѣ, потому что я былъ первый образчикъ міра, неизвѣстнаго ей; ее *удивилъ* мой языкъ и мои понятія. Она во мнѣ оцѣнила возникающіе всходы другой Россіи, не той, на которую весь свѣтъ падалъ изъ замерзшихъ оконъ зимняго дворца. Спасибо ей и за то!

Я могъ бы написать цѣлый томъ анекдотовъ, слышанныхъ мною отъ Ольги Александровны; съ кѣмъ и кѣмъ она не была въ сношеніяхъ. отъ графа д'Артуа и Сегюра до лорда Гернвиля и Каннинга, и притомъ она смотрѣла на всѣхъ независимо, по своему и очень оригинально. Ограничусь однимъ небольшимъ случаемъ, который постараюсь передать ея собственными словами.

Она жила на Морской. Разъ какъ-то шелъ полкъ съ музыкой по улицѣ, Ольга Александровна подошла къ

*) Миссъ Вильмотъ.

окну и, глядя на солдатъ, сказала мнѣ: „У меня дача есть недалеко отъ Гатчины, лѣтомъ иногда я ѣзжу туда отдохнуть. Передъ домомъ я велѣла сдѣлать большой скверъ, знаете, эдакъ на англійскій манеръ, покрытый дерномъ. Въ запрошлый годъ пріѣзжаю я туда; представьте себѣ: часовъ въ шесть утромъ, слышу я страшный трескъ барабановъ, лежу ни живая, ни мертвая въ постели; все ближе, да ближе; звоню, прибѣжала моя калмычка: Что, мать моя, это случилось, спрашиваю я, шумъ какой? — Да это, говоритъ, Михаила Павловичъ изволитъ солдатъ учить. — Гдѣ это? — На нашемъ дворѣ. Понравился скверъ, гладко и зелено. Представьте себѣ, дама живетъ, старуха, больная, а онъ въ шесть часовъ въ барабанъ. Ну, думаю, это пустяки, позови дворецкаго—пришелъ дворецкій, я ему говорю, ты сейчасъ вели заложить тележку, да поѣзжай въ Петербургъ и найми сколько найдешь бѣлоруссовъ, да чтобъ завтра и начали копать прудъ; ну, думаю, авось *навальнаго* ученія не дадутъ подъ моими окнами. Все это невоспитанные люди!“

... Естественно, что я прямо отъ графа Строгонова поѣхалъ къ Ольгѣ Александровнѣ и разсказалъ ей все случившееся.

— Господи, какія глупости, отъ часу не легче, замѣтила она, выслушавши меня. Какъ это можно съ фамиліей тащиться въ ссылку изъ такихъ пустяковъ. Дайте, я переговорю съ Орловымъ, я рѣдко его о чемъ нибудь прошу, они всѣ не любятъ этого; ну, да иной разъ можетъ-же сдѣлать что нибудь. Побывайте-ка у меня денька черезъ два, я вамъ отвѣтъ сообщу.

Черезъ день утромъ, она прислала за мной. Я засталъ у нея нѣсколько человѣкъ гостей. Она была повязана бѣлымъ батистовымъ платкомъ вмѣсто чепчика,

это обыкновенно было признакомъ, что она не въ духѣ, щурила глаза и не обращала почти никакого вниманія на тайныхъ совѣтниковъ и явныхъ генераловъ, приходившихъ свидѣтельствовать свое почтеніе.

Одинъ изъ гостей съ предовольнымъ видомъ вынулъ изъ кармана какую-то бумажку и, подавая ее Ольгѣ Александровнѣ, сказалъ: „Я вамъ привезъ вчерашній рескриптъ князю Петру Михайловичу, можетъ, вы не изволили еще читать?“

Слышала ли она или нѣтъ, я не знаю, но только она взяла бумагу, развернула ее, надѣла очки и, морщась, съ страшными усиліями, прочла: „Кня — зь, Пе — тръ Ми—хайло—вичъ!“ Что вы это мнѣ даете?... А?... это не ко мнѣ?

— Я вамъ докладывалъ-съ, это рескриптъ...

— Боже мой, у меня глаза болятъ, я не всегда могу читать письма, адресованныя ко мнѣ, а вы заставляете чужія письма читать.

— Позвольте, я прочту... я право не подумалъ.

И полноте, что трудиться по напрасну, какое мнѣ дѣло до ихъ переписки; доживаю кое-какъ послѣдніе дни, совсѣмъ не тѣмъ голова занята.

Господинъ улыбнулся, какъ улыбаются люди, попавшіе въ просакъ и положилъ рескриптъ въ карманъ.

Видя, что Ольга Александровна въ дурномъ расположеніи духа и въ очень воинственномъ, гости одинъ за другимъ откланялись. Когда мы остались одни, она сказала мнѣ: „Я просила васъ сюда зайти, чтобъ сказать вамъ, что я на старости лѣтъ дурой сдѣлалась, наобѣщала вамъ, да ничего и не сдѣлала; не спросясь броду-то и не надобно соваться въ воду, знаете, по мужицкой пословицѣ. Говорила вчера съ Орловымъ объ вашемъ дѣлѣ, и не ждите ничего...“

Въ это время офиціантъ доложилъ, что графиня Орлова пріѣхала.

— Ну, это ничего, свои люди, сейчасъ доскажу.

Графиня, красивая женщина и еще въ цвѣтѣ лѣтъ, подошла къ рукѣ и освѣдомилась о здоровьѣ, на что Ольга Адександровна отвѣчала, что чувствуетъ себя очень дурно, потомъ, назвавши меня, прибавила ей: ну сядь, сядь, другъ мой. Что дѣтки, здоровы?

— Здоровы.

— Ну, слава Богу, извини меня, я, вотъ, разсказываю о вчерашнемъ. Такъ вотъ, видите, я говорю ея мужу-то, чтобы тебѣ сказать государю, ну, какъ это пустяки такіе дѣлаютъ? Куда ты! руками и ногами уперся; это, говоритъ, по части Бекендорфа, съ нимъ, пожалуй, я переговорю, а докладывать государю не могу, онъ не любитъ, да у насъ это и не заведено. Что же это за чудо, говорю я ему, поговорить съ Бекендорфомъ? Я это и сама умѣю. Да и онъ-то что ужъ изъ ума выжилъ, самъ не знаетъ что дѣлаетъ, все актриски на умѣ, кажется, ужъ и не подъ лѣта волочиться; а тутъ какой-нибудь секретаришка у него дѣлаетъ доносы всякіе, а онъ и подаетъ. Что же-онъ сдѣлаетъ? Нѣтъ, ужъ ты лучше, говорю, не срами себя, что-же тебѣ просить Бекендорфа, онъ же все и напакостилъ. — У насъ, говоритъ, ужъ такъ заведено, и пошелъ мнѣ тутъ разсказывать... Ну, вижу, что онъ просто боится идти къ государю... Что онъ у васъ это, звѣрь что ли какой, что подойти страшно, и какъ-же всякій день вы его пять разъ видите, молвила я, да такъ и махнула рукой; поди съ ними толкуй. Посмотрите, прибавила она, указывая мнѣ на портретъ Орлова, экой бравой представленъ какой, а боится слово сказать!

Вмѣсто портрета, я не могъ удержаться, чтобъ не посмотрѣть на графиню Орлову; положеніе ея было не изъ самыхъ пріятныхъ. Она сидѣла улыбаясь и иногда взглядывала на меня, какъ бы говоря: лѣта имѣютъ свои права, старушка раздражена; но, встрѣчая мой взглядъ, не подтверждавшій того, она дѣлала видъ, будто не замѣчаетъ меня. Въ рѣчь она не вступала, и это было очень умно. Ольгу Александровну унять было бы трудно, у старухи разгорѣлись щеки, она дала бы тяжелую сдачу. Надобно было прилечь и ждать, чтобъ вихрь пронесся черезъ голову.

— Вѣдь это, чай, у васъ тамъ, гдѣ вы это были, въ этой въ Вологдѣ, писаря думаютъ—графъ Орловъ случайный человѣкъ, въ силѣ... Все это вздоръ, это подчиненные его небось распускаютъ слухъ. Всѣ они не имѣютъ никакого вліянія, они не такъ себя держутъ и не на такой ногѣ, чтобъ имѣть вліяніе... Вы уже меня простите, взялась не за свое дѣло; знаете, что я вамъ посовѣтую? Что вамъ въ Новгородъ ѣздить! Поѣзжайте лучше въ Одессу, подальше отъ нихъ, и городъ почти иностранный, да и Воронцовъ, если не испортился, человѣкъ другаго „режиму.“

Довѣріе къ Воронцову, который тогда былъ въ Петербургѣ и всякій день ѣздилъ къ Ольгѣ Александровнѣ, не вполнѣ оправдалось; онъ хотѣлъ меня взять съ собой въ Одессу, *если* Бенкендорфъ изъявитъ согласіе.

... Между-тѣмъ прошли мѣсяцы, прошла и зима, никто мнѣ не напоминалъ объ отъѣздѣ, меня забыли и я ужъ пересталъ быть sur le qui vive, особенно послѣ слѣдующей встрѣчи. Вологодскій военный губернаторъ Болговскій былъ тогда въ Петербургѣ; очень короткій знакомый моего отца, онъ довольно любилъ меня и я бывалъ у него иногда. Онъ участвовалъ въ убійствѣ

Павла, будучи молодымъ семеновскимъ офицеромъ и потомъ былъ замѣшанъ въ непонятное и необъясненное дѣло Сперанскаго въ 1812 году. Онъ былъ тогда полковникомъ въ дѣйствующей арміи, его вдругъ арестовали, свезли въ Петербургъ, потомъ сослали въ Сибирь. Онъ не успѣлъ доѣхать до мѣста, какъ Александръ простилъ его, и онъ возвратился въ свой полкъ. Разъ весною прихожу я къ нему; спиною къ дверямъ въ большихъ креслахъ сидѣлъ какой-то генералъ, мнѣ не было видно его лица, а только одинъ серебряный эполетъ.—Позвольте мнѣ представить—сказалъ Болговскій и тутъ я разглядѣлъ Дуббельта.

— Я давно имѣю удовольствіе пользоваться вниманіемъ Леонтья Васпльевича, сказалъ я улыбаясь.

— Вы скоро ѣдете въ Новгородъ? спросилъ онъ меня.

— Я полагалъ, что мнѣ надобно у васъ спросить объ этомъ.

— Ахъ, помилуйте, я совсѣмъ не думалъ напомнпать вамъ, я васъ просто такъ спросилъ. Мы васъ передали съ рукъ на руки графу Строгонову, и не очень торопимъ, какъ видите, сверхъ того такая законная причина, какъ болѣзнь вашей супруги..... (Учтивѣйшій въ мірѣ человѣкъ!)

Наконецъ, въ началѣ Іюня, я получилъ сенатскій указъ объ утвержденіи меня совѣтникомъ новогородскаго губернскаго правленія. Графъ Строгоновъ думалъ, что пора отправляться, и я явился около 1 Іюля въ Богомъ и св. Софіей хранимый градъ Новгородъ и поселился на берегу Волхова, противъ самого того кургана, откуда волтеріанцы XII столѣтія бросили въ рѣку *чудотворную* статую Перуна.

ГЛАВА XXVII.

Губернское правленіе—Я у себя подъ надзоромъ—Духоборцы и Павелъ—Отеческая власть помѣщиковъ и помѣщицъ—Графъ Аракчеевъ и военныя поселенія—Канибальское слѣдствіе—Отставка.

Передъ моимъ отъѣздомъ графъ Строгоновъ сказалъ мнѣ, что новгородскій военный губернаторъ, *Эльпидифоръ Антіоховичъ* Зуровъ, въ Петербургѣ, что онъ говорилъ ему о моемъ назначеніи и совѣтовалъ съѣздить къ нему. Я нашелъ въ немъ довольно простаго и добродушнаго генерала очень армейской наружности, небольшаго роста и среднихъ лѣтъ. Мы поговорили съ нимъ съ полчаса, онъ привѣтливо проводилъ меня до дверей и тамъ мы разстались.

Пріѣхавши въ Новгородъ, я отправился къ нему — перемѣна декорацій была удивительна. Въ Петербургѣ губернаторъ былъ въ гостяхъ, здѣсь — дома; онъ даже ростомъ, казалось мнѣ, былъ побольше въ Новгородѣ. Не вызванный ничѣмъ съ моей стороны, онъ счелъ нужнымъ сказать, что онъ не терпитъ, чтобъ совѣтники подавали голосъ и оставались бы письменно при своемъ мнѣніи, что это задерживаетъ дѣла, что если что не такъ, то можно переговорить, а какъ на *мнѣнія* пойдетъ, то тотъ или другой долженъ выйдти въ отставку. Я улыбаясь замѣтилъ ему, что меня трудно испугать отставкой, что отставка единственная цѣль моей службы, и прибавилъ, что пока горькая необходимость заставляетъ меня служить въ Новгородѣ, я вѣроятно не буду имѣть случая подавать своихъ мнѣній.

Разговора этого было совершенно достаточно для обоихъ. Выходя отъ него я рѣшился не сближаться съ нимъ. Сколько я могъ замѣтить впечатлѣніе, произведенное мною на губернатора, было въ томъ же родѣ, какъ то, которое онъ произвелъ на меня, т. е. мы на столько терпѣть не могли другъ друга, на сколько это возможно было при такомъ недавнемъ и поверхностномъ знакомствѣ.

Когда я присмотрѣлся къ дѣламъ губернскаго правленія, я увидѣлъ, что мое положеніе не только очень непріятно, но чрезвычайно опасно. Каждый совѣтникъ отвѣчалъ за свое отдѣленіе и дѣлилъ отвѣтственность за всѣ остальныя. Читать бумаги по всѣмъ отдѣленіямъ было рѣшительно невозможно, надобно было подписывать на вѣру. Губернаторъ, послѣдовательный своему мнѣнію, что совѣтникъ никогда не долженъ совѣтовать, подписывалъ, противно смыслу и закону, первый послѣ совѣтника того отдѣленія, по которому было дѣло. Лично для меня это было превосходно, въ его подписи я находилъ нѣкоторую гарантію, потому что онъ дѣлилъ отвѣтственность и потому еще, что онъ часто, съ особеннымъ выраженіемъ, говорилъ о своей высокой честности и робеспьеровской неподкупности. Что касается до подписей другихъ совѣтниковъ, онѣ мало успокоивали. Люди эти были закаленные, старые писцы, дослужившіеся десятками лѣтъ до совѣтничества, жили они одной службой, т. е. одними взятками. Пѣнять на это нечего; совѣтникъ помнится получалъ 1,200 руб. асс. въ годъ; семейному человѣку продовольствоваться этимъ невозможно. Когда они поняли, что я не буду участвовать ни въ дѣлежѣ общихъ добычъ, ни самъ грабить, они стали на меня смотрѣть какъ на непрошеннаго гостя и опаснаго свидѣтеля.

Они не очень сближались со мной, особенно когда разглядѣли, что между мной и губернаторомъ дружба была очень умѣренная. Другъ друга они берегли и предостерегали, до меня имъ дѣла не было.

Къ тому же мои почтенные сослуживцы не боялись большихъ денежныхъ взысканій и начетовъ, потому что у нихъ ничего не было. Они могли рисковать, и тѣмъ больше, чѣмъ важнѣе было дѣло; будетъ ли начетъ въ 500 рублей или въ 500,000, для нихъ было все равно. Доля жалованья шла въ случаѣ начета на уплату казнѣ и могла длиться двѣсти, триста лѣтъ, еслибъ чиновникъ длился такъ долго. Обыкновенно или чиновникъ умиралъ или государь — и тогда наслѣдникъ на радостяхъ прощалъ долги. Такіе манифесты являются часто и при жизни того же государя, по поводу рожденія, совершеннолѣтія и всякой всячины; они на нихъ считали. У меня же напротивъ, захватили бы ту часть имѣнья и тотъ капиталъ, который отецъ мой отдѣлилъ мнѣ.

Еслибъ я могъ положиться на своихъ столоначальниковъ, дѣло было бы легче. Я сдѣлалъ многое для того, чтобъ привязать ихъ, обращался учтиво, помогалъ имъ денежно и довелъ только до того, что они перестали меня слушаться; они только боялись совѣтниковъ, которые обращались съ ними какъ съ мальчишками, и стали въ полпьяно приходить на службу. Это были бѣднѣйшіе люди, безъ всякаго образованія, безъ всякихъ надеждъ; вся поэтическая сторона ихъ существованія ограничивалась маленькими трактирами и настойкой. По своему отдѣленію стало быть приходилось тоже быть на сторожѣ.

Сначала губернаторъ мнѣ далъ IV отдѣленіе, тутъ откупныя дѣла и всякія денежныя. Я просилъ его пе-

ремѣнить, онъ не хотѣлъ, говорилъ, что не имѣетъ права перемѣнить безъ воли другаго совѣтника. Я въ присутствіи губернатора, спросилъ совѣтника II отдѣленія, онъ согласился и мы помѣнялись. Новое отдѣленіе было меньше заманчиво; тамъ были паспорты, всякіе циркуляры, дѣла о злоупотребленіи помѣщичьей власти, о раскольникахъ, фальшивыхъ монетчикахъ и людяхъ, находящихся подъ полицейскимъ надзоромъ.

Нелѣпѣе, глупѣе ничего нельзя себѣ представить; я увѣренъ, что три четверти людей, которые прочтутъ это, не повѣрятъ,*) а между тѣмъ это сущая правда, что я, какъ совѣтникъ губернскаго правленія, управляющій вторымъ отдѣленіемъ, свидѣтельствовалъ каждые три мѣсяца рапортъ полицмейстера *о самомъ себѣ*, какъ о человѣкѣ, находившемся подъ полицейскимъ надзоромъ. Полицмейстеръ, изъ учтивости, въ графѣ поведенія ничего не писалъ, а въ графѣ занятій ставилъ: „Занимается государственной службой.“ Вотъ до какихъ геркулесовскихъ столбовъ безумія можно доправиться, имѣя двѣ, три полиціи враждебныя другъ другу, канцелярскія формы вмѣсто законовъ и фельдфебельскія понятія вмѣсто правительственнаго ума.

Нелѣпость эта напоминаетъ мнѣ случай, бывшій въ Тобольскѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Гражданскій губернаторъ былъ въ ссорѣ съ вицъ-губернаторомъ, ссора шла на бумагѣ, они другъ другу писали всякія приказныя колкости и остроты. Вицъ-губернаторъ былъ тяжелый педантъ, формалистъ, добрякъ изъ семинаристовъ, онъ самъ составлялъ съ большимъ трудомъ свои

*) Это до такой степени справедливо, что какой то нѣмецъ, разъ десять ругавшій меня въ Morning Advertiser, приводилъ въ доказательство того, что я не былъ въ ссылкѣ то, что я занималъ должность совѣтника губернскаго правленія.

язвительные отвѣты и разумѣется, цѣлью своей жизни дѣлалъ эту ссору. Случилось, что губернаторъ уѣхалъ на время въ Петербургъ. Вице-губернаторъ занялъ его должность и въ качествѣ губернатора получилъ отъ себя дерзкую бумагу, посланную наканунѣ; онъ, не задумавшись, велѣлъ секретарю отвѣчать на нее, подписалъ отвѣтъ и получивъ его какъ вице-губернаторъ, снова принялся съ усиліями и напряженіями строчить самому себѣ оскорбительное письмо. Онъ считалъ это высокой честностью.

Съ полгода вытянулъ я лямку въ губернскомъ правленіи, тяжело было и крайне скучно. Всякій день въ 11 часовъ утра надѣвалъ я мундиръ, прицѣплялъ статскую шпаженку и являлся въ присутствіе. Въ 12 приходилъ военный губернаторъ; не обращая никакого вниманія на совѣтниковъ, онъ шелъ прямо въ уголъ и тамъ ставилъ свою саблю, потомъ, посмотрѣвши въ окно и поправивъ волосы, онъ подходилъ къ своимъ кресламъ и кланялся присутствующимъ. Едва вахмистръ съ страшными сѣдыми усами, стоявшими перпендикулярно къ губамъ, торжественно отворялъ дверь и брянчанье сабли становилось слышно въ канцеляріи, совѣтники вставали и оставались стоя въ согбенномъ положеніи до тѣхъ поръ, пока губернаторъ кланялся. Одно изъ первыхъ дѣйствій опозиціи съ моей стороны, состояло въ томъ, что я не принималъ участія въ этомъ соборномъ возстаніи и благочестивомъ ожиданіи, а спокойно сидѣлъ и кланялся ему тогда, когда онъ кланялся намъ.

Большихъ преній, горячихъ разсужденій не было; рѣдко случалось, чтобъ совѣтникъ спрашивалъ предварительно мнѣнія губернатора, еще рѣже обращался губернаторъ къ совѣтникамъ съ дѣловымъ вопросомъ.

Передъ каждымъ лежатъ ворохъ бумаги и каждый писалъ свое имя—это была фабрика подписей.

Помня знаменитое изрѣченіе Талейрана, я не старался особенно блеснуть усердіемъ, и занимался дѣлами насколько было нужно, чтобъ не получить замѣчанія или не попасть въ бѣду. Но въ моемъ отдѣленіи было два рода дѣлъ, на которыя я не считалъ себя въ правѣ смотрѣть такъ поверхностно, это были дѣла о раскольникахъ и о злоупотребленіи помѣщичьей власти.

У насъ раскольниковъ не постоянно гонятъ, такъ вдругъ *найдетъ* что-то на Синодъ или на министерство вн. д., они и сдѣлаютъ набѣгъ на какой-нибудь скитъ, на какую нибудь общину, ограбятъ ее и опять затихнутъ. Раскольники обыкновенно имѣютъ смышленныхъ агентовъ въ Петербургѣ, они предупреждаютъ оттуда объ опасности, остальные тотчасъ собираютъ деньги, прячутъ книги и образа, поятъ православнаго попа, поятъ православнаго исправника, даютъ выкупъ; тѣмъ дѣло и кончается лѣтъ на десять.

Въ новгородской губерніи, въ царствованіе Екатерины, было много духоборцевъ.*) Ихъ начальникъ старый ямской голова, чуть-ли не въ Зайцовѣ, пользовался огромнымъ почетомъ. Когда Павелъ ѣхалъ короноваться въ Москву, онъ велѣлъ позвать къ себѣ старика, вѣроятно съ цѣлью обратить его. Духоборцы какъ квекеры не снимаютъ шапки—съ покрытой головой взошелъ сѣдой старецъ къ гатчинскому императору. Этого онъ вынести не могъ. Мелкая и щепетильная обидчивость особенно поразительна въ Павлѣ и во всѣхъ его сыновьяхъ, кромѣ Александра; имѣя въ рукахъ дикую власть, они не имѣютъ даже того звѣринаго сознанія

*) Духоборцевъ-ли я не увѣренъ.

силы, которое удерживаетъ большую собаку отъ нападеній на маленькую.

— Передъ кѣмъ ты стоишь въ шапкѣ? — закричалъ Павелъ, отдуваясь и со всѣми признаками бѣшеной ярости:—Ты знаешь меня?

— Знаю — отвѣчалъ спокойно раскольникъ — ты Павелъ Петровичъ.

— Въ цѣпи его; въ каторжную работу, въ рудники! продолжалъ *рыцарственный* Павелъ. Старика схватили, и императоръ велѣлъ *зажечь* съ четырехъ концовъ село, а жителей выслать въ Сибирь на поселеніе. На слѣдующей станціи, кто-то изъ его приближенныхъ, бросился къ его ногамъ и сказалъ ему, что онъ осмѣлился пріостановить исполненіе высочайшей воли и ждетъ, чтобъ онъ повторилъ ее. Павелъ нѣсколько отрезвѣлъ и понялъ, что странно рекомендоваться народу, выжигая селенія и ссылая безъ суда въ рудники. Онъ велѣлъ Синоду разобрать дѣло крестьянъ, а старика сослать на пожизненное заточеніе въ Спасо-Ефимьевской монастырь; онъ думалъ, что православные монахи домучатъ его лучше каторжной работы; но онъ забылъ, что наши монахи не только православные, но люди любящіе деньги и водку; а раскольники водки не пьютъ и денегъ не жалѣютъ.

Старикъ прослылъ у духоборцевъ святымъ; со всѣхъ концовъ Россіи ходили духоборцы на поклоненіе къ нему, цѣною золота покупали они къ нему доступъ. Старикъ сидѣлъ въ своей кельи, одѣтый весь въ бѣломъ, его друзья обили полотномъ стѣны и потолокъ. Послѣ его смерти они выпросили дозволеніе схоронить его тѣло съ родными и торжественно пронесли его на рукахъ отъ Владиміра до новгородской губерніи. Одни духоборцы знаютъ, гдѣ онъ схороненъ, они увѣрены,

что онъ при жизни имѣлъ уже даръ дѣлать чудеса и что его тѣло нетлѣнно.

Я все это слышалъ долею отъ владимірскаго губернатора И. Е. Куруты, долею отъ ямщиковъ въ Новгородѣ и наконецъ отъ посошника въ Спасо-Ефимьевскомъ монастырѣ. Теперь въ этомъ монастырѣ нѣтъ больше политическихъ арестантовъ, хотя тюрьма и наполнена разными попами, церковниками, непокорными, сыновьями, на которыхъ жаловались родители и пр. Архимандритъ, плечистый, высокій мущина въ мѣховой шапкѣ, показывалъ намъ тюремной дворъ. Когда онъ взошелъ, унтеръ-офицеръ съ ружьемъ подошелъ къ нему и рапортовалъ: „Вашему преосвященству честь имѣю донести, что по тюремному замку все обстоитъ благополучно, арестантовъ столько то.“ Архимандритъ въ отвѣтъ благословилъ его,—что за путаница!

Дѣла о раскольникахъ были такого рода, что всего лучше было ихъ совсѣмъ не подымать вновь, я ихъ просмотрѣлъ и оставилъ въ покоѣ. Напротивъ, дѣла о злоупотребленіи помѣщичьей власти слѣдовало сильно перетряхнуть; я сдѣлалъ все, что могъ и одержалъ нѣсколько побѣдъ на этомъ вязкомъ поприщѣ, освободилъ отъ преслѣдованія одну молодую дѣвушку и отдалъ подъ опеку одного морскаго офицера. Это, кажется, единственная заслуга моя по служебной части.

Какая-то барыня держала у себя горничную, не имѣя на нее никакихъ документовъ, горничная просила разобрать ея права на вольность. Мой предшественникъ благоразумно придумалъ до рѣшенія дѣла оставить ее у помѣщицы въ полномъ повиновеніи. Мнѣ слѣдовало подписать; я обратился къ губернатору и замѣтилъ ему, что незавидна будетъ судьба дѣвушки у

ея барыни послѣ того, какъ она подавала на нее просьбу.

— Что-же съ ней дѣлать?

— Содержать въ части.

— На чей счетъ?

— На счетъ помѣщицы, если дѣло кончится противъ нея.

— А если нѣтъ?

По счастію въ это время взошелъ губернскій прокуроръ. Прокуроръ по общественному положенію, по служебнымъ отношеніямъ, по пуговицамъ на мундирѣ, долженъ быть врагомъ губернатора, по-крайней-мѣрѣ во всемъ перечить ему. Я нарочно при немъ продолжалъ разговоръ; губернаторъ началъ сердиться, говорилъ, что все дѣло не стоитъ трехъ словъ. Прокурору было совершенно все равно, что будетъ и какъ будетъ съ просительницей, но онъ тотчасъ взялъ мою сторону и привелъ десять разныхъ пунктовъ изъ свода законовъ. Губернаторъ, которому въ сущности еще больше было все равно, сказалъ мнѣ, насмѣшливо улыбаясь, „тутъ выходъ одинъ или къ барынѣ или въ острогъ.“

— Разумѣется лучше въ острогъ, замѣтилъ я.

— Будетъ сообразнѣе съ смысломъ, изображенномъ въ сводѣ законовъ, замѣтилъ прокуроръ.

— Пусть будетъ по вашему, сказалъ еще болѣе смѣясь губернаторъ; услужили вы вашей *протеже;* какъ посидитъ въ тюрьмѣ нѣсколько мѣсяцевъ, поблагодарить васъ.

Я не продолжалъ пренія, цѣль моя была спасти дѣвушку отъ домашнихъ преслѣдованій; помнится, мѣсяца черезъ два ее выпустили совсѣмъ на волю.

Между нерѣшенными дѣлами моего отдѣленія была сложная и длившаяся нѣсколько лѣтъ переписка о буй-

ствѣ и всякихъ злодѣйствахъ въ своемъ имѣніи отставнаго морскаго офицера Струговщикова. Дѣло началось по просьбѣ его матери, потомъ крестьяне жаловались. Съ матерью онъ какъ-то поладилъ, а крестьянъ самъ обвинилъ въ намѣреніи его убить, не приводя впрочемъ никакихъ серьозныхъ доказательствъ. Между тѣмъ изъ показаній его матери и дворовыхъ людей видно было, что человѣкъ этотъ дѣлалъ всевозможныя неистовства. Больше года дѣло это спало сномъ праведныхъ; справками и ненужными перепиской можно всегда затянуть дѣло—и потомъ *почисливъ* рѣшеннымъ сдать въ архивъ. Надобно было сдѣлать представленіе въ Сенатъ, чтобъ его отдали подъ опеку, но для этого необходимъ отзывъ дворянскаго предводителя. Предводители обыкновенно отвѣчаютъ уклончиво, не желая потерять избирательный голосъ. Пустить дѣло въ ходъ совершенно зависѣло отъ моей воли, но надобенъ былъ coup de grace предводителя.

Новгородскій предводитель, милиціонный дворянинъ, съ владимірской медалью, встрѣчаясь со мной, чтобъ заявить начитанность, говорилъ книжнымъ языкомъ докарамзинскаго періода; указывая разъ на памятникъ, который новгородское дворянство воздвигнуло *самому себѣ*, въ награду за патріотизмъ въ 1812 г., онъ какъ то съ чувствомъ отзывался о такъ сказать трудной, священной и тѣмъ не менѣе лестной обязанности предводителя.

Все это было въ мою пользу.

Предводитель пріѣхалъ въ губернское правленіе для свидѣтельства въ сумасшествіи какого-то церковника; послѣ того, какъ всѣ предсѣдатели всѣхъ палатъ истощили весь запасъ глупыхъ вопросовъ, по которымъ сумасшедшій могъ заключить объ нихъ, что и они не

совсѣмъ въ своемъ умѣ, и церковника возвели окончательно въ должность безумнаго; я отвелъ предводителя въ сторону и разсказалъ ему дѣло. Предводитель жалъ плечами, показывалъ видъ негодованія, ужаса и кончилъ тѣмъ, что отозвался объ морскомъ офицерѣ, какъ объ отъявленномъ негодяѣ, „кладущемъ тѣнь на благородное общество новгородскаго дворянства.“

— Вѣроятно, сказалъ я, вы такъ и отвѣтите письменно, если мы васъ спросимъ?

Предводитель взятый въ расплохъ обѣщалъ отвѣчать по совѣсти, прибавивъ, „что честь и правдивость безпремѣнные атрибуты россейскаго дворянства.“

Сомнѣваясь немного въ безпремѣнности этихъ атрибутовъ, я таки пустилъ дѣло въ ходъ, предводитель сдержалъ слово. Дѣло пошло въ Сенатъ и я помню очень хорошо ту сладкую минуту, когда въ мое отдѣленіе былъ переданъ сенатскій указъ, назначавшій опеку надъ имѣніемъ моряка и отдававшій его подъ надзоръ полиціи. Морякъ былъ увѣренъ, что дѣло кончено, и какъ громомъ пораженный явился послѣ указа въ Новгородъ. Ему тотчасъ сказали какъ что было; яростный офицеръ собирался напасть на меня изъ-за угла, подкупить бурлаковъ и сдѣлать засаду, но непривычный къ сухопутнымъ кампаніямъ мирно скрылся въ какой-то уѣздный городъ.

По несчастію, „атрибутъ“ звѣрства, разврата и неистовства съ дворовыми и крестьянами, является „безпремѣннѣе“ правдивости и чести у нашего дворянства. Конечно, небольшая кучка образованныхъ помѣщиковъ не дерутся съ утра до ночи съ своими людьми, не сѣкутъ всякій день, да и то между ними бываютъ „Пѣночкины,“ остальные не далеко ушли еще отъ Салтычихи и американскихъ плантаторовъ.

Роясь въ дѣлахъ, я нашелъ переписку псковскаго губернскаго правленія о какой-то помѣщицѣ Ярыжкиной. Она засѣкла двухъ горничныхъ до смерти, попалась подъ судъ за третью и была почти совсѣмъ оправдана уголовной палатой, основавшей между прочимъ свое рѣшеніе на томъ, что третья горничная не умерла. Женщина эта выдумывала удивительнѣйшія наказанія— била утюгомъ, сучковатыми палками, валькомъ.

Не знаю, что сдѣлала горничная, о которой идетъ рѣчь, но барыня превзошла себя, она поставила ее на колѣни на драпь или на десницы, въ *которыхъ были набиты гвозди.* Въ этомъ положеніи она била ее по спинѣ и по головѣ валькомъ, и когда выбилась изъ силъ, позвала кучера на смѣну; по счастію, его не было въ людской, барыня вышла, а дѣвушка, полубезумная отъ боли, окровавленная, въ одной рубашкѣ, бросилась на улицу и въ частной домъ. Приставъ принялъ показанія, и дѣло пошло своимъ порядкомъ, полиція возилась, уголовная палата возилась съ годъ времени; наконецъ судъ, явнымъ образомъ закупленный, рѣшилъ премудро позвать мужа Ярыжкиной и внушить ему, чтобъ онъ удерживалъ жену отъ такихъ наказаній, а ее самое, оставя въ подозрѣніи, что она способствовала смерти двухъ горничныхъ, обязать подпиской, ихъ впредь не наказывать. На этомъ основаніи барынѣ отдавали несчастную дѣвушку, которая въ продолженіи дѣла содержалась гдѣ-то.

Дѣвушка, перепуганная будущностью, стала писать просьбу за просьбой; дѣло дошло до государя, онъ велѣлъ преслѣдовать его и прислалъ изъ Петербурга чиновника. Вѣроятно, средства Ярыжкиной не шли до подкупа столичныхъ, министерскихъ и жандармскихъ слѣдопроизводителей, и дѣло приняло иной оборотъ. Помѣщица от-

правилась въ Сибирь на поселеніе, ея мужъ былъ взятъ подъ опеку. Всѣ члены уголовной палаты отданы подъ судъ; чѣмъ ихъ дѣло кончилось, не знаю.

Я въ другомъ мѣстѣ*) разсказалъ о человѣкѣ, засѣченномъ княземъ Трубецкимъ и о камергерѣ Базилевскомъ, высѣченномъ своими людьми. Прибавлю еще одну дамскую исторію.

Горничная жены пензенскаго жандармскаго полковника несла чайникъ полный кипяткомъ; дитя ея барыни, бѣжавши, наткнулся на горничную и та пролила кипятокъ; ребенокъ былъ обваренъ. Барыня, чтобъ отомстить той же монетой, велѣла привести ребенка горничной и обварила ему руку изъ самовара... Губернаторъ Панчулидзевъ, узнавъ объ этомъ чудовищномъ происшествіи, душевно жалѣлъ, что находится въ деликатномъ отношеніи съ жандармскимъ полковникомъ и что, вслѣдствіе этого, считаетъ неприличнымъ начать дѣло, которое могутъ счесть за личность!

А тутъ чувствительныя сердца и начнутъ удивляться, какъ мужики убиваютъ помѣщиковъ съ цѣлыми семьями, какъ въ Старой Русѣ солдаты военныхъ поселеній избили всѣхъ русскихъ нѣмцевъ и нѣмецкихъ русскихъ.

Въ переднихъ и дѣвичьихъ, въ селахъ и полицейскихъ застѣнкахъ, схоронены цѣлые мартирологи страшныхъ злодѣйствъ, воспоминаніе объ нихъ бродитъ въ душѣ и поколѣніями назрѣваетъ въ кровавую, безпощадную месть, которую *предупредить легко*, а остановить, врядъ возможно-ли будетъ.

Старая Руса, военныя поселенія! — страшныя имена! Неужели исторія впередъ закупленная Аркачеевской

*) „Крещеная Собственность.“

наводкой!*) никогда не отдернетъ савана, подъ которымъ привительство спрятало рядъ злодѣйствъ, холодно, систематически совершенныхъ при введеніи поселеній. Мало-ли ужасовъ было вездѣ, но тутъ прибавился особый характеръ петербургско-гатчинскій, нѣмецко-татарскій. Мѣсяцы цѣлые продолжалось *забиваніе палками и засѣканіе розгами* непокорныхъ... полъ не просыхалъ отъ крови въ земскихъ избахъ и канцеляріяхъ... Всѣ преступленія, могущія случиться на этомъ клочкѣ земли, со стороны народа, противъ палачей, оправданы впередъ!

Монгольская сторона московскаго періода, исказившая славянскій характеръ русскихъ, фухтельное безчеловѣчье, исказившее петровскій періодъ, воплотилось во всей роскоши безобразія въ графѣ Аракчеевѣ. Аракчеевъ, безъ сомнѣнія, одно изъ самыхъ гнусныхъ лицъ, всплывшихъ послѣ Петра I на вершины русскаго правительства; этотъ

Холопъ вѣнчаннаго солдата,

какъ сказалъ объ немъ Пушинъ, былъ идеаломъ образцоваго капрала, такъ какъ онъ носился въ мечтахъ отца Фридриха II; нечеловѣческая преданность, механическая исправность, точность хронометра, никакого чувства, рутина и дѣятельность, ровно столько ума, сколько нужно для исполнителя, и ровно столько честолюбія, зависти, желчи, чтобъ предпочитать власть деньгамъ. Такіе люди кладъ для царей. Только мелкой злопамятностью Николая и можно объяснить, что онъ не употребилъ никуда Аракчеева, а ограничился его подмастерьями.

*) Аракчеевъ положилъ, кажется, 100,000 рублей въ Ломбардъ для выдачи черезъ сто лѣтъ съ процентами тому, кто напишетъ лучшую исторію Александра I.

Павелъ открылъ Аракчеева по сочувствію. Александръ, пока еще у него былъ стыдъ, не очень приближалъ его; но, увлеченный фамильной страстью къ выправкѣ и фрунту, онъ ввѣрилъ ему походную канцелярію. О побѣдахъ этого генерала отъ артиллеріи, мы мало слышали;*) онъ исполнялъ больше статскія должности въ военной службѣ, его сраженія давались на солдатской спинѣ, его враги приводились къ нему въ цѣпяхъ, они впередъ были побѣждены. Въ послѣдніе годы Александра, Аракчеевъ управлялъ всей Россіей. Онъ мѣшался во все, на все имѣлъ право и бланковыя подписи. Разслабленный и впадавшій въ мрачную меланхолію, Александръ поколебался немного между княземъ А. Н. Голицынымъ и Аракчеевымъ и, естественно, склонился окончательно на сторону послѣдняго.

Во время таганрогской поѣздки Александра, въ имѣньи Аракчеева, въ Грузинѣ, дворовые люди убили любовницу графа; это убійство подало поводъ къ тому слѣдствію, о которомъ съ ужасомъ до сихъ поръ, т. е. черезъ семнадцать лѣтъ, говорятъ чиновники и жители Новгорода.

Любовница Аракчеева, шестидесятилѣтняго старика, его крѣпостная дѣвка, тѣснила дворню, дралась, ябедничала, а графъ поролъ по ея доносамъ. Когда всякая мѣра терпѣнія была перейдена, поваръ ее зарѣзалъ. Преступленіе было такъ ловко сдѣлано, что никакихъ слѣдовъ виновника не было.

*) Аракчеевъ былъ жалкій трусъ, объ этомъ говоритъ гр. Толь въ своихъ запискахъ и статсъ-секретарь Марченко въ небольшомъ разсказѣ о 14 Декабрѣ, помѣщенномъ въ Полярной Звѣздѣ. Я слышалъ о томъ, какъ онъ прятался во время старо-русскаго возстанія и какъ былъ безъ души отъ страха отъ инженерскаго генерала Рейхеля.

Но виновный былъ нуженъ для мести нѣжнаго старика, онъ бросилъ дѣла всей имперіи и прискакалъ въ Грузино. Середь пытокъ и крови, середь стона и предсмертныхъ криковъ, Аракчеевъ, повязанный окровавленнымъ платкомъ, снятымъ съ трупа наложницы, писалъ къ Александру чувствительныя письма и Александръ отвѣчалъ ему: „Пріѣзжай отдохнуть на груди твоего друга отъ твоего несчастья.“ Должно быть, баронетъ Вилье былъ правъ, что у императора передъ смертію вода разлилась въ мозгу.

Но виновные не открывались. Русскій человѣкъ удивительно умѣетъ молчать.

Тогда, совершенно бѣшеный, Аракчеевъ явился въ Новгородъ, куда привели толпу мучениковъ. Желтый и почернѣлый, съ безумными глазами и все еще повязанный кровавымъ платкомъ, онъ началъ новое слѣдствіе; тутъ эта исторія принимаетъ чудовищные размѣры. Человѣкъ восемдесятъ были захвачены вновь. Въ городѣ брали людей по одному слову, по малѣйшему подозрѣнію, за дальнее слово. Проѣзжіе были схвачены и брошены въ острогъ; купцы, писаря ждали по недѣлямъ въ части допроса. Жители прятались по домамъ, боялись ходить по улицамъ; о самой исторіи никто не осмѣливался поминать.

Клейнмихель, служившій при Аракчеевѣ, участвовалъ въ этомъ слѣдствіи...

Губернаторъ превратилъ свой домъ въ застѣнокъ, съ утра до ночи возлѣ его кабинета пытали людей. Старорусскій исправникъ, человѣкъ привычный къ ужасамъ, наконецъ изнемогъ, и когда ему велѣли допрашивать подъ розгами молодую женщину, беременную во второй половинѣ, у него не достало силъ. Онъ взошелъ къ губернатору, это было при старикѣ Поповѣ, кото-

рый мнѣ разсказывалъ. и сказалъ ему, что эту женщину невозможно сѣчь, что это прямо противно закону; губернаторъ вскочилъ съ своего мѣста и, бѣшеный отъ злобы, бросился на исправника съ *поднятымъ кулакомъ*: „Я васъ сейчасъ велю арестовать, я васъ отдамъ подъ судъ, вы *измѣнникъ*.“ Исправникъ былъ арестованъ и подалъ въ отставку; душевно жалѣю, что не знаю его фамиліи, да будутъ ему прощены его прежніе грѣхи за эту минуту, скажу просто, геройства; съ такими разбойниками вовсе была не шутка показать человѣческое чувство.

Женщину пытали, она ничего не знала о дѣлѣ... однакожъ умерла.

Да и „благословенный“ Александръ умеръ. Не зная, что будетъ далѣе, эти изверги сдѣлали послѣднее усиліе и добрались до виновнаго; его, разумѣется, приговорили къ кнуту. Середь торжества слѣдопроизводителей пришелъ приказъ Николая отдать ихъ подъ судъ и остановить все дѣло.

Губернатора велѣно было судить Сенату...*) оправдать его даже тамъ нельзя было. Но Николай издалъ милостивый манифестъ послѣ коронаціи, подъ него не подошли друзья Пестеля и Муравьева, подъ него подошелъ этотъ мерзавецъ. Черезъ два-три года онъ же былъ судимъ въ Тамбовѣ за злоупотребленіе власти въ своемъ имѣньи; да, онъ *подошелъ* подъ манифестъ Николая, онъ былъ ниже его.

Въ началѣ 1842 года я былъ до невозможности утомленъ губернскимъ правленіемъ и придумывалъ предлогъ какъ бы отдѣлаться отъ него. Пока я выбиралъ то

*) Чрезвычайно досадно, что я забылъ имя этого достойнаго начальника губерніи, помнится, его фамилья Жеребцовъ.

одно, то другое средство, случай совершенно внѣшній рѣшилъ за меня.

Разъ въ холодное, зимнее утро пріѣзжаю я въ правленіе, въ передней стоитъ женщина лѣтъ тридцати, крестьянка; увидавши меня въ мундирѣ, она бросилась передо мной на колѣни и, обливаясь слезами, просила меня заступиться. Барынъ ея Мусинъ-Пушкинъ ссылалъ ее съ мужемъ на поселеніе, ихъ сынъ лѣтъ 10 оставался, она умоляла дозволить ей взять съ собой дитя. Пока она мнѣ разсказывала дѣло, взошелъ военный губернаторъ, я указалъ ей на него и передалъ ея просьбу. Губернаторъ объяснилъ ей, что дѣти старше десяти лѣтъ оставляются у помѣщика. Мать, не понимая глупаго закона, продолжала просить, ему было скучно, женщина рыдая цѣплялась за его ноги, и онъ сказалъ, грубо отталкивая ее отъ себя, „да что ты за дура такая, вѣдь по русски тебѣ говорю, что я ничего не могу сдѣлать, что-же ты пристаешь.“ Послѣ этого онъ пошелъ твердымъ и рѣшительнымъ шагомъ въ уголъ, гдѣ ставилъ саблю.

И я пошелъ..... съ меня было довольно...., развѣ эта женщина не приняла меня *за одного изъ нихъ?* пора кончить комедію.

— Вы нездоровы? — спросилъ меня совѣтникъ Хлопинъ, переведенный изъ Сибири за какіе-то грѣхи.

— Болѣнъ, отвѣчалъ я, всталъ, раскланялся и уѣхалъ. Въ тотъ-же день написалъ я рапортъ о моей болѣзни и съ тѣхъ поръ нога моя не была въ губернскомъ правленіи. Потомъ я подалъ въ отставку „за болѣзнію.“ Отставку мнѣ Сенатъ далъ, присовокупивъ къ ней чинъ *надворнаго совѣтника*; но Бенкендорфъ съ тѣмъ вмѣстѣ сообщилъ губернатору, что мнѣ запре-

щенъ въѣздъ въ столицы и велѣно жить въ Новгородѣ.

Огаревъ, возвратившійся изъ первой поѣздки за границу, принялся хлопотать въ Петербургѣ, чтобъ намъ было разрѣшено переѣхать въ Москву. Я мало вѣрилъ успѣху такого протектора и страшно скучалъ въ дрянномъ городишкѣ съ огромнымъ историческимъ именемъ. Между-тѣмъ Огаревъ все обдѣлалъ. I Іюля 1842 года императрица, пользуясь семейнымъ праздникомъ, просила государя разрѣшить мнѣ жительство въ Москвѣ, взявъ во вниманіе болѣзнь моей жены и ея желаніе переѣхать туда. Государь согласился и черезъ три дня моя жена получила отъ Бенкендорфа письмо, въ которомъ онъ сообщалъ, что мнѣ разрѣшено сопровождать ее въ Москву, вслѣдствіе предстательства государыни. Онъ заключилъ письмо пріятнымъ извѣщеніемъ, что полицейскій надзоръ будетъ продолжаться и тамъ.

Новгородъ я оставлялъ безъ всякаго сожалѣнія и торопился какъ можно скорѣе уѣхать. Впрочемъ, при разлукѣ съ нимъ, случилось чуть-ли не единственно пріятное происшествіе въ моей новгородской жизни.

У меня не было денегъ! ждать изъ Москвы я не хотѣлъ, а потому и поручилъ Матвѣю сыскать мнѣ тысячи полторы р. асс. Матвѣй черезъ часъ явился съ содержателемъ гостинницы Гибинымъ, котораго я зналъ и у котораго въ гостинницѣ жилъ съ недѣлю. Гибинъ толстый купецъ съ добродушнымъ видомъ, кланяясь подалъ пачку ассигницій. — Сколько желаете процентовъ? — спросилъ я его. — Да я видите, отвѣчалъ Гибинъ, этимъ дѣломъ не занимаюсь и въ припенть денегъ не даю, а такъ какъ наслышалъ отъ Матвѣя Савельевича, что вамъ нужны деньги на мѣсяцъ, на

другой, а мы вами оченно довольны, а деньги слава богу свободныя есть — я и принесъ.

Я поблагодарилъ его и спросилъ, что онъ желаетъ, простую росписку, или вексель? но Гибинъ и на это отвѣчалъ: Дѣло излишнее, я вашему слову вѣрю больше чѣмъ гербовой бумагѣ.

— Помилуйте, да вѣдь могу-же я умереть.

— Ну такъ къ горести объ вашей кончинѣ, прибабылъ Гибинъ смѣясь, не много прибудетъ отъ потери денегъ.

Я былъ тронутъ и вмѣсто росписки горячо пожалъ ему руку. Гибинъ по русскому обычаю обнялъ меня и сказалъ: „Мы вѣдь все смѣкаемъ, знаемъ, что служили-то вы поневолѣ и что вели себя не то что другіе, прости господи, чиновники, и за нашего брата и за черный народъ заступались, вотъ я и радъ, что потрафился случай сослужить службу.“

Когда мы поздно вечеромъ выѣзжали изъ города, ямщикъ осадилъ лошадей противъ гостинницы и тотъ-же Гибинъ подалъ мнѣ на дорогу тортъ величиною съ колесо...

Вотъ моя „пряжка за службу!“

ГЛАВА XXVIII.

Grubelei — Москва послѣ ссылки — Покровское — Смерть Матвѣя — Іерей Іоаннъ.

Жизнь наша въ Новгородѣ шла не хорошо. Я пріѣхалъ туда не съ самоотверженіемъ и твердостью, а съ

досадой и озлобленіемъ. Вторая ссылка съ своимъ пошлымъ характеромъ раздражала больше, чѣмъ огорчала; она не была до того несчастна, чтобы поднять духъ, а только дразнила, въ ней не было ни интереса новости, ни раздраженія опасности. Одного губернскаго правленія, съ своимъ Эльпидифоромъ Антіоховичемъ Зуровымъ, совѣтникомъ Хлопинымъ и вице-губернаторомъ Пименомъ Араповымъ, было за глаза довольно, чтобы отравить жизнь.

Я сердился; грустное расположеніе брало верхъ у Natalie. Нѣжная натура ея, привыкнувшая въ дѣтствѣ къ печали и слезамъ, снова отдавалась себя-буравящей тоскѣ. Она долго останавливалась на мучительныхъ мысляхъ, легко пропуская все свѣтлое и радостное. Жизнь становилась сложнѣе, струнъ было больше, а съ ними и больше тревоги. Вслѣдъ за болѣзнью Саши — испугъ III Отдѣленія, несчастные роды, смерть младенца. Смерть младенца едва чувствуется отцомъ, забота о родильницѣ заставляетъ почти забывать промелькнувшее существо, едва успѣвшее проплакать и взять грудь. Но для матери, новорожденный — старый знакомый, она давно *чувствовала* его, между ними была физическая, химическая, нервная связь; сверхъ того младенецъ для матери выкупъ за тяжесть беременности, за страданія родовъ, безъ него мученія лишенныя цѣли оскорбляютъ, безъ него ненужное молоко бросается въ мозгъ.

Послѣ кончины Natalie я нашелъ между ея бумагами записочку, о которой я совсѣмъ забылъ. Это были нѣсколько строкъ, написанныхъ мною за часъ или за два до рожденія Саши. Это была молитва, благословеніе, посвященіе неродившагося существа на „службу человѣчества,“ обреченіе его на „трудный путь.“

Съ другой стороны было написано рукой Natalie: „1 Января 1841. Вчера Александръ далъ мнѣ этотъ листокъ; лучшаго подарка онъ не могъ сдѣлать, этотъ листокъ разомъ вызвалъ всю картину трехлѣтняго счастья, безпрерывнаго, безпредѣльнаго, основаннаго на одной любви.

„Такъ перешли мы въ новый годъ; что бы ни ждало насъ въ немъ, я склоняю голову и говорю за насъ обоихъ: да будетъ Твоя воля!

„Мы встрѣчали новый годъ дома, уединенно; только А. Л. Витбергъ былъ у насъ. Недоставало маленькаго Александра въ кружкѣ нашемъ, малютка покоился безмятежнымъ сномъ, для него еще не существуетъ ни прошедшаго, ни будущаго. Спи, мой ангелъ, беззаботно, я молюсь о тебѣ — и о *тебѣ*, дитя мое, еще неродившееся, но котораго я уже люблю всей любовью матери, твое движеніе, твой трепетъ такъ много говорятъ моему сердцу. Да будетъ твое пришествіе въ міръ радостно и благословенно!“

Но благословеніе матери не сбылось: младенецъ былъ казненъ Николаемъ. Мертвящая рука русскаго самодержца замѣшалась и тутъ—и тутъ задушила!

Смерть малютки не прошла ей даромъ.

Съ грустью и взошедшей внутрь злобой переѣхали мы въ Новгородъ.

Правда того времени, такъ какъ она тогда понималась, безъ искуственной перспективы, которую даетъ даль, безъ охлажденія временемъ, безъ исправленнаго освѣщенія лучами, проходящими черезъ ряды другихъ событій, сохранилась въ записной книгѣ того времени. Я собирался писать журналъ, начиналъ много разъ и никогда не продолжалъ. Въ день моего рожденія въ Новгородѣ Natalie подарила мнѣ бѣлую книгу, въ ко-

торой я иногда писалъ, что было на сердцѣ или въ головѣ.

Книга эта уцѣлѣла.*) На первомъ листѣ Natalie написала: „Да будутъ всѣ страницы той книги и всей твоей жизни свѣтлы и радостны!“

А черезъ три года она прибавила на ея послѣднемъ листѣ:

„Въ 1842 я желала, чтобъ всѣ страницы твоего дневника были свѣтлы и безмятежны; прошло три года съ тѣхъ поръ и оглянувшись назадъ, я не жалѣю, что желаніе мое не исполнилось — и наслажденіе и страданіе необходимо для полной жизни, а успокоеніе ты найдешь въ моей любви къ тебѣ, въ любви, которой исполнено все существо мое, вся жизнь моя.“

„Миръ прошедшему и благословеніе грядущему! *25 Марта 1845, Москва.*“

Вотъ что тамъ записано 4 Апрѣля 1842 года:

„Господи, какая невыносимая тоска! слабость ли это или мое законное право? Неужели мнѣ считать жизнь оконченною, неужели всю готовность труда, всю необходимость обнаруженія держать подъ спудомъ, пока потребности заглохнутъ и тогда начать пустую жизнь. Можно было бы жить съ единой цѣлью внутренняго образованія, но середь кабинетныхъ занятій является та же ужасная тоска. Я долженъ обнаруживаться — ну пожалуй по той же необходимости, по которой пищитъ сверчокъ... и еще годы надобно таскать эту тяжесть!“

И будто самъ испугавшись, я выписалъ вслѣдъ за тѣмъ стихи Гёте:

Gut verloren — etwas verloren,
Ehre verloren — viel verloren,

*) Этотъ журналъ напечатанъ въ I т. полн. собр. сочиненій. Изд.

Musst Ruhm gewinnen,
Da werden die Leute sich anders besinnen.
Muth verloren — a l l e s verloren,
Da wære es besser nicht geboren.

и потомъ:

...„Мои плечи ломятся, но еще несутъ!“

...„Поймутъ ли, оцѣнятъ ли грядущіе люди весь ужасъ, всю трагическую сторону нашего существованія? а между тѣмъ наши страданія — почки, изъ которыхъ разовьется ихъ счастіе. Поймутъ ли они отчего мы лѣнтяи, ищемъ всякихъ наслажденій, пьемъ вино, и пр.? Отчего руки не подымаются на большой трудъ, отчего въ минуту восторга не забываемъ тоски? Пусть же они остановятся съ мыслью и съ грустью передъ камнями, подъ которыми мы уснемъ: мы заслужили ихъ грусть!

...„Я не могу долго пробыть въ моемъ положеніи, я задохнусь—и какъ бы ни вынырнуть, лишь бы вынырнуть. Писалъ къ Дуббельту (просилъ его, чтобъ онъ выхлопоталъ мнѣ право переѣхать въ Москву). Написавши такое письмо, я дѣлаюсь болѣнъ, on se sent flétri. Вѣроятно это чувство, которое испытываютъ публичныя женщины, продаваясь первые раза за деньги...“*)

И вотъ эту то досаду, этотъ строптивый крикъ нетерпѣнія, эту тоску по *свободной дѣятельности*, чувство цѣпей на ногахъ—Natalie приняла иначе.

Часто заставалъ я ее у кроватки Саши съ заплаканными глазами; она увѣряла меня, что все это отъ разстроенныхъ нервовъ, что лучше этого не замѣчать, не спрашивать... я вѣрилъ ей.

Разъ возвратился я домой поздно вечеромъ; она была уже въ постелѣ, я взошелъ въ спальную. На сердцѣ

*) Эти отрывки помѣщены здѣсь авторомъ въ нѣсколько измѣненномъ видѣ (см. Т. I, стр. 5 и 7).

у меня было скверно. Ф. пригласилъ меня къ себѣ, чтобъ сообщить мнѣ свое подозрѣніе на одного изъ нашихъ общихъ знкомыхъ, что онъ въ сношеніяхъ съ полиціей. Такого рода вещи обыкновенно щемятъ душу, не столько возможной опасностью, сколько чувствомъ нравственнаго отвращенія.

Я ходилъ молча по комнатѣ, перебирая слышанное мною, вдругъ мнѣ показалось, что Natalie плачетъ; я взялъ ея платокъ—онъ былъ совершенно взмоченъ слезами. „Что съ тобой?“ спросилъ я, испуганный и потрясенный.

Она взяла мою руку и голосомъ, полнымъ слезъ, сказала мнѣ: „Другъ мой, я скажу тебѣ правду; можетъ это самолюбіе, эгоизмъ, сумасшествіе, но я чувствую, вижу, что не могу развлечь тебя; тебѣ скучно,—я понимаю это, я оправдываю тебя, но мнѣ больно, больно и я плачу. Я знаю, что ты меня любишь, что тебѣ меня жаль, но ты не знаешь, откуда у тебя тоска, откуда это чувство пустоты, ты чувствуешь бѣдность твоей жизни—и въ самомъ дѣлѣ, что я могу сдѣлать для тебя?“

Я былъ похожъ на человѣка, котораго вдругъ разбудили середь ночи и сообщили ему, прежде чѣмъ онъ совсѣмъ проснулся, что-то страшное: онъ уже испуганъ, дрожитъ, но еще не понимаетъ въ чемъ дѣло. Я былъ такъ вполнѣ покоенъ, такъ увѣренъ въ нашей полной, глубокой любви, что и не говорилъ объ этомъ, это было великое *подразумѣваемое* всей жизни нашей; покойное сознаніе, безпредѣльная увѣренность, исключающая сомнѣніе, даже неувѣренность въ себѣ — составляли основную стихію моего личнаго счастья. Покой, отдохновеніе, художественная сторона жизни, все это было— какъ передъ нашей встрѣчей на кладбищѣ 9 Мая 1838,

какъ въ началѣ владимірской жизни—въ ней, въ ней и въ ней!

Мое глубокое огорченіе, мое удивленіе сначала разсѣяли эти тучи, но черезъ мѣсяцъ, черезъ два, онѣ стали возвращаться. Я успокоивалъ ее, утѣшалъ, она сама улыбалась надъ черными призраками и снова солнце освѣщало нашъ уголокъ; но только что я забывалъ ихъ, они опять подымали голову, совершенно ничѣмъ не вызванные, и когда они проходили, я впередъ боялся ихъ возвращенія.

Таково было расположеніе духа, въ которомъ мы, въ Іюлѣ 1842 года, переѣхали въ Москву.

Московская жизнь, сначала слишкомъ разсѣянная, не могла благотворно дѣйствовать, ни успокоить. Я не только не помогъ ей въ это время, а напротивъ далъ поводъ развиться сильнѣе и глубже всѣмъ Grübelei...

. . . . . .

Грустно сосредоточивалась Natalie больше и больше — вѣра ея въ меня поколебалась, идолъ былъ разрушенъ.

Это былъ кризисъ, болѣзненный переходъ изъ юности въ совершеннолѣтіе. Она не могла сладить съ мыслями, точившими ее, она была больна, худѣла — испуганный, упрекая себя, стоялъ я возлѣ и видѣлъ, что той самодержавной власти, съ которой я могъ прежде заклинать мрачныхъ духовъ, у меня нѣтъ больше, мнѣ было больно это и безконечно жаль ее.

Говорятъ, что дѣти ростутъ въ болѣзняхъ; въ эту психическую болѣзнь, которая поставила ее на край чахотки, она выросла колосально. Вмѣсто утренняго, яркаго, но косаго освѣщенія, она входила этимъ скорбнымъ путемъ въ свѣтлый полдень. Организмъ вынесъ — это только и было нужно. Не утрачивая ни одной

іоты женственности, она мыслью развилась съ необычайной смѣлостью и глубиной. Тихо и съ самоотверженной улыбкой склонялась она передъ неотвратимымъ, безъ романтическаго ропота, безъ личной строптивости и безъ кичливаго удовольствія съ другой стороны.

Не въ книгѣ и книгой освободилась она, а ясновидѣніемъ и жизнью. Неважныя испытанія, горькія столкновенія, которыя для многихъ прошли бы безслѣдно, провели сильныя бразды въ ея душѣ и были достаточнымъ поводомъ внутренней глубокой работы. Довольно было легкаго намека, чтобъ отъ послѣдствія къ послѣдствію, она доходила до того безбоязненнаго пониманья истины, которое тяжело ложится и на мужскую грудь. Она грустно разставалась съ своимъ иконостасомъ, въ которомъ стояло такъ много завѣтныхъ святынь, облитыхъ слезами печали и радости; она покидала ихъ не краснѣя, какъ краснѣютъ большія дѣвочки своей вчерашней куклы. Она не отвернулась отъ нихъ, она ихъ уступила съ болью, зная, что она станетъ отъ этого бѣднѣе, беззащитнѣе, что кроткій свѣтъ мерцающихъ лампадъ замѣнится сѣрымъ разсвѣтомъ, что она дружится съ суровыми, равнодушными силами, глухими къ лепету молитвы, глухими къ загробнымъ упованіямъ. Она тихо отняла ихъ отъ груди, какъ умершее дитя, и тихо опустила ихъ въ гробъ, уважая въ нихъ прошлую жизнь, поэзію, данную ими, ихъ утѣшенія въ иныя минуты. Она и послѣ не любила холодно касаться до нихъ, такъ какъ мы минуемъ безъ нужды ступать на земляную насыпь могилы.

При этой сильной внутренней работѣ, при этой ломкѣ и перестройкѣ всѣхъ убѣжденій, явилась естественная потребность отдыха и одиночества.

Мы уѣхали въ подмосковную моего отца.

И какъ только мы очутились одни, окруженные деревьями и полями, — мы широко вздохнули и опять свѣтло взглянули на жизнь. Мы жили въ деревнѣ до поздней осени. Изрѣдка пріѣзжали гости изъ Москвы, К. гостилъ съ мѣсяцъ, всѣ друзья явились къ 26 Августа; потомъ опять тишина, тишина, и лѣсъ и поля—и никого кромѣ насъ.

Уединенное Покровское, потерянное въ огромныхъ лѣсныхъ дачахъ имѣло совершенно другой характеръ, гораздо больше серьезный, чѣмъ весело брошенное на берегу Москвы рѣки Васильевское съ своими деревнями. Разница эта даже была замѣтна между крестьянами. Покровскіе мужички, задвинутые лѣсами, меньше васильевскихъ походили на подмосковенныхъ, не смотря на то, что жили двадцатью верстами ближе къ Москвѣ. Они были тише, проще и чрезвычайно тѣсно сжились между собой. Мой отецъ переселилъ въ Покровское одну богатую крестьянскую семью изъ Васильевскаго, но они никогда не считали эту семью за принадлежащую къ ихъ селу, и называли ихъ „посельщиками.“

Съ Покровскимъ я тоже былъ тѣсно соединенъ всѣмъ дѣтствомъ, тамъ я бывалъ даже такимъ ребенкомъ, что и не помню, а потомъ съ 1821 года, почти всякое лѣто, отправляясь въ Васильевское или изъ Васильевскаго, мы заѣзжали туда на нѣсколько дней. Тамъ жилъ старикъ Кашенцовъ, разбитый параличемъ, въ опалѣ съ 1813 года и мечталъ увидѣть своего барина съ кавалеріями и регаліями; тамъ жилъ и умеръ потомъ, въ холеру 1831, почтенный, сѣдой староста съ брюшкомъ Василій Яковлевъ, котораго я помнилъ во всѣ свои возрасты и во всѣ цвѣта его бороды, сперва темно-русой потомъ совершенно сѣдой; тамъ былъ молочный братъ мой Никифоръ, гордившійся тѣмъ, что для меня отняли

молоко его матери, умершей впослѣдствіи въ домѣ умалишенныхъ...

Небольшое село изъ какихъ нибудь двадцати или двадцати пяти дворовъ стояло въ нѣкоторомъ разстояніи отъ довольно большаго господскаго дома. Съ одной стороны былъ расчищенный и обнесенный рѣшеткой полукруглый лугъ — съ другой видъ на запруженую рѣчку, для предполагаемой лѣтъ за пятнадцать тому назадъ мельницы, и на покосившуюся, ветхую деревянную церковь, которую ежегодно собирались поправить тоже лѣтъ пятнадцать, сенаторъ и мой отецъ, владѣвшіе этимъ имѣньемъ собща.

Домъ, построенный сенаторомъ, былъ очень хорошъ, высокія комнаты, большія окна, и съ обѣихъ сторонъ сѣни въ родѣ террасъ. Онъ былъ построенъ изъ отборныхъ толстыхъ бревенъ, ничѣмъ не покрытыхъ ни снаружи, ни внутри, и только проконопаченныхъ паклей и мохомъ. Стѣны эти пахли смолой, выступавшей тамъ-сямъ янтарнымъ пòтомъ. Передъ домомъ за небольшимъ полемъ начинался темный, строевой лѣсъ, черезъ него шелъ просѣкъ въ Звенигородъ; по другую сторону тянулась селомъ и пропадала во ржи пыльная, тонкая тесемка проселочной дороги, выходившей черезъ майковскую фабрику—на Можайку. Дубравный покой и дубравный шумъ, безпрерывное жужжаніе мухъ, пчелъ, шмелей... и запахъ... этотъ травянолѣсной запахъ, насыщенный растительными испареніями, листомъ а не цвѣтами... котораго я такъ жадно искалъ и въ Италіи, и въ Англіи, и весной и жаркимъ лѣтомъ, и почти никогда не находилъ. Иногда будто пахнетъ имъ, послѣ скошеннаго сѣна, при широкко, передъ грозой. . . и вспомнится небольшое мѣстечко передъ домомъ, на которомъ къ великому оскорбленію старосты и дворовыхъ

людей, я не велѣлъ косить траву подъ гребенку: на травѣ трехлѣтній мальчикъ, валяющійся въ клеверѣ и одуванчикахъ, между кузнечиками, всякими жуками и божьими коровками, и мы сами, и молодость, и друзья!

Солнце сѣло, еще очень тепло, домой идти не хочется, мы сидимъ на травѣ. К. разбираетъ грибы и бранится со мной безъ причины. Что это будто колокольчикъ? къ намъ что ли? Сегодня суббота, можетъ быть. — „Исправникъ ѣдетъ куда нибудь“ говоритъ К., подозрѣвая, что это не онъ. Тройка катитъ селомъ, стучитъ по мосту, ушла за пригорокъ, тутъ одна дорога и есть — къ намъ. Пока мы бѣжимъ на встрѣчу, тройка у подъѣзда; Михаилъ Семеновичъ какъ лавина уже скатился съ нея, смѣется, цалуется и моритъ со смѣха, въ то время какъ Бѣлинскій, проклиная даль Покровскаго, устройство русскихъ тѣлегъ, русскихъ дорогъ, еще слѣзаетъ, расправляя поясницу. А К. уже бранитъ ихъ: „Да что васъ эта нелегкая принесла въ восемь часовъ вечера, не могли раньше ѣхать, все привередникъ Бѣлинскій, не можетъ рано встать. Вы что смотрѣли!“

— Да онъ еще больше одичалъ у тебя, говоритъ Бѣлинскій, да и волосы какіе отрастилъ! Ты К. могъ бы въ Макбетѣ представлять подвижной лѣсъ. Погоди не истощай всего запаса ругательствъ, есть злодѣи, которые позже нашего пріѣзжаютъ.

Другая тройка уже загибаетъ ма дворъ, Грановскій, Е. К.

— На долго-ли вы?

— На два дни.

— Превосходно! и самъ К. радъ до того, что встрѣ-

чаетъ ихъ почти такъ, какъ Тарасъ Бульба своихъ сыновей.

Да, это была одна изъ свѣтлыхъ эпохъ нашей жизни, отъ прошлыхъ бурь едва оставались изчезавшіе облака; дома, въ кругу друзей, была полная гармонія!

А чуть было нелѣпая случайность не перепортила все.

Какъ-то вечеромъ, Матвѣй, при насъ показывая Сашѣ что-то на плотинѣ, поскользнулся и упалъ въ воду съ мелкой стороны. Саша перепугался, бросился къ нему, когда онъ вышелъ, вцѣпился въ него ручонками и повторялъ сквозь слезы: „Не ходи, не ходи, ты утонешь!“ Никто не думалъ, что эта дѣтская ласка будетъ для Матвѣя послѣдняя и что въ словахъ Саши заключалось для него страшное пророчество.

Измокшій и замарвашійся Матвѣй пошелъ спать — и мы больше не видали его.

На другое утро, я стоялъ на балконѣ, часовъ въ семь, послышались какіе-то голоса, больше и больше, нестройные крики и вслѣдъ за тѣмъ показались мужики, бѣжавшіе стремглавъ: „что у васъ тамъ?“ — „Да бѣда, отвѣчали они, человѣкъ-отъ вашъ никакъ тонетъ... одного во время вытащили, а другого не могутъ сыскать. Я бросился къ рѣкѣ. Староста былъ на лицо и распоряжался безъ сапогъ, и съ засученными портками; двое мужиковъ съ комяги забрасывали неводъ. Минутъ черезъ пять они закричали: Нашли, нашли! и вытащили на берегъ мертвое тѣло Матвѣя. Цвѣтущій юноша этотъ, красивый, краснощекій, лежалъ съ открытыми глазами безъ выраженія жизни и ужъ нижняя часть лица начала вздуваться. Староста положилъ тѣло на берегу, строго наказалъ мужикамъ не дотрогиваться,

набросилъ на него армякъ, поставилъ караульнаго и послалъ за земской полиціей...

Когда я возвратился домой, я встрѣтился съ Natalie; она уже знала что случилось, и рыдая бросилась ко мнѣ.

Жаль, очень жаль намъ было Матвѣя. Матвѣй въ нашей небольшой семьѣ игралъ такую близкую роль, былъ такъ тѣсно связанъ со всѣми главными событіями ея послѣднихъ пяти лѣтъ и такъ искренно любилъ насъ, что потеря его не могла легко пройти.

„Можетъ, писалъ я тогда, для него смерть благо, жизнь ему сулила страшные удары, у него не было выхода. Но страшно быть свидѣтелемъ такого спасенія отъ будущаго. Онъ развился подъ моимъ вліяніемъ, но слишкомъ поспѣшно, его развитіе мучило его своей неравномѣрностью.“

Печальная сторона въ судьбѣ Матвѣя, состояла именно въ разрывѣ, который неосторожное развитіе внесло въ его жизнь, и въ немогутѣ наполнить его, въ отсутствіи твердой воли одолѣть имъ. Благородныя чувства и нѣжное сердце въ немъ были сильнѣе ума и характера. Онъ быстро, *по женски*, почуялъ многое, особенно изъ нашего воззрѣнія; но смиренно возвратиться къ началамъ, къ азбукѣ и выполнить ученіемъ пустоты и пробѣлы, онъ не былъ въ состояніи. Званія своего онъ не любилъ, да и не могъ любить. Общественное неравенство нигдѣ не является съ такимъ унижающимъ, оскорбительнымъ характеромъ, какъ въ отношеніи между бариномъ и слугой. Ротшильдъ на улицѣ гораздо ровнѣе съ нищимъ, который стоитъ съ метлой и разметаетъ передъ нимъ грязь, чѣмъ съ своимъ камердинеромъ въ шелковыхъ чулкахъ и бѣлыхъ перчаткахъ.

Жалобы на слугъ, которыя мы слышимъ ежедневно, также справедливы, какъ жалобы слугъ на господъ, и это не потому, чтобъ тѣ и другіе сдѣлались хуже, а потому что ихъ отношеніе больше и больше приходитъ въ сознаніе. Оно удручительно для слуги, и развращаетъ барина.

Мы такъ привыкли къ нашему аристократическому отношенію къ прислугѣ, что вовсе его не замѣчаемъ. Сколько есть на свѣтѣ барышень добрыхъ и чувствительныхъ, готовыхъ плакать о зябнущемъ щенкѣ, отдать нищему послѣдніе деньги, готовыхъ ѣхать въ трескучій морозъ на томболу въ пользу раззоренныхъ въ Сиріи, на концертъ, дающійся для погорѣлыхъ въ Абиссиніи, и которыя, прося маменьку, еще остаться на кадриль, ни разу не подумали о томъ, какъ малютка форейторъ мерзнетъ на ночномъ морозѣ, сидя верхомъ съ застывающей кровью въ жилахъ.

Гнусно отношеніе господъ съ слугами. Работникъ покрайней-мѣрѣ знаетъ свою работу, онъ что нибудь дѣлаетъ, онъ что нибудь можетъ сдѣлать поскорѣе, и тогда онъ правъ, наконецъ онъ можетъ мечтать, что самъ будетъ хозяиномъ. Слуга не можетъ кончить своей работы, онъ въ бѣличьемъ колесѣ; жизнь соритъ, соритъ безпрестанно, слуга безпрестанно подчищаетъ за ней. Онъ *долженъ* взять на себя всѣ мелкія неудобства жизни, всѣ грязныя, всѣ скучныя ея стороны. На него надѣваютъ ливрею, чтобъ показать что онъ *не самъ, а чей то*. Онъ ухаживаетъ за человѣкомъ вдвое больше здоровымъ чѣмъ онъ самъ, онъ долженъ ступать въ грязь, чтобъ тотъ сухо прошелъ, онъ долженъ мерзнуть, чтобъ тому было тепло.

Ротшильдъ не дѣлаетъ нищаго ирландца свидѣтелемъ своего лукуловскаго обѣда, онъ его не посылаетъ на-

ливать двадцати человѣкамъ Clos de Vougeot, съ подразумѣваемымъ замѣчаніемъ, что если онъ нальетъ себѣ, то его прогонятъ какъ вора. Наконецъ ирландецъ, тѣмъ уже счастливѣе комнатнаго раба, что онъ не знаетъ, какія есть мягкія кровати и пахучія вины.

Матвѣю было лѣтъ 15, когда онъ перешелъ ко мнѣ отъ Зоненберга. Съ нимъ я жилъ въ ссылкѣ, съ нимъ во Владимірѣ; онъ намъ служилъ въ то время, когда мы были безъ денегъ. Онъ какъ нянька ходилъ за Сашей, наконецъ онъ имѣлъ ко мнѣ безграничное довѣріе и слѣпую преданность, которыя шли изъ пониманья, что *я не въ самомъ дѣлѣ баринъ*. Его отношеніе ко мнѣ больше походило на то, которое встарь бывало между учениками итальянскихъ художниковъ и ихъ maestri. Я часто былъ имъ недоволенъ, но вовсе не какъ слугой... я печально смотрѣлъ на его будущность; чувствуя тягость своего положенія, страдая объ этомъ, онъ ничего не дѣлалъ, чтобъ выйти изъ него. Въ его лѣта, еслибъ онъ хотѣлъ заниматься, онъ могъ бы начать новую жизнь; но для этого-то и надобенъ былъ постоянный, настойчивый трудъ, часто скучный, часто дѣтскій. Его чтеніе ограничивалось романами и стихами; онъ ихъ понималъ, цѣнилъ, иногда очень вѣрно, но серьезныя книги его утомляли. Онъ медленно и плохо считалъ, дурно и нечетко писалъ. Сколько я ни настаивалъ, чтобъ онъ занялся ариѳметикой и чистописаніемъ, не могъ дойти до этого: вмѣсто русской грамматики, онъ брался то за французскую азбуку, то за нѣмецкіе діалоги, разумѣется, это было потерянное время и только обезкураживало его. Я его сильно бранилъ за это, онъ огорчался, иногда плакалъ, говорилъ, что онъ несчастный человѣкъ, что ему учиться поздно и доходилъ иногда до такого отчаянія, что желалъ

умереть, бросалъ всѣ занятія, и недѣли, мѣсяцы проводилъ въ скукѣ и праздности.

Съ посредственными способностями безъ большого размаха, можно было бы еще сладить. Но по несчастію у этихъ психически тонко развитыхъ, но мягкихъ натуръ, большею частію сила тратится на то, чтобъ ринуться впередъ, а на то, чтобъ продолжать путь, ея и нѣтъ. Издали — образованіе, развитіе представляются имъ съ своей поэтической стороны, ее то они и хотѣли бы захватить, забывая, что имъ не достаетъ всей технической части дѣла — doigté, безъ котораго инструментъ все-таки не покоряется.

Часто спрашивалъ я себя, не ядовитый-ли даръ для него, его полуразвитіе? Что то ждетъ его въ будущемъ?

Судьба разрубила гордіевъ узелъ!

Бѣдный Матвѣй! Къ тому же и самые похороны его, были окружены при всемъ подавляющемъ, угрюмомъ характерѣ, скверной обстановкой и притомъ совершенно отечественной.

Къ полудню пріѣхалъ становой и писарь, съ ними явился и нашъ сельскій священникъ, горькій пьяница и старый старикъ. Они освидѣтельствовали *тѣло*, взяли допросы и сѣли въ залѣ писать. Попъ, ничего не писавшій и ничего не читавшій, надѣлъ на носъ большіе серебрянные очки, и сидѣлъ молча вздыхая, зѣвая и крестя ротъ, потомъ вдругъ обратился къ старостѣ, и сдѣлавши движеніе, какъ будто нестерпимо болитъ поясница, спросилъ его: „А что Савелій Гавриловичъ, закусочка будетъ?“

Староста, важный мужикъ, произведеннный сенаторомъ и моимъ отцемъ въ старосты, за то что онъ былъ *хорошій плотникъ*, не изъ той деревни (слѣдственно

ничего въ ней не зналъ) и былъ очень краспвъ собой, не смотря на шестой десятокъ — погладилъ свою бороду расчесанную вѣеромъ, и такъ какъ ему до этого никакого дѣла не было, отвѣчалъ густымъ басомъ, посматривая на меня изъ подлобья: „ А ужъ это не могимъ доложить-съ!“

— Будетъ, отвѣчалъ я, и позвалъ человѣка.

— Благодареніе господу богу; да и пора, рано встаю, Лександръ Ивановичъ, такъ и отощалъ.

Становой положилъ перо и потирая руки сказалъ, прихорашиваясь; „У насъ кажись отецъ то Іоаннъ взалкалъ; дѣло доброе-съ, коли хозяинъ не прогнѣвается, можно-съ.“

Человѣкъ принесъ холодную закуску, сладкой водки, настойки и хересу.

— Благословите-ка батюшка, яко пастырь и покажите примѣръ, а мы грѣшные за вами — замѣтилъ становой.

Попъ съ поспѣшностію, и съ какой-то чрезвычайно сжатой молитвой, хватилъ винную рюмку сладкой водки, взялъ крошечной верешокъ хлѣба въ ротъ, погрызъ его и въ туже минуту выпилъ другую, и потомъ уже тихо и продолжительно занялся ветчиной.

Становой — и это мнѣ особенно врѣзалось въ память, повторяя тоже сладкую водку, былъ ею доволенъ и обращаясь ко мнѣ съ видомъ знатока замѣтилъ: „Полагаю-съ, что допелькюмель у васъ отъ вдовы Руже-съ?“ — Я не имѣлъ понятія гдѣ покупали водку и велѣлъ подать полуштофъ, дѣйствительно водка была отъ вдовы Руже. Какую практику надобно было имѣть, чтобъ различить *по букету* водки — имя заводчика!

Когда они покончили, староста положилъ становому въ телѣгу куль овса и мѣшокъ картофеля, писарь,

напившійся въ кухнѣ, сѣлъ на облучекъ, и они уѣхали.

Священникъ пошелъ нетвердыми стопами домой, ковыряя въ зубахъ какой-то щепкой. Я приказывалъ людямъ о похоронахъ, какъ вдругъ отецъ Іоаннъ остановился и замахалъ руками; староста побѣжалъ къ нему, потомъ отъ него ко мнѣ. „Что случилось?“ Да, батюшка велѣлъ вашу милость спросить, отвѣчалъ староста, не скрывая улыбки, кто молъ поминки будетъ справлять, по покойникѣ? — „Что же ты ему сказалъ?“ — Сказалъ, чтобъ не сумлѣвался, блины молъ будутъ.

Матвѣя схоронили, блиновъ и водки попу дали, а все то это оставило за собой длинную темную тѣнь, мнѣ же предстояло еще ужасное дѣло — извѣстить его мать.

Разстаться съ честнымъ іереемъ храма покрова божіей матери въ селѣ Покровскомъ, я никакъ нн могу, не разсказавъ объ немъ слѣдующее событіе.

Отецъ Іоаннъ былъ не модный, семинарской священникъ, не зналъ греческихъ спряженій и латинскаго синтаксиса. Ему было за семьдесятъ лѣтъ, пол-жизни онъ провелъ діакономъ въ большомъ селѣ „Елисаветъ Алексіевны Голохвастовой,“ которая упросила митрополита рукоположить его священникомъ и опредѣлить на открывшуюся ваканцію въ селѣ моего отца. Какъ онъ ни старался всею жизнію привыкнуть къ употребленію большаго количества сивухи, онъ не могъ побѣдить ея дѣйствія, и поэтому онъ послѣ полудня былъ постоянно пьянъ. Пилъ онъ до того, что часто со свадьбы или съ крестинъ, въ сосѣднихъ деревняхъ, принадлежавшихъ къ его приходу, крестьяне выносили его замертво, клали какъ снопъ въ тѣлегу, привязывали возжи къ передку и отправляли его подъ единственнымъ над-

зоромъ его лошади. Кляченка хорошо знавшая дорогу привозила его преакуратно домой. Матушка попадья также пила до пьяна всякой разъ, когда богъ пошлетъ. Но замѣчательнѣе этого то, что его дочь, лѣтъ четырнадцати, могла не морщась выпивать чайную чашку пѣнника.

Мужики презирали его и всю его семью, они даже разъ жаловались на него міромъ сенатору и моему отцу, которые просили митрополита взойти въ разборъ. Крестьяне обвиняли его въ очень большихъ запросахъ денегъ за требы, въ томъ, что онъ не хоронилъ болѣе трехъ дней, безъ платы впередъ, а вѣнчать вовсе отказывался. Митрополитъ, или консисторія нашли просьбу крестьянъ справедливой, и послали отца Іоанна на два или на три мѣсяца толочь воду. Попъ возвратился послѣ архипастырскаго исправленія, не только вдвое пьяницей, но и воромъ.

Наши люди разсказывали, что разъ въ храмовой праздникъ подъ хмелькомъ, бражничая вмѣстѣ съ попомъ, старикъ крестьянинъ ему сказалъ: „Ну вотъ молъ ты азарникъ какой, довелъ дѣло до высокопреосвященнѣйшаго! Честью не хотѣлъ, какъ вотъ тебѣ и подрѣзали крылья.“ Обиженный попъ отвѣчалъ будто бы на это: „За то вѣдь я васъ мошенниковъ такъ и вѣнчаю, такъ и хороню, что ни есть самыя дрянныя молитвы, ихъ то я вамъ и читаю.“

Черезъ годъ, т. е. въ 1844, мы опять жили лѣто въ Покровскомъ. Сѣдой, исхудалый попъ все также пилъ, и также не могъ одолѣть сильнаго дѣйствія алкоголя, По воскресеньямъ, онъ повадился послѣ обѣдни приходить ко мнѣ, напиваться водкой и сидѣть часа два. Мнѣ это надоѣло, я не велѣлъ его принимать и даже прятался отъ него въ лѣсъ, но онъ и тутъ нашелся:

„барина дома нѣтъ, говорилъ онъ — ну а водка то дома вѣрно? Небось не взялъ съ собой?“ Человѣкъ мой выносилъ ему въ переднюю большую рюмку сладкой водки, и священникъ, выпивъ ее, и закусивъ паюсной икрой, смиренно уходилъ во свояси.

Наконецъ наше знакомство рушилось окончательно. Однимъ утромъ, является ко мнѣ дьячекъ, молодой долговязый малый, по женски зачесанный, съ своей молодой женой покрытой веснушками; оба они были въ сильномъ волненіи, оба говорили вмѣстѣ, оба прослезились, и отерли слезы въ одно время. Дьячекъ какимъ-то сплюснутымъ дискантомъ, супруга его страшно картавя, разсказывали въ обгонки, что на дняхъ у нихъ украли часы и шкатулку, въ которой было рублей пятьдесятъ денегъ, что жена дьячка нашла „воя“ и что этотъ „вой“ никто иное какъ честнѣйшій богомолецъ нашъ и во Христѣ отецъ — Іоаннъ.

Доказательства были непреложны: жена дьячка нашла въ хламѣ, выброшенномъ изъ священникова дома, кусокъ отъ крышки украденнаго ящика.

Они приступили ко мнѣ, чтобъ я защитилъ ихъ. Сколько я имъ ни объяснялъ раздѣленія властей на духовную и свѣтскую, но дьячекъ не сдавался, жена его плакала; я не зналъ что дѣлать. Жаль мнѣ его было, потерю свою онъ цѣнилъ въ 90 р. Подумавъ, я велѣлъ заложить тѣлегу и послалъ старосту съ письмомъ къ исправнику; у него то я спрашивалъ того совѣта, который дьячекъ надѣялся получить отъ меня. Къ вечеру староста воротился, исправникъ мнѣ на словахъ велѣлъ сказать: „бросьте это дѣло, а то консисторія вступится и надѣлаетъ хлопотъ. Пусть молъ баринъ не трогаетъ кутьи, коли не хочетъ, чтобъ отъ рукъ воняло.“ Отвѣтъ этотъ, и въ особенности послѣ-

днее замѣчаніе, Савелій Гавриловъ передавалъ съ большимъ удовольствіемъ. „А что шкатунку укралъ батюшка, прибавилъ онъ, то это такъ вѣрно, какъ я передъ вами стою.“

Я съ горестью передалъ дьячку отвѣтъ свѣтской власти. Староста напротивъ успокоительно говорилъ ему: „Ну что безвременно носъ повѣсилъ? погоди, подведемъ еще; что ты баба или дьячекъ?“

И подвелъ староста съ компаніей.

Былъ-ли Савелій Гавриловъ раскольникъ, или нѣтъ, я навѣрное не знаю; но семья крестьянъ переведенная изъ Васильевскаго, когда отецъ мой его продалъ, вся состояла изъ старообрядцевъ. Люди трезвые, смышленые и работящіе, они всѣ ненавидѣли попа. Одинъ изъ нихъ, котораго мужики называли лабазникомъ, имѣлъ на Неглинной въ Москвѣ свою лавку. Исторія украденыхъ часовъ тотчасъ дошла до него; наводя справки, лабазникъ узналъ, что дьяконъ безъ мѣста, зять покровскаго пока предлагалъ кому-то купить или отдать подъ закладъ часы, что часы эти у мѣнялы; лабазникъ зналъ часы дьячка, онъ къ мѣнялѣ, какъ разъ часы тѣ самыя. На радостяхъ онъ не пожалѣлъ лошади и пріѣхалъ самъ съ вѣстію въ Покровское.

Тогда съ полными доказательствами въ рукахъ, дьячекъ отправился къ благочинному. Дни черезъ три я узналъ, что попъ заплатилъ дьячку сто руб. и они помирились.

— Какъ-же это было? — спросилъ я дьячка.

— Благочинный соизволилъ, какъ изволили слышать, нашего Ирода выписывать къ себѣ-съ. Долго держали ихъ-съ и уже что было не знаю-съ. Только потомъ изволили меня потребовать и строго сказали мнѣ: „Что у васъ тамъ за дрязги? Стыдно, молодой человѣкъ,

мало-ли что подъ хмелькомъ случится, старикъ, видишь старый, въ отцы тебѣ годится. Онъ тебѣ сто рублевъ на мировую даетъ. Доволенъ-ли? — Доволенъ, говорю я, молъ, ваше высокоблагословленіе. — „Ну, а доволенъ, такъ хайло то держи, нечего въ колокола звонить, все же ему за семьдесятъ лѣтъ; а не то, смотри самаго въ бараній рогъ сверну.“

И этотъ пьяный воръ, уличенный лабазникомъ, снова явился священнодѣйствовать, при томъ-же старостѣ, который такъ утвердительно говорилъ мнѣ, что онъ укралъ „шкатунку,“ съ тѣмъ же дьячкомъ на крылосѣ, у котораго теперь паки и паки въ карманѣ измѣряли скудельное время знаменитые часы, и — при тѣхъ-же крестьянахъ!

Случилось это въ 1844 г., въ пятидесяти верстахъ отъ Москвы и я былъ всего этого свидѣтелемъ!

Что-же тутъ удивительнаго если на призывъ отца Іоанна духъ святой, какъ въ пѣсни Беранже не сойдетъ —

Non, dit l'esprit saint, je ne descends pas!

Какъ-же его не прогнали!

Мужъ церкви, скажутъ намъ мудрые православія, не можетъ быть подозрѣваемъ, какъ и цезарева жена!

ГЛАВА XXIX. [1])

НАШИ.

I.

Московскій кругъ — Застольная бесѣда — Западники. (Боткинъ, Рѣдкинъ, Крюковъ, Е. К.....)

Поѣздкой въ Покровское и тихимъ лѣтомъ, проведеннымъ тамъ, начинается та изящная, возмужалая и дѣятельная полоса нашей московской жизни, которая длилась до кончины моего отца и, пожалуй, до нашего отъѣзда.

Судорожно натянутые нервы въ Петербургѣ и Новгородѣ отдали, внутреннія непогоды улеглись. [2]) Мучительные разборы насъ самихъ и другъ друга, эти ненужныя разбереживанія словами недавнихъ ранъ, эти безпрерывныя возвращенія къ однимъ и тѣмъ же наболѣвшимъ предметамъ, миновали; а потрясенная вѣра въ нашу непогрѣшительность придавала больше серьезный и истинный характеръ нашей жизни. Моя статья

[1]) Глава эта была сперва напечатана въ *Пол. Зв.* Т. IV и впослѣдствіи совершенно передѣлана авторомъ, параграфы переставлены, многія мѣста измѣнены. Измѣненія отмѣчены въ варіантахъ. Къ этой главѣ относятся два очерка, напечатанные въ „Посмертныхъ сочиненіяхъ“: *Базиль и Армансъ* и *Н. Х. К.* (Кетчеръ). Изд.

[2]) Варіантъ. *Домашнія бури улеглись.* (ibid.)

„По поводу одной драмы“ была заключительнымъ словомъ прожитой болѣзни.*)

Съ внѣшней стороны тѣснилъ только полицейскій надзоръ;**) не могу сказать, чтобъ онъ былъ очень докучливъ, но непріятное чувство дамокловой трости, занесенной рукой квартальнаго, очень противно.

Новые друзья приняли насъ горячо, гораздо лучше, чѣмъ два года тому назадъ. Въ ихъ главѣ стоялъ Грановскій, ему принадлежитъ главное мѣсто этого пятилѣтія. Огаревъ былъ почти все время въ чужихъ краяхъ. Грановскій замѣнялъ его намъ и лучшими минутами того времени мы обязаны ему. Великая сила любви лежала въ этой личности. Со многими я былъ *согласнѣе* въ мнѣніяхъ, но съ нимъ я былъ ближе—тамъ гдѣ-то, въ глубинѣ души.

Грановскій и всѣ мы были сильно заняты, всѣ работали и трудились, кто занимая каѳедры въ университетѣ, кто участвуя въ обозрѣніяхъ и журналахъ, кто изучая русскую исторію; къ этому времени относятся начала всего сдѣланнаго потомъ.

Мы были уже очень не дѣти; въ 1842 году мнѣ стукнуло тридцать лѣтъ; мы слишкомъ хорошо знали, куда насъ вела наша дѣятельность, но шли. Не опрометчиво, но обдуманно продолжали мы нашъ путь съ тѣмъ успокоеннымъ, ровнымъ шагомъ, къ которому пріучилъ

*) Прибавлено: *Разумѣется, мы не могли возвратиться къ весеннему, юному владимірскому отшельничеству. Шиллеръ правъ, „май жизни цвѣтетъ одинъ разъ“, но есть еще другіе цвѣты, не майскіе, которые распускаются въ іюнѣ, іюлѣ, августѣ—они на своемъ мѣстѣ такъ же красивы и благоуханны, какъ весеннія віолетки и ландыши на своемъ. Самая старость имѣетъ зимніе вѣнки, которые ей очень идутъ, лишь бы она не красила сѣдыхъ кудрей своихъ.*

*Жизнь наша, устроившаяся въ Москвѣ къ концу 1847 года, была очень изящна и носила особый характеръ возмужалости и силы (*ibid*).*

**) Прибавлено: *продолжавшійся до 1847 г.* (ibid.)

насъ опытъ и семейная жизнь. Это не значило, что мы состарѣлись, нѣтъ, мы были въ то же время юны, и оттого одни, выходя на университетскую каѳедру, другіе печатая статьи или издавая газету, каждый день подвергались аресту, отставкѣ, ссылкѣ.

Такого круга людей талантливыхъ, развитыхъ, многосторонних и чистыхъ, я не встрѣчалъ потомъ нигдѣ, ни на высшихъ вершинахъ политическаго міра, ни на послѣднихъ маковкахъ литературнаго и аристократическаго. А я много ѣздилъ, вездѣ жилъ и со всѣми жилъ; революціей меня прибило къ тѣмъ краямъ развитія, далѣе которыхъ ничего нѣтъ, и я по совѣсти долженъ повторить то же самое.

Оконченная, замкнутая личность западнаго человѣка, удивляющая насъ сначала своей спеціальностью, вслѣдъ за тѣмъ удивляетъ односторонностью. Онъ всегда доволенъ собой, его suffisance насъ оскорбляетъ. Онъ никогда не забываетъ личныхъ видовъ, положеніе его вообще стѣсненное и нравы приложены къ жалкой средѣ.

Я не думаю, чтобъ люди всегда были здѣсь таковы, западный человѣкъ не въ нормальнымъ состояніи: *онъ линяетъ*. Неудачныя революціи взошли внутрь, ни одна не перемѣнила его, каждая оставила слѣдъ и сбила понятія, а историческій валъ естественнымъ чередомъ выплеснулъ на главную сцену тинистый слой мѣщанъ, покрывшій собою ископаемый классъ аристократій и затопившій народные всходы. Мѣщанство несовмѣстно съ нашимъ характеромъ—и слава богу!

Распущенность ли наша, недостатокъ ли нравственной осѣдлости, опредѣленной дѣятельности, юность ли въ дѣлѣ образованія, аристократизмъ ли воспитанія, но мы въ жизни съ одной стороны больше художники, съ другой гораздо проще западныхъ людей; не имѣемъ ихъ

спеціальности, но за то многостороннѣе ихъ. Развитыя личности у насъ рѣдко встрѣчаются, но они пышно, разметисто развиты, безъ шпалеръ и заборовъ. Совсѣмъ не такъ на Западѣ.

Съ людьми самыми симпатичными какъ разъ здѣсь договоришься до такихъ противурѣчій, гдѣ ужъ ничего нѣтъ общаго и гдѣ убѣдить невозможно. Въ этой упрямой упорности и непроизвольномъ непониманіи, такъ и стучишь головой о предѣлъ міра завершеннаго.

Наши теоретическія несогласія совсѣмъ напротивъ вносили болѣе жизненный интересъ, потребность дѣятельнаго обмѣна, держали умъ бодрѣе, двигали впередъ; мы росли въ этомъ треніи другъ объ друга, и въ самомъ дѣлѣ были сильнѣе тою composite артели, которую такъ превосходно опредѣлилъ Прудонъ въ механическомъ трудѣ.

Съ любовью останавливаюсь я на этомъ времени дружнаго труда, полнаго, поднятаго пульса, согласнаго строя и мужественной борьбы; на этихъ годахъ, въ которые мы были юны въ послѣдній разъ!...*)

Нашъ небольшой кружокъ собирался часто, то у того, то у другого, всего чаще у меня. Рядомъ съ болтовней, шуткой, ужиномъ и виномъ, шелъ самый дѣятельный, самый быстрый обмѣнъ мыслей, новостей и знаній; каждый передавалъ прочтенное и узнанное, споры обобщали взглядъ и выработанное каждымъ дѣлалось достояніемъ всѣхъ. Ни въ одной области вѣдѣнія, ни въ одной литературѣ, ни въ одномъ искусствѣ не было значительнаго явленія, которое не попалось бы

*) Варіантъ. *Дайте мнѣ еще отступить къ тѣмъ хорошимъ годамъ, въ которыхъ мы были юны въ послѣдній разъ. Я люблю останавливаться на этомъ времени дружнаго труда; полнаго, поднятаго пульса, согласнаго строя и мужественной борьбы.* Пол. Зв. Т. IV, стр. 134.

кому нибудь изъ насъ, и не было бы тотчасъ сообщено всѣмъ.

Вотъ этотъ характеръ нашихъ сходокъ не понимали тупые педанты и тяжелые школяры. Они видѣли мясо и бутылки, но другого ничего не видали. Пиръ идетъ къ полнотѣ жизни, люди воздержные бываютъ обыкновенно сухіе, эгоистическіе люди. Мы не были монахи, мы жили во всѣ стороны и, сидя за столомъ, побольше развились и сдѣлали не меньше, чѣмъ эти постные труженики, копающіеся на заднемъ дворѣ науки.*)

Ни васъ, друзья мои, ни того яснаго, славнаго времени, я не дамъ въ обиду; я объ немъ вспоминаю болѣе чѣмъ съ любовью, чуть ли не съ завистью. Мы не были похожи на пзнуренныхъ монаховъ Зурбарана, мы не плакали о грѣхахъ міра сего, мы только сочувствовали его страданіямъ и съ улыбкой были готовы *кой на что*, не наводя тоски предвкушеніемъ своей будущей жертвы. Вѣчно угрюмые постники мнѣ всегда подозрительны; если они не притворяются, у нихъ или умъ, или желудокъ разстроенъ.

Ты правъ, мой другъ, ты правъ...

да ты правъ, Боткинъ—и гораздо больше Платона—ты, поучавшій нѣкогда насъ, не въ садахъ и портикахъ (у насъ слишкомъ холодно безъ крыши), а за дружеской трапезой, что человѣкъ равно можетъ найти „пантеистическое“ наслажденіе, созерцая пляску волнъ морскихъ и дѣвъ испанскихъ, слушая пѣсни Шуберта и запахъ индѣйки съ трюфлями. Внимая твоимъ мудрымъ словамъ,

*) Послѣ этихъ строкъ въ *Пол. Зв.* Т. IV. стр. 137, прибавлено: *Такъ и вижу теперь всю застольную бесѣду, гдѣ нибудь на Моросейкѣ или на Трубѣ, Б., щурящаго свои, и безъ того китайскіе глазки, и философски толкующаго о пантеистическомъ наслажденіи ѣсть индѣйку съ трюфлями и слушать Бетховена.*

я въ первый разъ оцѣнилъ демократическую глубину нашего языка, приравнивающаго запахъ къ звуку.

Не даромъ покидалъ ты твою Моросейку, ты въ Парижѣ научился уважать кулинарное искусство и съ береговъ Гвадалквивира привезъ религію не только ножекъ, но самодержавныхъ, высочайшихъ икръ, soberana pantorilla!

Вѣдь вотъ и Рѣдкинъ былъ въ Испаніи — но какая польза отъ этого? Онъ ѣздилъ въ этой странѣ историческаго безправія для юридическихъ коментарій къ Пухтѣ и Савиньи, вмѣсто фанданго и боллеро, смотрѣлъ на возстаніе въ Барцелонѣ (окончившееся совершенно тѣмъ-же, чѣмъ всякая качуча, т. е. ничѣмъ) итакъ много разсказывалъ объ немъ, что кураторъ Строгоновъ, качая головой, сталъ посматривать на его больную ногу и бормоталъ что-то о баррикадахъ, какъ будто сомнѣваясь, что „радикальный юристъ“ зашибъ себѣ ногу, свалившись въ вѣрноподданническомъ Дрезденѣ съ дилижанса на мостовую.

— Что за неуваженіе къ наукѣ! ты, братецъ, знаешь, что я такихъ шутокъ не люблю, говоритъ строго Рѣдкинъ и вовсе не сердится.

— Это ввв-сё мо-о-жетъ быть, замѣчаетъ заикаясь Е. К., но отъ чего же ты себя до того идентифировалъ съ наукой, что нельзя шутить надъ тобой, не обижая ее?

—Ну пошло, теперь не кончится, прибавляетъ Рѣдкинъ и принимается съ настойчивостью человѣка, прочитавшаго всего Ротека, за супъ, осыпаемый слегка остротами Крюкова—съ изящной античной отдѣлкой по классическимъ образцамъ.

Но вниманіе всѣхъ уже оставило пхъ, оно обращено на осетрину; *ее объясняетъ* самъ Щепкинъ, изучившій

мясо современныхъ рыбъ больше чѣмъ Агасп кости допотопныхъ. Боткинъ взглянулъ на осетра, прищурилъ глаза и тихо покачалъ головой, не изъ боку въ бокъ, а склоняясь; одинъ Кетчеръ, равнодушный по принципу къ величіямъ міра сего, закурилъ трубку и говоритъ о другомъ.

Не сердитесь за эти строки вздору, я не буду продолжать ихъ, онѣ почти невольно сорвались съ пера, когда мнѣ представились наши московскіе обѣды; на минуту я забылъ и невозможность записывать шутки и то, что очерки эти живы только для меня, да для немногихъ, очень немногихъ оставшихся. Мнѣ бываетъ страшно, когда я считаю, давно ли передъ всѣми было такъ много, такъ много дороги!...

... И вотъ передъ моими глазами встаютъ наши Лазари, но не съ облакомъ смерти, а моложе, полные силъ. Одинъ изъ нихъ угасъ, какъ Станкевичъ, вдали отъ родины—И. П. Галаховъ.

Много смѣялись мы его разсказамъ, но не веселымъ смѣхомъ, а тѣмъ, который возбуждалъ иногда Гоголь. У Крюкова, у Е. К. остроты и шутки искрились, какъ шипучее вино, отъ избытка силъ. Юморъ Галахова не имѣлъ ничего свѣтлаго, это былъ юморъ человѣка, живущаго въ разладѣ съ собой, со средой, сильно жаждущаго выйти на покой, на гармонію, но безъ большой надежды.*)

Воспитанный аристократически, Галаховъ очень ра-

*) Варіантъ. *Блестящая и ѣдкая острота Е. была роскошью, виномъ, искрящимся отъ избытка силъ, игрой зоркаго, мѣткаго, быстро схватывающаго ума. Совсѣмъ другое дѣло юморъ Галахова негодующаго, это былъ юморъ человѣка, живущаго въ разладѣ съ собой, съ средой, сильно жаждущаго выйти на покой, на гармонію — но безъ большой надежды.* (*П. Зв.* Т. IV, стр. 157)

но попалъ въ измайловскій полкъ и также рано оставилъ его, и тогда уже принялся себя воспитывать въ самомъ дѣлѣ. Умъ сильный, но больше порывистый и страстный, чѣмъ діалектическій, онъ съ строптивой нетерпѣливостью хотѣлъ вынудить *истину,* и притомъ практическую, сейчасъ прилагаемую къ жизни. Онъ не обращалъ вниманія, такъ какъ это дѣлаетъ большая часть французовъ, на то, что *истина* только дается методѣ, да и то остается неотъемлемой отъ нея; истина же какъ результатъ—битая фраза, общее мѣсто. Галаховъ искалъ не съ скромнымъ самоотверженіемъ, чтобы ни нашлось, а искалъ именно истины успокоительной, оттого и не удивительно, что *она* ускользала отъ его капризнаго преслѣдованія. Онъ досадовалъ и сердился. Людямъ этого слоя не живется въ отрицаніи, въ разборѣ, имъ анатомія противна, они пищутъ готоваго, цѣлаго, созидающаго. Чего же Галахову могъ дать нашъ вѣкъ и, притомъ, въ николаевское царствованіе?

Онъ всюду бросался; постучался даже въ католическую церковь, но живая душа его отпрянула отъ мрачнаго полусвѣта, отъ сыраго, могильнаго, тюремнаго запаха ея безотрадныхъ склеповъ. Оставивъ старый католицизмъ іезуитовъ и новый — Бюше, онъ принялся было за философію; ея холодныя, непривѣтныя сѣни отстращали его, и онъ на нѣсколько лѣтъ остановился на фурьеризмѣ.

Готовая организація, обязательный строй и долею казарменный порядокъ фаланстера, если не находятъ сочувствія въ людяхъ критики, то безъ сомнѣнія сильно привлекаютъ тѣхъ усталыхъ людей, которые просятъ почти со слезами, чтобъ истина какъ кормилица взяла ихъ на руки и убаюкала. Фурьеризмъ имѣлъ опредѣленную цѣль, трудъ и трудъ собща. Люди во-

обще готовы очень часто отказаться отъ собственной воли, чтобъ прервать колебаніе и нерѣшительность. Это повторяется въ самыхъ обыкновенныхъ, ежедневныхъ случаяхъ. „Хотите вы сегодня въ театръ, или за городъ?“—„Какъ вы хотите,“ отвѣчаетъ другой и оба не знаютъ что дѣлать, ожидая съ нетерпѣніемъ, чтобъ какое-нибудь обстоятельство рѣшило за нихъ куда идти и куда нѣтъ. На этомъ основаніи развилась въ Америкѣ кабетовская обитель, коммунистическій скитъ, ставропигіальная, икарійская лавра. Неугомонные французскіе работники, воспитанные двумя революціями и двумя реакціями, выбились наконецъ изъ силъ, сомнѣнія начали одолѣвать ими; испугавшись ихъ, они обрадовались новому дѣлу, отрѣклись отъ безцѣльной свободы и покорились въ Икаріи такому строгому порядку и подчиненію, которое конечно не меньше монастырскаго чина какихъ-нибудь Бенедектинцевъ.

Галаховъ былъ слишкомъ развитъ и независимъ, чтобъ совсѣмъ изчезнуть въ фурьеризмѣ, но на нѣсколько лѣтъ онъ его увлекъ. Когда я съ нимъ встрѣтился въ 1847 въ Парижѣ, онъ къ фалангѣ питалъ скорѣе ту нѣжность, которую мы имѣемъ къ школѣ, въ которой долго жили, къ дому, въ которомъ провели нѣсколько спокойныхъ лѣтъ, чѣмъ ту, которую вѣрующіе имѣютъ къ церкви.

Въ Парижѣ Галаховъ былъ еще оригинальнѣе и милѣе чѣмъ въ Москвѣ. Его аристократическая натура, его благородныя, рыцарскія понятія были оскорбляемы на каждомъ шагу; онъ смотрѣлъ съ тѣмъ отвращеніемъ, съ которымъ гадливые люди смотрятъ на что нибудь сальное — на мѣщанство, окружавшее его тамъ. Ни французы, ни нѣмцы его не надули и онъ смотрѣлъ нѣсколько свысока на многихъ изъ тогдашнихъ героевъ

— чрезвычайно просто указывая ихъ мелочную ничтожность, денежные виды и наглое самолюбіе. Въ его пренебреженіи къ этимъ людямъ проявлялось даже національное высокомѣріе, совершенно чуждое ему. Говоря напр. объ одномъ человѣкѣ, который ему очень не нравился, онъ сжалъ въ одномъ словѣ „нѣмецъ!“ выраженіемъ, улыбкой и прищуриваніемъ глазъ—цѣлую біографію, цѣлую физіологію, цѣлый рядъ мелкихъ, грубыхъ, неуклюжихъ недостатковъ, спеціально принадлежащихъ германскому племени.

Какъ всѣ нервные люди, Галаховъ былъ очень неровенъ, иногда молчаливъ, задумчивъ, но par saccade говорилъ много, съ жаромъ, увлекалъ вещами серьезными и глубоко прочувствованными, а иногда морилъ со смѣху неожиданной капризностью формы и рѣзкой вѣрностью картинъ, которыя дѣлалъ въ два-три штриха.

Повторять эти вещи почти невозможно. Я передамъ, какъ съумѣю, одинъ изъ его разсказовъ, и то въ небольшомъ отрывкѣ. Рѣчь какъ то шла въ Парижѣ о томъ непріятномъ чувствѣ, съ которымъ мы переѣзжаемъ нашу границу. Галаховъ сталъ намъ разсказывать, какъ онъ ѣздилъ въ послѣдній разъ въ свое имѣнье, это было chef d'œuvre.

...„Подъѣзжаю къ границѣ, дождь, слякоть, черезъ дорогу бревно, выкрашенное черной и бѣлой краской; ждемъ, не пропускаютъ. Смотрю, съ той стороны наѣзжаетъ на насъ казакъ съ пикой, верхомъ. — „Пожалуйте паспортъ.“ — Я ему отдалъ и говорю, я братецъ съ тобой пойду въ караульню, здѣсь очень дождь мочитъ. „Никакъ нельзя-съ.“—Отчего? — „Извольте обождать.“ Я повернулъ въ австрійскую кордегардію, не тутъ то было, очутился, какъ изъ подъ земли, другой казакъ

съ китайской рожей.—„Никакъ нельзя-съ!“ — Что случилось?—„Извольте обождать!“ — а дождь все сѣчетъ, сѣчетъ... Вдругъ изъ караульни кричитъ унтеръ-офицеръ: „Подвысь!“—цѣпи загремѣли и полосатая гильотина стала подыматься; мы подъѣхали подъ нее, цѣпи опять загремѣли и бревно опустилось. Ну, думаю, попался! Въ караульнѣ какой-то кантонистъ прописываетъ паспортъ.—„Это вы сами и есть?“ — спрашиваетъ, я ему тотчасъ цванцигеръ. Тутъ взошелъ унтеръ-офицеръ, тотъ ничего не говоритъ, ну а я поскорѣе и ему цванцигеръ. „Все въ исправности, извольте отправляться въ таможню.“ Я сѣлъ, ѣду... только все кажется за нами погоня, оглядываюсь — казакъ съ пикой — тряхъ, тряхъ... „Что ты братецъ?“ — „Въ таможню, ваше благородіе конвопрую.“ — На таможнѣ чиновникъ въ очкахъ книжки осматриваетъ. Я ему талеръ и говорю,—не безпокойтесь, это все такія книги, ученыя, медицинскія!“ „Помилуйте, что это-съ! Эй сторожъ, запирай чемоданъ!“ Я опять цванцигеръ.

„Выпустили наконецъ—я нанялъ тройку, ѣдемъ безконечными полями, вдругъ зардѣлось что-то, больше да больше... зарево — „Смотри-ка, говорю я ямщику, — а? несчастіе.“ — „Ничего-съ, отвѣчаетъ онъ, должно быть избёнка какая или овинъ какой горитъ; ну, ну, пошевеливай, знай!“ Часа черезъ два съ другой стороны красное небо, я ужъ и не спрашиваю, успокоенный тѣмъ что это избенка или овинишко горитъ.

...„Въ Москву я изъ деревни пріѣхалъ въ великій постъ, снѣгъ почти сошелъ, полозья рѣжутъ по камнямъ, фонари тускло отсвѣчиваются въ темныхъ лужахъ и пристяжная бросаетъ ирямо въ лице, мороженую грязь огромными кусками. А вѣдь престранное дѣло, въ Москвѣ только что весна установится, дней

пять пройдутъ сухихъ и вмѣсто грязи какія-то облака пыли летятъ въ глаза, першитъ и полицмейстеръ, стоя озабоченно на дрожкахъ, показываетъ съ неудовольствіемъ на пыль—а полицейскіе суетятся и посыпаютъ какимъ-то толченымъ кирпичемъ отъ *пыли!*"

Иванъ Павловичъ былъ чрезвычайно разсѣянъ и его разсѣянность была такимъ же милымъ недостаткомъ въ немъ, какъ заиканіе у Е. К.; иногда онъ немного сердился, но большей частію самъ смѣялся надъ оригинальными ошибками, въ которыя онъ безпрестанно попадалъ. Х. звала его разъ на вечеръ, Галаховъ поѣхалъ съ нами слушать Линду ди Шамуни; послѣ оперы онъ заѣхалъ къ Шевалье и проспѣвъ тамъ часа полтора, поѣхалъ домой, переодѣлся и отправился къ Х. Въ передней горѣла свѣча, валялись какія-то пожитки. Онъ въ залу, никого нѣтъ; онъ въ гостинную, тамъ засталъ онъ мужа Х. въ дорожномъ платьи только что пріѣхавшаго изъ Пензы. Тотъ смотритъ на него съ удивленіемъ. Галаховъ освѣдомляется о пути и спокойно садится въ креслы. Х. говоритъ что дороги скверны и что онъ очень усталъ. — „А гдѣ же Марья Дмитревна?"—спрашиваетъ Галаховъ.—Давно спитъ.—Какъ спитъ? — Да развѣ такъ поздно? — спрашиваетъ онъ, начиная догадываться.—„Четыре часа!"—отвѣчаетъ Х.—„Четыре часа!" повторяетъ Галаховъ. „Извините, я только хотѣлъ васъ поздравить съ пріѣздомъ."

Другой разъ у нихъ же, онъ пріѣхалъ на званый вечеръ; всѣ были во фракахъ и дамы одѣты. Галахова не звали, или онъ забылъ, но онъ явился въ пальто; поспдѣлъ, взялъ свѣчу, закурилъ сигару, говорилъ, никакъ не замѣчая ни гостей, ни костюмовъ. Часа черезъ два онъ меня спросилъ. „Ты куда нибудь ѣдешь?" — Нѣтъ. — „Да ты во фракѣ?" Я расхохотался. „Фу,

вздоръ какой!“ пробормоталъ Галаховъ, схватилъ шляпу и уѣхалъ.

Когда моему сыну было лѣтъ пять,*) Галаховъ привезъ ему на елку восковую куклу, не меньше его самаго ростомъ. Куклу эту Галаховъ самъ усадилъ за столомъ и ждалъ дѣйствія сюрприза. Когда елка была готова и двери отворились, Саша, удрученный радостью, медленно двигался, бросая влюбленные взгляды на фольгу и свѣчи, но вдругъ онъ остановился—постоялъ постоялъ, покраснѣлъ, и съ ревомъ бросился назадъ.— „Что съ тобой, что съ тобой?“ спрашивали мы всѣ; заливаясь горькими слезами, онъ только повторялъ: „Тамъ чужой мальчикъ, его не надо, его не надо.“ Въ куклѣ Галахова, онъ увидѣлъ какого-то соперника, alter ego и сильно огорчился этимъ; но сильнѣе его огорчился самъ Галаховъ, онъ схватилъ несчастную куклу, уѣхалъ домой и долго не любилъ говорить объ этомъ.

Въ послѣдній разъ я встрѣтился съ нимъ въ осенью 1847 года въ Ниццѣ. Итальянское движеніе закипало тогда, онъ былъ увлеченъ имъ. Вмѣстѣ съ взглядомъ исполненнымъ иронiи, онъ хранилъ романтическія надежды и все еще рвался къ какимъ-то вѣрованіямъ. Наши долгіе разговоры, наши споры навели меня на мысль записывать ихъ. Однимъ изъ нашихъ разговоровъ начинается „Съ того берега.“ Я читалъ его начало Галахову, онъ былъ тогда очень болѣнъ, видимо таялъ и приближался къ гробу. Не за долго до своей смерти онъ прислалъ мнѣ въ Парижъ длинное и исполненное интереса письмо. Жаль, что у меня его нѣтъ, я напечаталъ бы изъ него отрывки.

*) Варіантъ. *Обидчивость его была совершенно дѣтская.* Когда моему сыну и т. д. *(Пол. Зв.* Т. IV, стр. 135*)*

Съ его могилы — перехожу на другую, больше дорогую и больше свѣжую.

II.

НА МОГИЛѢ ДРУГА.

Онъ духомъ чистъ и благороденъ былъ,
Имѣлъ онъ сердце нѣжное какъ ласка
И дружба съ нимъ мнѣ памятна какъ сказка.

... Въ 1840 году бывши проѣздомъ въ Москвѣ, я въ первый разъ встрѣтился съ Грановскимъ. Онъ тогда только что возвратился изъ чужихъ краевъ и приготовлялся занять свою каѳедру исторіи. Онъ мнѣ понравился своей благородной, задумчивой наружностью, своими печальными глазами съ насупившимися бровями и грустно-добродушный улыбкой; онъ носилъ тогда длинные волосы и какого то особеннаго покроя синій берлинскій пальто съ бархатными отворотами и суконными застежками. Черты, костюмъ. темные волосы,—все это придавало столько изящества и граціи его личности, стоявшей на предѣлѣ ушедшей юности и богато развертывающейся возмужалости, что и неувлекающемуся человѣку нельзя было остаться равнодушнымъ къ нему. Я же всегда уважалъ красоту и считалъ ее талантомъ, силой.

Мелькомъ видѣлъ я его тогда и только увезъ съ собой во Владиміръ благородный образъ и основанную на немъ вѣру въ него, какъ въ будущаго близкаго человѣка. Предчувствіе мое не обмануло меня. Черезъ два года, когда я побывалъ въ Петербургѣ и второй разъ сосланный возвратился на житье въ Москву, мы сблизились тѣсно и глубоко.

Грановскій былъ одаренъ удивительнымъ *тактомъ* сердца. У него все было такъ далеко отъ неувѣренной въ себѣ раздражительности, отъ притязаній, такъ чисто такъ открыто, что съ нимъ было необыкновенно легко. Онъ не тѣснилъ дружбой, а любилъ сильно, безъ ревнивой требовательности и безъ равнодушнаго — все равно. Я не помню, чтобъ Грановскій когда нибудь дотронулся грубо или неловко до тѣхъ „волосяныхъ," нѣжныхъ, бѣгущихъ свѣта и шума сторонъ, которыя есть у всякаго человѣка, жившаго въ самомъ дѣлѣ. Отъ этого съ нимъ было не страшно говорить о тѣхъ вещахъ, о которыхъ трудно говорится съ самыми близкими людьми, къ которымъ имѣешь полное довѣріе, но у которыхъ *строй* нѣкоторыхъ, едва слышныхъ струнъ не по одному камертону.

Въ его любящей, покойной и снисходительной душѣ изчезали угловатыя распри и смягчался крикъ себялюбивой обидчивости. Онъ былъ между нами звѣномъ соединенія многаго и многихъ, и часто примирялъ въ симпатіи къ себѣ цѣлые круги, враждовавшіе между собой и друзей готовыхъ разойтиться. Грановскій и Бѣлинскій, вовсе не похожіе другъ на друга, принадлежали къ самымъ свѣтлымъ и замѣчательнымъ личностямъ нашего круга.

Къ концу тяжелой эпохи, изъ которой Россія выходитъ теперь, когда все было прибито къ землѣ, одна оффиціальная низость громко говорила, литература была пріостановлена и вмѣсто науки преподовали теорію рабства, ценсура качала головой, читая притчи Христа, и вымарывала басни Крылова, въ то время, встрѣчая Грановскаго на кеѳедрѣ, становилось легче на душѣ. „Не все еще погибло, если онъ продолжаетъ свою рѣчь," думалъ каждый и свободнѣе дышалъ.

А вѣдь Грановскій не былъ ни боецъ, какъ Бѣлинскій, ни діалектикъ, какъ Бакунинъ. Его сила была не въ рѣзкой полемикѣ, не въ смѣломъ отрицаніи, а именно въ положительно нравственномъ вліяніи, въ безусловномъ довѣріи, которое онъ вселялъ, въ художественности его натуры, покойной ровности его духа, въ чистотѣ его характера и въ постоянномъ, глубокомъ протестѣ противъ существующаго порядка въ Россіи. Не только слова его дѣйствовали, но и его молчаніе: мысль его, не имѣя права высказаться, проступала такъ ярко въ чертахъ его лица, что ее трудно было не прочесть, особенно въ той странѣ, гдѣ узкое самовластье пріучило догадываться и понимать затаенное слово. Грановскій съумѣлъ въ мрачную годину гоненій отъ 1848 года до смерти Николая сохранить не только каѳедру, но и свой незаписимый образъ мыслей, и это потому, что въ немъ съ рыцарской отвагой, съ полной преданностью страстнаго убѣжденія, стройно сочетавалась женская нѣжность, мягкость формъ и та примиряющая стихія, о которой мы говорили.

Грановскій напоминаетъ мнѣ рядъ задумчиво покойныхъ проповѣдниковъ-революціонеровъ временъ реформаціи; не тѣхъ бурныхъ, грозныхъ, которые въ „гнѣвѣ своемъ чувствуютъ вполнѣ свою жизнь,“ какъ Лютеръ, а тѣхъ ясныхъ, кроткихъ, которые также просто надѣвали вѣнокъ славы на свою голову, какъ и терновый вѣнокъ. Они невозмущаемо тихи, идутъ твердымъ шагомъ, но не топаютъ; людей этихъ боятся судьи, имъ съ ними неловко; ихъ примирительная улыбка оставляетъ по себѣ угрызеніе совѣсти у палачей.

Таковъ былъ самъ Колиньи, лучшіе изъ Жирондистовъ и дѣйствительно Грановскій по всему строенію своей души, по ея романтическому складу, по нелюбви

къ крайностямъ скорѣе былъ бы гугенотъ и жирондистъ, чѣмъ анабаптистъ или монтаньяръ.

Вліяніе Грановскаго на университетъ и на все молодое поколѣніе было огромно и пережило его; длинную, свѣтлую полосу оставилъ онъ по себѣ. Я съ особеннымъ умиленіемъ смотрю на книги, посвященныя его памяти бывшими его студентами, на горячія, восторженныя строки объ немъ въ ихъ предисловіяхъ, въ журнальныхъ статьяхъ, на это юношески-прекрасное желаніе новый трудъ свой примкнуть къ дружеской тѣни, коснуться, начиная рѣчь, до его гроба, считать отъ него свою умственную генеалогію.

Развитіе Грановскаго не было похоже на наше: воспитанный въ Орлѣ, онъ попалъ въ петербургскій университетъ. Получая мало денегъ отъ отца онъ съ весьма молодыхъ лѣтъ долженъ былъ писать „по подряду“ журнальныя статьи. Онъ и другъ его Е. К., съ которымъ онъ встрѣтился тогда и остался съ тѣхъ поръ и до кончины въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ, работали на Сенковскаго, которому были нужны свѣжія силы и неопытные юноши, для того, чтобы претворять добросовѣстный трудъ ихъ въ шипучее цимлянское „Библіотеки для чтенія“

Собственно бурнаго періода страстей и разгула въ его жизни не было. Послѣ курса педагогическій институтъ послалъ его въ Германію. Въ Берлинѣ Грановскій встрѣтился съ Станкевичемъ, это важнѣйшее событіе всей его юности.*)

*) Прибавлено: *О Станкевичѣ мы говорили прежде, когда шла рѣчь о Бѣлинскомъ. Безслѣдно нельзя было подходить къ этой сильной умомъ и сильной поэзіей натурѣ. Онъ имѣлъ огромное вліяніе на своихъ друзей и товарищей и на всѣхъ оставилъ въ чемъ нибудь свой отпечатокъ. (Пол. Зв.* Т. IV, стр. 122)

Кто зналъ ихъ обоихъ, тотъ пойметъ, какъ быстро Грановскій и Станкевичъ должны были ринуться другъ къ другу. Въ нихъ было такъ много сходнаго въ нравѣ, въ направленіи, въ лѣтахъ... и оба носили въ груди своей роковой зародышъ преждевременной смерти. Но для кровной связи, для неразрывнаго родства людей сходства недостаточно. Та любовь только глубока и прочна, которая восполняетъ другъ друга, для дѣятельной любви, различіе нужно столько же, сколько сходство; безъ него чувство вяло, страдательно и обращается въ привычку.

Въ стремленіяхъ и силѣ двухъ юношей было огромное различіе. Станкевичъ, съ раннихъ лѣтъ закаленный гегелевской діалектикой, имѣлъ рѣзкія спекулятивныя способности, и если онъ вносилъ эстетическій элементъ въ свое мышленіе, то, безъ сомнѣнія, онъ столько же философію вносилъ въ свою эстетику. Грановскій, сильно сочувствуя тогдашнему научному направленію, не имѣлъ ни любви, ни таланта къ отвлеченному мышленію. Онъ очень вѣрно понялъ свое призваніе, избравъ главнымъ занятіемъ исторію. Изъ него никогда бы не вышелъ ни отвлеченный мыслитель, ни замѣчательный натуралистъ. Онъ не выдержалъ бы ни безстрастную нелицепріятность логики, ни безстрастную объективность природы; отрѣшаться отъ всего для мысли, или отрѣшаться отъ себя для наблюденія, онъ не могъ; человѣческія дѣла, напротивъ, страстно занимали его. И развѣ исторія не та-же мысль и не та-же природа, выраженныя инымъ проявленіемъ? Грановскій думалъ исторіей, учился исторіей и исторіей впослѣдствіи дѣлалъ пропаганду. А Станкевичъ привилъ ему поэтически и даромъ не только возрѣніе современной науки, но и ея пріемъ.

Педанты, которые каплями пота и одышкой измѣряютъ трудъ мысли, усомнятся въ этомъ... Ну, а какъ же, спросимъ мы ихъ, Прудонъ и Бѣлинскій, неужели они не лучше поняли — хоть бы методу Гегеля, чѣмъ всѣ схоласты, изучавшіе ее до потери волосъ и до морщинъ? А вѣдь ни тотъ ни другой не знали по нѣмецки, ни тотъ, ни другой не читали ни одного гегелевскаго произведенія, ни одной диссертаціи его *львыхъ и правыхъ* послѣдователей, а только иногда говорли объ его методѣ съ его учениками.

Жизнь Грановскаго въ Берлинѣ съ Станкевичемъ была, по разсказамъ одного и письмамъ другого, одной изъ ярко-свѣтлыхъ полосъ его существованія, гдѣ избытокъ молодости, силъ, первыхъ страстныхъ порывовъ, беззлобной иронін и шалости, шли вмѣстѣ съ серьезными учеными занятіями и все это согрѣтое, обнятое горячей, глубокой дружбой, такой, какою дружба только бываетъ въ юности.

Года черезъ два они разстались. Грановскій поѣхалъ въ Москву занимать свою каѳедру; Станкевичъ въ Италію лечиться отъ чахотки и умереть. Смерть Станкевича сразила Грановскаго. Онъ при мнѣ получилъ гораздо спустя медальонъ покойника; я рѣдко видѣлъ болѣе подавляющую, тихую, молчащую грусть.

Это было вскорѣ послѣ его женитьбы. Гармонія, окружавшая плавно и покойно его новый бытъ, подернулась траурнымъ крепомъ. Слѣды этого удара долго не проходили, не знаю, прошли ли вообще когда нибудь.

Жена его была очень молода и еще не совсѣмъ сложилась; въ ней сохранился тотъ особенный элементъ отроческой нестройности, даже апатіи, которая нерѣдко встрѣчается у молодыхъ дѣвушекъ съ бѣлокурыми

волосами и особенно германскаго происхожденія. Эти натуры, часто даровитыя и сильныя, поздно просыпаются и долго не могутъ придти въ себя. Толчекъ, заставившій молодую дѣвушку проснуться, былъ такъ нѣженъ и такъ лишенъ боли и борьбы, пришелъ такъ рано, что она едва замѣтила его. Кровь ея продолжала медленно и покойно переливаться по ея сердцу.

Любовь Грановскаго къ ней была тихая, кроткая дружба, больше глубокая и нѣжная, чѣмъ страстная. Что-то спокойное, трогательно-тихое царило въ ихъ молодомъ домѣ. Душѣ было хорошо видѣть иной разъ возлѣ Грановскаго, поглощеннаго своими занятіями, его высокую, гнущуюся, какъ вѣтка, молчаливую, влюбленную и счастливую подругу. Я и тутъ, глядя на нихъ, думалъ о тѣхъ ясныхъ и цѣломудренныхъ семьяхъ первыхъ протестантовъ, которыя безбоязненно пѣли гонимые псалмы, готовые рука въ руку спокойно и твердо идти передъ инквизитора.

Они мнѣ казались братомъ и сестрой, тѣмъ больше, что у нихъ не было дѣтей.

Мы*) быстро сблизились и видались почти каждый день; ночи сидѣли мы до разсвѣта, болтая обо всякой всячинѣ..... въ эти то потерянные часы и ими люди сростаются такъ неразрывно и безвозвратно.

Страшно мнѣ и больно думать, что впослѣдствіи мы на долго расходились съ Грановскимъ въ теоретическихъ убѣжденіяхъ. А онѣ для насъ не составляли постороннее, а истинную основу жизни. Но я тороплюсь впередъ заявить, что если время доказало, что мы могли розно понимать, могли не понимать другъ друга и огорчать, то еще больше времени доказало вдвое,

*) Варіантъ. Мы, *въ 1842 г.*, быстро и т. д. (Ibid.)

что мы не могли ни разойтись, ни сдѣлаться чужими что на это и самая смерть была безсильна.

Правда, гораздо позже между Грановскимъ и Огаревымъ, которые пламенно, глубоко любили другъ друга, протѣснилась сверхъ теоретической размолвки какая-то недобрая полоска, но мы увидимъ что и она, хотя поздно, но совершенно была снята.

Что касается до споровъ нашихъ, ихъ самъ Грановскій окончилъ, онъ заключилъ слѣдующими словами письмо ко мнѣ изъ Москвы въ Женеву 25 Августа 1849 года. Съ благочестіемъ и гордостію повторяю я ихъ:

„На дружбу мою къ вамъ двумъ (т. е. къ Огареву и ко мнѣ) ушли лучшія силы моей души. Въ ней есть доля страсти, заставлявшая меня плакать въ 1846 и обвинять себя въ безсиліи разорвать связь, которая по видимому не могла продолжаться. Почти съ отчаяніемъ замѣтилъ я, что вы прикрѣплены къ моей душѣ такими нитками, которыхъ нельзя перерѣзать, не захвативъ живаго мяса. Время это прошло не безъ пользы для меня. Я вышелъ побѣдителемъ изъ *худшей стороны* самаго себя. *Того романтизма, за который вы обвиняли меня, не осталось слѣда.* За то все, что было романтическое въ самой натурѣ моей, вошло въ мои личныя привязанности. Помнишь ли ты письмо мое по поводу твоего Крупова? Оно написано въ памятную мнѣ ночь. Съ души сошла черная пелена, твой образъ воскресъ передо мной во всей ясности своей, и я протянулъ тебѣ руку въ Парижѣ также легко и любовно, какъ протягивалъ въ лучшія, святыя минуты нашей московской жизни. Не талантъ твой только подѣйствовалъ на меня такъ сильно. Отъ этой пьэсы мнѣ повѣяло всѣмъ тобой. Когда то ты оскорблялъ меня, говоря,

„не полагай ничего на личное, вѣрь въ одно общее," а я всегда клалъ много на личное. Но личное и общее слилось для меня въ тебѣ. Отъ этого я такъ полно и горячо люблю тебя."

Пусть же эти строки вспомнятся при чтеніи моего разсказа о нашихъ размолвкахъ...*)

Въ концѣ 1843 года я печаталъ мои статьи о „Дилетантизмѣ въ наукѣ," успѣхъ ихъ былъ для Грановскаго источникомъ дѣтской радости. Онъ ѣздилъ съ *Отечественными Записками* изъ дому въ домъ, самъ читалъ вслухъ, коментировалъ и серьезно сердился, если онѣ кому не нравились. Вслѣдъ за тѣмъ пришлось и мнѣ видѣть успѣхъ Грановскаго, да и не такой. Я говорю о его первомъ публичномъ курсѣ средневѣковой исторіи Франціи и Англіи.

„Лекціи Грановскаго, сказалъ мнѣ Чаадаевъ, выходя съ третьяго или четвертаго чтенія изъ аудиторіи, биткомъ набитой дамами и всѣмъ московскимъ свѣтскимъ обществомъ, имѣютъ *историческое значеніе.*" Я совершенно съ нимъ согласенъ. Грановскій сдѣлалъ изъ аудиторіи гостинную, мѣсто свиданья, встрѣчи — beau monde'а. Для этого онъ не нарядилъ исторіи въ кружева и блонды, совсѣмъ напротивъ, его рѣчь была строга, чрезвычайно серьезна, исполнена силы, смѣлости и поэзіи, которыя мощно потрясали слушателей, будили ихъ. Смѣлость его сходила ему съ рукъ не отъ уступокъ, а отъ кротости выраженій, которая ему была такъ естественна, отъ отсутствія сентенцій à la française, ставящихъ огромныя точки на крошечныя і, въ родѣ нравоученій послѣ басни. Излагая событія, худо-

*) Вар. *Пусть же эти строки будутъ постоянно въ памяти тѣхъ, которые будутъ читать ту главу, въ которой я пишу о нашихъ размолвкахъ.* (ibid.)

жественно группируя ихъ, онъ говорилъ *ими*, такъ что мысль несказанная имъ, но совершенно ясная — представлялась тѣмъ знакомѣе слушателю, что она казалась его собственной мыслію.

Заключеніе перваго курса было для него настоящей овацiей, вещью неслыханной въ московскомъ университетѣ. Когда онъ, оканчивая, глубоко тронутый, благодарилъ публику—все вскочило въ какомъ-то опьяненіи, дамы махали платками, другіе бросились къ каѳедрѣ, жали ему руки, требовали его портрета. Я самъ видѣлъ молодыхъ людей съ раскраснѣвшимися щеками, кричавшихъ сквозь слезы „Браво! Браво!“ Выйти не было возможности, Грановскій блѣдный какъ полотно, сложа руки, стоялъ, слегка склоняя голову; ему хотѣлось еще сказать нѣсколько словъ, но онъ не могъ. Трескъ, вопль, неистовство одобренія удвоились, студенты построились на лѣстницѣ, въ аудиторіи они предоставили шумѣть гостямъ. Грановскій пробрался измученный въ совѣтъ; черезъ нѣсколько минутъ его увидѣли выходящаго изъ совѣта, и снова безконечное рукоплесканіе; онъ воротился, прося рукой пощады и изнемогая отъ волненія взошелъ въ правленіе. Тамъ бросился я ему на шею и мы молча заплакали.*)

... Такія слезы текли по моимъ щекамъ, когда герой Чичероваккіо въ Колизеѣ, освященномъ послѣдними лучами заходящаго солнца, отдавалъ возставшему и вооружившемуся народу *римскому* отрока-сына, за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ, какъ они оба пали разстрѣлянные безъ суда, военными палачами вѣнчаннаго мальчишки!

*) Послѣ этого: *Это одни изъ лучшихъ, святѣйшихъ слезъ моихъ —радостныхъ до умиленія, до грусти.* (ibid).

Да, это были дорогія слезы, одними я вѣрилъ въ Россію, другими въ революцію!

Гдѣ революція? Гдѣ Грановскій? Тамъ гдѣ и отрокъ съ черными кудрями и широкоплечій Popolano, и другіе близкіе, близкіе намъ. Осталась еще вѣра въ Россію. Неужели и отъ нея придется отвыкать?

И зачѣмъ тупая случайность унесла Грановскаго, этого благороднаго дѣятеля, этого глубоко настрадавшагося человѣка въ самомъ началѣ какого-то другого времени для Россіи, еще неяснаго, но все таки другого; зачѣмъ не дала она ему подышать новымъ воздухомъ, которымъ повѣяло у насъ и который не такъ крѣпко пахнетъ застѣнкомъ и казармами!

Грубо поразила меня вѣсть о его смерти. Я шелъ въ Ричмондѣ на желѣзную дорогу, когда мнѣ подали письмо. Я прочиталъ его вдучи и истинно сразу не понялъ. Я сѣлъ въ вагонъ, письма не хотѣлось перечитывать, я боялся его. Посторонніе люди, съ глупыми, уродливыми лицами входили, выходили, машина свистала, я смотрѣлъ на все и думалъ: „Да это вздоръ! Какъ? этотъ человѣкъ въ цвѣтѣ лѣтъ, онъ, котораго улыбка, взглядъ у меня передъ глазами — его будто нѣтъ?...“ меня клонилъ тяжелый сонъ и мнѣ было страшно холодно. Въ Лондонѣ со мной встрѣтился А. Таляндье; здороваясь съ нимъ, я сказалъ, что получилъ дурное письмо, и какъ будто самъ только что услышалъ вѣсть, не могъ удержать слезъ.

Мало было у насъ сношеній въ послѣднее время, но мнѣ *нужно* было знать, что тамъ — вдали, на нашей родинѣ *живетъ* этотъ человѣкъ!

Безъ него стало пусто въ Москвѣ, еще связь порвалась!... Удастся ли мнѣ, когда нибудь, одному вдали ото всѣхъ посѣтить его могилу — она скрыла такъ

много силъ, будущаго, думъ, любви, жизни—какъ другая, не совсѣмъ чуждая ему могила на *которой я былъ!*

Тамъ перечту я строки грустнаго примиренія, которыя такъ близки мнѣ, что я ихъ выпросилъ въ даръ *нашимъ* воспоминаніямъ.

МЕРТВОМУ ДРУГУ.

То было осенью унылой...
Средь урнъ надгробныхъ и камней
Свѣжа была твоя могила
Недавней насыпью своей.
Дары любви, дары печали —
Рукой твоихъ учениковъ
На ней разсыпаны лежали
Вѣнки изъ листьевъ и цвѣтовъ.
Надъ ней суровымъ днямъ послушна —
Кладбища сторожъ вѣковой, —
Сосна качала равнодушно
Зелено-грустною главой,
И рѣчка, берегъ омывая,
Волной безслѣдною вблизи
Лилась, лилась, не отдыхая
Вдоль нескончаемой стези.

***

Твоею дружбой не согрѣта
Вдали шла долго жизнь моя
И словъ послѣдняго привѣта
Изъ устъ твоихъ не слышалъ я.
Размолвкой нашей недовольный
Ты, можетъ, глубоко скорбѣлъ;
Обиды горькой, но невольной
Тебѣ простить я не успѣлъ.
Никто изъ насъ не могъ быть злобенъ,
Никто, тая строптивый нравъ,
Былъ повиниться не способенъ,
Но каждый думалъ, что онъ правъ.
И ѣхалъ я на примиренье,

Я жаждалъ искренно сказать
Тебѣ сердечное прощенье
И отъ тебя его принять...
Но было поздно.....
Въ день унылый,
Въ глухую осень, одинокъ
Стоялъ я у твоей могилы
И все опомниться не могъ.
Я, стало, не увижу друга?
Твой взоръ потухъ и навсегда?
Твой голосъ смолкъ среди недуга?
Меня отнынѣ никогда
Ты въ часъ свиданья не обнимешь,
Не молвишь въ проводъ ничего?
Ты сердцемъ любящимъ не принимешь
Признаній сердца моего?
Все кончено, все невозвратно —
Какъ правды ужасъ ни таи!
Шептали что-то непонятно
Уста холодныя мои
И дрожь цо тѣлу пробѣгала,
Мнѣ кто то говорилъ укоръ,
Къ груди рыданье подступало,
Мѣшался умъ, мутился взоръ,
И кровь по жиламъ стыла, стыла.....
Скорѣй на воздухъ! дайте свѣтъ!
О! это страшно, страшно было,
Какъ сонъ гнетущій или бредъ.....

***

Я пережилъ — и вновь блуждаетъ
Жизнь между дѣла и утѣхъ,
Но въ сердцѣ скорбь не заживаетъ
И слезы чуятся сквозь смѣхъ.
Въ наслѣдье мнѣ дала утрата
Портретъ съ умершаго чела,
Гляжу — и будто образъ брата
У сердца смерть не отняла:
И вдругъ мечта на умъ приходитъ,
Что это только мирный сонъ;
Онъ это спитъ, улыбка бродитъ,
И завтра вновь проснется онъ;

Раздастся голосъ благородный
И юношамъ въ завѣтный даръ
Онъ принесетъ и духъ свободный,
И мысли свѣтъ, и сердца жаръ..... —
Но снова въ памяти унылой
Рядъ урнъ надгробныхъ и камней
И насыпь свѣжая могилы
Въ цвѣтахъ и листьяхъ, и надъ ней,
Дыханью осени послушна —
Кладбища сторожъ вѣковой—
Сосна качаетъ равнодушно
Зелено-грустною главой,
И волны, берегъ омывая,
Бѣгутъ, спѣшатъ, не отдыхая.

Грановскій не былъ гонимъ. Передъ его взглядомъ печальнаго укора остановилась николаевская опричина. Онъ умеръ, окруженный любовью новаго поколѣнія, сочувствіемъ всей образованной Россіи, признаніемъ своихъ враговъ. Но тѣмъ не меньше я удерживаю мое выраженіе, да, онъ много страдалъ. Не однѣ желѣзныя цѣпи перетираютъ жизнь; Чаадаевъ въ единственномъ письмѣ, которое онъ мнѣ писалъ за границу (20 Іюля 1851) говоритъ о томъ, что онъ гибнетъ, слабѣетъ и быстрыми шагами приближается къ концу, — „не отъ того угнетенія, противъ котораго возстаютъ люди, а того, которое они сносятъ съ какимъ-то трогательнымъ умиленіемъ и которое по этому самому пагубнѣе перваго.“

Передо мною лежатъ три-четыре письма, которыя я получилъ отъ Грановскаго въ послѣдніе годы; какая разъѣдающая, мертвящая грусть въ каждой строкѣ!

„Положеніе наше, пишетъ онъ въ 1850 году, становится нестерпимѣе день отъ дня. Всякое движеніе на Западѣ отзывается у насъ стѣснительной мѣрой. Доносы идутъ тысячами. Обо мнѣ въ теченіи трехъ мѣ-

сяцевъ два раза собирали справки. Но что значитъ личная опасность въ сравненіи съ общимъ страданіемъ и гнетомъ. Университеты предполагалось закрыть, теперь ограничились слѣдующими уже приведенными въ исполненіе мѣрами: возвысили плату со студентовъ и уменьшили ихъ число закономъ, въ силу котораго не можетъ быть въ университетѣ больше 300 студентовъ. Въ московскомъ 1,400 человѣкъ студентовъ, стало быть надобно выпустить 1,200, чтобъ имѣть право принять сотню новыхъ. Дворянскій институтъ закрытъ, многимъ заведеніямъ грозитъ таже участь, напр. Лицею. Деспотизмъ громко говоритъ, что онъ не можетъ ужиться съ просвѣщеніемъ. Для кадетскихъ корпусовъ составлены новыя программы. Іезуиты позавидовали бы военному педагогу составителю этой программы. Священнику предписано внушать кадетамъ, что величіе Христа заключалось преимущественно въ покорности властямъ. Онъ выставляется образцомъ подчиненія и дисциплины. Учитель исторіи долженъ разоблачать мишурныя добродѣтели древнихъ республикъ и показать величіе не понятой историками—римской имперіи, которой не доставало только одного—наслѣдственности!...

...„Есть съ чего сойти съ ума. Благо Бѣлинскому, умершему во время. Много порядочныхъ людей впали въ отчаяніе и съ тупымъ спокойствіемъ смотрятъ на происходящее,—когда же развалится этотъ міръ?...

„Я рѣшился не идти въ отставку и ждать на мѣстѣ совершенія судебъ. Кое-что можно дѣлать, пусть выгонятъ сами.

...„Вчера пришло извѣстіе о смерти Галахова, а на дняхъ разнесся слухъ и о твоей смерти. Когда мнѣ сказали это, я готовъ былъ хохотать отъ всей души. А

впрочемъ почему же и не умереть тебѣ? Вѣдь это не было бы глупѣе остальнаго.“

Осенью 1853 года онъ пишетъ: „Сердце ноетъ при мысли, чѣмъ мы были прежде (т. е. при мнѣ) и чѣмъ стали теперь. Вино пьемъ по старой памяти, но веселья въ сердцѣ нѣтъ; только при воспоминаніи о тебѣ молодѣетъ душа. Лучшая, отраднѣйшая мечта моя въ настоящее время еще разъ увидѣть тебя — да и она кажется не сбудется.“

Одно изъ послѣднихъ писемъ онъ заключаетъ такъ: „Слышенъ глухой, общій ропотъ, но гдѣ силы? Гдѣ противудѣйствіе? Тяжело, братъ, — а выхода нѣтъ *живому*.“

Быстро на нашемъ Сѣверѣ дикое самовластіе изнашиваетъ людей. Я съ внутренней боязнію осматриваюсь назадъ, точно на полѣ сраженія, — мертвые, да изуродованные...

Грановскій былъ не одинъ, а въ числѣ нѣсколькихъ молодыхъ профессоровъ, возвратившихся изъ Германіи во время нашей ссылки. Они сильно двинули впередъ московскій университетъ, исторія ихъ не забудетъ. Люди добросовѣстной учености, ученики Гегеля, Ганса, Риттера и др.. они слушали ихъ именно въ то время, когда остовъ діалектики сталъ обростать мясомъ, когда наука перестала считать себя противоположною жизни, когда Гансъ приходилъ на лекцію не съ древнимъ фоліантомъ въ рукѣ, а съ послѣднимъ нумеромъ парижскаго или лондонскаго журнала. Діалектическимъ настроеніемъ пробовали тогда рѣшить историческіе вопросы въ современности, это было невозможно, но привело факты къ болѣе свѣтлому сознанію.

Наши профессора привезли съ собою эти завѣтныя мечты, горячую вѣру въ науку и людей; они сохранили

весь пылъ юности и каѳедры для нихъ были святыми налоями, съ которыхъ они были призваны благовѣстить истину; они являлись въ аудиторію не цѣховыми учеными, а миссіонерами человѣческой религіи.

И гдѣ вся эта плеяда молодыхъ доцентовъ, начиная съ лучшаго изъ нихъ, съ Грановскаго? Милый, блестящій, умный, ученый Крюковъ умеръ лѣтъ 35 отроду. Еллинистъ Печеринъ, побился, побился въ страшной русской жизни, не вытерпѣлъ и ушелъ безъ цѣли, безъ средствъ, надломленный и больной въ чужіе края, скитался безпріютнымъ сиротой, сдѣлался іезуитскимъ священникомъ и жжетъ протестантскія библіи въ Ирландіи. Рѣдкинъ постригся въ гражданскіе монахи, служитъ себѣ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и пишетъ боговдохновенныя статьи съ текстами. Крыловъ — но довольно. — La toile! La toile!

ГЛАВА XXX.

НЕ НАШИ.

Славянофилы и панславизмъ — Хомяковъ, Киреевскіе, К. Аксаковъ — П. Я. Чаадаевъ.

> Да, мы были противниками ихъ, но очень странными. У насъ была *одна* любовь, но не одинокая — и мы, какъ Янусъ или какъ двуглавый орелъ, смотрѣли въ разныя стороны въ то время какъ *сердце билось одно.*
> *Колоколъ*, листъ 90 (На смерть К. С. Аксакова.)

I.

Рядомъ съ нашимъ кругомъ были наши противники, nos amis les ennemis, или вѣрнѣе, nos ennemis les amis — московскіе славянофилы.

Борьба *) между нами давно кончилась и мы протянули другъ другу руки; но въ началѣ сороковыхъ годовъ, мы должны были встрѣтиться враждебно — этого требовала послѣдовательность нашимъ началамъ. Мы могли бы не ссориться изъ за ихъ дѣтскаго поклоненія дѣтскому періоду нашей исторіи; но принимая за серьезное ихъ православіе, но видя ихъ церковную нетерпимость въ обѣ стороны, въ сторону науки и въ сторону раскола — мы должны были враждебно стать противъ нихъ. Мы видѣли въ ихъ ученіи новый елей, помазывающій царя, новую цѣпь, налагаемую на мысль, новое подчиненіе совѣсти раболѣпной византійской церкви.**)

На славянофилахъ†) лежитъ грѣхъ, что мы долго не понимали ни народа русскаго, ни его исторіи; ихъ иконописные идеалы и дымъ ладана мѣшали намъ разглядѣть народный бытъ и основы сельской жизни.

Православіе славянофиловъ, ихъ историческій патріотизмъ и преувеличенное, раздражительное чувство народности были вызваны крайностями въ другую сторону. Важность ихъ воззрѣнія, его истина и существенная часть вовсе не въ православіи и не въ исключительной народности, а въ тѣхъ *стихіяхъ* русской жизни, которыя они открыли подъ удобреніемъ искуственной цивилизаціи.

Идея народности, сама по себѣ, идея консервативная — выгораживаніе своихъ правъ, противуположеніе себя

*) Въ *Пол. Зв*: *война.*

**) Варіантъ. *Пол. Зв.* Т. IV, стр. 142.: *помазывающей благочестивѣйшаго самодержца всероссійскаго, новую цѣпь налагаемую на независимую мысль, новое подчиненіе ее какому то монастырскому чину азіатской церкви, всегда колѣнопреклоненной передъ свѣтской властью.*

†) Тамъ же: *Славянахъ.*

другому; въ ней есть и юдапческое понятіе о превосходствѣ племени, и аристократическія притязанія на чистоту крови и на маіоратъ. Народность, какъ знамя, какъ боевой крикъ, только тогда окружается революціонной ореолой, когда народъ борется за независимость, когда свергаетъ иноземное иго. Оттого-то національныя чувства, со всѣми ихъ преувеличеніями, исполнены поэзіи въ Италіи, въ Польшѣ, и въ тоже время пошлы въ Германіи.

Намъ доказывать нашу народность, было бы еще смѣшнѣе, чѣмъ нѣмцамъ, въ ней не сомнѣваются даже тѣ, которые насъ бранятъ, они насъ ненавидятъ отъ страха, но не отрицаютъ, какъ Меттернихъ отрицалъ Италію. Намъ надо было противупоставить нашу народность противъ онѣмеченнаго правительства и своихъ ренегатовъ. Эту домашнюю борьбу нельзя было поднять до эпоса. Появленіе славянофиловъ, какъ школы и какъ особаго ученья было совершенно на мѣстѣ; но еслибъ у нихъ не нашлось другаго знамени, какъ православная хоругвь, другаго идеала, какъ „Домострой“ и очень русская, но чрезвычайно тяжелая жизнь допетровская, они прошли бы курьезной партіей оборотней и чудаковъ, принадлежащихъ другому времени. Сила и будущность славянофиловъ лежала не тамъ. Кладъ ихъ можетъ и былъ спрятанъ въ церковной утвари старинной работы, но цѣнность то его была не въ сосудѣ и не въ формѣ. Они не дѣлили ихъ сначала.

Къ собственнымъ историческимъ воспоминаніямъ прибавились воспоминанія всѣхъ единоплеменныхъ народовъ. Сочувствіе къ западному панславизму приняли наши славянофилы за тождество дѣла и направленія, забывая, что тамъ исключительный національзмъ былъ съ тѣмъ вмѣстѣ вопіемъ притѣсненнаго чужестран-

нымъ игомъ народа. Западный панславизмъ, при появленіи своемъ, былъ принятъ самимъ австрійскимъ правительствомъ за шагъ консервативный. Онъ развился въ печальную эпоху вѣнскаго конгресса. Это было вообще время всяческихъ воскресеній и возстановленій, время всевозможныхъ Лазарей, свѣжихъ и смердящихъ. Рядомъ съ Тейчтумомъ, шедшимъ на воскресеніе *счастливыхъ* временъ Барбароссы и Гогенштауфеновъ, явился чешскій панславизмъ. Правительства были рады этому направленію и сначала поощряли развитіе международныхъ ненавистей; массы снова лѣпились около племеннаго родства, узелъ котораго затягивался туже, и снова отдалялись отъ общихъ требованій улучшенія своего быта; границы ставились непреходимѣе, связь и сочувствіе между народами обрывались. Само собой разумѣется, что однимъ апатическимъ или слабымъ народностямъ позволяли просыпаться и именно до тѣхъ поръ, пока дѣятельность ихъ ограничивалась ученоархеографическими занятіями и этимологическими спорами. Въ Миланѣ, въ Польшѣ, гдѣ національность никакъ не ограничилась бы грамматикой, ее держали въ ежевыхъ рукахъ.

Чешскій панславизмъ подзадорилъ славянскія сочувствія въ Россіи.

Славянизмъ или руссицизмъ, не какъ теорія, не какъ ученіе, а какъ оскорбленное народное чувство, какъ темное воспоминаніе и вѣрный инстинктъ, какъ противудѣйствіе исключительно иностранному вліянію, существовалъ со времени обритія первой бороды Петромъ I.

Противудѣйствіе петербургскому терроризму образованія никогда не перемежалось: казненное, четвертованное, повѣшенное на зубцахъ Кремля и тамъ при-

стрѣленное Менщиковымъ и другими царскими *потѣшниками*, въ видѣ буйныхъ стрѣльцевъ; отравленное въ равелинѣ петербургской крѣпости, въ видѣ царевича Алексѣя, оно является какъ партія Долгорукихъ при Петрѣ II, какъ ненависть къ нѣмцамъ при Биронѣ, какъ Пугачевъ при Екатеринѣ II, какъ сама Екатерина II, православная нѣмка при прусскомъ голштинцѣ Петрѣ III, какъ Елизавета, опиравшаяся на тогдашнихъ славянофиловъ, чтобъ сѣсть на престолъ (народъ въ Москвѣ ждалъ, что при ея коронаціи изобьютъ всѣхъ нѣмцевъ).

Всѣ раскольники славянофилы.

Все бѣлое и черное духовенство славянофилы другого рода.

Солдаты, требовавшіе смѣны Барклая-де-Толли за его нѣмецкую фамилію, были предшественники Хомякова и его друзей.

Война 1812 г. сильно развила чувство народнаго сознанія и любви къ родинѣ, но патріотизмъ 1812 г. не имѣлъ старообрядчески-славянскаго характера. Мы его видимъ въ Карамзинѣ и Пушкинѣ, въ самомъ императорѣ Александрѣ. Практически онъ былъ выраженіемъ того инстинкта силы, который чувствуютъ всѣ могучіе народы, когда чужіе ихъ задѣваютъ; потомъ это было торжественное чувство побѣды, гордое сознаніе даннаго отпора. Но теорія его была слаба; для того, чтобъ любить русскую исторію, патріоты ее перекладывали на европейскіе нравы; они вообще переводили съ французскаго на русскій языкъ римско-греческій патріотизмъ и не шли далѣе стиха

Pour un coeur bien né, que la patrie est chère!

Правда, Шишковъ бредилъ уже и тогда о возстанов-

леніи стараго слога, но вліяніе его было ограничено. Что же касается до настоящаго народнаго слога, его зналъ одинъ офранцуженный графъ Ростопчинъ въ своихъ прокламаціяхъ и воззваніяхъ.

По мѣрѣ того, какъ война забывалась, патріотизмъ этотъ утихалъ и выродился наконецъ, съ одной стороны, въ подлую циническую лесть *Сѣверной Пчелы*, съ другой, въ пошлый загоскинскій патріотизмъ, называющій Шую—Манчестеромъ, Шебуева — Рафаэлемъ, хвастающій штыками и пространствомъ отъ льдовъ Торнео до горъ Тавриды...

При Николаѣ патріотизмъ превратился въ что-то кнутовое, полицейское, особенно въ Петербургѣ, гдѣ это дикое направленіе окончилось сообразно космополитическому характеру города, *изобрѣтеніемъ* народнаго гимна по Себастьяну Баху,*) и Прокопіемъ Ляпуновымъ—по Шиллеру.**)

*) Сперва народный гимнъ пѣли пренаивно на голосъ God save the King, да сверхъ того, его и не пѣли почти никогда. Все это нововведенія николаевскія. Съ польской войны велѣли, въ царскіе дни и на большихъ концертахъ пѣть народный гимнъ, составленный *корпуса жандармовъ* полковникомъ Львовымъ.

Императоръ Александръ былъ слишкомъ хорошо воспитанъ, чтобъ любить грубую лесть; онъ съ отвращеніемъ слушалъ въ Парижѣ презрительныя и ползающія у ногъ побѣдителя рѣчи академиковъ. Разъ, встрѣтивъ въ своей передней Шатобріана, онъ ему показалъ послѣдній нумеръ Journal des Débats и прибавилъ: „Я васъ увѣряю, что такихъ плоскихъ низостей, я ни разу не видалъ ни въ одной русской газетѣ.“ Но при Николаѣ нашлись литераторы, которые оправдали его монаршее довѣріе и заткнули за поясъ всѣхъ журналистовъ 1814 года, даже нѣкоторыхъ префектовъ 1852. Булгаринъ писалъ въ „Сѣверной Пчелѣ,“ что между прочими выгодами желѣзной дороги между Москвой и Петербургомъ, онъ не можетъ безъ умиленія вздумать, что одинъ и тотъ же человѣкъ будетъ въ возможности утромъ отслужить молебенъ о здравіи государя императора въ казанскомъ соборѣ, а вечеромъ другой въ

Для того, чтобъ отрѣзаться отъ Европы, отъ просвѣщенія, отъ революціи, пугавшей его съ 14 Декабря, Николай, съ своей стороны, поднялъ хоругвь *православія, самодержавія* и *народности*, отдѣланную на манеръ прусскаго штандарта и поддерживаемую чѣмъ ни попало — дикими романами Загоскина, дикой иконописью, дикой архитектурой, Уваровымъ, преслѣдованіемъ уніатъ и *Рукой Всевышняго отечество спасла.*

Встрѣча московскихъ славянофиловъ съ петербургскимъ славянофильствомъ Николая была для нихъ большимъ несчастіемъ. Николай бѣжалъ въ народность и православіе отъ революціонныхъ идей. Общаго между ними ничего не было, кромѣ словъ. Ихъ крайности и нелѣпости все же были безкорыстно нелѣпы и безъ всякаго отношенія къ III отдѣленію или къ Управѣ благочинія. Что разумѣется нисколько не мѣшало ихъ нелѣпостямъ быть чрезвычайно нелѣпыми.

Такъ, напримѣръ, въ концѣ тридцатыхъ годовъ, былъ въ Москвѣ, проѣздомъ, панславистъ Гай, игравшій потомъ какую-то неясную роль, какъ кроатскій

Кремлѣ! Казалось бы трудно превзойти эту страшную нелѣпость но нашелся въ Москвѣ литераторъ, перещеголявшій Ѳаддея Бенедиктовича. Въ одинъ изъ пріѣздовъ Николая въ Москву, одинъ ученый профессоръ написалъ статью, въ которой онъ, говоря о массѣ народа, толпившейся передъ дворцомъ, прибавляетъ, что стоило бы царю изъявить малѣйшее желаніе — и эти тысячи, пришедшія лицезрѣть его, радостно бросились бы въ Москву-рѣку. Фразу эту вымаралъ г. С. Г. Строгоновъ, *разсказывавшій мнѣ* этотъ милый анекдотъ.

**) Я былъ на первомъ представленіи „Ляпунова“ въ Москвѣ и видѣлъ, какъ Ляпуновъ засучиваетъ рукава и говоритъ что-то въ родѣ: „потѣшусь я въ польской крови.“ Глухой стонъ отвращенія вырвался изъ груди всего партера; даже жандармы, квартальные и люди креселъ на которыхъ нумера какъ-то *стерты*, не нашли силъ аплодировать.

агитаторъ и въ тоже время близкій человѣкъ Бана Іелачича. Москвитяне вѣрятъ вообще всѣмъ иностранцамъ; Гай былъ больше чѣмъ иностранецъ, больше чѣмъ свой — онъ былъ то и другое. Ему стало быть не трудно было разжалобить нашихъ славянъ судьбою страждущей и православной братіи въ Далмаціи и Кроаціи; огромная подписка была сдѣлана въ нѣсколько дней и сверхъ того Гаю былъ данъ обѣдъ во имя всѣхъ сербскихъ и русняцкихъ симпатій. За обѣдомъ одинъ изъ нѣжнѣшихъ по голосу и по занятіямъ славянофиловъ, человѣкъ *краснаго* православія, разгоряченный вѣроятно тостами за черногорскаго владыку, за разныхъ великихъ босняковъ, чеховъ и словаковъ, импровизировалъ стихи, въ которыхъ было слѣдующее, не вовсе христіанское выраженіе:

Упьюся я кровью мадьяровъ и нѣмцевъ,

всѣ неповрежденные съ отвращеніемъ услышали эту фразу. По счастію, остроумный статистикъ Андросовъ выручилъ кровожаднаго пѣвца; онъ вскочилъ съ своего стула, схватилъ десертный ножикъ и сказалъ: „Господа, извините меня, я васъ оставлю на минуту; мнѣ пришло въ голову, что хозяинъ моего дома, старикъ настройщикъ Диць — нѣмецъ; я сбѣгаю его прирѣзать и сейчасъ возвращусь.“

Громъ смѣха заглушилъ негодованіе.

Въ такую-то кровожадную въ *тостахъ* партію сложились московскіе славяне во время нашей ссылки и моей жизни въ Петербургѣ и Новгородѣ.

Страстный и вообще полемическій характеръ славянской партіи особенно развился вслѣдствіе критическихъ статей Бѣлинскаго; и еще прежде нихъ, они должны были сомкнуть свои ряды и высказаться при появленіи письма Чаадаева и шумѣ, который оно вызвало.

Письмо Чаадаева было своего рода послѣднее слово, рубежъ. Это былъ выстрѣлъ, раздавшійся въ темную ночь; тонуло ли что и возвѣщало свою гибель, былъ ли это сигналъ, зовъ на помощь, вѣсть объ утрѣ или о томъ, что его не будетъ — все равно, надобно было проснуться.

Что кажется значатъ два, три листа, помѣщенныхъ въ ежемѣсячномъ обозрѣніи? а между тѣмъ, такова сила рѣчи сказанной, такова мощь слова въ странѣ молчащей и не привыкнувшей къ независимому говору, что письмо Чаадаева потрясло всю мыслящую Россію. Оно имѣло полное право на это. Послѣ *Горе отъ ума* не было ни одного литературнаго произведенія, которое сдѣлало бы такое сильное впечатлѣніе. Между ними — десятилѣтнее молчаніе, 14 Декабря, висѣлицы, каторга, Николай. Петровскій періодъ переломился съ двухъ концовъ. Пустое мѣсто, оставленное сильными людьми, сосланными въ Сибирь, не замѣщалось. Мысль томилась, работала — но еще ни до чего не доходила. Говорить было опасно—да и нечего было сказать; вдругъ тихо поднялась какая-то печальная фигура и потребовала рѣчи для того, чтобъ спокойно сказать свое lasciate ogni speranza.

Лѣтомъ 1836 года, я спокойно сидѣлъ за своимъ письменнымъ столомъ въ Вяткѣ, когда почтальонъ принесъ мнѣ послѣднюю книжку Телескопа. Надобно жить въ ссылкѣ и глуши, чтобъ оцѣнить, что значитъ новая книга. Я разумѣется бросилъ все и принялся разрѣзывать Телескопъ — „Философскія письма,“ писанныя къ дамѣ, безъ подписи. Въ подстрочномъ замѣчаніи было сказано, что письма эти писаны русскимъ по французски, т. е. что это переводъ. Все это скорѣе предупредило меня противъ статьи, чѣмъ въ ея пользу и я принялся читать критику и смѣсь.

Наконецъ дошелъ чередъ и до письма. Съ второй, третьей страницы, меня остановилъ печально-серьезный тонъ: отъ каждаго слова вѣяло долгимъ страданіемъ, уже охлажденнымъ, но еще озлобленнымъ. Эдакъ пишуть только люди долго думавшіе, много думавшіе и много испытавшіе жизнью, а не теоріей..... читаю далѣе — письмо ростетъ, оно становится мрачнымъ обвинительнымъ актомъ противъ Россіи, протестомъ личности которая за все вынесенное, хочетъ высказать часть накопившагося на сердцѣ.

Я раза два останавливался, чтобъ отдохнуть и дать улечься мыслямъ и чувствамъ и потомъ снова читалъ и читалъ. И это напечатано по русски непзвѣстнымъ авторомъ... я боялся, не сошелъ ли я съ ума. Потомъ я перечитывалъ „письмо“ Витбергу, потомъ С., молодому учителю вятской гимназіи, потомъ опять себѣ.

Весьма вѣроятно, что тоже самое происходило въ разныхъ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ, въ столицахъ и господскихъ домахъ. Имя автора я узналъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ.

Долго оторванная отъ народа часть Россіи пострадала молча, подъ самымъ прозаическимъ, бездарнымъ, ничего не дающимъ въ замѣну игомъ. Каждый чувствовалъ гнетъ, у каждаго было *что-то* на сердцѣ и все-таки всѣ молчали; наконецъ пришелъ человѣкъ, который по своему сказалъ *что*. Онъ сказалъ только про боль, свѣтлаго ничего нѣтъ въ его словахъ, да нѣтъ ничего и во взглядѣ. Письмо Чаадаева безжалостный крикъ боли и упрека петровской Россіи, она имѣла право на него; развѣ эта среда жалѣла, щадила автора или кого нибудь?

Разумѣется такой голосъ долженъ былъ вызвать противъ себя оппозицію или онъ былъ бы совершенно

правъ, говоря, что прошедшее Россіи пусто, настоящее невыносимо, а будущаго для нея вовсе нѣтъ, что это „пробѣлъ разумѣнія, грозный урокъ данный народамъ — до чего отчужденіе и рабство могутъ довести.“ Это было покаяніе и обвиненіе; знать впередъ *чѣмъ* примириться—не дѣло раскаянія, не дѣло протеста, или сознаніе въ винѣ — шутка, и искупленіе — неискренно.

Но оно и не прошло такъ: на минуту всѣ, даже сонные и забитые отпрянули, испугавшись зловѣщаго голоса. Всѣ были изумлены, большинство оскорблено, человѣкъ десять громко и горячо рукоплескали автору. Толки въ гостинныхъ предупредили мѣры правительства, накликали ихъ. Нѣмецкаго происхожденія русскій патріотъ Вигель, (извѣстный не съ лицевой стороны по эпиграммѣ Пушкина), пустилъ дѣло въ ходъ.

Обозрѣніе было тотчасъ запрещено; Болдыревъ, старикъ, ректоръ московскаго университета и цензоръ былъ отставленъ; Надеждинъ, издатель, сосланъ въ Усть-Сысольскъ; Чаадаева Николай приказалъ объявить *сумасшедшимъ* и обязать подпиской *ничего* не писать. Всякую субботу пріѣзжалъ къ нему докторъ и полицмейстеръ, они свидѣтельствовали его и дѣлали донесеніе, т. е. выдавали за своей подписью *пятьдесятъ два фальшивыхъ свидѣтельства по высочайшему повелѣнію* — умно и нравственно. Наказанные разумѣется были они; Чаадаевъ съ глубокимъ презрѣніемъ смотрѣлъ на эти шалости въ самомъ дѣлѣ поврежденнаго своеволья власти. Ни докторъ, ни полицмейстеръ никогда не запкались, за чѣмъ они пріѣзжали.

Я видѣлъ Чаадаева прежде моей ссылки одинъ разъ. Это было въ самый день взятія Огарева. Я упомянулъ, что въ тотъ день у М. Ѳ. Орлова былъ обѣдъ. Всѣ гости были въ сборѣ, когда взошелъ холодно кланяясь

человѣкъ, котораго оригинальная наружность, красивая и самобытно рѣзкая, должна была каждаго остановить на себѣ. Орловъ взялъ меня за руку и представилъ, это былъ Чаадаевъ. Я мало помню объ этой первой встрѣчѣ, мнѣ было не до него; онъ былъ какъ всегда холоденъ, серьезенъ, уменъ и золъ. Послѣ обѣда, Раевская, мать Орловой, сказала мнѣ: „Что вы такъ печальны, ахъ молодые люди, молодые люди, какіе вы нынче стали!“—„А вы думаете, сказалъ Чаадаевъ, что нынче еще есть молодые люди?“ вотъ все, что осталось у меня въ памяти.

Возвратившись въ Москву я сблизился съ нимъ и съ тѣхъ поръ до отъѣзда мы были съ нимъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ.

Печальная и самобытная фигура Чаадаева рѣзко отдѣляется какимъ-то грустнымъ упрекомъ на линючемъ и тяжеломъ фондѣ московской high life. Я любилъ смотрѣть на него середь этой мишурной знати, вѣтреныхъ сенаторовъ, сѣдыхъ повѣсъ и почетнаго ничтожества. Какъ бы ни была густа толпа, глазъ находилъ его тотчасъ; лѣта не исказили стройнаго стана его, онъ одѣвался очень тщательно, блѣдное, нѣжное лицо его было совершенно неподвижно, когда онъ молчалъ, какъ будто изъ воску или изъ мрамора, „чело какъ черепъ голый,“ сѣро-голубые глаза были печальны и съ тѣмъ вмѣстѣ имѣли что-то доброе, тонкія губы напротивъ улыбались иронически. Десять лѣтъ стоялъ онъ сложа руки гдѣ-нибудь у колонны, у дерева на бульварѣ, въ залахъ и театрахъ, въ клубѣ и — воплощеннымъ veto, живой протестаціей смотрѣлъ на вихрь лицъ, безсмысленно вертѣвшихся около него, капризничалъ, дѣлался страннымъ, отчуждался отъ общества, не могъ его покинуть, потомъ сказалъ свое слово, спокойно спрятавъ,

какъ пряталъ въ своихъ чертахъ страсть подъ ледяной корой. Потомъ опять умолкъ, опять являлся капризнымъ, недовольнымъ, раздраженнымъ, опять тяготѣлъ надъ московскимъ обществомъ и опять не покидалъ его. Старикамъ и молодымъ было не ловко съ нимъ, не по-себѣ; они, богъ знаетъ отчего, стыдились его неподвижнаго лица, его прямо смотрящаго взгляда, его печальной насмѣшки, его язвительнаго снисхожденія. Что-же заставляло ихъ принимать его, звать... и еще больше ѣздить къ нему? Вопросъ очень серьезный.

Чаадаевъ не былъ богатъ, особенно въ послѣдніе годы; онъ не былъ и знатенъ; ротмистръ въ отставкѣ съ желѣзнымъ кульмскимъ крестомъ на груди. Онъ, правда, по словамъ Пушкина, "въ Римѣ былъ бы Брутъ,

... въ Аѳинахъ Периклесъ,
Но здѣсь подъ гнетомъ власти царской,
Онъ только офицеръ гусарской..."

Знакомство съ нимъ могло только компрометировать человѣка въ глазахъ правительствующей полиціи. Откуда-же шло вліяніе, зачѣмъ въ его небольшомъ, скромномъ кабинетѣ, въ Старой Басманной, толпились по понедѣльникамъ „тузы" англійскаго клуба, патриціи тверскаго бульвара? Зачѣмъ модныя дамы заглядывали въ келью угрюмаго мыслителя, зачѣмъ генералы, не понимающіе ничего штатскаго, считали себя обязанными явиться къ старику, неловко прикинуться образованными людьми и хвастаться потомъ, перевирая какое-нибудь слово Чаадаева. сказанное на ихъ же счетъ? Зачѣмъ я встрѣчалъ у него дикаго *Американца* Толстаго и дикаго генералъ-адъютанта Шипова, уничтожавшаго просвѣщеніе въ Польшѣ?

Чаадаевъ не только не дѣлалъ имъ уступокъ, но

тѣснилъ ихъ и очень хорошо давалъ имъ чувствовать разстояніе между имъ и ними.*) Разумѣется, что люди эти ѣздили къ нему и звали на свои рауты изъ тщеславія, но до этого дѣла нѣтъ; тутъ важно невольное сознаніе, что мысль стала мощью, имѣла свое почетное мѣсто вопреки высочайшему повелѣнію. Насколько власть „безумнаго ротмистра Чаадаева была признана, настолько „безумная“ власть Николая Павловича была уменьшена.

Чаадаевъ имѣлъ свои странности, свои слабости, онъ былъ озлобленъ и избалованъ. Я не знаю общества менѣе снисходительнаго какъ московское, болѣе исключительнаго, именно по этому оно смахиваетъ на провинціальное и напоминаетъ недавность своего образованія. Отчего-же человѣку въ пятьдесятъ лѣтъ, одинокому, лишившемуся почти всѣхъ друзей, потерявшему

*) Чаадаевъ часто бывалъ въ англійскомъ клубѣ. Разъ какъ-то морской министръ, Меншиковъ, подошелъ къ нему со словами: „Что это Петръ Яковлевичъ, старыхъ знакомыхъ не узнаете?“ — Ахъ это вы!—отвѣчалъ Чаадаевъ, дѣйствительно не узналъ. Да и что это у васъ черный воротникъ, прежде кажется былъ красный?

— Да, развѣ вы не знаете, что я морской министръ?

— Вы? Да, я думаю вы никогда шлюпкой не управляли.

— Не черти горшки обжигаютъ, отвѣчалъ нѣсколько недовольный Меншиковъ.

— Да развѣ на этомъ основаніи, заключилъ Чаадаевъ.

Какой-то сенаторъ сильно жаловался на то, что очень занятъ. Чѣмъ-же? спросилъ Чаадаевъ.

— Помилуйте одно чтеніе записокъ, дѣлъ—и сенаторъ показалъ аршинъ отъ полу.

— Да вѣдь вы ихъ не читаете.

— Нѣтъ иной разъ и очень, да потомъ все же иногда надобно подать свое мнѣніе.

— Вотъ въ этомъ я ужъ никакой надобности не вижу — замѣтилъ Чаадаевъ.

состояніе, много жившему мыслію, часто огорченному, не имѣть своего обычая, свои причуды?

Чаадаевъ былъ адъютантомъ Васильчикова во время извѣстнаго семеновскаго дѣла. Государь находился тогда, помнится, въ Веронѣ или въ Ахенѣ на конгрессѣ. Васпльчиковъ послалъ Чаадаева съ рапортомъ къ нему, и онъ какъ-то опоздалъ часомъ или двумя и пріѣхалъ позже курьера, посланнаго австрійскимъ посланникомъ Лебцельтерномъ. Государь раздраженный дѣломъ, увлекаемый тогда окончательно въ реакцію Меттернихомъ, который съ радостью услышалъ о семеновской исторіи, очень дурно принялъ Чаадаева, бранился, сердился и потомъ опомнившись велѣлъ ему предложить званіе флигель-адъютанта; Чаадаевъ отклонилъ эту честь и просилъ одной милости — отставки. Разумѣется это очень не понравилось, но отставка была дана.

Чаадаевъ не торопился въ Россію, разставшись съ золоченымъ мундиромъ, онъ принялся за науку. Умеръ Александръ, случилось 14 Декабря (отсутствіе Чаадаева спасло его отъ вѣроятнаго преслѣдованія, *) около 1830 года онъ возвратился.

Въ Германіи Чаадаевъ сблизился съ Шеллингомъ; это знакомство вѣроятно много способствовало, чтобъ навести его на мистическую философію. Она у него развилась въ революціонный католицизмъ, которому онъ остался вѣренъ на всю жизнь. Въ своемъ письмѣ онъ половину бѣдствій Россіи относитъ на счетъ греческой церкви, на счетъ ея отторженія отъ всеобъемлющаго западнаго единства.

Какъ ни странно для насъ такое мнѣніе, но не надобно забывать, что католицизмъ имѣетъ въ себѣ боль-

*) Теперь мы знаемъ достовѣрно, что Чаадаевъ былъ членомъ общества, изъ записокъ Якушкина.

шую тягучесть. Лакордеръ проповѣдывалъ католическій соціализмъ, оставаясь доминиканскимъ монахомъ, ему помогалъ Шеве, оставаясь сотрудникомъ Voix de peuple. Въ сущности нео-католицизмъ не хуже риторическаго деизма, этой не-религіи и не-вѣденія, этой умѣренной теологіи образованныхъ мѣщанъ, „атеизма окруженнаго религіозными учрежденіями.“

Если Ронге и послѣдователи Бюше еще возможны послѣ 1848 г., послѣ Фейербаха и Прудона, послѣ Пія IX и Ламене, если одна изъ самыхъ энергическихъ партій движенія ставитъ мистическую формулу на своемъ знаменп, если до сихъ поръ есть люди какъ Мицкевичъ, какъ Красинскій, продолжающіе быть мессіанистами, то дивиться нечему, что подобное ученіе привезъ съ собою Чаадаевъ изъ Европы двадцатыхъ годовъ. Мы ее нѣсколько забыли; стоитъ вспомнить исторію Волабелы, письма леди Морганъ, записки Адріани, Байрона, Леопарди, чтобы убѣдиться, что это была одна изъ самыхъ тяжелыхъ эпохъ исторіи. Революція оказалась несостоятельной, грубый монархизмъ съ одной стороны цинически хвастался своей властію, лукавый монархизмъ съ другой цѣломудренно прикрывался листомъ хартіи; едва только, и то изрѣдка, слышались пѣсни освобождающихся еллиновъ, какая нибудь энергическая рѣчь Каннинга или Ройе Колара.

Въ протестантской Германіи образовалась тогда католическая партія, Шлегель и Лео мѣняли вѣру, старый Янъ и другіе бредили о какомъ-то народномъ и демократическомъ католицизмѣ. Люди спасались отъ настоящаго въ средніе вѣка, въ мистицизмъ, — читали Экартсгаузена, занимались магнетизмомъ и чудесами князя Гогенло; Гюго, врагъ католицизма столько же помогалъ его возстановленію, какъ тогдашній Ламене,

ужасавшійся бездушному индеферентизму своего вѣка.

На русскаго такой католицизмъ долженъ былъ еще сильнѣе подѣйствовать. Въ немъ было формально все то, чего не доставало въ русской жизни, оставленной на себя, сгнетенной одной матеріальной властью и пищущей путь собственнымъ чутьемъ. Строгій чинъ и гордая независимость западной церкви, ея оконченная ограниченность, ея практическія приложенія, ея безвозвратная увѣренность и мнимое снятіе всѣхъ противурѣчій своемъ высшимъ единствомъ, своей вѣчной фата-морганой, своимъ urbi et orbi, своимъ презрѣніемъ свѣтской власти, должно было легко овладѣть умомъ пылкимъ и начавшимъ свое серьезное образованіе въ совершенныхъ лѣтахъ.

Когда Чаадаевъ возвратился, онъ засталъ въ Россіи другое общество и другой тонъ. Какъ молодъ я ни былъ, но я помню, какъ наглядно высшее общество пало и стало грязнѣе, раболѣпнѣе съ воцаренія Николая. Аристократическая независимость, гвардейская удаль александровскихъ временъ — все это изчезло съ 1826 годомъ.

Были иные всходы, подсѣды, еще не совсѣмъ извѣстные самимъ себѣ, еще ходившіе съ раскрытой шеей à l'enfant или учившееся по пансіонамъ и лицеямъ; были молодые литераторы, начинавшіе пробовать свои силы и свое перо, но все это еще было скрыто, и не въ томъ мірѣ, въ которомъ жилъ Чаадаевъ.

Друзья его были на каторжной работѣ; онъ сначала оставался совсѣмъ одинъ въ Москвѣ, потомъ вдвоемъ съ Пушкинымъ, наконецъ втроемъ съ Пушкинымъ и Орловымъ. Чаадаевъ показывалъ часто, послѣ смерти обоихъ, два небольшія пятна на стѣнѣ надъ спинкой дивана, тутъ они прислоняли голову!

Безмѣрно печально сличеніе двухъ посланій Пушкина къ Чаадаеву, между ними прошла не только ихъ жизнь, но цѣлая эпоха, жизнь цѣлаго поколѣнія, съ надеждою ринувшагося впередъ и грубо отброшеннаго назадъ. Пушкинъ юноша говоритъ своему другу:

Товарищъ вѣрь, взойдетъ она
Заря плѣнительнаго счастья,
Россія вспрянетъ ото сна
И на обломкахъ самовластья
Напишутъ наши имена.

Но заря не взошла, а взошелъ Николай на тронъ и Пушкинъ пишетъ:

Чаадаевъ, помнишь-ли былое?
Давноль съ восторгомъ молодымъ
Я мыслилъ имя роковое
Предать развалинамъ инымъ?
... Но въ сердцѣ бурями смиренномъ,
Теперь и лѣнь и тишина
И въ умиленьи вдохновенномъ,
На камнѣ дружбой освященномъ.
Пишу я наши имена!

Въ мірѣ не было ничего противуположнѣе славянамъ какъ безнадежный взглядъ Чаадаева, которымъ онъ мстилъ русской жизни, какъ его обдуманное, выстраданное проклятіе ей, которымъ онъ замыкалъ свое печальное существованіе и существованіе цѣлаго періода русской исторіи. Онъ долженъ былъ возбудить въ нихъ сильную оппозицію, онъ горько и уныло-зло оскорблялъ все дорогое имъ, начиная съ Москвы.

„Въ Москвѣ, говаривалъ Чаадаевъ, каждаго иностранца водятъ смотрѣть большую пушку и большой колоколъ. Пушку, изъ которой стрѣлять нельзя и колоколъ, который свалился прежде, чѣмъ звонилъ. Удивительный городъ, въ которомъ достопримѣчательности отличаются нелѣпостью; или можетъ этотъ большой

колоколъ безъ языка — гіероглифъ, выражающій эту огромную нѣмую страну, которую заселяетъ племя, назвавшее себя *славянами*, какъ будто удивляясь, что имѣетъ слово человѣческое.“*)

Чаадаевъ и славяне равно стояли передъ неразгаданнымъ сфинксомъ русской жизни, сфинксомъ, спящимъ подъ солдатской шинелью и подъ царскимъ надзоромъ; они равно спрашивали: „Что-же изъ этого будетъ? Такъ жить невозможно: тягость и нелѣпость настоящаго очевидны, невыносимы — гдѣ же выходъ?“

„Его нѣтъ,“ отвѣчалъ человѣкъ петровскаго періода исключительно западной цивилизаціи, вѣрившій при Александрѣ въ европейскую будущность Россіи. Онъ печально указывалъ, къ чему привели усилія цѣлаго вѣка: образованіе — дало только новыя средства угнетенія, церковь сдѣлалась одною тѣнью, подъ которой покоится полиція; народъ все выноситъ, все терпитъ, правительство все давитъ и гнететъ. „Исторія другихъ народовъ — повѣсть ихъ освобожденія. Русская исторія — развитіе крѣпостнаго состоянія и самодержавія.“ Переворотъ Петра сдѣлалъ изъ насъ худшее, что можно сдѣлать изъ людей — *просвѣщенныхъ* рабовъ. Довольно мучились мы въ этомъ тяжеломъ, смутномъ нравственномъ состояніи, непонятые народомъ, побитые правительствомъ — пора отдохнуть, пора свести миръ въ свою душу, прислониться къ чему нибудь... это почти значило „пора умереть“ и Чаадаевъ думалъ найти обѣщанный всѣмъ страждущимъ и обремененнымъ покой въ католической церкви.

Съ точки зрѣнія западной цивилизаціи, такъ какъ

*) „Въ дополненіе къ тому — говорилъ онъ мнѣ въ присутствіи Хомякова — они хвастаются даромъ слова, а во всемъ племени говоритъ одинъ Хомяковъ.“

она выразилась во время реставраціи, съ точки зрѣнія петровской Руси взглядъ этотъ совершенно оправданъ.

Славяне рѣшили вопросъ иначе.

Въ ихъ рѣшеніи лежало вѣрное сознаніе *живой души* въ народѣ, чутье ихъ было проницательнѣе ихъ разумѣнія. Они поняли, что современное состояніе Россіи, какъ бы тягостно ни было, *не смертельная болѣзнь*. И въ то время какъ у Чаадаева слабо мерцаетъ возможность спасенія лицъ, а не народа — у славянъ явно проглядываетъ мысль о гибели лицъ захваченныхъ современной эпохой и вѣра въ спасеніе народа.

„Выходъ за нами, говорили славяне, выходъ въ отрѣченіи отъ петербургскаго періода, въ возвращеніи къ народу, съ которымъ насъ разобщило иностранное образованіе, иностранное правительство, *воротимся къ* прежнимъ нравамъ!“

Но исторія не возвращается; жизнь богата тканями, ей никогда не бываютъ нужны старыя платья. Всѣ возстановленія, всѣ реставраціи были всегда маскарадами. Мы видѣли двѣ; ни легитимисты не возвратились къ временамъ Людовика XIV, ни республиканцы къ 8 Термидору. Случившееся стоитъ писаннаго, его не вырубишь топоромъ.

Намъ сверхъ того не къ чему возвращаться. Государственная жизнь до-петровской Россіи была уродлива, бѣдна, дика—а къ ней-то и хотѣли славяне возвратиться, хотя они и не признаются въ этомъ; какъ-же иначе объяснить всѣ археологическія воскрешенія, поклоненіе нравамъ и обычаямъ прежняго времени и самыя попытки возвратиться не къ современной (и превосходной) одеждѣ крестьянъ, а къ стариннымъ неуклюжимъ костюмамъ?

Во всей Россіи, кромѣ славянофиловъ, никто не носитъ мурмулокъ. А К. Аксаковъ одѣлся такъ національно, что народъ на улицахъ принималъ его за персіанина, какъ разсказывалъ шутя Чаадаевъ.

Возвращеніе къ народу они тоже поняли грубо, въ томъ родѣ какъ большая часть западныхъ демократовъ — принимая *его совсѣмъ готовымъ*. Они полагали, что дѣлить предразсудки народа, значитъ быть съ нимъ въ единствѣ, что жертвовать своимъ разумомъ, вмѣсто того чтобъ развивать разумъ въ народѣ—великій актъ смиренія. Отсюда натянутая набожность, исполненіе обрядовъ, которые при наивной вѣрѣ трогательны, и оскорбительны, когда въ нихъ видна преднамѣренность. Лучшее доказательство, что возвращеніе славянъ къ народу не было дѣйствительнымъ, состоитъ въ томъ, что они не возбудили въ немъ никакого сочувствія. Ни византійская церковь, ни Грановитая палата ничего больше не дадутъ для будущаго развитія славянскаго міра. Возвратиться къ селу, къ артели работниковъ, къ мірской сходкѣ, къ казачеству, другое дѣло; но возратиться не для того, чтобъ ихъ закрѣпить въ неподвижныхъ азіатскихъ кристализаціяхъ, а для того, чтобъ развить, освободить начала, на которыхъ они основаны, очистить отъ всего наноснаго, искажающаго, отъ дикаго мяса, которымъ они обросли, — въ этомъ конечно наше призваніе. Но не надобно ошибаться, все это далеко за *предѣломъ* государства; московскій періодъ также мало поможетъ тутъ, какъ петербургскій; онъ-же никогда и не былъ лучше его. Новгородскій вѣчевой колоколъ былъ только перелитъ въ пушку Петромъ, а снятъ съ колокольни Іоаномъ Васильевичемъ; крѣпостное состояніе только закрѣплено ревизіей при Петрѣ, а введено Годуновымъ; въ Уложеніи уже нѣтъ и помину цало-

вальниковъ, и кнутъ, батоги, плети являются гораздо прежде шпицрутеновъ и фухтелей.

Ошибка славянъ состояла въ томъ, что имъ кажется, что Россія имѣла когда-то свойственное ей развитіе, затемненное разными событіями и наконецъ петербургскимъ періодомъ. Россія никогда не имѣла этого развитія и *не могла имѣть*. То что приходитъ теперь къ сознанію у насъ, то что начинаетъ мерцать въ мысли, въ предчувствіи, то что существовало безсознательно въ крестьянской избѣ и на полѣ, — то теперь *только* всходитъ на пажитяхъ исторіи, утученныхъ кровью, слезами и потомъ двадцати поколѣній.

Это основы нашего быта—не воспоминанія, это живыя стихіи, существующія не въ лѣтописяхъ, а въ настоящемъ; но онѣ только *уцѣлѣли* подъ труднымъ историческимъ выработываніемъ государственнаго единства и подъ государственнымъ гнетомъ только сохранились, но не развились. Я даже сомнѣваюсь, нашлись-ли бы внутреннія силы для ихъ развитія безъ петровскаго періода, безъ періода европейскаго образованія.

Непосредственныхъ основъ быта недостаточно. Въ Индіи до сихъ поръ и споконъ вѣка существуетъ сельская община, очень сходная съ нашей и основанная на раздѣлѣ полей; однако индѣйцы съ ней недалеко ушли.

Одна мощная мысль Запада, къ которой примыкаетъ вся длинная исторія его, въ состояніи оплодотворить зародыши дремлющіе въ патріархальномъ быту славянскомъ. Артель и сельская община, раздѣлъ прибытка и раздѣлъ полей, мірская сходка и соединеніе селъ въ волости управляющіяся сами-собой, все это краеугольные камни, на которыхъ созиждется храмина нашего будущаго свободно-общиннаго быта. Но эти краеуголь-

ные камни, все же камни..... и безъ западной мысли нашъ будущій соборъ остался бы при одномъ фундаментѣ.

Такова судьба всего истинно *соціальнаго*, оно невольно влечетъ къ круговой порукѣ народовъ... Отчуждаясь, обособляясь, одни остаются при дикомъ общинномъ бытѣ, другіе при отвлеченной мысли коммунизма, которая какъ христіанская душа носится надъ разлагающимся тѣломъ.

Воспріимчивый характеръ славянъ, ихъ *женственность*, недостатокъ самодѣятельности и большая способность усвоенія и пластицизма дѣлаетъ ихъ по преимуществу народомъ нуждающимся въ другихъ народахъ, они не вполнѣ довлѣютъ себѣ. Оставленные на себя, славяне легко „убаюкиваются своими пѣснями," какъ замѣтилъ одинъ византійскій лѣтописецъ, „и дремлютъ." Возбужденные другими, они идутъ до крайнихъ слѣдствій; нѣтъ народа, который глубже и полнѣе усвоивалъ бы себѣ мысль другихъ народовъ, оставаясь самимъ собою. Того упорнаго непониманья другъ друга которое существуетъ теперь, какъ за тысячу лѣтъ, между народами германскими и романскими, между ими и славянами нѣтъ. Въ этой симпатичной, легко усвояющей, воспринимающей натурѣ, лежитъ необходимость отдаваться и быть увлекаемымъ.

Чтобы сложиться въ княжество, Россіи были нужны варяги.

Чтобы сдѣлаться государствомъ — монголы.

Европеизмъ развилъ изъ царства московскаго колоссальную имперію петербургскую.

— „Но при всей своей воспріимчивости не оказали-ли славяне вездѣ полнѣйшую неспособность къ развитію *современнаго*, европейскаго, государственнаго чина,

постоянно впадая или въ отчаяннѣйшій деспотизмъ или въ безвыходное неустройство?“

Эта неспособность и эта неполнота—великіе *таланты* въ нашихъ глазахъ.

Вся Европа пришла теперь къ необходимости деспотизма, чтобъ какъ-нибудь удержать современный государственный бытъ противъ напора соціальныхъ идей, стремящихся водворить новый чинъ, къ которому Западъ, боясь и упираясь, все таки несется съ невѣдомой силой.

Было время, когда полусвободный Западъ гордо смотрѣлъ на Россію, раздавленную императорскимъ трономъ, и образованная Россія вздыхая смотрѣла на счастіе старшихъ братій. Это время прошло. Равенство рабства водворилось.

Мы присутствуемъ теперь при удивительномъ зрѣлищѣ; страны, гдѣ остались еще свободныя учрежденія, и тѣ напрашиваются на деспотизмъ. Человѣчество не видало ничего подобнаго со временъ Константина, когда свободные Римляне, чтобъ спастись отъ общественной тяги, проспились въ рабы.

Деспотизмъ или соціализмъ—выбора нѣтъ.

А между тѣмъ Европа показала удивительную *неспособность* къ соціальному перевороту.

Мы думаемъ, что Россія не такъ неспособна къ нему и на этомъ сходимся съ славянами. На этомъ основана наша вѣра въ ея будущность. Вѣра, которую я проповѣдывалъ съ конца 1848 года.

Европа выбрала деспотизмъ, предпочла имперію. Деспотизмъ — военный станъ, имперія—война, императоръ—военачальникъ. Все вооружено, война и будетъ, но гдѣ настоящій врагъ? Дома — внизу, на днѣ — и *тамъ* за Нѣманомъ.

Начавшаяся теперь война*) можетъ имѣть перемирія, но не кончится прежде начала всеобщаго переворота, который смѣшаетъ всѣ карты и начнетъ новую игру. Нельзя же двумъ великимъ историческимъ личностямъ, двумъ посѣдѣлымъ дѣятелямъ всей западной исторіи, представителямъ двухъ міровъ, двухъ традицій, двухъ началъ—государства и личной свободы, нельзя же имъ не остановить, не сокрушить *третью* личность, нѣмую, безъ знамени, безъ имени, являющуюся такъ не во время съ веревкой рабства на шеѣ и грубо толкающуюся въ двери Европы и въ двери исторіи, съ наглымъ притязаніемъ на Византію, съ одной ногой на Германіи, съ другой на Тихомъ океанѣ.

Помирятся-ли эти *трое*, помѣрившись, сокрушатъ-ли другъ друга; разложится-ли Россія на части, или обезсиленная Европа впадетъ въ византійскій маразмъ; подадутъ-ли они другъ другу руку, обновленные на новую жизнь и дружный шагъ впередъ, или будутъ рѣзаться безъ конца—одна вещь узнана нами и не искоренится изъ сознанія грядущихъ поколѣній — это то, что *разумное и свободное развитіе русскаго народнаго быта совпадаетъ съ стремленіями западнаго соціализма.*

II.

Возвратившись изъ Новгорода въ Москву, я засталъ оба стана на барьерѣ. Славяне были въ полномъ боевомъ порядкѣ, съ своей легкой кавалеріей подъ начальствомъ Хомякова и чрезвычайно тяжелой пѣхотой Шевырева и Погодина, съ своими застрѣльщиками, охотниками, ультра-якобинцами—отвергавшими все бывшее послѣ кіевскаго періода и умѣренными жирондистами

*) Писано во время крымской войны.

— отвергавшими только петербургскій періодъ; у нихъ были свои каѳедры въ университетѣ, свое ежемѣсячное обозрѣніе, выходившее всегда два мѣсяца позже, но все же выходившее. При главномъ корпусѣ состояли православные гегеліанцы, византійскіе богословы, мистическіе поэты, множество женщинъ, и пр. и пр.

Война наша сильно занимала литературные салоны въ Москвѣ.*) Вообще Москва входила тогда въ ту эпоху возбужденности умственныхъ интересовъ, когда литературные вопросы, за невозможностью политическихъ, становятся вопросами жизни. Появленіе замѣчательной книги**) составляло событіе, критики и антикритики читались и комментировались съ тѣмъ вниманіемъ, съ которымъ *бывало* въ Англіи или во Франціи слѣдили за парламентскими преніями. Подавленность всѣхъ другихъ сферъ человѣческой дѣятельности, бросала образованную часть общества въ книжный міръ и въ немъ одномъ дѣйствительно совершался, глухо и полусловами, протестъ противъ николаевскаго гнета, тотъ протестъ, который мы услышали открытѣе и громче на другой день послѣ его смерти.

Въ лицѣ Грановскаго, московское общество привѣтствовало рвущуюся къ свободѣ мысль Запада, мысль умственной независимости и борьбы за нее. Въ лицѣ славянофиловъ, оно протестовало противъ оскорбленнаго чувства народности бироновскимъ высокомѣріемъ петербургскаго правительства.

Здѣсь я долженъ оговориться. Я въ Москвѣ зналъ

*) На мѣсто этой фразы въ *Пол. Зв.* стоитъ: *Споры наши съ Славянами, повторявшіеся при каждой встрѣчѣ (а встрѣчались мы два, три раза въ недѣлю), сильно занимали общество; дамы и дѣвицы горячо принимали ту или другую сторону.*

**) Прибавлено: *напр. „Мертвыхъ душъ“*

два круга, два полюса ея общественной жизни и могу только объ нихъ говорить. Сначала я былъ потерянъ въ обществѣ стариковъ, гвардейскихъ офицеровъ временъ Екатерины, товарищей моего отца, и другихъ стариковъ, нашедшихъ тихое убѣжище въ странно-пріимномъ Сенатѣ, товарищей его брата. Потомъ я зналъ одну *молодую* Москву литературно свѣтскую, и говорю только объ ней. Что прозябало и жило между старцами пера и меча, дожидавшимися своихъ похоронъ по рангу и ихъ сыновьями или внучатами, не искавшими никакого ранга и занимавшимися „книжками и мыслями," я не зналъ и не хотѣлъ знать. Промежуточная среда эта, настоящая николаевская Русь, была безцвѣтна и пошла, безъ екатерининской оригинальности, безъ отваги и удали людей 1812 г., безъ нашихъ стремленій и интересовъ. Это было поколѣніе жалкое, подавленное, въ которомъ бились, задыхались и погибли нѣсколько мучениковъ. Говоря о московскихъ гостиныхъ и столовыхъ, я говорю о тѣхъ, въ которыхъ нѣкогда царилъ А. С. Пушкинъ, гдѣ до насъ декабристы давали тонъ, гдѣ смѣялся Грибоѣдовъ, гдѣ М. Ѳ. Орловъ и А. П. Ермоловъ встрѣчали дружескій привѣтъ, потому что они были въ опалѣ; гдѣ наконецъ А. С. Хомяковъ спорилъ до четырехъ часовъ утра, начавши въ девять; гдѣ К. Аксаковъ съ мурмолкой въ рукѣ, свирѣпствовалъ за Москву, на которую никто не нападалъ, и никогда не бралъ въ руки бокала шампанскаго, чтобъ не сотворить тайно моленіе и тостъ, который всѣ знали; гдѣ Р..... выводилъ логически личнаго бога, ad majorem gloriam Hegelij, гдѣ Грановскій являлся съ своей тихой, но твердой рѣчью, гдѣ всѣ помнили Бакунина и Станкевича, гдѣ Чаадаевъ, тщательно одѣтый, съ нѣжнымъ какъ изъ воску лицемъ, сердилъ оторопѣвшихъ аристократовъ и православныхъ

славянъ колкими замѣчаніями, всегда отлитыми въ оригинальную форму и намѣренно замороженными;*) гдѣ молодой старикъ А. И. Тургеневъ мило сплетничалъ обо всѣхъ знаменитостяхъ Европы, отъ Шатобріана и Рекамье до Шеллинга и Рахели Варнгагенъ; гдѣ Боткинъ и Крюковъ *пантеистически* наслаждались разсказами М. С. Щепкина, и куда наконецъ иногда падалъ, какъ конгревова ракета, Бѣлинскій, выжигая кругомъ все, что попадало.

Вообще въ Москвѣ жизнь больше деревенская, чѣмъ городская, только господскіе дома близко другъ отъ друга. Въ ней не приходитъ все къ одному знаменателю,—а живутъ себѣ образцы разныхъ временъ, образованій, слоевъ, широтъ и долготъ русскихъ. Въ ней Ларины и Фамусовы спокойно оканчиваютъ свой вѣкъ; но не только они, а и Владиміръ Ленскій и нашъ чудакъ Чацкій — Онѣгиныхъ было даже слишкомъ много. Мало занятые, всѣ они жили не торопясь, безъ особыхъ заботъ, спустя рукава. Помѣщичья распущенность, признаться сказать, намъ по душѣ; въ ней есть своя ширь, которую мы не находимъ въ мѣщанской жизни Запада. Подобострастный кліентизмъ, о которомъ говоритъ дѣвица Уильмотъ въ запискахъ Дашковой и который я самъ еще засталъ — въ тѣхъ кругахъ, о которыхъ идетъ рѣчь, не существовалъ. Хоръ этого общества былъ составленъ изъ неслужащихъ помѣщиковъ или служащихъ не для себя, а для успокоенія род-

*) На мѣсто этихъ строкъ до красной строки въ *П. Зв.* кн. IV стр. 156 напечатано: *Что теперь дѣлается въ этихъ гостиныхъ? Гдѣ собираются, гдѣ пьютъ литературный чай? Кто корифеи? Кто споритъ, чью сторону держутъ дамы? Московское неофиціальное общество составлено странно и можетъ потому недурно. Оно состоитъ изъ помѣщиковъ и изъ талантливыхъ людей и носитъ на себѣ эту двойную печать.*

ственниковъ, людей достаточныхъ, изъ молодыхъ литераторовъ и профессоровъ. Въ этомъ обществѣ была та свобода неустоявшихся отношеній и неприведенныхъ въ косный порядокъ обычаевъ, которой нѣтъ въ старой европейской жизни, и въ тоже время въ немъ сохранилась привитая намъ воспитаніемъ традиція западной вѣжливости, которая на Западѣ исчезаетъ; она, съ примѣсью славянскаго laisser aller, а подъ часъ и разгула, составляла особый русскій характеръ *московскаго* общества, къ его великому горю, потому что оно смертельно хотѣло быть *парижскимъ* и это хотѣніе навѣрное осталось.*)

Мы Европу,**) все еще знаемъ заднимъ числомъ; намъ все мерещатся тѣ времена, когда Вольтеръ царилъ надъ парижскими салонами. и на споры Дидро звали какъ на стерлядь; когда пріѣздъ Давида Юма въ Парижъ сдѣлалъ эпоху и всѣ контессы, виконтессы ухажи вали за нимъ, кокетничали съ нимъ до того, что другой баловень—Гримъ—надулся и нашелъ это вовсе неумѣстнымъ. У насъ все въ головѣ времена вечеровъ барона Гольбаха и перваго представленія Фигаро, когда вся аристократія Парижа стояла дни цѣлые, дѣлая хвостъ и модныя дамы безъ обѣда ѣли сухія бріошки, чтобъ добиться мѣста и увидать революціонную пьэсу, которую черезъ мѣсяцъ будутъ давать въ Версалѣ (графъ Прованскій, т. е. будущій Людовикъ XVIII въ роли Фигаро, Марія Антуанета—въ роли Сусаны!).

Tempi passati... не только гостинныя XVIII столѣтія не существуютъ, эти удивительныя гостинныя, гдѣ подъ пудрой и кружевами — аристократическими ручками взлелѣяли и откормили аристократическимъ молокомъ

*) Варіантъ: *хочетъ быть парижскимъ.*

**) Вар. Мы Европу, *не могу не повторить этого* и т. д.

львенка, изъ котораго выросла исполинская революція; но и такихъ гостинныхъ больше нѣтъ, какъ бывали напр. у Стааль, у Рекамье,—гдѣ съѣзжались всѣ знаменитости аристократіи, литераторы, политики. Литературы боятся, да ея и нѣтъ совсѣмъ, партіи разошлись до того, что люди разныхъ оттѣнковъ не могутъ учтиво встрѣтиться подъ одной крышей.

Одинъ изъ послѣднихъ опытовъ „гостинной“ въ прежнемъ смыслѣ слова не удался и потухъ вмѣстѣ съ хозяйкой. Дельфина Ге истощала всѣ свои таланты—блестящій умъ, на то, чтобъ какъ нибудь сохранить *приличный* миръ между гостями, подозрѣвавшими, ненавидѣвшими другъ друга. Можетъ ли быть какое нибудь удовольствіе въ этомъ натянутомъ, тревожномъ состояніи перемирія, въ которомъ хозяинъ оставшись одинъ, усталый, бросается на софу и благодаритъ небо за то, что вечеръ сошелъ съ рукъ безъ непріятностей.

Дѣйствительно, Западу и въ особенности Франціи теперь не до литературной болтовни, не до хорошаго тона, не до изящныхъ манеръ. Закрывъ страшную пропасть императорской мантіей съ пчелами, мѣщане-генералы, мѣщане-министры, мѣщане-банкиры кутятъ, наживаютъ милліоны, теряютъ милліоны, ожидая Каменнаго Гостя ликвидаціи..... Нелегкая „козни“ нужда имъ, а тяжелыя оргіи, безцвѣтное богатство, въ которомъ золото, какъ въ первой имперіи, вытѣсняетъ искуство, лоретка—даму, биржевой игрокъ—литератора.

Это распаденіе общества не въ одномъ Парижѣ. Ж. Сандъ была живымъ средоточіемъ всего своего сосѣдства въ Ноанъ. Къ ней съѣзжались простые и непростые знакомые, безъ большихъ церемоній, всегда когда хотѣли и проводили вечеръ чрезвычайно изящно. Тутъ была музыка, чтеніе, драматическія импровизаціи, и

что всего важнѣе, тутъ была сама Ж. Сандъ. Съ 1852 года тонъ началъ мѣняться, добродушные беришоны уже не пріѣзжали затѣмъ, чтобъ отдохнуть и посмѣяться — но со злобой въ глазахъ, исполненные желчи, терзали другъ друга заочно и въ лицо, выказывали новую ливрею, другіе боялись доносовъ; непринужденность, которая дѣлала легкой и милой—шутку и веселость, исчезла. Постоянная забота ладить, разводить, смягчать, до того надоѣла, намучила Ж. Сандъ, что она рѣшилась прекратить свои Ноанскіе вечера и свела свой кругъ на два, на три старыхъ пріятеля...

... Говорятъ, Москва—молодая Москва—состарѣлась, не пережила Николая, что и университетъ ея измельчалъ и помѣщичья натура слишкомъ рельефно выступила передъ вопросомъ освобожденія; что ея англійской клубъ сдѣлался всего менѣе англійской, что въ немъ Собакевичи кричатъ противъ освобожденія и Ноздревы шумятъ за *естественныя и неотъемлемыя* права дворянъ. Можетъ быть!... но не такова была Москва сороковыхъ годовъ, и вотъ эта-то Москва и принимала дѣятельное участіе за мурмолки и противъ нихъ; барыни и барышни читали статьи очень скучныя, слушали пренія очень длинныя, спорили сами за К. Аксакова или за Грановскаго, жалѣя *только*, что Аксаковъ слишкомъ славянинъ, а Грановскій недостаточно патріотъ.

Споры возобновлялись на всѣхъ литературныхъ и не литературныхъ вечерахъ, на которыхъ мы встрѣчались — а это было раза два или три въ недѣлю. Въ Понедѣльникъ собирались у Чаадаева, въ Пятницу у Свербѣева, въ Воскресенье у А. П. Елагиной.

Сверхъ участниковъ въ спорахъ, сверхъ людей имѣвшихъ мнѣнія, на эти вечера пріѣзжали охотники, даже охотницы, и сидѣли до двухъ часовъ ночи, чтобъ по-

смотрѣть кто изъ матадоровъ кого отдѣлаетъ и какъ отдѣлаютъ его самаго; пріѣзжали, въ томъ родѣ, какъ встарь ѣздили на кулачные бои и въ амфитеатръ, что̀ за Рогожской заставой.

Ильей Нуромцемъ, разившимъ всѣхъ, со стороны православія и славянизма былъ Алексѣй Степановичъ Хомяковъ, „Горгіасъ, совопросникъ міра сего," по выраженію полуповрежденнаго Морошкина. Умъ сильный, подвижной, богатый средствами и неразборчивый на нихъ, богатый памятью и быстрымъ соображеніемъ, онъ горячо и неутомимо проспорилъ всю свою жизнь. Боецъ безъ устали и отдыха, онъ билъ и кололъ, нападалъ и преслѣдовалъ, осыпалъ остротами и цитатами, пугалъ и заводилъ въ лѣсъ, откуда безъ молитвы выйти нельзя — словомъ, кого за убѣжденіе—убѣжденіе прочь, кого за логику—логика прочь.

Хомяковъ былъ дѣйствительно опасный противникъ; закалившійся старый бретёръ діалектики, онъ пользовался малѣйшимъ разсѣяніемъ, малѣйшей уступкой. Необыкновенно даровитый человѣкъ, обладавшій страшной эрудиціей, онъ, какъ средневѣковые рыцари, карауливше богородицу, спалъ вооруженный. Во всякое время дня и ночи онъ былъ готовъ на запутаннѣйшій споръ и употреблялъ для торжества своего славянскаго воззрѣнія все на свѣтѣ — отъ казуистики византійскихъ богословъ до тонкостей изворотливаго легиста. Возраженія его, часто мнимыя, всегда ослѣпляли и сбивали съ толку.

Хомяковъ зналъ очень хорошо свою силу и игралъ ею; забрасывалъ словами, запугивалъ ученостью, надо всѣмъ издѣвался, заставлялъ человѣка смѣяться надъ собственными вѣрованіями и убѣжденіями, оставляя его въ сомнѣніи есть-ли *у него у самаго* что-нибудь завѣт-

ное. Онъ мастерски ловилъ и мучилъ на діалектической жаровнѣ остановившихся на полдорогѣ, пугалъ робкихъ, приводилъ въ отчаяніе диллетантовъ и при всемъ этомъ смѣялся, *какъ казалось,* отъ души. Я говорю „какъ казалось," потому что въ нѣсколько восточныхъ чертахъ его выражалось что-то затаенное и какое-то азіатское простодушное лукавство вмѣстѣ съ русскимъ себѣ на умѣ. Онъ вообще больше сбивалъ—чѣмъ убѣждалъ.

Философскіе споры его состояли въ томъ, что онъ отвергалъ возможность разумомъ дойти до истины; онъ разуму давалъ одну формальную способность, способность развивать зародыши или зерна, иначе получаемыя, относительно готовыя (т. е. даваемыя откровеніемъ, получаемыя вѣрой). Если же разумъ оставить на самаго себя, то бродя въ пустотѣ и строя категорію за категоріей, онъ можетъ обличить свои законы, но никогда не дойдетъ ни до понятія о духѣ, ни до понятія о безсмертіи и пр. На этомъ Хомяковъ билъ на голову людей, остановившихся между религіей и наукой. Какъ они ни бились въ формахъ гегелевской методы, какія ни дѣлали построенія, Хомяковъ шелъ съ ними шагъ въ шагъ и подъ конецъ дулъ на карточный домъ логическихъ формулъ или подставлялъ ногу и заставлялъ ихъ падать въ „матеріализмъ," отъ котораго они стыдливо отрекались, или въ „атеизмъ," котораго они просто боялись. Хомяковъ торжествовалъ!

Присутствуя нѣсколько разъ при его спорахъ, я замѣтилъ эту уловку, и въ первый разъ, когда мнѣ самому пришлось помѣриться съ нимъ, я его самъ завлекъ къ этимъ выводамъ. Хомяковъ щурилъ свой косой глазъ, потряхивалъ черными, какъ смоль, кудрями и впередъ улыбался. „Знаете ли что, сказалъ онъ вдругъ,

какъ бы удивляясь самъ новой мысли, не только однимъ разумомъ нельзя дойти до разумнаго духа, развивающагося въ природѣ, но не дойдешь до того, чтобы понять природу иначе, какъ простое, безпрерывное броженіе, неимѣющее цѣли, и которое можетъ и продолжаться и остановиться. А если это такъ, то вы не докажете и того, что исторія не оборвется завтра, не погибнетъ съ родомъ человѣческимъ, съ планетой?"

— Я вамъ и не говорилъ, отвѣтилъ я ему, что я берусь это доказывать—я очень хорошо зналъ, что это невозможно.

— Какъ? сказалъ Хомяковъ, нѣсколько удивленный, — вы можете принимать эти страшные результаты *свирѣпѣйшей имманенціи* и въ вашей душѣ ничего не возмущается?

— Могу, потому что выводы разума независимы, отъ того хочу я ихъ или нѣтъ.

— Ну вы, по крайней мѣрѣ, послѣдовательны; однако, какъ человѣку надобно свихнуть себѣ душу, чтобъ примириться съ этими печальными выводами нашей науки и привыкнуть къ нимъ.

— Докажите мнѣ, что *не наука* ваша истиннѣе и я приму ее также откровенно и безбоязненно, къ чему бы она меня ни привела, хоть къ Иверской.

— Для этого надобно вѣру.

— Но, Алексѣй Степановичъ, вы знаете: „на нѣтъ, и суда нѣтъ."*)

Многіе — и нѣкогда я самъ — думали, что Хомяковъ спорилъ изъ артистической потребности спорить, что глубокихъ убѣжденій у него не было, и въ этомъ была виновата его манера, его вѣчный смѣхъ и поверхно-

*) Въ *П. Зв.* прибавлено: *Хомяковъ по обыкновенію заключилъ смѣхомъ, и мы стали говорить о другомъ.*

стность тѣхъ, которые его судили. Я не думаю, чтобъ кто нибудь изъ славянъ сдѣлалъ больше для распространенія ихъ воззрѣнія, чѣмъ Хомяковъ. Вся его жизнь — человѣка очень богатаго и не служившаго — была отдана пропагандѣ. Смѣялся-ли онъ или плакалъ это зависѣло отъ нервъ, отъ склада ума, отъ того, какъ его сложила среда и какъ онъ отражалъ ее; до глубины убѣжденія это не касается.

Хомяковъ, можетъ быть, безпрерывной суетой споровъ и хлопотливо-праздной полемикой заглушалъ тоже чувство пустоты, которое съ своей стороны заглушало все свѣтлое въ его товарищахъ и ближайшихъ друзьяхъ, въ Кирѣевскихъ.

Сломанность этихъ людей, заѣденныхъ николаевскимъ временемъ, была очевидна. Въ жару полемики можно было иногда забывать это — теперь это было бы слабо и жалко.

Оба брата Кирѣевскихъ стоятъ печальными тѣнями на рубежѣ народнаго воскресенія; непризнанные живыми, недѣлившіе ихъ интересовъ, они не скидавали савана.

Преждевременно состарѣвшееся лицо Ивана Васильевича носило рѣзкіе слѣды страданій и борьбы, послѣ которыхъ уже выступилъ печальный покой морской зыби надъ потонувшимъ кораблемъ. Жизнь его не удалась. Съ жаромъ принялся онъ, помнится въ 1833 г., за ежемѣсячное обозрѣніе, *Европеецъ*.*) Двѣ вышедшія книжки были превосходны, при выходѣ второй *Европеецъ* былъ запрещенъ. Онъ помѣстилъ въ *Денницѣ* статью о Новиковѣ — *Денница* была схвачена и цензоръ Глинка посаженъ подъ арестъ, Кирѣевскій, разстроив-

*) Варіантъ. *Помнится, въ 1833 г. онъ основалъ въ Москвѣ ежемѣсячное обозрѣніе* и т. д.

шій свое состояніе *Европейцемъ*, уныло почилъ въ пустынѣ московской жизни; ничего не представлялось вокругъ—онъ не вытерпѣлъ и уѣхалъ въ деревню, затая въ груди глубокую скорбь и тоску по дѣятельности. И этого человѣка, твердаго и чистаго, какъ сталь, разъѣла ржа страшнаго времени. Черезъ десять лѣтъ онъ возвратился въ Москву изъ своего отшельничества—мистикомъ и православнымъ.*)

Положеніе его въ Москвѣ было тяжелое. Совершенной близости, сочувствія у него не было ни съ его друзьями, ни съ нами. Между имъ и нами была церковная стѣна. Поклонникъ свободы и великаго времени французской революціи, онъ не могъ раздѣлять пренебреженія ко всему европейскому новыхъ старообрядцевъ. Онъ однажды съ глубокой печалью сказалъ Грановскому: „Сердцемъ я больше связанъ съ вами, но не дѣлю многаго изъ вашихъ убѣжденій; съ нашими я ближе вѣрой, но столько же расхожусь въ другомъ.“ И онъ въ самомъ дѣлѣ потухалъ какъ-то одиноко въ своей семьѣ. Возлѣ него стоялъ его братъ, его другъ—Петръ Васильевичъ. Грустно, какъ будто слеза еще не обсохла, будто вчера посѣтило несчастіе, появлялись оба брата на бесѣды и сходки. Я смотрѣлъ на Ивана Васильевича, какъ на вдову или на мать, лишившуюся сына; жизнь обманула его, впереди все было пусто и одно утѣшеніе:

Погоди немного,
Отдохнешь и ты!

*) На мѣсто этихъ двухъ параграфовъ въ *П. Зв.* напечатано: *Онъ* (Кирѣевскій) *и его братъ—вотъ еще два сильныя существованія, заѣденныя николаевской эпохой; они оба производили на меня самое грустное впечатлѣніе, особенно Ив. Вас. Это былъ человѣкъ съ необыкновенными способностями, съ умомъ обширнымъ, политическимъ, страстнымъ, съ характеромъ чистымъ и твердымъ, какъ сталь.*

Жаль было разрушать его мистицизмъ; эту жалость я прежде испытывалъ съ Витбергомъ. Мистицизмъ обоихъ былъ художественный; за нимъ будто не исчезала истина, а пряталась въ фантастическихъ очертаніяхъ и монашескихъ рясахъ. Безпощадная потребность разбудить человѣка является только тогда, когда онъ облекаетъ свое безуміе въ полемическую форму, или когда близость съ нимъ такъ велика, что всякой диссонансъ раздираетъ сердце и не даетъ покоя.

И что же было возражать человѣку, который говорилъ такія вещи: „Я разъ стоялъ въ часовнѣ, смотрѣлъ на чудотворную икону богоматери и думалъ о дѣтской вѣрѣ народа, молящагося ей; нѣсколько женщинъ, больные, старики стояли на колѣнахъ и крестясь клали земные поклоны. Съ горячимъ упованіемъ глядѣлъ я потомъ на святыя черты и мало по малу тайна чудесной силы стала мнѣ уясняться. Да, это не просто доска съ изображеніемъ..... вѣка цѣлые поглощала она эти потоки страстныхъ возношеній, молитвъ людей скорбящихъ, несчастныхъ; она должна была наполниться силой струящейся изъ нея, отражающейся отъ нея на вѣрующихъ. Она сдѣлалась живымъ органомъ, мѣстомъ встрѣчи между творцомъ и людьми. Думая объ этомъ, я еще разъ посмотрѣлъ на старцевъ, на женщинъ съ дѣтьми, поверженныхъ въ прахѣ и на святую икону — тогда я самъ увидѣлъ черты богородицы одушевленными, она съ милосердіемъ и любовью смотрѣла на этихъ простыхъ людей..... и я палъ на колѣни и смиренно молился ей.“

Петръ Васильевичъ былъ еще неисправимѣе и шелъ дальше въ православномъ славянизмѣ — натура можетъ быть меньше даровитая, но цѣльная и строго послѣдовательная. Онъ не старался, какъ Иванъ Васильевичъ

или какъ славянскіе гегелисты, мирить религію — съ наукой, западную цивилизацію—съ московской народностью; совсѣмъ напротивъ, онъ отвергалъ всѣ перемиріе. Самобытно и твердо держался онъ на своей почвѣ, не накупаясь на споры, но и не минуя ихъ. Бояться ему было нечего: онъ такъ безвозвратно отдался своему мнѣнію и такъ спаялся съ нимъ горестнымъ состраданіемъ къ современной Руси, что ему было легко. Соглашаться съ нимъ нельзя было, какъ и съ братомъ его; но понимать его можно было лучше, какъ всякую безпощадную крайность. Въ его взглядѣ (и это я оцѣнилъ гораздо послѣ) была доля тѣхъ горькихъ, подавляющихъ истинъ объ общественномъ состояніи Запада, до которыхъ мы дошли послѣ бурь 1848 года. Онъ понялъ ихъ печальнымъ ясновидѣніемъ, догадался ненавистью, местью за зло, принесенное Петромъ во имя Запада. Оттого у Петра Васильевича и не было, какъ у его брата, рядомъ съ православіемъ и славянизмомъ. стремленія къ какой-то гуманно-религіозной философіи, въ которую разрѣшалось его невѣріе къ настоящему. Нѣтъ, въ его угрюмомъ національнизмѣ было полное, оконченное отчужденіе всего западнаго.

Ихъ общее несчастіе состояло въ томъ, что они родились или слишкомъ рано или слишкомъ поздно; 14 Декабря застало насъ дѣтьми, ихъ юношами. Это очень важно. Мы въ это время учились, вовсе не зная, что въ самомъ дѣлѣ творится въ практическомъ мірѣ. Мы были полны теоретическихъ мечтаній, мы были Гракхи и Ріензи въ дѣтской; потомъ, замкнутые въ небольшой кругъ, мы дружно прошли академическіе годы; выходя изъ университетскихъ воротъ, насъ встрѣтили ворота тюрьмы. Тюрьма и ссылка въ молодыхъ лѣтахъ, во времена душнаго и сѣраго гоненія, чрезвычайно благо-

творны; это закалъ — однѣ слабыя организаціи смиряются тюрьмой, тѣ, у которыхъ борьба была мимолетнымъ юношескимъ порывомъ, а не талантомъ, не внутренней необходимостью. Сознаніе открытаго преслѣдованія поддерживаетъ желаніе противудѣйствовать, удвоенная опасность пріучаетъ въ выдержкѣ, образуетъ поведеніе. Все это занимаетъ, разсѣеваетъ, раздражаетъ, сердитъ, и на колодника или сосланнаго чаще находятъ минуты бѣшенства, чѣмъ утомительные часы равномѣрнаго, обезсиливающаго отчаянія, людей потерянныхъ на волѣ въ пошлой и тяжелой средѣ.

Когда мы возвратились изъ ссылки, уже другая дѣятельность закипала въ литературѣ, въ университетѣ, въ самомъ обществѣ. Это было время Гоголя и Лермонтова, статей Бѣлинскаго, чтеній Грановскаго и молодыхъ профессоровъ.

Не то было съ нашими предшественниками; имъ раннее совершеннолѣтіе пробилъ колоколъ, возвѣстившій Россіи казнь Пестеля и коронацію Николая; они были скопкомъ молоды, чтобъ участвовать въ заговорѣ и не на столько дѣти, чтобъ быть въ школѣ послѣ него, Ихъ встрѣтили тѣ десять лѣтъ, которыя оканчиваются мрачнымъ письмомъ Чаадаева. Разумѣется, въ десять лѣтъ они не могли состарѣться, но они сломились, затянулись, окруженные обществомъ безъ живыхъ интересовъ, жалкимъ, струсившимъ, подобострастнымъ. И это были десять первыхъ лѣтъ юности! По неволѣ приходилось, какъ Онѣгину, завидовать параличу тульскаго засѣдателя, уѣхать въ Персію, какъ Печоринъ Лермонтова, идти въ католики, какъ настоящій Печоринъ, или броситься въ отчаянное православіе, въ неистовый славянизмъ, если нѣтъ желанія пить запоемъ, сѣчь мужиковъ или играть въ карты.

Въ первую минуту, когда Хомяковъ почувствовалъ эту пустоту, онъ поѣхалъ гулять по Европѣ во время соннаго и скучнаго царствованія Карла X; *докончивъ* въ Парижѣ свою забытую трагедію *Ермакъ*, и потолковавши со всякими чехами и далматами на обратномъ пути — онъ воротился. Все скучно! По счастію открылась турецкая война, онъ пошелъ въ полкъ, безъ нужды, безъ цѣли и отправился въ Турцію. Война кончилась и кончилась другая забытая трагедія *Дмитрій Самозванецъ*. Опять скука!

Въ этой скукѣ, въ этой тоскѣ, при этой страшной обстановкѣ и страшной пустотѣ, мелькнула какая-то новая мысль; едва высказанная, она была осмѣяна; тѣмъ яростнѣе бросился на отстаиваніе ея Хомяковъ, тѣмъ глубже взошла она въ плоть и кровь Кирѣевскихъ.

Сѣмя было брошено; на посѣвъ и защиту всходовъ пошла ихъ сила. Надобно было людей новаго поколѣнія, не свихнутыхъ, не надломленныхъ, которыми мысль ихъ была бы принята не страданіемъ, не болѣзнью, какъ до нее дошли учители, а передачей, наслѣдіемъ. Молодые люди откликнулись на ихъ призывъ, люди Станкевичева круга примыкали къ нимъ и въ ихъ числѣ такія сильныя личности, какъ К. Аксаковъ и Юрій Самаринъ.

Константинъ Аксаковъ не смѣялся, какъ Хомяковъ, и не сосредоточивался въ безвыходномъ сѣтованіи, какъ Кирѣевскіе. Мужающій юноша, онъ рвался къ дѣлу. Въ его убѣжденіяхъ, не неувѣренное пытанье почвы, не печальное сознаніе проповѣдника въ пустынѣ, не темное придыханіе, не дальнія надежды — а фанатическая вѣра, нетерпимая, втѣсняющая, односторонняя, та, которая предваряетъ торжество. Аксаковъ былъ

односторонен, какъ всякій воинъ, съ покойно взвѣшивающимъ эклектизмомъ нельзя сражаться. Онъ былъ окруженъ враждебной средой, средой сильной и имѣвшей надъ нимъ большія выгоды, ему надобно было пробиваться рядомъ всевозможныхъ непріятелей и водрузить свое знамя. Какая тутъ терпимость!

Вся жизнь его была безусловнымъ протестомъ противъ петровской Руси, противъ петербурскаго періода во имя непризнанной, подавленной жизни русскаго народа. Его діалектика уступала діалектикѣ Хомякова, онъ не былъ поэтъ-мыслитель какъ И. Кирѣевскій, но онъ за свою вѣру пошелъ бы на площадь, пошелъ бы на плаху, а когда это чувствуется за словами, онѣ становятся страшно убѣдительны. Онъ въ началѣ сороковыхъ годовъ проповѣдывалъ сельскую общину, міръ и артель. Онъ научилъ Гакстгаузена понимать ихъ, и послѣдовательный до дѣтства, первый опустилъ панталоны въ сапоги и надѣлъ рубашку съ кривымъ воротомъ. „Москва, столица русскаго народа, говорилъ онъ, а Петербургъ, только резиденція императора.“ — И замѣтьте, отвѣчалъ я ему, какъ далеко идетъ это различіе, въ Москвѣ васъ непремѣнно посадятъ на *съѣзжу*, а въ Петербургѣ сведутъ на *гауптвахту*.“

Аксаковъ остался до конца жизни вѣчнымъ восторженнымъ и безпредѣльно благороднымъ юношей, онъ увлекался, былъ увлекаемъ, но всегда былъ чистъ сердцемъ. Въ 1844 году, когда наши споры дошли до того, что ни славяне, ни мы не хотѣли больше встрѣчаться, я какъ-то шелъ по улицѣ, К. Аксаковъ ѣхалъ въ саняхъ. Я дружески поклонился ему. Онъ было проѣхалъ, но вдругъ остановилъ кучера, вышелъ изъ саней и подошелъ ко мнѣ. „Мнѣ было слишкомъ больно, сказалъ онъ, проѣхать мимо васъ и не проститься съ вами. Вы

понимаете, что послѣ всего, что было между вашими друзьями и моими, я не буду къ вамъ ѣздить; жаль, жаль, но дѣлать нечего. Я хотѣлъ пожать вамъ руку и проститься.“ Онъ быстро пошелъ къ санямъ, но вдругъ воротился; я стоялъ на томъ же мѣстѣ, мнѣ было грустно; онъ бросился ко мнѣ, обнялъ меня и крѣпко поцаловалъ. У меня были слезы на глазахъ. Какъ я любилъ его въ эту минуту ссоры! *)

Ссора, о которой идетъ рѣчь, была слѣдствіемъ той полемики, о которой я говорилъ.

Грановскій и мы еще кой-какъ съ ними ладили, не уступая началъ, мы не дѣлали изъ нашего разномыслія личнаго вопроса. Бѣлинскій, страстный въ своей нетерпимости, шелъ дальше и горько упрекалъ насъ. „Я жидъ по натурѣ, писалъ онъ мнѣ изъ Петербурга, и съ филистимлянами за однимъ столомъ ѣсть не могу... Грановскій хочетъ знать, читалъ ли я его статью въ *Москвитянинѣ?* Нѣтъ, и не буду читать; скажи ему, что я не люблю ни видѣться съ друзьями въ неприличныхъ мѣстахъ, ни назначать имъ тамъ свиданія.“

За то честили его и славяне. *Москвитянинъ* раздраженный Бѣлинскимъ, раздраженный успѣхомъ *Отечественныхъ Записокъ* и успѣхомъ лекцій Грановскаго, защищался чѣмъ попало и всего менѣе жалѣлъ Бѣлинскаго, онъ прямо говорилъ о немъ какъ о человѣкѣ опасномъ, жаждущемъ разрушенія, радующемся при зрѣлищѣ пожара.

Впрочемъ *Москвитянинъ* выражалъ преимущественно университетскую, доктринерскую партію славянофиловъ. Партію эту можно назвать не только университетской, но и отчасти *правительственной.* Это большая новость въ русской литературѣ. У насъ рабство или молчитъ,

*) Колоколъ, листъ 90.

беретъ взятки и плохо знаетъ грамоту, или пренебрегая прозой, беретъ аккорды на вѣрноподданической лирѣ.

Булгаринъ съ Гречемъ не идутъ въ примѣръ, они никого не надули, ихъ ливрейную кокарду никто не принялъ за отличительный знакъ мнѣнія. Погодинъ и Шевыревъ, издатели *Москвитянина*, совсѣмъ напротивъ, были добросовѣстно раболѣпны. Шевыревъ не знаю отчего, можетъ увлеченный своимъ предкомъ, который середь пытокъ и мученій, во времена Грознаго, пѣлъ псалмы и чуть не молился о продолженіи дней свирѣпаго старика; Погодинъ изъ ненависти къ аристократіи.

Бываютъ времена, въ которыя люди мысли соединяются съ властью, но это только тогда, когда власть ведетъ впередъ, какъ при Петрѣ I; защищаетъ свою страну какъ въ 1812 г. врачуетъ ея раны и даетъ ей вздохнуть какъ при Генрихѣ IV, и *можетъ быть* при Александрѣ II.*) Но выбрать самую сухую и ограниченную эпоху русскаго самовластья и опираясь на батюшку царя, вооружаться противъ частныхъ злоупотребленій аристократіи, развитой и поддержанной тойже царской властью—нелѣпо и вредно.**)

Говорятъ, что защищаясь преданностью къ царской власти можно смѣлѣе говорить правду. Зачѣмъ же они ее не говорили?

*) Писано въ 1855 году.

**) Послѣ этого въ *Пол. Зв.* кн. IV, стр. 144, слѣдуютъ еще слѣдующія строки: *Что съ этимъ оружіемъ можно сдѣлать, намъ показалъ Метернихъ: онъ подбилъ кроваваго фанатика Шелу въ Галиціи, для наказанія мятежнаго духа дворянъ, тотъ и пошелъ съ шайкой разбойниковъ при крикѣ: „да здравствуетъ императоръ,“ изъ одной дворянской усадьбы въ другую, вырѣзывая помѣщиковъ съ семьями.*

Погодинъ былъ полезный профессоръ, явившись съ новыми силами и съ не-новымъ Гереномъ на пепелищѣ русской исторіи, вытравленной и превращенной въ дымъ и прахъ Каченовскимъ. Но какъ писатель, онъ имѣлъ мало значенія, не смотря на то, что онъ писалъ все, даже Гецъ Фонъ-Берлихингена по русски. Его шероховатый, неметеный слогъ, грубая манера бросать корноухіе, обгрызенные отмѣтки и нежеваныя мысли, вдохновилъ меня какъ то въ старые годы, и я написалъ въ подраженіе ему небольшой отрывокъ изъ — „Путевыхъ записокъ Ведрина.“ Строгоновъ (попечитель) читая ихъ, сказалъ: „А вѣдь Погодинъ вѣрно думаетъ, что онъ это въ самомъ дѣлѣ написалъ.“

Шевыревъ врядъ даже сдѣлалъ-ли что-нибудь какъ профессоръ. Что касается до его литературныхъ статей, я не помню во всемъ писанномъ имъ ни одной оригинальной мысли, ни одного самобытнаго мнѣнія. Слогъ его за то совершенно противуположенъ погодинскому, дутый, губчатый, въ родѣ неокрѣпнувшаго бланъ-манже и въ которое забыли положить горькаго миндалю, хотя подъ его патокой и заморено бездна желчной, самолюбивой раздражительности. Читая Погодина все думаешь, что онъ бранится и осматриваешься, нѣтъ-ли дамъ въ комнатѣ. Читая Шевырева, все видишь—что-нибудь другое во снѣ.

Говоря о слогѣ этихъ сіамскихъ братьевъ московскаго журнализма, нельзя не вспомнить Георга Форстера, знаменитаго товарища Кука—по Сандвическимъ островамъ, и Робеспьера—по Конвенту, единой и нераздѣльной республики. Будучи въ Вильнѣ профессоромъ ботаники и прислушиваясь къ польскому языку, такъ богатому согласными, онъ вспомнилъ своихъ знакомыхъ въ Отаити, говорящихъ почти одними гласными и за-

мѣтилъ: „Еслибъ эти два языка смѣшать, какое бы вышло звучное и плавное нарѣчіе!“

Тѣмъ не меньше, хотя и дурнымъ слогомъ, но близнецы *Москвитянина* стали зацѣплять ужъ не только Бѣлинскаго, но и Грановскаго за его лекціи. И все съ тѣмъ-же несчастнымъ отсутствіемъ такта, который возстановлялъ противъ нихъ всѣхъ порядочныхъ людей. Они обвиняли Грановскаго въ пристрастіи къ западному развитію, къ извѣстному *порядку идей*, за которыя Николай изъ *идеи порядка* ковалъ въ цѣпи, да посылалъ въ Нерчинскъ.

Грановскій поднялъ ихъ перчатку и смѣлымъ, благороднымъ возраженіемъ заставилъ ихъ покраснѣть. Онъ публично съ каѳедры спросилъ своихъ обвинителей, почему онъ долженъ ненавидѣть Западъ — и зачѣмъ, ненавидя его развитіе, сталъ бы онъ читать его исторію?

„Меня обвиняютъ, сказалъ Грановскій, въ томъ, что исторія служитъ мнѣ только для высказыванія моего воззрѣнія. Это отчасти справедливо, я имѣю убѣжденія и провожу ихъ въ моихъ чтеніяхъ; еслибъ я не имѣлъ ихъ, я не вышелъ бы публично передъ вами для того, чтобъ разсказывать, больше или меньше занимательно, рядъ событій.“

Отвѣты Грановскаго были такъ просты и мужественны, его лекціи такъ увлекательны, что славянскіе доктринеры, притихли, а молодежь ихъ рукоплескала не меньше насъ. Послѣ курса былъ даже сдѣланъ опытъ примиренія. Мы давали Грановскому обѣдъ послѣ его заключительной лекціи. Славяне хотѣли участвовать съ нами, и Ю. Самаринъ былъ выбранъ ими (такъ какъ я нашими) въ распорядители. Пиръ былъ удаченъ, въ концѣ его послѣ многихъ тостовъ не только единодушныхъ, но выпитыхъ, мы обнялись и облобызались

по русски съ славянами. П. В. Кирѣевскій просилъ меня одного, чтобъ я вставилъ въ моей фамильи *ы* вмѣсто *е* и черезъ это сдѣлалъ бы ее больше русской для уха. Но Шевыревъ и этого не требовалъ, напротивъ, обнимая меня — повторялъ своимъ soprano: „Онъ и съ *е* хорошъ, онъ и съ *е* русскій.“ Съ обѣихъ сторонъ примиреніе было откровенно и безъ заднихъ мыслей, что разумѣется не помѣшало намъ черезъ недѣлю разойтись еще далѣе.

Примиренія вообще только тогда возможны, когда они ненужны, т. е. когда личное озлобленіе прошло или мнѣнія сблизились и люди сами видятъ, что не изъ чего ссориться. Иначе всякое примиреніе будетъ взаимное ослабленіе, обѣ стороны полиняютъ, т. е. сдадутъ свою рѣзкую краску. Попытка нашего Кучукъ-Кайнарджи очень скоро оказалась невозможной и бой закипѣлъ съ новымъ ожесточеніемъ.

Съ нашей стороны было невозможно заарканить Бѣлинскаго, онъ слалъ намъ грозныя грамоты изъ Петербурга, отлучалъ насъ, предавалъ анаѳемѣ и писалъ еще злѣе въ *Отечественныхъ Запискахъ*. Наконецъ онъ торжественно указалъ пальцемъ противъ „проказы“ славянофильства, и съ упрекомъ повторилъ: „Вотъ вамъ они!“ мы всѣ понурили голову. Бѣлинскій былъ правъ!

Умирающей рукой, нѣкогда любимый поэтъ, сдѣлавшійся святошей отъ болѣзни и славянофиломъ по родству, хотѣлъ стянуть насъ; но несчастію онъ для этого избралъ опять таки полицейскую нагайку. Въ пьесѣ подъ заглавіемъ „Не наши,“ онъ называлъ Чаадаева—отступникомъ отъ православія, Грановскаго — лже-учителемъ, растлѣвающимъ юношей, меня слугой, носящимъ блестящую ливрею западной науки и всѣхъ трехъ—измѣнниками отечеству. Конечно онъ не назы-

валъ насъ по имени, ихъ добавляли чтецы, носившіе съ восхищеніемъ изъ залы въ залу доносъ въ стихахъ. К. Аксаковъ съ негодованіемъ отвѣчалъ ему тоже стихами, рѣзко клеймя злыя нападки и называя „*Не нашими*“ разныхъ славянъ, во Христѣ-Бозѣ нашемъ жандармствующихъ.

Обстоятельство это прибавило много горечи въ наши отношенія. Имя поэта, имя чтеца, кругъ въ которомъ онъ жилъ, кругъ который этимъ восхищался,—все это сильно раздражало умы.

Споры наши чуть чуть было не привели къ огромному несчастію, къ гибели двухъ чистѣйшихъ и лучшихъ представителей обѣихъ партій. Едва усиліями друзей удалось затушить ссору Грановскаго съ П. В. Кирѣевскимъ, которая быстро шла къ дуэли.

Середь этихъ обстоятельствъ, Шевыревъ, который никакъ не могъ примириться съ колосальнымъ успѣхомъ лекцій Грановскаго, вздумалъ побить его на его собственномъ поприщѣ и объявилъ свой публичный курсъ. Читалъ онъ о Дантѣ, о народности въ искуствѣ, о православіи въ наукѣ и пр.; публики было много, но она осталась холодна. Онъ бывалъ иногда смѣлъ и это было очень оцѣнено, но общій эфектъ ничего не произвелъ. Одна лекція осталась у меня въ памяти, это та, въ которой онъ говорилъ о книгѣ Мишле Le Peuple и о романѣ Ж. Сандъ La Mare au diable, потому что онъ въ ней живо коснулся живаго и современнаго интереса. Трудно было возбудить сочувствіе, говоря о прелестяхъ духовныхъ писателей восточной церкви и подхваливая греко-россійскую церковь. Только Ѳеодоръ Глинка и супруга его Евдокія, писавшая „о млекѣ пречистой дѣвы,“ сидѣли обыкновенно рядышкомъ на пер-

вомъ планѣ и скромно опускали глаза, когда Шевыревъ особенно неумѣренно хвалилъ православную церковь.

Шевыревъ портилъ свои чтенія тѣмъ самымъ, чѣмъ портилъ свои статьи—выходками противъ такихъ идей, книгъ и лицъ, за которыя у насъ трудно было заступаться, не попавши въ острогъ.

Между тѣмъ „какихъ ни вымышляли пружинъ, чтобъ умудриться“ хорошо издавать *Москвитянина*, онъ рѣшительно не шелъ. Для живаго полемическаго журнала надобно непремѣнно имѣть чутье современности, надобно имѣть ту нѣжную щекотливость нервъ, которая тотчасъ раздражается всѣмъ, что раздражаетъ общество. Издатели *Москвитянина* вовсе были лишены этого ясновидѣнія и какъ ни вертѣли они бѣднаго Нестора и бѣднаго Данта, они убѣдились наконецъ сами, что ни рубленой сѣчкой погодинскихъ фразъ, ни поющей плавностью шевыревскаго краснорѣчія, ничего не возмешь въ нашемъ испорченномъ вѣкѣ. Они подумали, подумали и рѣшились предложить главную редакцію И. В. Кирѣевскому. Выборъ Кирѣевскаго былъ необыкновенно удаченъ, не только со стороны ума и талантовъ, но и съ финансовой стороны. Я самъ ни съ кѣмъ въ мірѣ не желалъ бы такъ вести торговыхъ дѣлъ какъ съ Кирѣевскимъ.

Чтобъ дать понятіе о хозяйственной философіи его, я разскажу слѣдующій анекдотъ. У него былъ конскій заводъ, лошадей приводили въ Москву, дѣлали имъ оцѣнку и продавали. Однажды является къ нему молодой офицеръ покупать лошадь, конь сильно ему приглянулся; кучеръ, видя это, набавилъ цѣну: они поторговались, офицеръ согласился и взошелъ къ Кирѣевскому. Кирѣевскій, получая деньги, справился въ спискѣ, и замѣтилъ офицеру, что лошадь оцѣнена въ 800

рублей, а не въ 1,000, что кучеръ вѣроятно ошибся. Это такъ озадачило кавалериста, что онъ попросилъ позволенія снова осмотрѣть лошадь, и осмолрѣвши отказался, говоря: „хороша должна быть лошадь, за которую хозяину было совѣстно деньги взять“... Гдѣ же лучше можно было взять редактора?

Онъ горячо принялся за дѣло, потратилъ много времени, переѣхалъ для этого въ Москву, но при всемъ своемъ талантѣ, не могъ ничего сдѣлать. *Москвитянинъ* не отвѣчалъ ни на одну живую, распространенную въ обществѣ потребность и стало быть не могъ имѣть другого хода, какъ въ своемъ кружкѣ. Неуспѣхъ долженъ былъ сильно огорчить Кирѣевскаго.

Послѣ второго крушенія *Москвитянина*, онъ не оправлялся и сами славяне догадались, что на этой ладьѣ далеко не уплывешь. У нихъ стала носиться мысль другого журнала.

На этотъ разъ побѣдителями вышли не они. Общественное мнѣніе громко рѣшило въ нашу пользу. Въ глухую ночь, когда *Москвитянинъ* тонулъ и *Маякъ* не свѣтилъ ему больше изъ Петербурга, Бѣлинскій, вскормивши своею кровью *Отечественныя Записки*, поставилъ на ноги ихъ побочнаго сына и далъ имъ обоимъ такой толчекъ, что они могли нѣсколько лѣтъ продолжать свой путь съ одними корректорами и батырщиками, литературными мытарями и книжными грѣшниками. Бѣлинскаго имя было достаточно, чтобъ обогатить два прилавка и сосредоточить все лучшее въ русской литературѣ въ тѣхъ редакціяхъ, въ которыхъ онъ принималъ участіе — въ то время какъ талантъ Кирѣевскаго и участіе Хомякова не могли дать ни ходу, ни читателей *Москвитянину*.

Такъ я оставилъ поле битвы и уѣхалъ изъ Россіи.

Обѣ стороны высказались еще разъ,*) и всѣ вопросы переставились громадными событіями 1848 года.

Умеръ Николай, новая жизнь увлекла славянъ и насъ за предѣлы нашей усобицы, мы протянули имъ руки, но гдѣ они? — Ушли! и К. Аксаковъ ушелъ и нѣтъ этихъ „противниковъ, которые были ближе намъ многихъ своихъ.“

Не легка была жизнь, сожигавшая людей какъ свѣчу, оставленную на осеннемъ вѣтру.

Всѣ они были живы, когда я въ первый разъ писалъ эту главу. Пусть она на этотъ разъ окончится слѣдующими строками изъ надгробныхъ словъ Аксакову.

„Кирѣевскіе, Хомяковъ и Аксаковъ — *сдѣлали свое дѣло;* долго-ли, коротко-ли они жили, но закрывая глаза, они могли сказать себѣ съ полнымъ сознаніемъ, что они сдѣлали то, что хотѣли сдѣлать, и если они не могли остановить фельдъегерской тройки, посланной Петромъ, и въ которой сидитъ Биронъ и колотитъ ямщика, чтобъ тотъ скакалъ по нивамъ и давилъ людей — то они остановили увлеченное общественное мнѣніе и заставили призадуматься всѣхъ серьозныхъ людей.

Съ нихъ начинается *переломъ русской мысли.* И когда *мы* это говоримъ, кажется насъ нельзя заподозрить въ пристрастіи.

Да, мы были противниками ихъ, но очень странными. У насъ была *одна* любовь, но не *одинакая.*

У нихъ и у насъ запало съ раннихъ лѣтъ одно сильное, безотчетное, физіологическое, страстное чувство, которое они принимали за воспоминаніе, а мы за пророчество — чувство безграничной, обхватывающей все

*) Статья К. Кавелина и отвѣтъ Ю Самарина. Объ нихъ въ Developpement des idées révolutionnaires en Russie.

существованіе любви къ русскому народу, русскому быту, къ русскому складу ума. И мы какъ Янусъ, или какъ двуглавый орелъ, смотрѣли въ разныя стороны, въ то время какъ *сердце билось одно.*

Они всю любовь, всю нѣжность перенесли на угнетенную мать. У насъ, воспитанныхъ внѣ дома, эта связь ослабла. Мы были на рукахъ французской гувернантки, поздно узнали, что мать наша не она, а загнанная крестьянка, и то мы сами догадались по сходству въ чертахъ, да потому что ея пѣсни были намъ роднѣе водевилей; мы сильно полюбили ее, но жизнь ея была слишкомъ тѣсна. Въ ея комнаткѣ было намъ душно; все почернѣлыя лица изъ за серебряныхъ окладовъ, все попы съ причетомъ, пугавшіе несчастную, забитую солдатами и писарями женщину; даже ея вѣчный плачъ объ утраченномъ счастьи, раздиралъ наше сердце; мы знали, что у ней нѣтъ свѣтлыхъ воспоминаній, мы знали и другое, что ея счастье впереди, что подъ ея сердцемъ бьется зародышъ, — это нашъ меньшій братъ, которому мы безъ чечевицы уступимъ старшинство. А пока —

Mutter, Mutter lass mich gehen
Schweifen auf die wilden Hœhen!

Такова была наша семейная разладица, лѣтъ пятнадцать тому назадъ. Много воды утекло съ тѣхъ поръ, и мы встрѣтили *горный духъ* остановившій нашъ бѣгъ, и они вмѣсто міра мощей натолкнулись на живые русскіе вопросы. Считаться намъ странно, патентовъ на пониманье нѣтъ; время, исторія, опытъ сблизили насъ, не потому чтобъ они насъ перетянули къ себѣ, или мы ихъ, а потому что и они, и мы ближе къ истинному воззрѣнію теперь, чѣмъ были тогда, когда безпощадно терзали другъ друга въ журнальныхъ статьяхъ, хотя и

тогда я не помню, чтобы мы сомнѣвались въ ихъ горячей любви къ Россіи или они въ нашей.

На этой вѣрѣ другъ въ друга, на этой общей любви имѣемъ право и мы поклониться ихъ гробамъ, и бросить нашу горсть земли на ихъ покойникокъ, съ святымъ желаніемъ, чтобъ на могилахъ ихъ, на могилахъ нашихъ разцвѣла сильно и широко молодая Русь!"*)

ГЛАВА XXXI.

Кончина моего отца — Наслѣдство — Дѣлежъ — Два племянника.

Съ конца 1845 года силы моего отца постоянно уменьшались, онъ явнымъ образомъ гаснулъ, особенно со смерти Сенатора, умершаго совершенно послѣдовательно всей своей жизни, невзначай и чуть чуть не въ каретѣ. Въ 1839 году однимъ вечеромъ онъ по обыкновенію сидѣлъ у моего отца; пріѣхалъ онъ изъ какой-то агрономической школы, привезъ модель какой-то агрономической машины, употребленіе которой, я полагаю очень мало его интересовало, и въ одинадцать часовъ вечера уѣхалъ домой.

Онъ имѣлъ обыкновеніе дома очень немного закусывать и выпивать рюмку краснаго вина; на этотъ разъ онъ отказался и, сказавъ моему старому другу Кало, что онъ что-то усталъ и хочетъ лечь, отпустилъ его. Кало помогъ ему раздѣться, поставилъ у кровати свѣчу и вышелъ: едва дошелъ онъ до своей комнаты и успѣлъ снять съ себя фракъ, какъ Сенаторъ дернулъ звонокъ;

*) Колоколъ 15 Января 1861 года.

Кало бросился — старикъ лежалъ возлѣ постели мертвый.

Случай этотъ сильно потрясъ моего отца и испугалъ; одиночество его усугублялось, страшный чередъ былъ возлѣ, три старшихъ брата были схоронены. Онъ сталъ мрачнѣе и хотя по обыкновенію своему скрывалъ свои чувства и продолжалъ туже холодную роль, но мышцы измѣнялп, я съ намѣреніемъ говорю мышцы, потому что мозгъ и нервы у него остались тѣже до самой кончины.

Въ Апрѣлѣ 1845, лице старика стало принимать предсмертный видъ, глаза потухали; онъ уже былъ такъ худъ, что часто, показывая мнѣ свою руку, говорилъ: „Скелетъ совсѣмъ готовъ, стоитъ только снять кожицу.“ Голосъ его сталъ тише, онъ говорилъ медленнѣе; но умъ, память и характеръ были какъ всегда — таже иронія, тоже постоянное недовольство всѣми и таже раздражительная капризность.

„Помните, спросилъ дней за десять до кончины кто-то изъ его старыхъ знакомыхъ, — кто былъ нашъ повѣренный въ дѣлахъ въ Турнѣ послѣ войны; Вы его знавали за границей.“

„Сѣвѣрнѣ,“ отвѣчалъ старикъ, едва подумавши нѣсколько секундъ.

Третьяго Мая я его засталъ въ постели, щеки горѣли лихорадочно, что у него почти никогда не бывало, онъ былъ безпокоенъ и говорилъ, что не можетъ встать; потомъ велѣлъ себѣ поставить піявки и лежа въ постелѣ во время этой операціи продолжалъ свои колкія замѣчанія. „А! ты здѣсь, сказалъ онъ, будто я только что взошелъ: ты бы любезный другъ съѣздилъ куданибудь, разсѣяться, это очень меланхолическое зрѣлище смотрѣть какъ разлагается человѣкъ, cela donne des

pensées noires! Да вотъ прежде дай-ка мальчику гривенникъ на водку.“

Я пошарилъ въ карманѣ, ничего не нашелъ меньше четвертака и хотѣлъ дать, но больной увидѣлъ и сказалъ: „Какой ты скучный, я тебѣ сказалъ гривенникъ.“

— У меня нѣту съ собой.

— Подай мой кошелекъ изъ бюро, и онъ долго искавши нашелъ гривенникъ.

Взошелъ Голохвастовъ, племянникъ моего отца; старикъ молчалъ. Чтобъ что нибудь сказать, Голохвастовъ замѣтилъ, что онъ сейчасъ отъ генералъ-губернатора; больной при этомъ словѣ дотронулся, по военному, пальцемъ до черной бархатной шапочки; я такъ хорошо изучилъ всѣ его движенія, что тотчасъ понялъ въ чемъ дѣло: Голохвастову слѣдовало сказать—у Щербатова. „Представьте, какая странность, продолжалъ тотъ, у него открылась каменная болѣзнь.“

— Отчего-же странно, что у генералъ-губернатора открылась каменная болѣзнь? Спросилъ медленно больной.

— Какъ-же, mon oncle, ему слишкомъ семьдесятъ лѣтъ и въ первый разъ открылся камень.

— Да, вотъ и я, хоть и не генералъ-губернаторъ, а тоже очень странно, мнѣ семьдесятъ шесть лѣтъ и я въ первый разъ умираю.

Онъ дѣйствительно чувствовалъ свое положеніе, этото и придавало его иронiи какой-то макабрскій характеръ, заставлявшій разомъ улыбаться и цѣпенѣть отъ ужаса. Камердинеръ его, который всегда по вечерамъ дѣлалъ мелкіе, домашніе доклады, сказалъ, что хомутъ у водовозной лошади очень худъ, и что слѣдуетъ купить новый. „Какой ты чудакъ, отвѣчалъ ему мой

отецъ, человѣкъ отходитъ, а ты ему толкуешь о хомутѣ. Погоди денекъ-другой, какъ отнесешь меня въ залу на столъ, тогда доложи ему (онъ указалъ на меня), онъ тебѣ велитъ купить не только хомутъ, но сѣдло и возжи, которыхъ совсѣмъ не нужно."

Пятаго Мая лихорадка усилилась, черты еще больше опустились и почернѣли, старикъ видимо тлѣлъ отъ внутренняго огня. Говорилъ онъ мало, но съ совершеннымъ присутствіемъ духа; утромъ онъ спросилъ кофею, бульону... и часто пилъ какую-то тизану. Въ сумерки онъ подозвалъ меня и сказалъ — „Кончено," при этомъ онъ провелъ рукой какъ саблей или косой по одѣялу. Я прижалъ къ губамъ его руку, она была горяча. Онъ хотѣлъ что-то сказать, начиналъ... и ничего не сказавши заключилъ: „Ну да ты знаешь." И обратился къ Г. И., стоявшему по другую сторону кровати — „Тяжело," сказалъ онъ ему и остановилъ на немъ томный взглядъ.

Г. И. — завѣдывавшій тогда дѣлами моего отца, человѣкъ чрезвычайно честный и пользовавшійся его довѣріемъ, больше другихъ, наклонился къ больному и сказалъ: „Всѣ до сихъ поръ употребленныя вами средства остались безуспѣшными, позвольте мнѣ вамъ посовѣтовать прибѣгнуть къ другому лекарству."

— Къ какому лекарству? — Спросилъ больной.

— Не пригласить-ли священника?

— Охъ, сказалъ старикъ, обращаясь ко мнѣ, я думалъ, что Г. И. въ самомъ дѣлѣ хочетъ посовѣтовать какое-нибудь лекарство.

Вскорѣ потомъ онъ уснулъ. Сонъ этотъ продолжался до слѣдующаго утра, должно быть это было забытье. Болѣзнь за ночь сдѣлала страшный успѣхъ; ко-

нецъ былъ близокъ, я въ девять часовъ послалъ верховаго за Голохвастовымъ.

Въ половину одинадцатаго больной потребовалъ одѣться. Онъ не могъ ни стать на ноги, ни вѣрно взять что-нибудь рукой, но тотчасъ замѣтилъ, что серебряной пряжки, которой застегивались панталоны, не доставало и велѣлъ ее принесть. Одѣвшись, онъ перешелъ, поддерживаемый нами, въ свой кабинетъ. Тамъ стояли большія вольтеровскія кресла и узенькая, жесткая кушетка, онъ велѣлъ себя положить на нее, тутъ онъ сказалъ нѣсколько словъ непонятно и безсвязно, но минутъ черезъ пять раскрылъ глаза и встрѣтивъ взоромъ Голохвастова, спросилъ его: „Что такъ раненько пожаловалъ?“ — „Я, дядюшка, былъ тутъ поблизости, отвѣчалъ Голохвастовъ, такъ заѣхалъ узнать о вашемъ здоровьи.“ — Старикъ улыбнулся какъ бы говоря: „Не проведешь, любезный другъ.“ Потомъ спросилъ свою табакерку, я подалъ ее ему и раскрылъ но дѣлая долгія усилія, онъ не могъ настолько свести пальцы, чтобы взять табаку; его казалось поразило это, мрачно посмотрѣлъ онъ вокругъ себя и снова туча набѣжала на мозгъ, онъ сказалъ нѣсколько невнятныхъ словъ, потомъ спросилъ: „Какъ бишь называются, вотъ эти трубки что черезъ воду курятъ?“—Кальянъ, замѣтилъ Голохвастовъ. „Да, да..... мой кальянъ“ и ничего.

Между тѣмъ Голохвастовъ приготовилъ за дверями священника съ дарами, онъ громко спросилъ больнаго, желаетъ-ли онъ его принять; старикъ раскрылъ глаза и кивнулъ головой. К..... растворилъ дверь и взошелъ священникъ..... отецъ мой былъ снова въ забытьи, но нѣсколько словъ сказанныя протяжно и еще больше запахъ ладона разбудили его, онъ перекрестился; священникъ подошелъ, мы отступили.

Послѣ церемоніи больной увидѣлъ доктора Левенталя, усердно писавшаго рецептъ. „Что вы пишете?“ спросилъ онъ—„Рецептъ для васъ.“—„Какой рецептъ, или мошусъ, что ли? Какъ вамъ не стыдно, вы бы опіума прописали, чтобъ спокойнѣе отойти... Подымите меня, я хочу сѣсть на кресла,“ прибавилъ онъ, обращаясь къ намъ. Это были послѣднія слова сказанныя имъ въ связи.

Мы подняли умирающаго и посадили. „Подвиньте меня къ столу“—мы подвинули. Онъ слабо посмотрѣлъ на всѣхъ, „это кто?“ спросилъ онъ, указывая на М. К. — я назвалъ.

Ему хотѣлось опереть голову на руку, но рука опустилась и упала на столъ какъ неживая, я подставилъ свою. Онъ раза два взглянулъ томно, болѣзненно, какъ будто просилъ помощи, лицо принимало больше и больше выраженіе покоя и тишины... вздохъ—еще вздохъ и голова отяжелѣвшая на моей рукѣ стала стынуть... все въ комнатѣ хранило нѣсколько минутъ мертвое молчаніе.

Это было шестаго Мая 1846 года, около трехъ часовъ по полудни.

Торжественно и пышно былъ онъ схороненъ въ Дѣвичьемъ монастырѣ; два семейства крестьянъ, отпущенныхъ имъ на волю, пришли изъ Покровскаго, чтобъ нести гробъ на рукахъ, мы шли за ними, факелы, пѣвчіе, попы, архимандриты, архіерей. . . потрясающее душу „со святыми упокой,“ а потомъ могила и тяжелое паденіе земли на крышу гроба — тѣмъ и кончилась длинная жизнь старика, такъ упрямо и сильно державшаго въ рукѣ своей власть надъ домомъ, такъ тяготѣвшаго надо всѣмъ окружающемъ и вдругъ его вліяніе исчезло, его воля исключена, его нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ!

Могилу засыпали, поповъ и монаховъ повели обѣдать, я не пошелъ, а отправился домой, экипажи разъѣзжались, нищіе толкались около монастырскихъ воротъ, крестьяне стояли въ кучкѣ, обтирая потъ съ лица, я всѣхъ ихъ зналъ коротко, простился съ ними, поблагодарилъ ихъ и уѣхалъ.

Передъ кончиной моего отца мы почти совсѣмъ переѣхали изъ маленькаго дома въ большой, въ которомъ онъ жилъ; а потому и неудивительно, что въ суетѣ первыхъ трехъ дней я не успѣлъ оглядѣться, но теперь возвращаясь съ похоронъ, какъ то странно сжалось сердце; на дворѣ, въ сѣняхъ меня встрѣтили слуги, мущины и женщины, прося покровительства и защиты (почему, я сейчасъ объясню); въ залѣ пахло ладономъ, я взошелъ въ комнату, въ которой стояла постель моего отца, она была вынесена, дверь, къ которой столько лѣтъ не только люди, но и я самъ подходили осторожно ступая — была настежъ и горничная въ углу накрывала небольшой столъ. Все адресовалось ко мнѣ за приказаніями. Мое новое положеніе было мнѣ противно, оскорбительно — все это, этотъ домъ, принадлежитъ мнѣ, оттого, что кто-то умеръ и этотъ кто-то мой отецъ. Мнѣ казалось въ этомъ грубомъ завладѣніи было что-то нечистое, словно я обкрадывалъ покойника.

Наслѣдство имѣетъ въ себѣ сторону глубоко безнравственную, оно искажаетъ законную печаль о потерѣ близкаго лица, введеніемъ во владѣніе его вещами.

По счастію насъ избѣжало другое отвратительное послѣдствіе его — дикіе распри, безобразные ссоры дѣлящихъ добычу возлѣ гроба. Раздѣлъ всего имѣнья сдѣлался въ какіе-нибудь два часа времени, при кото-

рыхъ никто не сказалъ ни одного холоднаго слова, никто не возвысилъ голоса, и послѣ котораго всѣ разошлись съ бо̀льшимъ уваженіемъ другъ къ другу. Фактъ этотъ, главная честь котораго принадлежитъ Голохвастову, заслуживаетъ, чтобъ объ немъ сказать нѣсколько словъ.

При жизни Сенатора, онъ и мой отецъ сдѣлали взаимное завѣщаніе родоваго имѣнья другъ другу, съ тѣмъ, чтобъ послѣдній передалъ его Голохвастову. Часть своего имѣнья отецъ мой продалъ и капиталъ этотъ назначилъ намъ. Потомъ онъ далъ мнѣ небольшое имѣнье въ костромской губерніи, и это по настоятельному требованію Ольги Александровны Жеребцовой. Имѣнье это и теперь находится подъ секвестромъ, который правительство вопреки закона наложило, прежде чѣмъ мнѣ былъ сдѣланъ запросъ — хочу-ли я возвратиться. Послѣ смерти Сенатора мой отецъ продалъ его тверское имѣнье. Пока собственное родовое имѣнье моего отца покрывало проданное имъ изъ принадлежавшаго его брату, Голохвастовъ молчалъ. Но когда у старика явилась мысль отдать мнѣ подмосковную съ тѣмъ, чтобъ я деньгами заплатилъ по назначенію его, долю моему брату и долю другимъ лицамъ, тогда Голохвастовъ замѣтилъ, что это несообразно съ волею покойника, хотѣвшаго чтобъ имѣнье перешло къ нему. Старикъ, невыносившій ни въ чемъ ни малѣйшей оппозиціи, особенно такимъ планамъ, которые онъ долго обдумывалъ и потому считалъ непогрѣшительными, осыпалъ племянника колкостями. Голохвастовъ отказался отъ всякаго участія въ его дѣлахъ и пуще всего отъ званія душеприкащика. Размолвка сначала пошла такъ круто, что они было прервали всѣ сношенія.

Ударъ этотъ былъ не легокъ старику. Мало было

людей на свѣтѣ, которыхъ бы онъ въ самомъ дѣлѣ любилъ, Голохвастовъ былъ въ томъ числѣ. Онъ выросъ на его глазахъ, имъ гордилась вся семья, къ нему отецъ мой имѣлъ большое довѣріе, его онъ ставилъ мнѣ всегда въ образецъ, и вдругъ „Митя, сынъ сестры Лизаветы“ въ ссорѣ, отказывается отъ распоряженій, заявляетъ свое veto, и уже изъ за него видны пронические глаза Химика, съ улыбкой потирающаго свой носъ пальцами, обозженными селитреной кислотой.

По обыкновенію отецъ мой не показывалъ ни малѣйшаго вида, что это огорчаетъ его и избѣгалъ разговора о Голохвастовѣ, но замѣтно сталъ угрюмѣе, безпокойнѣе и чаще говорилъ объ „ужасномъ вѣкѣ, въ которомъ ослабли всѣ узы родства и старшіе не находятъ больше того уваженія, какимъ были окружены въ счастливыя времена,“ вѣроятно, когда представительницей всѣхъ семейныхъ добродѣтелей была Екатерина II!

Въ началѣ этой ссоры я былъ въ Соколовѣ и едва мелькомъ слышалъ о ней, но на другой день послѣ моего возвращенія въ Москву рано утромъ пріѣхалъ ко мнѣ Голохвастовъ. Большой педантъ и формалистъ, онъ пространно, хорошимъ и правильнымъ слогомъ разсказалъ мнѣ все дѣло, прибавивъ, что именно потому поторопился пріѣхать, чтобъ предупредить меня въ чѣмъ дѣло, прежде чѣмъ я услышу что нибудь о размолвкѣ.

— Не даромъ, сказалъ я ему шутя, меня зовутъ Александромъ, этотъ гордіевъ узелъ я вамъ тотчасъ разрублю. Вы должны во чтобъ то ни стало помириться, и для того, чтобъ уничтожить спорный предметъ, я скажу вамъ прямо и рѣшительно, что я отказываюсь отъ Покровскаго; а тамъ однихъ лѣсныхъ дачъ бу

детъ довольно, чтобъ покрыть потерю тверскаго имѣнья.

Голохвастовъ нѣсколько смѣшался и по этому еще больше доказывалъ мнѣ все то, что я такъ хорошо понялъ по первымъ двумъ словамъ. Мы съ нимъ разстались въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ.

Черезъ нѣсколько дней мой отецъ какъ-то вечеромъ самъ заговорилъ о Голохвастовѣ. По своему обыкновенію, когда онъ былъ недоволенъ кѣмъ-нибудь, онъ не оставилъ въ немъ ни одного здороваго мѣста. Идеалъ, на который онъ мнѣ указывалъ съ десятилѣтняго возраста, этотъ образцовый сынъ, этотъ примѣрный братъ, этотъ лучшій племянникъ въ мірѣ, этотъ благовоспитанный человѣкъ по превосходству, этотъ человѣкъ нахонецъ одѣвающійся до того хорошо, что никогда узелъ галстуха не былъ ни великъ, ни малъ, этотъ человѣкъ являлся теперь въ какомъ-то отрицательномъ фотографическомъ снимкѣ, такъ что впадины были выпуклы, а бѣлыя мѣста черны.

Переходъ къ простой брани былъ бы слишкомъ крутъ и замѣтенъ безъ разныхъ переливовъ, оттѣнковъ и мостовъ. Такой непослѣдовательности отецъ мой при своемъ умѣ не могъ сдѣлать.

— Да, скажи пожалуста, все забываю тебя спросить видѣлся ты съ Дмитріемъ Павловичемъ (онъ его всегда звалъ Митя) послѣ твоего возвращенія?

— Одинъ разъ.

— Ну что, какъ его превосходительство?

— Ничего, здоровъ.

— Очень хорошо, что ты съ нимъ видаешься; такихъ людей надобно держаться. Я его люблю и привыкъ любить, да онъ всего этого и заслуживаетъ. Конечно, есть и у него свои и пресмѣшные недостатки..

но единъ богъ безъ грѣха. Скорая карьера вскружила ему голову... ну—молодъ въ аннинской лентѣ; къ тому же родъ его службы такой, ѣздитъ куратором ъ учениковъ бранить, да все съ школярами привыкъ говорить свысока... поучаетъ ихъ, тѣ слушаютъ его на вытяжкѣ... онъ и думаетъ, что со всѣми можно говорить тѣмъ-же тономъ. Не знаю, замѣтилъ-ли ты, даже голосъ у него перемѣнился? Я помню при покойной императрицѣ князь Прозоровскій такимъ-же рѣзкимъ голосомъ приказывалъ своимъ ординарцамъ. Ридикульно сказать, пріѣхалъ вдругъ ко мнѣ выговоръ читать. Я слушаю его и думаю, что если бы покойница сестра Лизавета могла видѣть это! Я ее съ рукъ на руки Павлу Ивановичу передалъ въ день ихъ вѣнчанія, а тутъ ея сынъ: Да, дядюшка, кричитъ, если такъ, вы ужъ лучше обратитесь къ Алексѣю Александровичу, а меня прошу избавить. Я, ты знаешь, одна нога въ гробу, бездна заботъ, болѣзни, ну, Іовъ многострадальный. А онъ кричитъ, распалахнулся въ лицѣ... Quel siecle! Я знаю, ну онъ привыкъ въ декастеріяхъ... вѣдь онъ никуда не ѣздитъ, а любитъ распоряжаться дома со старостами, да съ конюхами, а тутъ эти писаришки — все вашпревосходительство! вашпревосходительство! — ну затмѣніе...

Словомъ какъ въ портретѣ Людовика Филиппа, измѣняя слегка черты, послѣдовательно доходишь отъ спѣлаго старика до гнилой груши—такъ и „образцовый Митя“—оттѣнокъ за оттѣнкомъ, подъ конецъ ужъ какъ-то сталъ сбиваться на Картуша или на Шемяку.

Когда послѣдніе удары кистью были кончены, я разсказалъ весь мой разговоръ съ Голохвастовымъ. Старикъ выслушалъ внимательно, насупилъ брови, потомъ продолжительно, отчетливо, систематически нюхая табакъ, сказалъ мнѣ:

— Ты пожалуста, любезный другъ, не думай, что ты меня очень затруднилъ тѣмъ, что отказываешся отъ Покровскаго... я никого не упрашиваю и никому не кланяюсь, возьмите молъ мое имѣніе, и тебѣ кланяться не стану. Охотники найдутся. Всѣ контркарируютъ мои прожекты; мнѣ это надоѣло,— отдамъ все въ больницу —больные будутъ добромъ поминать. Не только Митя, ужъ ты наконецъ учишь меня распоряжаться моимъ добромъ, а давно-ли Вѣра тебя въ корытѣ мыла? Нѣтъ, усталъ, пора въ отставку: я и самъ пойду въ больницу.

Такъ разговоръ и окончился.

На другой день часовъ въ одиннадцать утромъ, отецъ прислалъ за мной своего камердинера. Это случалось очень рѣдко, обыкновенно я заходилъ къ нему передъ обѣдомъ или если не обѣдалъ у него, то приходилъ къ чаю.

Я засталъ старика передъ его письменнымъ столомъ, въ очкахъ и за какими-то бумагами. „Поди-ка сюда, да если можешь подарить мнѣ часикъ времени... помоги-ка тутъ мнѣ въ порядокъ привести разныя записки. Я знаю, ты занятъ, все статейки пишешь, литераторъ... видѣлъ я какъ-то въ *Отечественной Почтѣ* твою статью, ничего не понялъ, все такіе термины мудреные. Да ужъ и литература-то такая... прежде писывали Державинъ, Дмитріевъ, а нынче ты... да мой племянникъ Огаревъ. Хотя, по правдѣ сказать, лучше дома сидѣть и писать всякіе пустяки, чѣмъ все въ санкахъ, да къ Яру, да шампанское.“

Я слушалъ и никакъ не понималъ, куда идетъ это captatio benevolentiæ. „Садись-ка, вотъ здѣсь, прочти эту бумагу и скажи твое мнѣніе.“ Это было духовное завѣщаніе и нѣсколько прибавленій къ нему. Съ его

точки зрѣнія это было высшее довѣріе, которое онъ могъ оказать.

Странный психологическій фактъ. Въ продолженіи чтенія и разговора, я замѣтилъ двѣ вещи: во первыхъ, что ему хотѣлось помириться съ Голохвастовымъ, а во вторыхъ, что онъ очень оцѣнилъ мой отказъ отъ имѣнья, и въ самомъ дѣлѣ съ этого времени т. е. съ Октября мѣсяца 1845 и до своей кончины, онъ во всѣхъ случаяхъ показывалъ не только довѣріе, но иногда совѣтовался со мной и даже раза два поступилъ по моему совѣту.

А чтобы подумалъ человѣкъ, который бы вчера подслушалъ нашъ разговоръ? Въ отвѣтѣ моего отца на счетъ Покровскаго я не измѣнилъ ни іоты, я очень помню его.

Завѣщаніе въ главной части было просто и ясно; онъ оставлялъ все недвижимое имѣніе Голохвастову, все движимое, капиталъ и домы моей матери, брату и мнѣ, съ условіемъ равнаго раздѣла. За то прибавочныя статьи, написанныя на разныхъ лоскуткахъ безъ чиселъ, далеко не были просты. Отвѣтственность, которую онъ клалъ на насъ и въ особенности на Голохвастова, была до чрезвычайности непріятна. Онѣ противурѣчили другъ другу и носили тотъ характеръ неопредѣленности, изъ за котораго обыкновенно выходятъ безобразныя ссоры и обвиненія.

Напримѣръ тамъ были такія вещи: Всѣхъ дворовыхъ людей, *хорошо* и *усердно* мнѣ служившихъ, отпускаю я на волю и поручаю вамъ выдать имъ денежныя награжденія по *заслугамъ*.

Въ одной запискѣ было сказано, что старый каменный домъ оставляется Г. И. Въ другой, домъ имѣлъ иное назначеніе, а Г. И. оставлялись деньги, но вовсе

не было сказано, чтобъ эти деньги шли въ замѣнъ дома. По одному прибавленію, отецъ мой оставлялъ 10,000 серебромъ одному родственнику, а по другому онъ оставлялъ его сестрѣ небольшое имѣнье, съ тѣмъ, чтобъ она отдала своему брату эти 10,0000 серебромъ.

Надобно замѣтить, что о половинѣ этихъ распоряженій я прежде слыхалъ отъ него, и не я одинъ. Старикъ много разъ при мнѣ говорилъ напр. о домѣ Г. И. и совѣтовалъ ему даже переѣхать въ него.

Я предложилъ моему отцу пригласить Голохвастова и поручить ему съ Г. И. составить общую записку. „Конечно, говорилъ онъ, Митя могъ бы помочь, да вѣдь онъ очень занятъ. Знаешь, эти государственные люди... что ему до умирающаго дяди, онъ все семинаріи ревизуетъ.“

— Онъ навѣрно пріѣдетъ, замѣтилъ я, это дѣло слишкомъ важно для него.

— Я всегда радъ его видѣть. Только не всегда у меня голова достаточно здорова говорить о дѣлахъ. Митя, il est très verbeux, онъ заговоритъ меня, а у меня сейчасъ мысли кругомъ пойдутъ. Ты лучше свези къ нему всѣ эти бумаги, да пусть онъ прежде на маржахъ поставитъ свои замѣчанія.

Дни черезъ два Голохвастовъ пріѣхалъ самъ; онъ какъ большой формалистъ перепугался больше меня безпорядка, а какъ классикъ выразился объ этомъ такъ: «mais, mon cher, c'est le testament d'Alexandre le grand.» Мой отецъ, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ бывало, представилъ себя вдвое больше больнымъ, говорилъ Голохвастову косвенныя колкости, потомъ обнялъ его, тронулъ щекой его щеку и семейное Кампо-Форміо было заключено.

Насколько мы могли, мы уговорили старика перемѣ-

нить редакцію его прибавленій и сдѣлать одну записку. Онъ самъ хотѣлъ ее написать и не кончилъ въ продолженіи шести мѣсяцевъ.

Вслѣдъ за раздѣломъ явился естественно вопросъ, кто же поступаетъ на волю и кто нѣтъ? Что касается до денежнаго награжденія, я уговорилъ моего отца опредѣлить сумму; послѣ долгихъ преній онъ назначилъ 3,000 р. сереб. Голохвастовъ объявилъ людямъ, что, не зная, кто именно служилъ въ домѣ и какъ, онъ предоставляетъ мнѣ разборъ ихъ правъ. Я началъ съ того, что помѣстилъ въ списокъ всѣхъ до одного изъ служившихъ въ домѣ. Но когда разнесся слухъ о моемъ листѣ, на меня хлынули со всѣхъ сторонъ какіе-то дворовые прошлыхъ поколѣній, съ дурнобритыми сѣдыми подбородками, плѣшивые, обтерханые, съ тѣмъ невѣрнымъ качаніемъ головы и трясеніемъ рукъ, которыя пріобрѣтаются двумя-тремя десятками лѣтъ пьянства, старухи, сморщившіяся и въ чепцахъ съ огромными оборками, заочные крестники и крестницы, о христіанскомъ существованіи которыхъ я не имѣлъ понятія. Однихъ изъ этихъ людей я совсѣмъ не видывалъ, другихъ помнилъ какъ во снѣ; наконецъ явились и такіе, о которыхъ я навѣрно зналъ, что они никогда не служили у насъ въ домѣ, а вѣчно ходили по паспорту, другіе когда-то жили и то не у насъ, а у Сенатора, или пребывали съ поконъ вѣка въ деревнѣ. Еслибъ эти разбитые на ноги старики и уменьшившіяся въ ростѣ и закоптѣвшія отъ лѣтъ старухи хотѣли вольную для себя, бѣда была бы не велика; совсѣмъ напротивъ, они-то и были готовы окончить вѣкъ свой за Дмитріемъ Павловичемъ, но у каждаго почти нашлись сыновья, дочери, внучата. Призадумался я, думалъ, думалъ, да и далъ всѣмъ имъ свидѣтельства. Голохвастовъ очень хорошо понялъ,

что половина этихъ незнакомцевъ никогда не была на службѣ, но, видя мои свидѣтельства, велѣлъ всѣмъ писать отпускныя; когда мы ихъ подписывали, онъ, почесывая пальцемъ волосы, сказалъ мнѣ улыбаясь: „Я думаю, мы тутъ и чужихъ нѣсколько человѣкъ отпустили.“

Голохвастовъ былъ въ своемъ родѣ тоже оригинальное лицо, какъ вся семья моего отца.

Меньшая сестра моего отца была за-мужемъ за старымъ, старинным, столбовымъ и очень богатымъ русскимъ бариномъ Павломъ Ивановичемъ Голохвастовымъ. Голохвастовы мелькаютъ тамъ-сямъ въ русской исторіи со временъ Грознаго; при Самозванцѣ, во время междуцарствія встрѣчаются ихъ имена. Келарь Авраамій Палицынъ навлекъ на себя сначала гнѣвъ Дмитрія Павловича, а потомъ предлинную статью, неосторожно отозвавшись объ одномъ изъ предковъ его въ своемъ сказаніи объ осадѣ Троице-Сергіевской Лавры.

Павелъ Ивановичъ былъ угрюмый, скупой, но чрезвычайно честный и дѣловой человѣкъ. Мы видѣли, какъ онъ помѣшалъ моему отцу уѣхать изъ Москвы въ 1812 году и какъ умеръ потомъ въ деревнѣ отъ удара.

У него остались два сына и дочь. Они жили съ матерью въ томъ самомъ большомъ домѣ на Тверской, котораго пожаръ такъ поразилъ старика.*) Нѣсколько строгій, скупой и тяжелый тонъ, введенный старикомъ, пережилъ его. Въ домѣ ихъ царствовала обдуманная, важная скука и оффиціально учтивый, благосклонный тонъ съ чувствомъ собственнаго достоинства, который à la longue чрезвычайно надоѣдалъ. Большія и хорошо убранныя комнаты были слишкомъ пусты и беззвучны. Молча сидѣла, бывало, за своей работой дочь; мать,

*) Былое и Думы. Часть I, глава I.

сохранившая слѣды большой красоты и тогда еще не старая, лѣтъ сорока пяти съ чѣмъ нибудь, начинала хворать и обыкновенно лежала на софѣ; обѣ говорили протяжно и нѣсколько на распѣвъ, какъ тогда вообще говорили московскія дамы и дѣвицы. Дмитрій Павловичъ лѣтъ восемнадцати походилъ на сорокалѣтняго мущину. Меньшой братъ былъ живѣе его, но за то его почти никогда не было на лицо...

..... И все то это примерло..... а я еще помню, когда мать дала Дмитрію Павловичу торжественную инвеституру на полное распоряженіе лошадью и дрожками. Ихъ бывшій гувернеръ Маршаль, превосходный человѣкъ, послужившій мнѣ когда-то типомъ Жозефа въ „Кто виноватъ?“ давалъ мнѣ уроки послѣ Бушо.

Какъ ни обходи, ни маскируй, какъ умно ни разрѣшай эти тревожные вопросы о жизни, смерти, судьбѣ, они все таки являются съ своими могильными крестами и съ той будто неумѣстной улыбкой, которая остается на осклабившихся челюстяхъ мертвой головы!

А если раздумаешься, то самъ увидишь, что и нельзя не улыбаться. Вотъ, хоть бы и судьба этихъ двухъ братьевъ, — чего и чего не придетъ въ голову, думая о нихъ!

Разница, бывшая между моимъ отцомъ и Сенаторомъ, блѣднѣетъ передъ рѣзкой противуположностью ихъ, не смотря на то, что они выросли въ одной комнатѣ, имѣли одного гувернера, однихъ учителей, одинакую обстановку.

Старшій братъ былъ блондинъ съ британски-рыжеватымъ оттѣнкомъ, съ свѣтло-сѣрыми глазами, которые онъ любилъ щурить, и которые говорили о невозмущаемомъ штилѣ души. Съ лѣтами фигура его все больше и больше выражала чувство полнаго уваженія

къ себѣ и какой-то психической сытости собою. Онъ тогда сталъ щурить не только глазами, но и ноздрями, особеннаго, довольно удачнаго покроя. Говоря, онъ почесывалъ третьимъ пальцемъ лѣвой руки волосы на вискахъ, всегда подвитые и правильно причесанные, притомъ онъ постоянно держалъ губы на благосклонной улыбкѣ; послѣднее онъ унаслѣдовалъ у матери и у Лампіева портрета Екатерины II. Правильныя черты его вмѣстѣ съ стройнымъ и довольно высокимъ ростомъ, съ тщательно округленными движеніями, съ шейнымъ платкомъ, котораго узелъ „никогда не былъ ни великъ, ни малъ," придавали ему какую-то торжественную красоту посаженнаго отца, почетнаго свидѣтеля, человѣка, которому предоставлено раздавать награды отличившимся ученикамъ, или по крайней мѣрѣ человѣка, пріѣхавшаго поздравить съ Рождествомъ Христовымъ, или съ наступающимъ новымъ годомъ. Но для будней, для ежедневнаго обихода, онъ былъ слишкомъ наряденъ.

Вся его жизнь была рядомъ наградъ за успѣхи и нравственность. Онъ ихъ заслуживалъ вполнѣ. Маршаль, посѣдѣвшій отъ меньшаго брата его, не могъ нахвалиться Дмитріемъ Павловичемъ, и безусловно вѣрилъ въ непогрѣшительность его французскаго синтаксиса. Дѣйствительно онъ говорилъ по французски съ той непорочной правильностью, съ которой французы никогда не говорятъ (вѣроятно потому, что въ нихъ не развито чувство сознанія всей важности знать французскую грамматику). Четырнадцати лѣтъ, онъ не только участвовалъ въ управленіи имѣньемъ, но перевелъ на французскій языкъ въ прозѣ *всю* Россіяду Хераскова для упражненія въ стилѣ. Вѣроятно, старикъ радовался на томъ свѣтѣ больше, чѣмъ „Лебедь на водахъ

Меандра," узнавши это. Но Голохвастовъ не только правильно говорилъ по французски и по нѣмецки, не только хорошо зналъ по латыни, но зналъ и говорилъ правильно и хорошо по русски.

Такъ какъ Маршаль считалъ его лучшимъ ученикомъ, такъ его мать считала его лучшимъ сыномъ, дядя его — лучшимъ племянникомъ, а князь Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ, когда онъ опредѣлился къ нему на службу, считалъ его лучшимъ чиновникомъ. Но что еще важнѣе, что все это дѣйствительно такъ и было. А странное дѣло... чувствовалось отсутствіе *чего-то*. Онъ былъ уменъ, дѣловой человѣкъ, много читалъ и помнилъ—чего же больше кажется требовать?

Я впослѣдствіи не разъ встрѣчалъ эти натуры, эти „гладенькіе" умы, эти свѣтлопонимающія — на извѣстномъ пространствѣ и въ извѣстную глубину—головы. Они умно разсуждаютъ, не отступая отъ данныхъ; они еще умнѣе поступаютъ, не сходя съ торной дороги; они настоящіе современники своего времени, своего общества. Все, что они говорятъ—истинно, но они могли бы говорить что-нибудь другое; все, что они дѣлаютъ — хорошо, но они могли бы дѣлать что нибудь иное. Они обыкновенно нравственны, но вамъ нечистая сила шепчетъ на ухо: „Да могутъ ли они быть безнравственны?" Нѣмцы назвали бы такихъ людей „разсудочными"; это среда вигизма въ Англіи, среда, которой геній и высшій представитель теперь,—Маколей, въ стары годы былъ Вальтеръ-Скоттъ, среда практической философіи пустынника de la chaussée d'Antin и философскихъ поученій Вейса. Все у этихъ господъ исправно, чинно, на мѣстѣ; они правильно любятъ добродѣтель и бѣгутъ порока; все у нихъ не лишено извѣстной прелести сѣренькаго лѣтняго дня — безъ дождя

и солнца, а чего-то нѣтъ—ну такъ бездѣлицы, *ничего*, какъ у великихъ княженъ царя Никиты... но

И того не доставало,

а безъ того и все остальное не въ честь.

Меньшой братъ Голохвастова родился хромой; ужъ одно это обстоятельство лишило его возможности пріобрѣсть античную позу и версальскую поступь старшаго брата. Къ тому же у него были черные волосы и огромные черные глаза, которыми онъ никогда не щурился. Эта энергическая и красивая наружность была все; внутри бродили довольно неустроенныя страсти и смутныя понятія. Мой отецъ, не ставившій его ни въ грошъ, говорилъ, когда особенно былъ имъ недоволенъ: „Quel jeu interessant de la nature видѣть на плечахъ Николаши — и при этомъ старикъ поднималъ свои собственныя — голову персидскаго шаха!“

Такъ какъ его старшій братъ не могъ ни на минуту обдосужиться весь свой вѣкъ, и постоянно что-нибудь дѣлалъ, такъ Николай Павловичъ всю жизнь рѣшительно ничего не дѣлалъ. Въ юности онъ не учился; лѣтъ 23 онъ уже былъ женатъ и это презабавнымъ образомъ. Онъ увезъ самъ себя. Влюбившись въ бѣдную и незнатную дѣвушку, чрезвычайно милую грёзовскую головку или севрскую изящнѣйшую куколку, онъ просилъ позволенія жениться на ней, и этому я всего меньше дивлюсь. Мать, исполненная аристократическихъ предразсудковъ и воображавшая, что за своихъ сыновей меньше взять нельзя какъ Румянцову или Орлову, и то съ цѣлымъ народонаселеніемъ какой-нибудь Воронежской или Рязанской губерніи, разумѣется, не согласилась. Но какъ братъ его ни уговаривалъ, какъ дяди и тетки ни усовѣщивали, свѣтленькіе глазки молодой дѣвушки взяли свое; нашъ Вертеръ, видя,

что ничѣмъ не сломитъ волю своихъ родныхъ, спустилъ ночью въ окно шкатулку, нѣсколько бѣлья, камердинера Александра, потомъ спустился самъ, оставивъ свою дверь запертою изнутри. Когда къ обѣду слѣдующаго дня открыли дверь, онъ былъ уже обвѣнчанъ. Его мать такъ огорчилась тайнымъ бракомъ, что слегла въ постель и умерла, принеся свою жизнь въ жертву на алтарь этикета и приличій.

У нихъ въ домѣ жила вдова коменданта Орской крѣпости во времена чумы и Пугачева, старушка офицерша, глухая, съ небольшими усами и ворчунья. Часто разсказывала она мнѣ потомъ о потрясающемъ событіи побѣга и всякій разъ прибавляла: „Я, батюшка, съ малыхъ лѣтъ видѣла, что въ Николаѣ-то Павловичѣ проку никакого не будетъ и никакого утѣшенія Елизаветѣ Алексѣевнѣ. Ему, извольте видѣть, было лѣтъ двѣнадцать, вѣкъ не забуду, прибѣжалъ ко мнѣ, хохочетъ до слезъ, говоритъ: Надежда Ивановна, Надежда Ивановна, поскорѣе къ окну: посмотрите, что съ нашей коровой сдѣлалось! Я къ окну, да такъ и ахнула. Ну, представь, батюшка, ей собаки что-ли хвостъ оторвали, только она, моя голубушка, такъ-таки безъ хвоста и есть... Корова была тирольская... не вытерпѣла я, такъ это, я говорю, ты смѣешься надъ маменькиной коровой, да надъ своимъ добромъ, ну какой же въ тебѣ будетъ путь! Такъ я ужъ и махнула рукой съ той самой поры.“

Пророчество, такъ странно вышедшее изъ коровьяго хвоста, котораго не было на своемъ мѣстѣ, начало сбываться быстро. Братья раздѣлились и меньшой пошелъ кутить.

Кто не помнитъ рядъ Гогартовыхъ рисунковъ, въ которыхъ онъ представляетъ параллельно жизнь тру-

долюбиваго и лѣнтяя. Трудолюбивый скучаетъ въ церкви, лѣнивый играетъ въ кости; трудолюбивый читаетъ въ семействѣ назидательную книгу, лѣнтяй пьетъ водку и т. д. Эту параллель съ измѣненіемъ общественнаго положенія представляли наши братья. У Гогарта одинъ изъ героевъ начинаетъ воровать и оканчиваетъ висѣлицей, а другой всю жизнь совсѣмъ не веселится и приговариваетъ своего пріятеля къ смерти. Воровство hors d'oeuvre — не его вина, что ему мать не оставила двухъ тысячъ душъ въ калужской губерніи, какъ Елизавета Алексѣевна, и полмилліона денегъ. Сталъ ли бы онъ тогда хлопотать и трудиться; воровать вовсе не отдохновеніе, а работа очень непріятная и чрезвычайно опасная.

Оба брата, раздѣлившись, горячо принялись за дѣло. Одинъ улучшать свое имѣнье, другой раззорять его; не знаю, прибавилъ-ли Дмитрій Павловичъ сто рублей своими неусыпными заботами къ имуществу. Николай Павловичъ черезъ десять лѣтъ имѣлъ больше милліона долга.

Вскорѣ послѣ смерти матери, устроивъ свою сестру, т. е. выдавъ ее замужъ, Дмитрій Павловичъ уѣхалъ въ Парижъ и Лондонъ, глядѣть Европу; а Николай Павловичъ принялся себя показывать Москвѣ: балы, обѣды, спектакли слѣдовали другъ за другомъ; его домъ съ утра былъ набитъ охотниками до хорошаго завтрака, знатоками винъ, танцующей молодожью, интересными французами, гвардейскими офицерами — вино лилось, музыка гремѣла, онъ даже иногда поднималъ мѣстные образа первой величины, князя Д. В. Голицына, князя Юсупова.

Холостой Дмитрій Павловичъ между тѣмъ, правильно осмотрѣвши Европу и выучившись по-англійски,

возвращался вооруженный планами девонширскихъ фермъ и корнвельскаго конскаго завода, въ сопровожденіи англійскаго берейтора и двухъ огромныхъ, породистыхъ ньюфаундлендскихъ собакъ съ длинной шерстью, съ перепонками на лапахъ и одаренныхъ невѣроятной глупостью. Моремъ плыли сѣяльныя и вѣяльныя машины, необыкновенные плуги и модели всякихъ агрономическимъ затѣй.

Пока Дмитрій Павловичъ старательно заводилъ четырехпольное хозяйство, не идущее къ нашей землѣ, и обсѣвалъ клеверомъ наши православные луга, пока онъ давалъ англійское воспитаніе жеребятамъ отъ русскихъ родителей рожденнымъ и изучалъ Теэра—Николай Павловичъ, и это я думаю худшій и глупѣйшій поступокъ въ его жизни, успѣлъ разлюбить свою жену, и, какъ-бы не находя довольно быстрымъ средствомъ раззоренія балы и обѣды, взялъ на содержаніе актрису-танцовщицу, которая безъ сомнѣнія была недостойна завязывать шнурковъ корсета его жены. Съ этой минуты все пошло какъ на парахъ, имѣнье было описано. жена погоревала-погоревала о судьбѣ дѣтей и о своей собственной, простудилась и въ нѣсколько дней умерла,— домъ распадался.

Видя это, Дмитрій Павловичъ принялъ энергическую мѣру, чтобъ и его имѣнье не пошло кредиторамъ его брата, — онъ рѣшился жениться. Онъ тщательно выбралъ умную и дѣльную жену; бракъ его не былъ дѣломъ безумной страсти; онъ изъ династическаго интереса желалъ прямыхъ наслѣдниковъ, чтобъ оградить родовое имѣнье праотцевъ.

Свадьба брата сильно огорчила Николая Павловича. Такого сюрприза отъ него онъ не ждалъ; видно имъ было на роду написано удивлять другъ друга своими

бракосочетаніями. Чтобъ утѣшиться, онъ сталъ вдвое кутить. Какъ медленно ни дѣлаются у насъ эти дѣла, но наконецъ настало время продажи имѣнья съ аукціоннаго торга. Не думаю, чтобъ это очень заботило Дмитрія Павловича, но тутъ опять замѣшались династическіе интересы, и потому Дмитрій Павловичъ съ помощью дядей принялся за спасеніе брата. Начали скупать разные двойные векселя, давая копѣекъ 40 съ рубля, т. е. бросали въ печь большую сумму денегъ и увидѣли потомъ, что это совершенно безполезно, такъ много было векселей. Одинъ изъ эпизодовъ этой исторіи остался у меня въ памяти. При раздѣлѣ, брильянты матери достались Николаю Павловичу; Николай Павловичъ наконецъ заложилъ и ихъ. Видѣть брильянты, украшавшіе нѣкогда величавый станъ Елизаветы Алексѣевны, проданными какой нибудь купчихѣ, Дмитрій Павловичъ не могъ. Онъ представилъ брату весь ужасъ его поступка; тотъ плакалъ, клялся, что раскаявается; Дмитрій Павловичъ далъ ему вексель на себя и послалъ къ ростовщику выкупить брильянты; Николай Павловичъ просилъ его позволеніе привести брильянты къ нему, чтобъ онъ ихъ спряталъ какъ единственное наслѣдство его дочерей. Брильянты онъ выкупилъ и повезъ къ брату, но вѣроятно chemin faisant, онъ раздумалъ, потому что вмѣсто брата онъ заѣхалъ къ другому ростовщику и снова ихъ заложилъ. Надо себѣ представить удивленіе Сенатора, досаду Дмитрія Павловича и пространныя разсужденія моего отца, чтобъ понять какъ я отъ души хохоталъ надъ этимъ высоко комическимъ происшествіемъ.

Когда всѣ средства окончательно истощились, имѣнье было продано, домъ назначенъ въ продажу, люди распущены, брильянты не выкуплены во второй разъ; ко-

гда наконецъ Николай Павловичъ велѣлъ рубить свой московскій садъ, для того чтобъ *топить печи*, та же благодатная судьба, которая баловала его всю жизнь, снова помогла ему. Онъ поѣхалъ на дачу къ своему двоюродному брату и вышелъ пройтиться, пріостановился середь разговора, взялъ себя за голову рукой, упалъ и умеръ.

Въ эти послѣдніе годы the diligent Дмитрій Павловичъ, какъ Цинцинатъ, оставивъ плугъ, перешелъ къ управленію ученой республики въ Москвѣ. Случилось это такъ. Императоръ Николай, полагая, что генералъ-маіоръ Писаревъ довольно остригъ студентовъ и основательно научилъ застегивать вицъ-мундирные сюртуки, захотѣлъ перемѣнить военное управленіе университета на статское. На дорогѣ между Москвой и Петербургомъ, онъ назначилъ попечителемъ князя Сергій Михайловича Голицына—по какому соображенію, это трудно сказать, вѣроятно онъ и самъ себѣ въ этомъ отчета не могъ дать. Развѣ онъ назначилъ его для того, чтобы доказать, что мѣсто попечителя вовсе не нужно. Голицынъ, котораго онъ взялъ съ собой, безъ того уже полуживой отъ курьерской ѣзды сломя голову, къ которой онъ не привыкъ, до того испугался новаго мѣста, что сталъ отказываться. Но въ этихъ случаяхъ толковать съ Николаемъ было невозможно, его упорность доходила до безумія беременныхъ женщинъ, когда онѣ чего-нибудь хотятъ животомъ.

Вронченко, когда его сдѣлали министромъ финансовъ, бросился ему въ ноги, увѣряя его въ своей неспособности. Николай глубокомысленно отвѣчалъ ему: „Все это вздоръ, я прежде не управлялъ государствомъ, а вотъ научился-же, — научишься и ты.“ И Вронченко остался по неволѣ министромъ къ великой радости

всѣхъ „unprotected females“ Мѣщанской улицы, которыя освѣтили свои окна, говоря, — „Нашъ Василій Ѳедоровичъ сталъ министромъ!“

Голицынъ, проскакавши еще верстъ сто и еще больше измятый, рѣшился идти на переговоры и доложилъ, что онъ только тогда возьметъ мѣсто, когда у него будетъ надежный товарищъ, который-бы помогалъ ему пасти университетскую паству. Государь черезъ пятьдесятъ верстъ велѣлъ ему самому сыскать себѣ товарища. Такъ они благополучно пріѣхали въ Петербургъ.

Отдохнувъ съ мѣсяцъ отъ дороги, Голицынъ тихонько поѣхалъ въ Москву и принялся искать товарища. У него былъ по университету помощникъ, [высочайшій изъ смертныхъ послѣ своего брата и преображенскаго тамбуръ-мажора, графъ А. Панинъ; но онъ дѣйствительно былъ слишкомъ высокъ, чтобъ маленькой старичокъ могъ его избрать. Осмотрѣвшись въ Москвѣ, взглядъ Голицына остановился на Дмитріѣ Павловичѣ. Съ его точки зрѣнія, онъ не могъ сдѣлать лучшаго выбора. Дмитрій Павловичъ имѣлъ всѣ тѣ достоинства, которыя высшее начальство ищетъ въ человѣкѣ нашего вѣка,— безъ тѣхъ недостатковъ, за которые оно гонитъ его. Образованье, хорошая фамилія, богатство, агрономія, и не только отсутствіе „завиральныхъ идей,“ но и вообще всякихъ происшествій въ жизни. Голохвастовъ не имѣлъ ни одной любовной интриги, ни одного дуэля, не игралъ отроду въ карты, ни разу не напивался до пьяна, но часто по воскресеніямъ ѣздилъ къ обѣднѣ, и не просто къ обѣднѣ, а къ обѣднѣ въ домовую церковь князя Голицына. Къ этому надобно прибавить мастерской французскій языкъ, округленные манеры и одна страсть, страсть совершенно невинная, къ лошадямъ.

Только что Голицынъ придумалъ, какъ ужъ Николай

опять несся стремглавъ въ Москву. Тутъ Голицынъ поймалъ его, пока онъ не ударился въ Тулу, и представилъ ему Дмитрія Павловича. Онъ вышелъ отъ государя товарищемъ попечителя.

Съ этого времени Дмитрій Павловичъ началъ примѣтно толстѣть, наружность его выражала еще больше важности, онъ сталъ какъ-то больше говорить въ носъ чѣмъ прежде, и фракъ сталъ носить какъ-то пошире, безъ звѣзды, но видимо предчувствуя ее.

До его назначенія въ университетъ, мы были съ нимъ настолько близко, насколько различіе лѣтъ позволяло, (онъ былъ лѣтъ 16 старше меня). Тутъ я съ нимъ чуть не разсорился, по крайней мѣрѣ лѣтъ десять къ ряду мы смотрѣли другъ на друга съ непріязненнымъ холодомъ.

Частной причины на это не было никакой. Его поведеніе относительно меня было всегда исполнено деликатности, безъ ненужной короткости, безъ оскорбительнаго отдаленія. Это потому заслуживаетъ вниманіе, что отецъ мой съ своей стороны, стараясь насъ сблизить, дѣлалъ все, что слѣдуетъ, чтобъ поселить между нами ненависть.

Онъ постоянно толковалъ мнѣ, что Сенаторъ и Дмитрій Павловичъ мои естественные *покровители*, что я долженъ быть къ нимъ *прибѣженъ*, что я долженъ цѣнить ихъ родственную ласку. Къ этому онъ прибавлялъ что само собою разумѣется, что всѣ ихъ знаки вниманія оказываются собственно для него, а не для меня. Относительно старика Сенатора, къ которому я привыкъ почти столько-же, сколько къ моему отцу, съ той разницей, что его я не боялся, мнѣ эти слова ничего не значили, но отъ Голохвастова они меня отдаляли и

если не отдалили, то это благодаря такту, съ какимъ себя Голохвастовъ постоянно велъ.

Вещи эти отецъ мой говорилъ не въ минуту досады, а въ самомъ лучшемъ расположеніи духа, и это оттого что въ екатеринскомъ вѣкѣ кліентизмъ былъ обыкновененъ, подчиненные не смѣли сердиться за „ты“ отъ начальника, и всѣ на свѣтѣ открыто искали милостивцевъ и покровителей.

Когда Дмитрій Павловичъ былъ назначенъ въ университетъ, я думалъ точно такъ, какъ князь Сергій Михайловичъ, что это будетъ очень полезно для университета; вышло совсѣмъ напротивъ. Еслибы Голохвастовъ тогда попалъ въ губернаторы или въ оберъ-прокуроры, весьма можно предположить, что онъ былъ-бы лучше многихъ губернаторовъ и многихъ оберъ-прокуроровъ. Мѣсто въ университетѣ было совсѣмъ не по немъ; свой холодный формализмъ, свое педантство, онъ употребилъ на мелочное, пансіонское управленіе студентами; такого вмѣшательства начальства въ жизнь аудиторіи, такого педельства на большомъ размѣрѣ не было при самомъ Писаревѣ. И тѣмъ хуже, что Голохвастовъ сдѣлался въ нравственномъ отношеніи то, что были Панинъ и Писаревъ для волосъ и пуговицъ.

Прежде въ немъ было, при всемъ можайско-верейскомъ торизмѣ его, что-то образованно-либеральное, любовь къ законности, негодованіе противъ произвола, противъ чиновничьяго грабежа. Съ вступленія въ университетъ онъ становился ex officio со стороны всѣхъ стѣснительныхъ мѣръ, онъ считалъ это необходимостію своего сана. Время моего курса было временемъ наибольшей политической экзальтаціи; могъ-ли же я остаться въ хорошихъ отношеніяхъ съ такимъ усернымъ слугою Николая?

Формализмъ его и это вѣчное священнодѣйствіе, mise en scene себя, иногда вводили его въ самыя забавныя исторіи, изъ которыхъ вѣчно занятый сохраненіемъ достоинства и постоянно довольный собой, онъ не умѣлъ никогда ловко вывернуться.

Какъ предсѣдатель московскаго цензурнаго комитета онъ разумѣется тяжелой гирей висѣлъ на немъ и сдѣлалъ то, что впослѣдствіи книги и статьи посылали цензировать въ Петербургъ. Въ Москвѣ былъ старикъ Мясновъ, большой охотникъ до лошадей, онъ составилъ какую-то генеалогическую таблицу лошадиныхъ родовъ и желая выиграть время, проспалъ позволенія посылать въ цензуру корректурные листы—вмѣсто рукописи, въ которой вѣроятно хотѣлъ сдѣлать поправки. Голохвастовъ затруднился, произнесъ длинную рѣчь, гдѣ плодовито изложилъ pro и contra и заключилъ ее тѣмъ, что впрочемъ разрѣшить присылку корректурныхъ листовъ въ цензуру можно, буде авторъ удостовѣритъ, что въ его книгѣ нѣтъ ничего противъ правительства, религіи и нравственности.

Холерическій и раздражительный Мясновъ всталъ и съ серьезнымъ видомъ сказалъ: „Такъ какъ это дѣло остается на моей отвѣтственности, то я считаю необходимымъ оговориться, въ книгѣ моей конечно нѣтъ ни одного слова противъ правительства, ни противъ нравственности, но на счетъ религіи я не такъ увѣренъ.“

— Помилуйте! сказалъ удивленный Голохвастовъ.

— А вотъ, извольте видѣть, въ Кормчей книгѣ есть статья такъ гласящая: „Надъ корчагами клянущіе, волосы плетущіе, и на конскія ристалища ходящіе, да будутъ преданы анаѳемѣ.“ А я въ моей книгѣ очень много говорю о конскихъ ристалищахъ, такъ право и не знаю...

— Это не можетъ быть препятствіемъ, замѣтилъ Голохвастовъ.

— Покорнѣйше васъ благодарю за разрѣшеніе сомнѣнія отвѣтилъ колкій старикъ, откланиваясь.

Когда я возвратился изъ второй ссылки, положеніе Голохвастова въ университетѣ было не прежнее. На мѣсто князя *Сергій* Михайловича, поступилъ графъ *Сергѣй* Григорьевичъ Строгоновъ. Понятія Строгонова сбивчивыя и неясныя, были все-же несравненно образованнѣе. Онъ хотѣлъ поднять университетъ въ глазахъ государя, отстаивалъ его права, защищалъ студентовъ отъ полицейскихъ набѣговъ и былъ либераленъ, насколько можно быть либеральнымъ, нося на плечахъ генералъ-адъютантскій „нашъ“ съ палочкой внутри и будучи смиреннымъ обладателемъ строгоновскаго маіората. Въ этихъ случаяхъ не надо забывать la difficulté vaincue.

— Какая страшная повѣсть Гоголева „Шинель,“ сказалъ разъ Строгоновъ Е. К., вѣдь это привидѣніе на мосту тащитъ просто съ каждаго изъ насъ шинель съ плечъ. Поставьте себя въ мое положеніе и взгляните на эту повѣсть.

— Мнѣ о—очень т—трудно, отвѣчалъ К., я не привыкъ разсматривать предметы съ точки зрѣнія человѣка имѣющаго тридцать тысячъ душъ.

Дѣйствительно, съ такими двумя бѣльмами, какъ маіоратъ и „нашъ“ съ палочкой, трудно ясно смотрѣть на божій свѣтъ, и графъ Строгоновъ иногда заступалъ постромку, дѣлался чисто-на-чисто генералъ-адъютантомъ, т. е. взбалмошно-грубымъ, особенно когда у него разыгрывался его желчный почечуй, но генеральской выдержки у него не доставало, и въ этомъ снова вы-

ражалась добрая сторона его натуры. Для объясненія того, что я хочу сказать, приведу одинъ примѣръ.

Разъ кончившій курсъ казенный студентъ, очень хорошо занимавшійся и опредѣленный потомъ въ какую-то губернскую гимназію старшимъ учителемъ, услышавъ, что въ одной изъ московскихъ гимназій открылась по его части ваканція младшаго учителя, пришелъ просить у графа перемѣщенія. Цѣль молодаго человѣка состояла въ томъ, чтобы продолжать заниматься своимъ дѣломъ, на что онъ не имѣлъ средствъ въ губернскомъ городѣ. По несчастію Строгоновъ вышелъ изъ кабинета желтый, какъ церковная свѣчка.

— Какое вы имѣете право на это мѣсто?—спросилъ онъ, глядя по сторонамъ и подергивая усы.

— Я потому прошу, графъ, этого мѣста, что именно теперь открылась ваканція.

— Да и еще одна открывается, перебилъ графъ, ваканція нашего посла въ Константинополѣ. Не хотите-ли ее?

— Я не зналъ, что она зависитъ отъ вашего сіятельства, отвѣтилъ молодой человѣкъ, я приму мѣсто посла съ искренней благодарностію.

Графъ сталъ еще желтѣе, однако учтиво просилъ его въ кабинетъ.

У меня лично съ нимъ бывали прекурьезныя сношенія; самое первое свиданіе наше не лишено того роднаго колорита, по которому съ разу узнается русская школа.

Вечеромъ какъ-то, во Владимірѣ, спжу я дома за своей Лыбедью; вдругъ является ко мнѣ учитель гимназіи, нѣмецъ, докторъ Іенскаго университета, по прозванію Деличъ, въ мундирѣ. Докторъ Деличъ объявилъ мнѣ, что утромъ пріѣхалъ изъ Москвы попечитель

университета, графъ Строгоновъ, и прислалъ его пригласить меня завтра въ 10 часовъ утра къ себѣ.

— Не можетъ быть; я его совсѣмъ не знаю и вы вѣрно перемѣшали.

— Это не фозможно. Der Herr Graf geruhten auf's freundlichste sich bei mir zu beurkunden uber ihre Lage hier. Увы ѣдете?

Русскій человѣкъ, я поборолся еще съ Делячемъ, убѣдился еще больше, что ѣздить совсѣмъ ненужно, и поѣхалъ на другой день.

Альфіери, какъ человѣкъ не русскій, поступилъ иначе, когда французскій маршалъ, занявшій Флоренцію, пригласилъ его незнакомаго къ себѣ на вечеръ. Онъ ему написалъ, что если это просто частное приглашеніе, то онъ за него весьма благодаритъ, но проситъ его извинить, потому что онъ никогда не ѣздитъ къ незнакомымъ. Если-же это приказъ, то зная военное положеніе города, онъ непремѣнно въ восемь часовъ вечера отдастся въ плѣнъ (se constituera prisonnier)

Строгоновъ звалъ меня какъ рѣдкость, принадлежавшую прежде къ университету, какъ блуднаго кандидата. Ему просто хотѣлось меня видѣть и сверхъ того хотѣлось, такова слабость души человѣческой, даже подъ толстымъ аксельбантомъ, похвастать передо мной своими улучшеніями по университету.

Онъ меня принялъ очень хорошо. Наговорилъ мнѣ кучу комплиментовъ и скорымъ шагомъ дошелъ до чего хотѣлъ. „Жаль, что вамъ нельзя побывать въ Москвѣ, вы не узнаете теперь унинерситетъ; отъ зданія и аудиторіи до профессоровъ и объема преподаванія, все измѣнилось,“ и пошелъ, и пошелъ.

Я очень скромно замѣтилъ, чтобъ показать, что я внимательно слушаю и не поплый дуракъ, что вѣроя-

тно преподаваніе оттого такъ измѣнилось, что много новыхъ профессоровъ возвратилось изъ чужихъ краевъ.

— Безъ всякаго сомнѣнія, отвѣчалъ графъ, но сверхъ того духъ управленія, единство, знаете, моральное единство.....

Впрочемъ, отдадимъ ему справедливость, онъ своимъ „моральнымъ единствомъ“ больше сдѣлалъ пользы университету, чѣмъ Землянпка своей больницѣ „честностію и порядкомъ.“ Университетъ очень много обязанъ ему, но все-же нельзя не улыбнуться при мысли, что онъ хвастался этимъ передъ человѣкомъ, сосланнымъ подъ надзоръ за политическіе проступки. Вѣдь это стоитъ того, что человѣкъ, сосланный за политическіе проступки, безъ всякой необходимости поѣхалъ по зову генералъ-адъютанта. О Русь!... что-же тутъ удивительнаго, что пностранцы ничего не понимаютъ, глядя на насъ!

Второй разъ я видѣлъ его въ Петербургѣ, именно въ то время, когда меня ссылали въ Новгородъ. Сергѣй Григорьевичъ жилъ у брата своего, министра внутреннихъ дѣлъ. Я входилъ въ залу въ то самое время, какъ Строгоновъ выходилъ. Онъ былъ въ бѣлыхъ штанахъ и во всѣхъ своихъ регаліяхъ, лента черезъ плечо; онъ ѣхалъ во дворецъ. Увидя меня, онъ остановился и отведя меня въ сторону, сталъ разспрашивать о моемъ дѣлѣ. Онъ и его братъ были возмущены безобразіемъ моей ссылки.

Это было во время болѣзни моей жены, нѣсколько дней послѣ рожденія малютки, который умеръ. Должно быть въ моихъ глазахъ, словахъ было видно большое негодованіе или раздраженіе, потому что Строгоновъ вдругъ сталъ меня уговаривать, чтобы я переносилъ испытанія съ христіанской кротостью. „Повѣрьте, го-

ворилъ онъ, каждому на свой пай достается нести крестъ."

Даже и очень много иногда, подумалъ я, глядя на всевозможные кресты и крестики, застилавшіе его грудь и не могъ удержаться, чтобъ не улыбнуться.

Онъ догадался и покраснѣлъ. „Вы вѣрно думаете, сказалъ онъ, хорошо молъ ему проповѣдывать. Повѣрьте, что tout est compensé" — по крайней мѣрѣ такъ думаетъ Азансъ.

Сверхъ проповѣди, онъ и Жуковскій дѣйствительно хлопотали обо мнѣ, но челюсти бульдога, вцѣпившагося въ меня не легко было разнять.

Поселившись въ 1842 году въ Москвѣ, я сталъ иногда бывать у Строгонова. Онъ ко мнѣ благоволилъ, но иногда будировалъ. Мнѣ очень нравились эти приливы и отливы. Когда онъ бывалъ въ либеральномъ направленіи, онъ говорилъ о книгахъ и журналахъ, восхвалялъ университетъ и все сравнивалъ его съ тѣмъжалкимъ положеніемъ, въ которомъ онъ былъ въ мое время. Но когда онъ былъ въ *консервативномъ* направленіи, тогда упрекалъ, что я не служу, и что у меня нѣтъ религіи, бранилъ мои статьи, говоря, что я развращаю студентовъ, бранилъ молодыхъ профессоровъ, толковалъ, что они его больше и больше ставятъ въ необходимость измѣнить присягѣ или закрыть ихъ каѳедры. „Я знаю, какой крикъ поднимется отъ этого, вы первый будете меня называть вандаломъ."

Я склонилъ голову въ знакъ подтвержденія и прибавилъ: „Вы этого никогда не сдѣлаете, и потому я васъ могу искренно поблагодарить за хорошее мнѣніе обо мнѣ."

— Непремѣнно сдѣлаю, ворчалъ Строгоновъ, потягивая усъ и желтѣя, вы увидите.

Мы всѣ знали, что онъ ничего подобнаго не предприметъ, за это можно было позволить ему періодически пострадать, особенно взявъ въ разсчетъ его маіоратъ, его чинъ и почечуй.

Разъ какъ-то, онъ до того зарапортовался, говоривши со мной, что браня все революціонное, разсказалъ мнѣ какъ 14 Декабря, Т. ушелъ съ площади, разстроенный прибѣжалъ въ домъ къ его отцу и не зная что дѣлать, подошелъ къ окну и сталъ барабанить по стеклу; такъ прошло нѣкоторое время. Француженка, бывшая гувернанткой въ ихъ домѣ, не выдержала и громко сказала ему: „Постыдитесь, тутъ-ли ваше мѣсто, когда кровь вашихъ друзей льется на площади, такъ-то вы понимаете вашъ долгъ?“ Онъ схватилъ шляпу и пошелъ — куда вы думаете? — спрятаться къ австрійскому послу.

— Конечно, ему слѣдовало-бы идти въ полицію и донести, сказалъ я.

— Какъ?—спросилъ удивленный Строгоновъ и почти попятился отъ меня.

— Или вы считаете, какъ француженка, сказалъ я, не удерживая больше смѣха, что его обязанность была идти на площадь и стрѣлять въ Николая?

— Видите, замѣтилъ Строгоновъ, поднимая плечи и нехотя посматривая на дверь, какой у васъ несчастный pli ума, я только говорю, что вотъ эти люди... когда нѣтъ истинныхъ, моральныхъ, основанныхъ на вѣрѣ принциповъ, когда они сходятъ съ прямаго пути... все путается. Вы съ лѣтами все это увидите.

До этихъ лѣтъ я еще не дожилъ, но эту сторону непаходчивости у Строгонова, надъ которой часто зло подсмѣивался Чаадаевъ, я совсѣмъ напротивъ ставлю ему въ большое достоинство.

Говорятъ, что во время совершеннаго помраченія духа нашего невскаго Саула, послѣ февральской революціи, увлекся и Строгоновъ. Онъ будто-бы настоялъ въ новомъ цензурномъ совѣтѣ на воспрещеніе пропускать чтобы то ни было изъ писаннаго мною. Я это принимаю за дѣйствительный знакъ его хорошаго расположенія ко мнѣ; услышавъ это, я принялся за русскую типографію. Но Саулъ шелъ дальше. Вскорѣ реакція обошла и перешла нашего графа, онъ не хотѣлъ быть палачемъ университета и вышелъ изъ попечителей. Но это еще не все. Черезъ два-три мѣсяца послѣ Строгонова, вышелъ въ отставку и Голохвастовъ, устрашенный рядомъ безумныхъ мѣръ, которыя ему предписывались изъ Петербурга.

Такъ окончилась публичная карьера Дмитрія Павловича, и онъ, какъ настоящій москвичъ, сложивъ съ себя бремя государственныхъ дѣлъ, расположился важно отдохнуть, занимаясь сельскимъ хозяйствомъ и окруженный семьей, рысаками и хорошо переплетенными книгами.

Въ внутренной жизни его въ продолженіи его кураторства все шло благополучно, т. е. въ свое время являлись на свѣтъ дѣти, въ свое время у нихъ рѣзались зубы. Имѣнье было ограждено законными наслѣдниками. Сверхъ того, еще одно лицо обрадовало и согрѣло послѣдніе десять лѣтъ его жизни. Я говорю о пріобрѣтеніи *Бычка*, перваго рысака по бѣгу, красотѣ, мышцамъ и копытамъ, не только Москвы, но и всей Россіи. *Бычокъ* представлялъ поэтическую сторону серьознаго существованія Дмитрія Павловича. У него въ кабинетѣ висѣли нѣсколько портретовъ *Бычка*, писанныхъ масляными красками и акварелью. Какъ представляютъ Наполеона, то худымъ консуломъ, съ длинными и мокрыми волосами, то жирнымъ императоромъ

съ клочкомъ волосъ на лбу, сидящимъ верхомъ на стулѣ съ коротенькими ножками, то императоромъ, отрѣшеннымъ отъ дѣлъ, стоящимъ, заложивъ руки за спину, на скалѣ середь плещущаго океана — такъ и *Бычокъ* былъ представленъ въ разныхъ моментахъ своей блестящей жизни: въ стойлѣ, гдѣ онъ провелъ свою юность, въ полѣ — свободный съ небольшой уздечкой, наконецъ заложенный едва-видимой, невѣсомой упряжью въ крошечную коробочку на полозьяхъ и возлѣ него кучеръ въ бархатной шапкѣ, въ синемъ кафтанѣ, съ бородой такъ правильно расчесанной какъ у ассирійскихъ царей-быковъ—тотъ самый кучеръ, который выпгралъ на немъ, не знаю сколько кубковъ Сазпковой работы, стоявшихъ подъ стекломъ въ залѣ.

Казалось-бы, отдѣлавшись отъ скучныхъ заботъ по университету, съ огромнымъ имѣньемъ и огромнымъ доходомъ, съ двумя звѣздами и четырьмя дѣтьми, тутъ-то бы и жить, да поживать. Судьба рѣшила иначе; вскорѣ послѣ своей отставки Дмитрій Павловичъ, здоровый, сильный мущина, лѣтъ пятидесяти съ чѣмъ-то, занемогъ, хуже да хуже, сдѣлалась горловая чахотка и онъ умеръ послѣ тяжелой и мучительной болѣзни въ 1849 году.

И вотъ, я поневолѣ останавливаюсь въ раздумьи передъ этими двумя могилами и рядъ странныхъ вопросовъ, о которыхъ я упомянулъ, снова представляется уму.

Смерть прировняла двухъ непохожихъ братьевъ. Кто-же изъ нихъ лучше воспользовался своимъ промежуткомъ между двумя нѣмыми и безотвѣтными пропастями? Одинъ истратилъ и себя и свое достояніе, но имѣлъ свой медовый мѣсяцъ изъ лучшихъ липовыхъ сотъ. Положимъ, что онъ и былъ человѣкъ безполезный, но

вреда *намѣреннаго* никому не дѣлалъ. Онъ оставилъ дѣтей въ бѣдности—плохо; но они все-таки получили воспитаніе и должны были получить кой-что отъ дяди. А сколько тружениковъ, работавшихъ всю жизнь, съ горькой слезой закрываютъ глаза, глядя на дѣтей, которымъ они не могли дать ни воспитанія, ни куска хлѣба? Т. Карлейль, утѣшая людей слишкомъ умилявшихся надъ судьбой несчастнаго сына Людовика XVI, сказалъ имъ: „Это правда, онъ былъ воспитанъ сапожникомъ, т. е. получилъ то дурное воспитаніе, которое получали и теперь получаютъ милліоны дѣтей бѣдныхъ поселянъ и работниковъ.“

Другой братъ совсѣмъ не жилъ, онъ *служилъ* жизнь, такъ какъ священники *служатъ* обѣдню, т. е. съ чрезвычайной важностію совершалъ какой-то привычный ритуалъ, болѣе торжественный, чѣмъ полезный. Обдумать, зачѣмъ онъ его исполнялъ, ему было также некогда, какъ его брату. Если изъ жизни Дмитрія Павловича исключить два-три случая — *Бычка*, скачки и кубки, да два-три входа и выхода, напр. когда онъ взошелъ въ университетъ съ сознаніемъ, что онъ начальникъ его, когда онъ вышелъ въ первый разъ изъ своей комнаты въ звѣздѣ, когда онъ представлялся е. п. величеству, когда водилъ по аудиторіямъ е. и. высочество, останется одна проза, одно дѣловое, натянутое, оффиціальное утро. Спору, нѣтъ, мысль о важности, его участія въ дѣлахъ административныхъ доставляла ему удовольствіе; этикетъ — своего рода поэзія, своего рода артистическая гимнастика, какъ парады и танцы; но вѣдь какая бѣдная поэзія въ сравненіи съ пышными пирами, въ которыхъ провелъ свою жизнь его братъ, тайкомъ обвѣнчавшійся на хорошенькой барышнѣ съ упоительными глазками!

И въ дополненіе, Дмитрій Павловичъ своей правильной жизнію, своимъ образцовымъ поведеніемъ въ нравственномъ, служебномъ и гигіеническомъ отношеніяхъ, даже не дожилъ ни до здоровья, ни до долголѣтія и умеръ также неожиданно какъ его братъ, но только съ гораздо большими мученіями.*)

Ну и all right!

ГЛАВА XXXII.

Послѣдняя поѣздка въ Соколово — Теоретическій разрывъ — Натянутое положеніе — Dahin! Dahin!

Послѣ примиренія съ Бѣлинскимъ въ 1840 году, наша небольшая кучка друзей шла впередъ безъ значительнаго разномыслія: были оттѣнки, личныя взгляды, но главное и общее шло изъ тѣхъ-же началъ. Могло-ли оно такъ продолжаться навсегда — я не думаю. Мы должны были дойти до тѣхъ предѣловъ, до тѣхъ оградъ, за которыя одни пройдутъ, а другіе зацѣпятся.

Года черезъ три, четыре, я съ глубокой горестью сталъ замѣчать, что, идучи изъ однихъ и тѣхъ-же началъ, мы приходили къ разнымъ выводамъ — и это не

*) Мнѣ кажется, что говоря о Дмитріѣ Павловичѣ, я не долженъ умолчать о его послѣднемъ поступкѣ со мною. Послѣ кончины моего отца, онъ мнѣ остался долженъ 40,000 сер. Я уѣхалъ за границу, оставивъ этотъ долгъ за нимъ. Умирая, онъ завѣщалъ, чтобы мнѣ первому было уплачено, потому что оффиціально я не могъ ничего требовать. Вслѣдъ за вѣстью о его кончинѣ, я по слѣдующей почтѣ получилъ всѣ деньги.

потому, чтобъ мы ихъ розно понимали, а потому, что они не всѣмъ *нравились*.

Сначала эти споры шли полушутя. Мы смѣялись напр. надъ малороссійскимъ упрямствомъ Р., старавшагося вывести логическое построеніе личнаго духа. При этомъ я вспоминаю одну изъ послѣднихъ шутокъ милаго, добраго Крюкова. Онъ уже былъ очень боленъ, мы сидѣли съ Р. у его кровати. День былъ ненастный, вдругъ блеснула молнія и вслѣдъ за ней разсыпался сильный ударъ грома. Р. подошелъ къ окну и опустилъ стору. „Что-же отъ этого будетъ лучше?“ спросилъ я его. „Какъ-же, отвѣтилъ за него Крюковъ, Р. вѣритъ in die Persönlichkeit des absoluten Geistes и потому завѣшиваетъ окно, чтобъ ему не было видно куда цѣлить, если вздумаетъ въ него пустить стрѣлу.“

Но можно было догадаться, что на шуткахъ такое существенное различіе въ воззрѣніяхъ долго не остановится.

На одномъ листѣ записной книжки того времени, съ видимой arrière pensée помѣчена слѣдующая сентенція: „Личныя отношенія много вредятъ прямотѣ мнѣній. Уважая прекрасныя качества лицъ, мы жертвуемъ для нихъ рѣзкостью мнѣній. Много надобно силъ, чтобы плакать и все-таки умѣть подписать приговоръ Кампля Демулена.“

Въ этой зависти къ силѣ Робеспьера уже дремали зачатки злыхъ споровъ 1846 года.

Вопросы, до которыхъ мы коснулись, не были случайны; ихъ, какъ суженаго, нельзя было на конѣ объѣхать. Это тѣ гранитные камни преткновенія на дорогѣ знанія, которые во всѣ времена были одни и тѣже, пугали людей и манили къ себѣ. И такъ какъ либерализмъ, послѣдовательно проведенный, непремѣнно

поставитъ человѣка лицомъ къ лицу съ соціальнымъ вопросомъ, такъ наука — если только человѣкъ ввѣрится ей безъ якоря — непремѣнно прибьетъ его своими волнами къ сѣдымъ утесамъ, о которые бились — отъ семи греческихъ Мудрецовъ, до Канта и Гегеля— всѣ дерзавшіе думать. Вмѣсто простыхъ объясненій, почти всѣ пытались ихъ обогнуть и только покрывали ихъ новыми слоями символовъ и аллегорій, оттого-то и теперь они стоятъ также грозно, а пловцы боятся ѣхать прямо и убѣдиться, что это вовсе не скалы, а одинъ туманъ фантастически освѣщенный.

Шагъ этотъ не легокъ, но я вѣрилъ и въ силы и въ волю нашихъ друзей, имъ-же не вновь приходилось искать фарватера, какъ Бѣлинскому и мнѣ. Долго бились мы съ нимъ въ бѣличьемъ колесѣ діалектическихъ повтореній и выпрыгнули наконецъ изъ него на свой страхъ. У нихъ былъ нашъ примѣръ передъ глазами и Фейербахъ въ рукахъ. Долго не вѣрилъ я, но наконецъ убѣдился, что если друзья наши не дѣлятъ образа доказательствъ Р., то въ сущности все-же они съ нимъ согласнѣе, чѣмъ со мной, и что при всей независимости ихъ мысли, еще есть истины, которыя ихъ пугаютъ. Кромѣ Бѣлинскаго, я расходился со всѣми, съ Грановскимъ и Е. К.

Открытіе это исполнило меня глубокой печалью; порогъ, за который они запнулись, однажды приведенный къ слову, не могъ больше подразумѣваться. Споры вышли изъ внутренней необходимости снова придти къ одному уровню; для этого надобно было, такъ сказать, окликнуться, чтобъ узнать кто гдѣ.

Прежде чѣмъ мы сами привели въ ясность нашъ теоретическій раздоръ, его замѣтило новое поколѣніе, которое стояло несравненно ближе къ моему воззрѣнію,

Молодежь не только въ университетѣ и лицеѣ сильно читала мои статьи о *Дилетантизмѣ въ Наукѣ* и письма объ *Изученіи Природы*, но и въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ. О послѣднемъ я узналъ отъ графа С. Строгонова, которому жаловался на это Филаретъ, грозившій принять душеоборонительныя мѣры противъ такой вредоносной ялствы.

Около того-же времени я иначе узналъ объ ихъ успѣхѣ между семинаристами. Случай этотъ мнѣ такъ дорогъ, что я не могу не разсказать его.

Сынъ одного знакомаго подмосковеннаго священника, молодой человѣкъ лѣтъ 17, приходилъ нѣсколько разъ ко мнѣ за *Отечественными Записками*. Застѣнчивый, онъ почти ничего не говорилъ, краснѣлъ, мѣшался и торопился скорѣе уйти. Умное и открытое лицо его сильно говорило въ его пользу, я переломилъ наконецъ его отроческую неувѣренность въ себя и сталъ съ нимъ говорить объ *Отечественныхъ Запискахъ*. Онъ очень внимательно и дѣльно читалъ въ нихъ именно философскія статьи. Онъ сообщилъ мнѣ какъ жадно въ высшемъ курсѣ семинаріи учащіеся читали мое историческое изложеніе системъ и какъ оно ихъ удивило послѣ философіи по Бурмейстеру и Волфію.

Молодой человѣкъ сталъ иногда приходить ко мнѣ, я имѣлъ полное время убѣдиться въ силѣ его способностей и въ способности труда.

— Что вы намѣрены дѣлать послѣ курса? — спросилъ я его разъ.

— Постричься въ священники, отвѣчалъ онъ, краснѣя.

— Думали-ли вы серьезно объ участи, которая васъ ожидаетъ, если вы пойдете въ духовное званіе?

— Мнѣ нѣтъ выбора, мой отецъ рѣшительно не хо-

четъ, чтобъ я шелъ въ свѣтское званіе. Для занятій у меня досуга будетъ довольно.

— Вы не сердитесь на меня, возразилъ я, но мнѣ невозможно не сказать вамъ откровенно моего мнѣнія. Вашъ разговоръ, вашъ образъ мыслей, который вы нисколько не скрывали, и то сочувствіе, которое вы имѣете къ моимъ трудамъ—все это и сверхъ того искреннее участіе въ вашей судьбѣ даютъ мнѣ, вмѣстѣ съ моими лѣтами, нѣкоторыя права. Подумайте сто разъ прежде, чѣмъ вы надѣнете рясу. Снять ее будетъ гораздо труднѣе, а можетъ вамъ въ ней будетъ тяжело дышать. Я вамъ сдѣлаю одинъ очень простой вопросъ: скажите мнѣ, есть-ли у васъ въ душѣ вѣра хоть въ одинъ догмать богословія, которому васъ учатъ?

Молодой человѣкъ, потупя глаза и помолчавъ, сказалъ:

— Передъ вами лгать не стану—нѣтъ!

— Я это зналъ. Подумайте-же теперь о вашей будущей судьбѣ. Вы должны будете всякій день, во всю вашу жизнь, всенародно, громко лгать, измѣнять истинѣ; вѣдь это-то и есть грѣхъ противъ св. духа, грѣхъ сознательный, обдуманный. Станетъ-ли васъ на то, чтобъ сладить съ такимъ раздвоеніемъ? Все ваше общественное положеніе будетъ неправдой. Какими глазами вы встрѣтите взглядъ усердно молящагося, какъ будете утѣшать умирающаго раемъ и безсмертіемъ, какъ отпускать грѣхи? А еще тутъ васъ заставятъ убѣждать раскольниковъ, судить ихъ!

— Это ужасно! ужасно! сказалъ молодой человѣкъ и ушелъ взволнованный и разстроенный.

На другой день вечеромъ онъ возвратился. „Я къ вамъ пришелъ за тѣмъ, сказалъ онъ, чтобъ сказать, что я очень много думалъ о вашихъ словахъ. Вы со-

вершенно правы; духовное званіе мнѣ невозможно, и будьте увѣрены, я скорѣе пойду въ солдаты, чѣмъ позволю себя постричь въ священники.“ Я горячо пожалъ ему руку и обѣщалъ съ своей стороны, когда время придетъ, уговорить, насколько могу, его отца.

Вотъ и я на свой пай спасъ душу живу, по крайней мѣрѣ способствовалъ къ ея спасенію.

Философское направленіе студентовъ я могъ видѣть ближе. Весь курсъ 1845 года ходилъ я на лекціи сравнительной анатоміи. Въ аудиторіи и въ анатомическомъ театрѣ я познакомился съ новымъ поколѣніемъ юношей.

Направленіе занимавшихся было совершенно реалистическое, т. е. положительно научное. Замѣчательно, что таково было направленіе почти всѣхъ царскосельскихъ лицеистовъ. Лицей, выведенный подозрительнымъ и мертвящимъ самовластіемъ Николая изъ прекрасныхъ садовъ своихъ, оставался еще тѣмъ-же великимъ разсадникомъ талантовъ; завѣщаніе Пушкина, благословеніе поэта, пережило грубые удары невѣжественной власти.*)

*) Исторія какъ одинъ изъ нихъ попалъ въ университетъ, такъ полна родственнаго благоуханія николаевскихъ временъ, что нельзя удержаться, чтобъ ее не разсказать. Въ Лицеѣ каждый годъ празднуется та годовщина, которая намъ всѣмъ извѣстна по превосходнымъ стихамъ Пушкина. Обыкновенно въ этотъ день разлуки съ товарищами и свиданія съ прежними учениками, позволялось молодымъ людямъ покутить. На одномъ изъ этихъ праздниковъ — одинъ студентъ, еще не кончившій курса, разшалившись пустилъ бутылку въ стѣну; на бѣду бутылка ударилась въ мраморную доску, на которой было *начертано* золотыми буквами: „Государь императоръ изволилъ осчастливить посѣщеніемъ такого-то числа...“ и отбила отъ нея кусокъ. Прибѣжалъ какой-то смотритель, бросился на студента съ страшнымъ ругательствомъ и хотѣлъ его вывести. Молодой человѣкъ, обиженный при товарищахъ, разгоряченный виномъ, вырвалъ у него изъ рукъ трость и вытянулъ его ею. Смотритель не ме-

Съ радостью привѣтствовалъ я въ лицеистахъ, бывшихъ въ московскомъ университетѣ, новое, сильное поколѣніе.

Вотъ эта-то университетская молодежь, со всѣмъ нетерпѣніемъ и пыломъ юности преданная вновь открывшемуся передъ ними свѣту реализма, съ его здоровымъ румянцемъ, разглядѣла, какъ я сказалъ, въ чемъ мы расходились съ Грановскимъ. Страстно любя его, они начинали возставать противъ его „романтизма.“ Они хотѣли непремѣнно, чтобъ я склонилъ его на нашу сторону, считая Бѣлинскаго и меня представителями ихъ философскихъ мнѣній.

Такъ насталъ 1846 г. Грановскій началъ новый публичный курсъ. Вся Москва опять собралась около его каѳедры, опять его пластическая, задумчивая рѣчь ста-

дленно донесъ; студентъ былъ арестованъ и посланъ въ карцеръ подъ страшнымъ обвиненіемъ не только въ нанесеніи удара смотрителю, но и въ святотатственномъ неуваженіи къ доскѣ, на которой было изображено священное имя государя императора.

Весьма легко можетъ быть, что его-бы отдали въ солдаты, еслибъ другое несчастіе не выручило его. У него въ самое это время умеръ старшій братъ. Мать, оглушенная горемъ, писала къ нему, что онъ теперь ея единственная опора и надежда, совѣтовала скорѣе кончать курсъ и пріѣхать къ ней. Начальникъ лицея, кажется генералъ Броневскій, читая это письмо былъ тронутъ и рѣшился спасти студента, не доводя дѣла до Николая. Онъ разсказалъ о случившемся Михаилу Павловичу, и великій князь велѣлъ его келейно исключить изъ лицея и тѣмъ покончить дѣло. Молодой человѣкъ вышелъ съ видомъ, по которому ему нельзя было вступить ни въ одно учебное заведеніе, т. е. ему преграждалась почти всякая будущность, потому что онъ былъ очень не богатъ, и все это за увѣчье доски, украшенной высочайшимъ именемъ! Да и это еще случилось по особенной милости божіей, убившей во время его брата, по неслыханной въ генеральскомъ чинѣ нѣжности, по невиданной великокняжеской снисходительности! Одаренный необыкновеннымъ талантомъ, онъ гораздо послѣ добился права слушать лекціи въ московскомъ университетѣ.

ла потрясать сердца; но той полноты, того увлеченія, которое было въ первомъ курсѣ не доставало, будто онъ усталъ, или какая-то мысль, съ которой онъ еще не сладилъ, занимала его, мѣшала ему. Это такъ и было, какъ мы увидимъ гораздо позже.

На одной изъ этихъ-то лекцій, въ Мартѣ мѣсяцѣ, кто-то изъ нашихъ общихъ знакомыхъ прибѣжалъ сломя голову сказать — о пріѣздѣ изъ чужихъ краевъ Огарева и С.

Мы не видались нѣсколько лѣтъ и очень рѣдко переписывались... что-то они... какъ?... Съ сильно бьющимся сердцемъ бросились мы съ Грановскимъ къ Яру, гдѣ они остановились. Ну вотъ они наконецъ—и какъ перемѣнились и какая борода — и не видались нѣсколько лѣтъ — мы принялись смотрѣть вздоръ, говорить вздоръ, хоть и чувствовалось, что хотѣлось говорить другое.

Наконецъ нашъ маленькій кругъ былъ почти весь въ сборѣ — теперь-то зажпвемъ.

Лѣто 1845 года мы жили на дачѣ въ Соколовѣ. Соколово — это, красивый уголокъ московскаго уѣзда, верстъ двадцать отъ города по тверской дорогѣ. Мы наняли тамъ небольшой господскій домъ, стоявшій почти совсѣмъ въ паркѣ, который спускался подъ гору къ небольшой рѣчкѣ. Съ одной стороны его стлалось наше великороссійское море нивъ — съ другой открывался пространный видъ въ даль, почему хозяинъ и не преминулъ назвать бесѣдку, поставленную тамъ, „Бельвю.“

Соколово нѣкогда принадлежало графамъ Румянцовымъ. Богатые помѣщики, аристократы XVIII столѣтія, при всѣхъ своихъ недостаткахъ были одарены какой-то ширпной вкуса, которую они не передали сво-

имъ наслѣдникамъ. Старинныя, барскія села и усадьбы по Москвѣ-рѣкѣ необыкновенно хороши, особенно тѣ, въ которыхъ два послѣднихъ поколѣнія ничего не поправляли и не переиначивали.

Прекрасно провели мы тамъ время. Никакое серьезное облако не застилало лѣтняго неба; много работая и много гуляя, жили мы въ нашемъ паркѣ. К. меньше ворчалъ, хотя иной разъ и случалось ему забирать брови очень высоко и говорить крупныя рѣчи съ сильной мимикой. Грановскій и Е. пріѣзжали почти всякую недѣлю въ субботу и оставались ночевать, а иногда уѣзжали ужъ въ понедѣльникъ. М. С. нанималъ неподалеку другую дачу. Часто приходилъ и онъ пѣшкомъ, въ шляпѣ съ широкими полями и въ бѣломъ сюртукѣ, какъ Наполеонъ въ Лонгвудѣ, съ кузовкомъ набранныхъ грибовъ, шутилъ, пѣлъ малороссійскія пѣсни и морилъ со смѣху своими разсказами, отъ которыхъ я думаю самъ Іоаннъ Кручининкъ, точившій всю жизнь слезы о грѣхахъ міра сего, сталъ бы ихъ точить отъ хохота...

Сидя дружной кучкой въ углу парка подъ большой липой, мы бывало жалѣли только объ одномъ, объ отсутствіи Огарева. Ну вотъ и онъ, и въ 1846 году мы ѣдемъ снова въ Соколово и онъ съ нами, Грановскій нанялъ на все лѣто небольшой флигель, Огаревъ помѣстился въ антресоляхъ надъ управляющимъ, флотскимъ маіоромъ безъ уха.

И совсѣмъ этимъ, черезъ двѣ-три недѣли неопредѣленное чувство мнѣ подсказало, что наша villeggiatura не удалась и что этого не поправишь. Кому не случалось приготовлять пиръ заранѣе, радуясь будущему веселью друзей, и вотъ они являются; все идетъ хорошо, ничего не случилось, а предполагаемое веселье не

налаживается. Жизнь только тогда бойко и хорошо идетъ, когда не чувствуешь какъ кровь по жиламъ течетъ и не думаешь, какъ легкія поднимаются. Если каждый толчекъ отдается, того и смотри, явится боль, диссонансъ, съ которымъ не всегда сладишь.

Первое время послѣ пріѣзда друзей прошло въ чаду и одушевленіи праздниковъ; не успѣли они миновать, какъ занемогъ мой отецъ. Его кончина, хлопоты, дѣла, — все это отвлекало отъ теоретическихъ вопросовъ. Въ тиши соколовской жизни, наши разногласія должны были придти къ слову.

Огаревъ, невидѣвшій меня года четыре, былъ совершенно въ томъ направленіи какъ я. Мы разными путями прошли тѣже пространства и очутились вмѣстѣ. Къ намъ присоединилась Natalie. Серьезные и на первый взглядъ подавляющіе выводы наши не пугали ее, она имъ придавала особый поэтическій оттѣнокъ.

Споры становились чаще, возвращались на тысячу ладовъ. Разъ мы обѣдали въ саду. Грановскій читалъ въ *Отечественныхъ Запискахъ* одно изъ моихъ писемъ объ изученіи природы (помнится объ *Энциклопедистахъ*) и былъ имъ чрезвычайно доволенъ.

— Да что-же тебѣ нравится, спросилъ я его, неужели одна наружная отдѣлка? Съ внутреннимъ смысломъ его ты не можешь быть согласенъ.

— Твои мнѣнія, отвѣтилъ Грановскій, точно также историческій моментъ въ наукѣ мышленія, какъ и самыя писанія энциклопедистовъ. Мнѣ въ твоихъ статьяхъ нравится то, что мнѣ нравится въ Вольтерѣ или Дидро; они живо, рѣзко затрогиваютъ такіе вопросы, которые будятъ человѣка и толкаютъ впередъ, ну а во всѣ односторонности твоего воззрѣнія я не хочу вда-

ваться. Развѣ кто-нибудь говоритъ теперь о теоріяхъ Вольтера?

— Неужели-же нѣтъ никакого мѣрила истины, и мы будимъ людей только для того, чтобы имъ сказать пустяки?

Такъ продолжался довольно долго разговоръ. Наконецъ я замѣтилъ, что развитіе науки, что современное состояніе ея *обязываетъ насъ* къ принятію кой-какихъ истинъ, независимо отъ того хотимъ мы или нѣтъ; что однажды узнанныя, онѣ перестаютъ быть историческими загадками, а дѣлаются просто неопровержимыми фактами сознанія, какъ Евклидовы теоремы, какъ Кеплеровы законы, какъ нераздѣльность причины и дѣйствія, духа и матеріи.

— Все это такъ мало обязательно, возразилъ Грановскій, слегка измѣнившись въ лицѣ, что я никогда не приму вашей сухой, холодной мысли единства тѣла и духа, съ ней исчезаетъ безсмертіе души. Можетъ вамъ его не надобно, но я слишкомъ много схоронилъ, чтобъ поступиться этой вѣрой. Личное безсмертіе мнѣ необходимо.

— Славно было-бы жить на свѣтѣ, сказалъ я, если-бы все то, что кому-нибудь надобно, сейчасъ и было-бы тутъ какъ тутъ, на манеръ сказокъ.

— Подумай Грановскій, прибавилъ Огаревъ, вѣдь это своего рода бѣгство отъ несчастія.

— Послушайте, возразилъ Грановскій, блѣдный и придавая себѣ видъ посторонняго, вы меня искренно обяжете, если не будете никогда со мной говорить объ этихъ предметахъ, мало-ли есть вещей занимательныхъ, и о которыхъ толковать гораздо полезнѣе и пріятнѣе.

— Изволь, съ величайшимъ удовольствіемъ! — ска-

залъ я, чувствуя холодъ на лицѣ. Огаревъ промолчалъ. Мы всѣ взглянули другъ на друга и этого взгляда было совершенно достаточно; мы всѣ слишкомъ любили другъ друга, чтобъ по выраженію лицъ не вымѣрить вполнѣ что произошло. Ни слова больше, споръ не продолжался. Natalie старалась замаскировать, исправить случившееся. Мы помогли ей. Дѣти, всегда выручающіе въ этихъ случаяхъ, послужили предметомъ разговора, и обѣдъ кончился такъ мирно, что посторонній, который-бы пришелъ послѣ разговора, не замѣтилъ-бы ничего...

Послѣ обѣда Огаревъ бросился на своего Кортика, я сѣлъ на выслужившую свои лѣта жандармскую клячу, и мы выѣхали въ поле. Точно кто-нибудь близкій умеръ, такъ было тяжело; до сихъ поръ Огаревъ и я мы думали, что сладимъ, что дружба наша сдуетъ разногласіе какъ пыль; но тонъ и смыслъ послѣднихъ словъ открывалъ между нами даль, которой мы не предполагали. Такъ вотъ она межа — предѣлъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ ценсура! Всю дорогу ни Огаревъ, ни я не говорили. Возвращаясь домой, мы грустно покачали головой, и оба въ одинъ голосъ сказали: „И такъ видно мы опять одни?“

Огаревъ взялъ тройку и поѣхалъ въ Москву, на дорогѣ сочинилъ онъ небольшое стихотвореніе, изъ котораго я взялъ эпиграфъ.

..... Ни скорбь, ни скука
Не утомятъ меня. Всему свой срокъ,
Я правды рѣчь велъ строго въ дружномъ кругѣ,
Ушли друзья въ младенческомъ испугѣ.

И онъ ушелъ — котораго какъ брата
Иль какъ сестру такъ нѣжно я любилъ!
. . . . . .
. . . . . .

Опять одни мы въ грустный путь пойдемъ,
Объ истинѣ глася неутомимо,
И пусть мечты и люди идутъ мимо...

Съ Грановскимъ я встрѣтился на другой день какъ ни въ чемъ не бывало, дурной признакъ съ обѣихъ сторонъ. Боль еще была такъ жива, что не имѣла словъ; а нѣмая боль, не имѣющая исхода, какъ мышь середь тишины, перегрызаетъ нить за нитью...

Дни черезъ два я былъ въ Москвѣ. Мы поѣхали съ Огаревымъ къ Е. К. Онъ былъ какъ-то предупредительно любезенъ, грустно милъ съ нами, будто ему насъ жаль. Да что-же это такое, точно мы сдѣлали какое нибудь преступленіе? Я прямо спросилъ Е. К., слышалъ-ли онъ о нашемъ спорѣ? Онъ слышалъ; говорилъ, что мы всѣ слишкомъ погорячились изъ-за отвлеченныхъ предметовъ; доказывалъ, что того идеальнаго тождества между людьми и мнѣніями, о которыхъ мы мечтаемъ, вовсе нѣтъ, что симпатіи людей, какъ химическое сродство, имѣютъ свой предѣлъ насыщенія, черезъ который переходить нельзя, не наткнувшись на тѣ стороны, въ которыхъ люди становятся вновь постороннними. Онъ шутилъ надъ нашей молодостью, пережившей тридцать лѣтъ, и все это онъ говорилъ съ дружбой, съ деликатностью, видно было что и ему не легко.

Мы разстались мирно. Я, не много краснѣя, думалъ о моей „наивности," а потомъ, когда остался одинъ и легъ въ постель, мнѣ показалось, что еще кусокъ сердца отхватили—ловко, безъ боли, но его нѣтъ!

Далѣе не было ничего... а только все подернулось чѣмъ-то темнымъ и матовымъ; непринужденность, полный abandon исчезли въ нашемъ кругѣ. Мы сдѣлались внимательнѣе, обходили нѣкоторые вопросы, т. е. дѣй-

ствительно отступили на „границу химическаго сродства“ —и все это приносило тѣмъ больше горечи и боли, что мы искренно и много любили другъ друга.

Можетъ я былъ слишкомъ нетерпимъ, заносчиво спорилъ, колко отвѣчалъ... можетъ быть... но въ сущности, я и теперь убѣжденъ, что въ дѣйствительно близкихъ отношеніяхъ тождество *религіи* необходимо, тождество въ главныхъ теоретическихъ убѣжденіяхъ. Разумѣется, одного теоретическаго согласія недостаточно для близкой связи между людьми; я былъ ближе по симпатіи напр. съ И. В. Кирѣевскимъ, чѣмъсъ многими изъ нашихъ. Еще больше, можно быть хорошимъ и вѣрнымъ *союзникомъ*, сходясь въ какомъ-нибудь опредѣленномъ дѣлѣ и расходясь въ мнѣніяхъ; въ такомъ отношеніи я былъ съ людьми, которыхъ безконечно уважалъ, не соглашаясь въ многомъ съ ними, напр. съ Маццини, съ Ворцелемъ. Я не искалъ ихъ убѣдить, ни они меня, у насъ довольно было общаго, чтобы идти не ссорясь по одной дорогѣ. Но между нами, братьями одной семьи, близнецами, жившими одной жизнію, нельзя было такъ глубоко расходиться.

Еще-бы у насъ было немину̇емое дѣло, которое бы насъ совершенно поглощало, а то вѣдь собственно вся наша дѣятельность была въ сферѣ мышленія и пропаганды нашихъ убѣжденій..... какіе-же могли быть уступки на этомъ полѣ?..

Трещина, которую дала одна изъ стѣнъ нашей дружеской храмины, увеличила, какъ всегда бываетъ, мелочами, недоразумѣніями, ненужной откровенностью тамъ, гдѣ лучше было-бы молчать, — и вреднымъ молчаніемъ, тамъ, гдѣ необходимо было говорить; эти вещи рѣшаетъ одинъ тактъ сердца, тутъ нѣтъ правилъ.

Вскорѣ и въ дамскомъ обществѣ все разладилось.....

На ту минуту нечего было дѣлать.

Ѣхать—ѣхать вдаль, надолго, непремѣнно ѣхать! Но ѣхать было не легко. На ногахъ была веревка полицейскаго надзора и *безъ* разрѣшенія Николая—заграничнаго паспорта мнѣ выдать было невозможно.

ГЛАВА XXXIII.

Частный приставъ въ должности камердинера — Оберъ-полицмейстеръ Кокошкинъ — „Безпорядокъ въ порядкѣ“ — Еще разъ Дуббельтъ — Паспортъ.

..... За нѣсколько мѣсяцевъ до кончины моего отца, графъ Орловъ былъ назначенъ на мѣсто Бенкендорфа. Я написалъ тогда къ Ольгѣ Александровнѣ, не можетъ-ли она мнѣ выхлопотать заграничнаго пасса или какой-нибудь видъ для пріѣзда въ Петербургъ, чтобъ самому достать его. О. А. отвѣчала, что второе легче, и я получилъ черезъ нѣсколько дней отъ Орлова „высочайшее“ разрѣшеніе пріѣхать въ Петербургъ на короткое время для устройства дѣлъ. Болѣзнь моего отца, его кончина, дѣйствительное устройство дѣлъ и нѣсколько мѣсяцевъ на дачѣ задержали меня до зимы. Въ концѣ ноября я отправился въ Петербургъ, предварительно подавъ просьбу генералъ-губернатору о пассѣ. Я зналъ, что онъ не могъ разрѣшить, потому что я все еще былъ подъ *строгимъ* надзоромъ полиціи, мнѣ хотѣлось одного, чтобъ онъ послалъ запросъ въ Петербургъ.

Въ день отъѣзда, я утромъ послалъ взять билетъ

изъ полиціи, но вмѣсто билета явился квартальный сказать, что есть какія-то затрудненія и что самъ частный приставъ будетъ ко мнѣ. Пріѣхалъ и онъ, и попросивши, чтобъ я остался съ нимъ наединѣ, онъ таинственно объявилъ мнѣ новость, что мнѣ пять лѣтъ тому назадъ въѣздъ въ Петербургъ запрещенъ, и что безъ высочайшаго повелѣнія онъ билета не подпишетъ.

— За этимъ у насъ дѣло не станетъ, сказалъ я смѣясь, и вынулъ изъ кармана письмо.

Частный приставъ, сильно удивленный, прочитавъ, попросилъ дозволеніе показать оберъ-полицмейстеру и часа черезъ два прислалъ мнѣ билетъ и мою бумагу.

Надобно сказать, что половину разговора мой приставъ велъ на необыкновенно очищенномъ франпузскомъ языкѣ. Насколько вредно частному приставу и вообще русскому полицейскому знать по французски, онъ испыталъ очень горько.

За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, пріѣхалъ въ Москву съ Кавказа какой-то путешественникъ, легитимистъ шевалье Про. Онъ былъ въ Персіи, въ Грузіи, много видѣлъ и имѣлъ неосторожность сильно критиковать тогдашнія военныя дѣйствія на Кавказѣ и особенно администрацію. Боясь, что Про будетъ то-же говорить въ Петербургѣ, генералъ-губернаторъ кавказскій благоразумно написалъ военному министру, что Про преопасный военный агентъ со стороны французскаго правительства. Про жилъ преспокойно въ Москвѣ и былъ хорошо принятъ княземъ Д. В. Голицынымъ, какъ вдругъ князь получилъ приказъ отправить его съ полицейскимъ чиновникомъ изъ Москвы за границу. Сдѣлать такую глупость и такую грубость надъ знакомымъ всегда труднѣе, и потому Голицынъ, помявшись дня два, пригласилъ къ себѣ Про и послѣ краснорѣ-

чиваго вступленія наконецъ сказалъ ему, что какіе-то доносы, вѣроятно съ Кавказа, дошли до государя и что онъ приказалъ ему оставить Россію, что, впрочемъ, даже ему дадутъ провожатаго...

Про, разсерженный, замѣтилъ князю, что такъ какъ правительство имѣетъ право высылать, то онъ ѣхать готовъ, но провожатаго не возьметъ, не считая себя преступникомъ, котораго слѣдуетъ конвоировать.

На другой день, когда полицмейстеръ пріѣхалъ къ Про, тотъ его встрѣтилъ съ пистолетомъ въ рукѣ, объявляя на отрѣзъ, что онъ ни въ комнату, ни въ свою коляску не пуститъ полицейскаго, не пославши ему пули въ лобъ, если тотъ захочетъ употребить силу.

Голицынъ былъ вообще очень порядочный человѣкъ и потому затрудненъ; онъ послалъ за Вейеромъ, французскимъ консуломъ, чтобъ посовѣтоваться, какъ быть. Вейеръ нашелъ expedient, онъ потребовалъ полицейскаго, хорошо говорящаго по французски, и обѣщалъ его представить Про, какъ путешественника, просящаго уступить ему мѣсто въ коляскѣ Про за половину прогоновъ.

Съ первыхъ словъ Вейера Про догадался въ чемъ дѣло.

— Я не торгую мѣстами въ моей коляскѣ, сказалъ онъ консулу.

— Человѣкъ этотъ будетъ въ отчаяніи.

— Хорошо, сказалъ Про, я его беру даромъ, за это пусть онъ возьметъ на себя маленькія услуги,—да не капризникъ-ли это какой? я его тогда брошу на дорогѣ.

— Самый услужливый въ мірѣ человѣкъ, вы просто распоряжайтесь имъ. Я васъ благодарю за него. И Вейеръ поскакалъ къ князю Голицыну объявить о своемъ торжествѣ.

Вечеромъ Про и bona fide traveller отправились. Про молчалъ всю дорогу; на первой станціи онъ взошелъ въ комнату и легъ на диванъ. — Ей! закричалъ онъ товарищу, подите сюда, снимите сапоги. — Что вы, помилуйте, съ какой стати? — Вамъ говорятъ снимите сапоги, или я васъ брошу на дорогѣ, вѣдь я не держу васъ. — Снялъ мой полицейскій офицеръ сапоги... вытресите ихъ и вычистите. — Это изъ рукъ вонъ! — Ну, оставайтесь!... Вычистилъ офицеръ сапоги.

На слѣдующей станціи та-же исторія съ платьемъ, и такъ Про тормошилъ его до самой границы. Чтобъ утѣшить этого *мученика* шпіонства, на него было обращено особое монаршее вниманіе и его наконецъ сдѣлали частнымъ приставомъ.

На третій день послѣ моего пріѣзда въ Петербургъ, дворникъ пришелъ спроситъ отъ квартальнаго „по какому виду я пріѣхалъ въ Петербургъ?“ Единственный видъ, бывшій у меня, указъ объ отставкѣ, былъ мною представленъ генералъ-губернатору при просьбѣ о пассѣ. Я далъ дворнику билетъ, но дворникъ возвратился съ замѣчаніемъ, что билетъ годенъ для выѣзда изъ Москвы, а не для въѣзда въ Петербургъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ пришелъ полицейскій съ приглашеніемъ въ канцелярію оберъ-полицмейстера. Отправился я въ канцелярію Кокошкина (днемъ освѣщенную лампами!), черезъ часъ времени онъ пріѣхалъ. Кокошкинъ лучше другихъ лицъ того-же разбора выражалъ царскаго слугу безъ дальнихъ видовъ, чернорабочаго временщика, безъ совѣсти, безъ размышленія — онъ служилъ и наживался также естественно, какъ птицы поютъ,

Перовскій сказалъ Николаю, что Кокошкинъ сильно беретъ взятки. „Да, отвѣчалъ Николай, но я сплю спокойно, зная что онъ полицмейстеромъ въ Петербургѣ.“

Я посмотрѣлъ на него, пока онъ толковалъ съ другими... какое измятое, старое и дряхло-растлѣнное лицо; на немъ былъ завитой парикъ, который вопіюще противурѣчилъ опустившимся чертамъ и морщинамъ.

Поговоривши съ какими-то нѣмками по нѣмецки и притомъ съ какой-то фамиліарностью, показывавшей, что это старыя знакомыя, что видно было и изъ того, что нѣмки хохотали и шушукались, Кокошкинъ подошелъ ко мнѣ и, смотря внизъ, довольно грубымъ голосомъ спросилъ: Вѣдь вамъ высочайше запрещенъ въѣздъ въ Петербургъ?

— Да, но я имѣю разрѣшеніе.

— Гдѣ оно?

— У меня.

— Покажите — какъ-же, вы это второй разъ пользуетесь тѣмъ-же разрѣшеніемъ?

— Какъ во второй разъ?

— Я помню, что вы пріѣзжали.

— Я не пріѣзжалъ.

— И какія это у васъ дѣла здѣсь?

— У меня есть дѣло къ графу Орлову.

— Что-же вы были у графа?

— Нѣтъ, но былъ въ третьемъ отдѣленіи.

— Видѣли Дуббельта?

— Видѣлъ.

— А я вчера видѣлъ самого Орлова, онъ говоритъ, что никакого разрѣшенія вамъ не посылалъ.

— Оно у васъ въ рукахъ.

— Богъ знаетъ когда это писано, и время прошло.

— Впрочемъ странно было бы съ моей стороны пріѣхать безъ позволенія и начать съ визита генералу Дуббельту.

— Коли не хотите хлопотъ, такъ извольте отправ-

ляться назадъ и то недальше какъ черезъ двадцать четыре часа.

— Я вовсе не располагался пробыть здѣсь долго, но мнѣ нужно-же подождать отвѣтъ графа Орлова.

— Я вамъ не могу позволить, да и графъ Орловъ очень недоволенъ, что вы пріѣхали безъ позволенія.

— Позвольте мнѣ мою бумагу, я сейчасъ поѣду къ графу.

— Она должна остаться у меня.

— Да вѣдь это письмо ко мнѣ, на мое имя, единственный документъ, по которому я здѣсь.

— Бумага останется у меня какъ доказательство, что вы были въ Петербургѣ. Я вамъ серьезно совѣтую завтра ѣхать, чтобъ не было хуже.

Онъ кивнулъ головой и вышелъ. Вотъ тутъ и толкуй съ ними.

У старика генерала Тучкова былъ процессъ съ казной. Староста его взялъ какой-то подрядъ, наплутовалъ и попался подъ начетъ. Судъ велѣлъ взыскать деньги съ помѣщика, давшаго довѣренность старостѣ. Но довѣренности на этотъ предметъ вовсе не было дано, Тучковъ такъ и отвѣчалъ. Дѣло пошло въ Сенатъ Сенатъ снова рѣшилъ: „такъ какъ отставной генералъ-лейтенантъ Тучковъ далъ довѣренность... то...“ На что Тучковъ опять отвѣчалъ: „А такъ какъ генералъ-лейтенантъ Тучковъ довѣренности на этотъ предметъ не давалъ, то...“ Прошелъ годъ, снова полиція объявляетъ съ строжайшимъ подтвержденіемъ „Такъ какъ генералъ лейтенантъ — то...“ и опять старикъ пишетъ свой отвѣтъ. Не знаю чѣмъ это интересное дѣло кончилось. Я оставилъ Россію, не дождавшись рѣшенія.

Все это вовсе не исключеніе, а совершенно нормально. Кокошкинъ держитъ въ рукахъ бумагу, въ досто-

вѣрности которой не сомнѣвается, на которой стоитъ №. и число для легкой справки, въ которой написано, что мнѣ разрѣшается пріѣздъ въ Петербургъ, и говоритъ: „А такъ какъ вы пріѣхали безъ позволенія, то отправляйтесь назадъ“ и бумагу кладетъ въ карманъ.

Чаадаевъ дѣйствительно правъ, говоря объ этихъ господахъ: „Какіе они всѣ шалуны!“

Я поѣхалъ въ III отдѣленіе и разсказалъ Дуббельту что было. Дуббельтъ расхохотался. „Какъ это они вѣчно все перепутаютъ! Кокошкинъ доложилъ графу, что вы пріѣхали безъ позволенія, графъ и сказалъ, чтобъ васъ выслали, но я потомъ объяснилъ дѣло; вы можете жить сколько хотите, я сейчасъ велю написать въ полицію. Но теперь объ вашемъ дѣлѣ графъ не думаетъ, чтобъ полезно было проспть вамъ позволеніе ѣхать за границу. Государь вамъ два раза отказалъ, послѣдній разъ по просьбѣ графа Строгонова; если онъ откажетъ въ третій разъ, то въ это царствованіе вы ужъ конечно не поѣдете *къ водамъ*.“

— Что-же мнѣ дѣлать? спросилъ я съ ужасомъ, такъ мысль путешествія и волп обжилась въ моей груди.

— Отправляйтесь въ Москву: графъ напишетъ генералъ-губернатору частное письмо о томъ, что вы желаете для здоровья вашей супруги ѣхать за границу и спроситъ его, замѣтивъ что знаетъ васъ съ самой лучшей стороны, думаетъ-ли онъ, что можно съ васъ снять надзоръ? На такой вопросъ нечего отвѣчать, кромѣ „да.“ Мы представимъ государю о снятіи надзора, тогда берите себѣ паспортъ какъ всѣ другіе и съ богомъ къ какимъ хотите *водамъ*.

Мнѣ казалось все это чрезвычайно сложнымъ, и даже просто уловкой, чтобъ отдѣлаться отъ меня. Отказать мнѣ они не могли, это навлекло бы на нихъ гоненіе

Ольги Александровны, у которой я бывалъ всякой день. Однажды уѣхавши изъ Петербурга я не могъ еще разъ пріѣхать; переписываться съ этими господами дѣло трудное. Долю моихъ сомнѣній я сообщилъ Дуббельту; онъ началъ хмуриться, т. е. еще больше улыбаться ртомъ и шурить глазами. „Генералъ, сказалъ я въ заключеніе, не знаю, а мнѣ даже не вѣрится, что до государя дошло представленіе Строгонова?“

Дуббельтъ позвонилъ и велѣлъ подать „дѣло“ обо мнѣ и ожидая его, добродушно сказалъ мнѣ: „графъ и я мы предлагаемъ вамъ тотъ путь для полученія паспорта, который мы считаемъ вѣрнѣйшимъ; ежели у васъ есть средства болѣе вѣрныя, употребите ихъ, вы можете быть увѣрены, что мы вамъ не помѣшаемъ.“

— Леонтій Васильевичъ совершенно правъ, замѣтилъ какой-то гробовой голосъ; я обернулся, возлѣ меня стоялъ еще болѣе сѣдой и состарившійся Сахтынскій, который принималъ меня пять лѣтъ тому назадъ въ томъ-же III отдѣленіи. „Я вамъ *совѣтую* руководствоваться его мнѣніемъ, если хотите ѣхать.“ Я поблагодарилъ его.

— А вотъ и дѣло, сказалъ Дуббельтъ, принимая толстую тетрадь изъ рукъ чиновника (чтобы я далъ — прочесть ее всю! Въ 1850 г. я видѣлъ въ кабинетѣ Карлье мой „досье“ въ Парижѣ; интересно было бы сличить), порывшись въ ней, онъ мнѣ ее подалъ раскрытую, это была докладная записка Бенкендорфа въ слѣдствіе письма Строгонова, просившаго мнѣ разрѣшеніе ѣхать на шесть мѣсяцевъ къ водамъ въ Германію. На полѣ было крупно написано карандашомъ „рано,“ по карандашу было проведено лакомъ, внизу написано было перомъ „рукою е. и. в. написано *рано*. Графъ А. Бенкендорфъ.“

— Вѣрите теперь? спросилъ Дуббельтъ.

— Вѣрю, отвѣчалъ я, и такъ вѣрю вашимъ словамъ, что завтра-же ѣду въ Москву.

— Да вы пожалуй погуляйте у насъ, полиція теперь васъ безпокоить не будетъ, а передъ отъѣздомъ заѣзжайте, я велю вамъ показать письмо къ Щербатову. Прощайте, bon voyage, если не увидимся.

— Счастливаго пути, прибавилъ Сахтынскій.

Мы разстались, какъ видите, пріятельски.

Пріѣхавъ домой, я нашелъ приглашеніе отъ частнаго пристава, кажется II адмиралтейской части. Онъ меня спрашивалъ, когда я выѣзжаю.

— Завтра вечеромъ.

— Помилуйте, да кажется, я думалъ... генералъ говорилъ сегоднишняго числа. Его превосходительство конечно отсрочитъ, но позвольте быть удостовѣрену?

— Можете, можете; кстати дайте мнѣ билетъ.

— Я его напишу въ части и пришлю часа черезъ два. Въ какомъ заведеніи изволите ѣхать?

— Въ серапинскомъ, если найду мѣсто.

— И прекрасно, а въ случаѣ если мѣста не найдете благоволите сообщить.

— Съ удовольствіемъ.

Вечеромъ опять явился квартальный, частный приставъ велѣлъ мнѣ сказать, что *не можетъ* выдать мнѣ билета, а чтобъ я пришелъ завтра въ *восемь часовъ* утра къ оберъ-полицмейстеру.

Что за пропасть такая и что за скука! Въ 8 часовъ я не пошелъ, а въ продолженіи утра явился въ канцелярію. Частный приставъ былъ тамъ и сказалъ мнѣ: „Вамъ нельзя ѣхать, есть бумага изъ III отдѣленія.“ — Что случилось?—„Не знаю, генералъ не велѣлъ выдавать билета.“—Правитель дѣлъ знаетъ? — „Какъ не

знать," и онъ мнѣ указалъ полковника въ мундирѣ и саблѣ, сидѣвшаго за большимъ столомъ въ другой комнатѣ, и спросилъ его въ чемъ дѣло. „Точно-съ, сказалъ онъ, была бумага, да вотъ она," онъ прочиталъ ее и подалъ мнѣ. Дуббельтъ писалъ, что я имѣлъ полное право пріѣхать въ Петербургъ и могу остаться *сколько хочу.*

— По этому-то вы меня не пускаете? Извините, я не могу удержаться отъ смѣха; вчера оберъ-полицмейстеръ гналъ меня отсюда противъ моей воли, сегодня противъ моей воли оставляетъ, и все это на томъ основаніи, что въ бумагѣ сказано, что я могу оставаться *сколько хочу.*

Дѣло было такъ очевидно, что самъ полковникъ-секретарь расхохотался.

На что-же я брошу деньги за два мѣста въ дилижансѣ, велите пожалуста написать билетъ.

Я не могу, а пойду доложить генералу. Кокошкинъ велѣлъ написать билетъ и проходя по канцеляріи съ упрекомъ сказалъ мнѣ: „На что это похоже, то хотите остаться, то ѣдете; вѣдь сказано, что можете остаться."

Я ему ничего не отвѣчалъ.

Когда вечеромъ мы выѣхали изъ за заставы и я снова увидѣлъ безконечную поляну, тянувшуюся къ Четыремъ Рукамъ, я посмотрѣлъ на небо и искренно присягнулъ себѣ не возвращаться въ этотъ городъ самовластья голубыхъ, зеленыхъ и пестрыхъ полицій, канцелярскаго безпорядка, лакейской дерзости, жандармской поэзіи, въ которомъ учтивъ одинъ Дуббельтъ да и тотъ начальникъ III отдѣленія.

Щербатовъ неохотно отвѣчалъ Орлову. У него тогда былъ секретаремъ не полковникъ, а піэтистъ, ненавидѣвшій меня за мои статьи, какъ „аѳея и гегеліанца."

Я самъ ѣздилъ толковать съ нимъ. Схп-секретарь елейнымъ голосомъ и съ хрпстіанскимъ помазаніемъ говорилъ, что генералъ-губернатору ничего не извѣстно обо мнѣ, что онъ въ моихъ высокихъ нравственныхъ качествахъ не сомнѣвается, но что слѣдуетъ забрать справки у оберъ-полицмейстера. Онъ хотѣлъ затянуть дѣло; къ тому-же этотъ господинъ не бралъ взятокъ. Въ русской службѣ всего страшнѣе безкорыстные люди; взятокъ у насъ наивно не берутъ только нѣмцы, а если русскій не беретъ деньгами, то беретъ чѣмъ-нибудь другимъ и ужъ такой злодѣй, что не приведи богъ. По счастью оберъ-полицмейстеръ Лужинъ одобрилъ меня.

Дней черезъ десять, возвращаясь домой, я въ дверяхъ столкнулся съ жандармомъ. Появленіе полицейскаго въ Россіи равняется черепицѣ, упавшей на голову, и потому не безъ особенно непріятнаго чувства ждалъ я, что онъ мнѣ скажетъ: онъ подалъ мнѣ пакетъ. Графъ Орловъ извѣщалъ о высочайшемъ повелѣніи снять надзоръ. Съ тѣмъ вмѣстѣ я получалъ *право на заграничный* пассъ.

Ну радуйтесь! Я отпущенъ!
Я отпущенъ въ страны чужія!
Да это полно-ли не сонъ?
Нѣтъ, завтра-жъ кони почтовые,
И я скачу vom Ort zu Ort,
Отдавши деньги за паспортъ.
Поѣду. Что-то будетъ тамъ?...
Не знаю! вѣрю! но темно
Грядущее передъ очами
Богъ вѣсть, что мнѣ сулитъ оно!
Стою со страхомъ предъ дверями
Европы. Сердце такъ полно
Надеждой, смутными мечтами,
Но я въ сомнѣніи другъ мой
Качаю грустной головой. (ЮМОРЪ, Ч. II.)

... „Шесть, семь троекъ провожали насъ до Черной Грязи... мы тамъ въ послѣдній разъ сдвинули стаканы и рыдая разстались.

„Былъ ужъ вечеръ, возокъ заскрипѣлъ по снѣгу... Вы смотрѣли печально въ слѣдъ, но не догадывались, что то были похороны и вѣчная разлука. Всѣ были на лицо, одного только не доставало, ближайшаго изъ близкихъ, онъ одинъ былъ боленъ и какъ будто своимъ отсутствіемъ омылъ руки въ моемъ отъѣздѣ.

„Это было 21 Января 1847 года....."

... Унтеръ-офицеръ отдалъ мнѣ пассы, небольшой, старый солдатъ въ неуклюжемъ киверѣ покрытомъ клеенкой и съ ружьемъ неимовѣрной величины и тяжести поднялъ шлагбаумъ; уральскій казакъ съ узенькими глазками и широкими скулами, державшій поводья своей небольшой лошаденки шершавой, растрепанной и сплошь украшенной ледяными сосульками, подошелъ ко мнѣ „пожелать счастливаго пути;" грязной, худой и блѣдный жиденокъ ямщикъ, у котораго шея была обвернута раза четыре какими-то тряпками, взбирался на козлы.

— Прощайте! Прощайте! говорилъ во первыхъ нашъ старый знакомецъ Карлъ Ивановичъ, проводившій насъ до Таурогена и кормилица Таты, красивая крестьянка, заливавшаяся слезами.

Жиденокъ тронулъ коней, возокъ двинулся, я смотрѣлъ назадъ, шлагбаумъ опустился, вѣтеръ мелъ снѣгъ изъ Россіи на дорогу, поднимая какъ-то вкось хвостъ и гриву казацкой лошади.

Кормилица въ сарафанѣ и душегрѣйкѣ все еще смотрѣла намъ вслѣдъ и плакала; Зоненбергъ, этотъ обращикъ родительскаго дома, эта забавная фигура изъ

дѣтскихъ лѣтъ, махалъ фуляромъ—кругомъ безконечная степь снѣгу.

Прощай Татьяна! Прощайте Карлъ Ивановичъ!

Вотъ столбъ и на немъ обсыпанный снѣгомъ *одноглавый* и худой орелъ съ растопыренымп крыльями... и то хорошо, одной головой меньше.

Прощайте!

ОГЛАВЛЕНІЕ.

БЫЛОЕ И ДУМЫ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Владиміръ на Клязьмѣ

(1838 — 1839)

Стр.

ГЛАВА XIX.

Княгиня и Княжна. 1

ГЛАВА XX.

Сирота. 12

ГЛАВА XXI.

Разлука. 30

ГЛАВА XXII.

Въ Москвѣ безъ меня. 52

ГЛАВА XXIII.

Третье Марта и Девятое Мая 1838 года. 65

ГЛАВА XXIV.

18 Іюня 1839 года. 91

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Москва, Петербургъ и Новгородъ

(1840 — 1847)

ГЛАВА XXV.

Диссонансъ — Новый кругъ — Отчаянный гегелизмъ — В. Бѣлинскій, М. Бакунинъ и пр. — Ссора съ Бѣлин-

скимъ и миръ — Новгородскіе споры съ дамой — Кругъ Станкевича. 109

ГЛАВА XXVI.

Предостереженія — Герольдія — Канцелярія министра — III Отдѣленіе — Исторія будочника — Генералъ Дуббельтъ — Графъ Бенкендорфъ — Ольга Александровна Жеребцова — Вторая ссылка. 158

ГЛАВА XXVII.

Губернское правленіе — Я у себя подъ надзоромъ — Духоборцы и Павелъ — Отеческая власть помѣщиковъ и помѣщицъ — Графъ Аракчеевъ и военныя поселенія — Канибальское слѣдствіе — Отставка. 196

ГЛАВА XXVIII.

Grubeley — Москва послѣ ссылки — Покровское — Смерть Матвѣя — Іерей Іоаннъ. 216

ГЛАВА XXIX.

Наши, московскій кругъ — Застольная бесѣда — Западники. 237

ГЛАВА XXX.

Не наши, славянофилы и панславизмъ — Хомяковъ, Кирѣевскіе, К. Аксаковъ — П. Я. Чаадаевъ. 269

ГЛАВА XXXI.

Кончина моего отца — Наслѣдство — Дѣлежъ — Два племянника. 317

ГЛАВА XXXII.

Послѣдняя поѣздка въ Соколово — Теоретическій разрывъ Натянутое положеніе — Dahin! Dahin! 355

ГЛАВА XXXIII.

Частный приставъ въ должности камердинера — Оберъ-полицмейстеръ Кокошкинъ — „Безпорядокъ въ порядкѣ“ — Еще разъ Дуббельтъ — Паспортъ. 369